
БАУБЕК
БУЛКИШЕВ

жизнь
принадлежит
нам

«...Настоящий человек должен любить Родину, честному и горячему сердцу Родина — как мать. Выполнить свой долг перед Родиной — самое большое счастье. Нельзя ничем измерить любовь к Родине, особенно нашу любовь...»

Б. Булкин

БАУБЕК
БУЛКИШЕВ

Жизнь
принадлежит
нам

*Роман, письма, статьи,
документы, воспоминания*

Перевод с казахского

Составитель
Сейлхан АСКАРОВ

АЛМА-АТА «ЖАЛЫН» 1985

66.017.85+84 Каз 2

Б 90

9630

Булкишев Баубек.

Б 90 Жизнь принадлежит нам: Роман, письма, статьи, документы, воспоминания / Сост. С. Аскаров; Пер. с каз. — Алма-Ата: Жалын, 1985. — 368 с.

В тяжелые годы Великой Отечественной войны в редакцию газеты «Комсомольская правда» из многих областей нашей страны шли в Москву письма, адресованные Баубеку Булкишеву. Это были отклики на пламенные, публицистические очерки, письма, статьи, опубликованные на страницах молодежной газеты. В сборник также вошел роман «Алмаатинцы», закончить который автор не успел — пал смертью храбрых на полях войны.

Книга будет интересна сегодняшней молодежи обращенностью писателя-воина в завтрашний день, верой в добро, справедливость.

Б $\frac{4803010000-142}{408(05)85}$ 196—85

66.017.85+84 Каз 2

© Издательство «Жалын», 1985

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СЕКРЕТАРИАТА ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
ЖУРНАЛИСТОВ КАЗАХСТАНА
И СЕКРЕТАРИАТА ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ЛКСМ КАЗАХСТАНА**

ОТ 13 ИЮЛЯ 1978 ГОДА

**О РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПРЕМИИ
ИМЕНИ Б. БУЛКИШЕВА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ЖУРНАЛИСТОВ**

Баубек Булкишев — видный казахстанский журналист, участник Великой Отечественной войны, павший смертью храбрых в боях за Родину. Его жизнь и творчество — вдохновенный пример для молодых журналистов подрастающего поколения.

*В целях совершенствования творческой деятельности молодых журналистов по формированию у подрастающего поколения марксистско-ленинского мировоззрения, воспитанию его на славных традициях партии и народа Секретариат правления Союза журналистов Казахстана и Секретариат Центрального Комитета ЛКСМ Казахстана **ПОСТАНОВЛЯЕТ:***

- 1. Учредить ежегодную премию Союза журналистов Казахстана и Центрального Комитета ЛКСМ Казахстана имени Баубека Булкишева.*
- 2. Положение о ежегодной премии имени Б. Булкишева утвердить.*

*Председатель правления Союза
журналистов Казахстана*
*Секретарь ЦК ЛКСМ
Казахстана*

С. БАЙЖАНОВ

К. СУЛТАНОВ

ПИСЬМА ИЗ БЕССМЕРТИЯ

*Должны признаться, что до первой встречи с Юрием Александровичем Жуковым нас не оставляло сомнение: сможем ли выполнить задание редакции? Дело даже не в том, что раньше никогда не встречались с ним, а в том, что этот известный человек очень загружен работой. Он — политический обозреватель ведущей газеты страны, кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, член Комиссии по иностранным делам, член Парламентской группы СССР, член президиума Всемирного Совета Мира и заместитель председателя Советского Комитета Защиты Мира *. Немало у него и других забот. Правда, у нас в руках был документ, который давал нам возможность в достаточной степени проявить свою настойчивость. Это — письмо самого Ю. Жукова, посланное автору сценария будущего фильма, лауреату премии Союза журналистов СССР, члену Союза кинематографистов СССР Сейлхану Аскаррову 16 апреля 1974 года. В этом письме Юрий Жуков писал:*

«Я очень рад, что Ваша работа, посвященная творческому наследию Баубека Булкишева, успешно продвигается вперед. Что касается сценария, то я, не будучи специалистом, судить о нем не могу. Но во всяком случае обещаю Вам, что если начнутся съемки фильма, я приму в нем участие...»

Конечно, с того времени прошло без малого четыре с половиной года, и многое могло измениться. Вот с такими мыслями мы набрали номер телефона Ю. А. Жукова. Скажем откровенно, что, звоня в минуту начала рабочего вре-

• В настоящее время председатель Советского Комитета Защиты Мира.

мени в редакцию «Правды», мы мало надеялись, что у нас состоится разговор с Юрием Александровичем. Но оказалось, что он, не изменяя своей привычке, уже давно в рабочем кабинете.

Кратко рассказав, с какой целью беспокоим, мы попросили Юрия Александровича назначить время встречи. Без всяких задержек он ответил:

— Приезжайте хоть сейчас.

И вот мы в «Правде». После обмена мнениями о предстоящей съемке, Юрий Александрович, внимательно изучив несколько страниц, заполненных расписаниями своих предстоящих встреч, вычеркнул некоторые, изменил сроки других, наконец сказал:

— Если вас устраивает, я могу уделить вам два часа только через три дня...

В назначенный срок съемка состоялась. Затем мы передали Юрию Александровичу просьбу «Ленинской смены».

— У меня есть еще достаточно минут из времени, отведенного вам. Задавайте, пожалуйста, ваши вопросы.

— Редакция «Ленинской смены» просит Вас поделиться своими воспоминаниями о Баубеке Булкишине...

Ю. Жуков: Я знал Булкишева, когда работал в «Комсомольской правде» начальником отдела фронта. Он писал нам свои замечательные публицистические письма, которые пользовались в то время необычайной популярностью у воинов и в тылу.

Я хорошо помню, как в трудное время (то было в апреле 1942 года) мы получили с фронта письмо, один из тех многих солдатских треугольников, которые приходили в редакцию «Комсомольской правды». Работали тогда мы в этом самом здании, только немного выше, на шестом этаже, были мы чуточку моложе, всего на каких-нибудь почти сорок лет. И вот развернули журналисты тот треугольник, прочли письмо и, должен вам сказать, просто поразились: это был замечательный человеческий документ. Его мы тут же решили опубликовать в праздничном номере «Комсомольской правды» первого мая сорок второго года. Вот он

передо мной. Назвали мы письмо Баубека так: «О жизни и смерти. Записки молодого казаха-фронтовика». Повторяю, это замечательный человеческий документ. Мы видели, что его писал не просто молодой человек, но глубоко образованный и, главное, убежденный: каждая строка этого письма дышит уверенностью в грядущей победе. Письмо было обращено не только к ровесникам-фронтовикам, не только к ровесникам, работающим в тылу, но и к потомкам. Вот что он писал:

«Моя молодость служит делу человечества. Быть может, мне и не удастся вернуть ее, но я верну ее моим младшим братьям, и они будут гордиться теми, кто сражался с врагом в эти воинственные годы. Младшие братья! Вы будете самыми счастливыми молодыми людьми, каких не знала история. Вы не будете знать, что такое война. Мы жертвуем собой во имя вашего счастья,— вам мы обеспечим мир на веки».

Какая сила в этих строчках!

Баубек Булкишев был молодым воином. Он мечтал стать писателем, начинал свою жизнь как воспитанник фабрично-заводского ученичества в Казахстане. У него был большой талант литератора. В 22 года он стал журналистом, работал в пионерской газете. Уже тогда Баубек подавал немалые надежды. Но потом пришлось идти в армию. Ему повезло. Попал он в замечательное соединение — знаменитую Московскую Пролетарскую дивизию. Здесь Баубек подружился со многими выдающимися молодыми людьми того времени, как, например, Рубен Ибаррури — сын Долорес Ибаррури. Они познакомились на комсомольской конференции и вместе работали в комсомольской организации, в составе знаменитой дивизии приняли первые бои, под Борисовым. Потом была обычная фронтовая жизнь. Баубек стал заместителем политрука, старшим лейтенантом.

В коротких промежутках между боями Баубек писал письма — замечательные письма, которые посылал нам в «Комсомольскую правду», своим друзьям в Казахстане.

В каждом из этих писем звучала уверенность в победе. Мы опубликовали в «Комсомольской правде» четыре его больших письма, каждое из них было событием в жизни газеты. Это — «О жизни и смерти», которое только что цитировал, это — письмо «Слушай, Кавказ!», опубликованное в самые драматические дни войны — 23 августа 1942 года, когда гитлеровцы рвались к Сталинграду и к Северному Кавказу, это — письмо «Я хочу жить», напечатанное тоже в трудные дни — 5 ноября 1942 года, и это — «Думы над старой картой», появившееся 12 декабря 1943 года.

Летом 1943 года Булкишев проходил курсы переподготовки политработников в стрелевые командиры в Подмоскowie. Тогда он зашел к нам в редакцию «Комсомольской правды». Я хорошо помню нашу беседу с ним. Это был боевой, веселый, уверенный в себе, в будущем, уверенный в победе молодой человек.

Мы, между прочим, посылали Баубеку на фронт многие отклики на его письма, например, украинских и белорусских девушек, от молодых казахстанцев. Как сейчас установлено, Булкишев отвечал на эти письма. Чтобы сохранить их, Баубек отсылал письма своим друзьям в Казахстан. Эти архивы сохранились. Но они молчали. И вот Сейлхан Аскарлов, одного за другим, нашел почти всех людей, с которыми был знаком, воевал, переписывался Булкишев.

Поистине великое дело сделал Сейлхан Аскарлов, когда из глубины десятилетий показал нам облик замечательного казахского патриота Баубека Булкишева.

Сейчас уже изданы книги Булкишева. Я думаю, появятся и новые произведения. Будет правильным собрать и издать отдельной книгой все, то, что написал этот молодой журналист и на русском языке. Это будет очень полезным для воспитания молодежи.

Я был рад узнать, что Правление Союза журналистов Казахстана и Центральный Комитет Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Казахстана учредили республиканскую премию имени Баубека Булкишева для молодых журналистов.

— Ваши слова — ответ на многие наши вопросы. Поскольку Вы затронули тему военно-патриотического воспитания молодежи, скажите несколько слов о роли и задачах комсомольских газет в этой связи.

Ю. Жуков: Я думаю, что ваша молодежная газета многое делает для патриотического воспитания молодежи. Но мне хочется сказать, что надо делать еще больше. Надо сейчас, пока живы ветераны войны, пока еще сохранились документы, все это записать, оформить. Будет неоценимый материал для наших потомков. Вспомните, как жадно ищем мы сейчас каждую строчку, которая напоминала бы нам об Отечественной войне 1812 года, как жадно мы ищем и как радуемся, когда находим хотя бы малейшую записочку, относящуюся к гражданской войне. К сожалению, мало у нас сохранилось материалов о гражданской войне. Ведь в 20-е и 30-е годы мы настолько были заняты борьбой за развитие экономики, что руки не доходили до этого. О Великой Отечественной войне у нас больше опубликованных и собранных материалов. Но и этого, я считаю, все еще недостаточно. Надо сейчас призвать нашу молодежь, особенно молодых журналистов, к тому, чтобы собрать все, что возможно. Какое счастье, что такие полководцы, как Жуков, Малиновский, Василевский и другие великие маршалы успели оставить свои мемуары. А ведь была бы невозвратимая потеря, если бы они не успели сказать свое слово. Каждый, кто воевал, что-то сохранил в своей памяти. А сколько лежит писем у вдов, у сыновей погибших бойцов!.. Все это надо бережно собрать и сохранить. Поэтому я желаю большого успеха молодым журналистам Казахстана в этой работе.

Юные следопыты тоже делают большое дело. Они многое разыскали, многое нашли. Это само по себе важно для воспитания самих пионеров, важны и результаты их поисков. Это нужная работа. Очень хорошо, что при многих школах созданы музеи. Часто экспозиции музеев посвящены какой-то отдельной боевой части, армии или какому-то отдельному человеку, воину. Это правильно. Ведь тема

Великой Отечественной войны обширна, поэтому концентрация внимания на отдельных периодах войны — направление верное. У нас, как я знаю, много сделано для того, чтобы восстановить историю подвига 28-ми героев-панфиловцев. Кстати, их подвиг в свое время произвел огромное впечатление на Баубека Булкишева. Под впечатлением рассказов очевидцев, сообщений газет тех лет он начал писать свой незаконченный роман «Алмаатинцы». Хотелось бы, чтобы наши молодые журналисты, писатели чаще возвращались к этой теме. О Панфилове написано много, но нужно писать больше о Момыш-улы и о других панфиловцах.

Я думаю, что впереди еще много работы. Надо спешить, время не ждет.

Что важно сказать, когда мы вспоминаем о Булкишеве? Он был пролетарский интернационалист. Он дружил со своими товарищами по оружию — и с русскими, и с украинцами, и с белорусами, с солдатами всех национальностей. И во всех его произведениях красной нитью проходит идея интернационализма.

И последнее, что мне хочется добавить: родился Баубек в районе Сарыарки. Здесь находится ныне известный всему миру Байконур, откуда отправляются в полет космические корабли. Корабли не только советские, но и с интернациональными экипажами. Конечно, Баубек не мог знать о том, что вскоре люди отправятся в космос из его родной Сарыарки, но интересно, что еще в молодости он писал стихи, и в одном из стихотворений говорится: «Звезды над Сарыаркой как на ладони, и недалек тот день, когда они будут покорены!»

Какие пророческие слова! Как далеко видел этот человек! Каким большим поэтом и писателем он мог бы стать! Но Баубек отдал свою жизнь, свой талант делу спасения Родины от фашистской опасности. О нем наша молодежь должна помнить всегда.

**Интервью вели специальные
корреспонденты «Ленинской смены»**

Москва — Алма-Ата

М. ОМАРОВ, Е. БАРАНОВ.

ПЛАМЕННЫЙ ПУБЛИЦИСТ

Биобиблиографический очерк жизненного пути
и творчества Баубека Булкишева

На легендарной земле Сарыарки 20-го октября 1916 года в семье бедняка-скотовода Булкиша появился на свет новый человек. Назвали его Баубеком, производным от казахских слов «Бауы берик болсын», т. е. «пусть будет всегда здоровым и долго проживет на свете». Вероятно, в этом нашли отражение бурные события, начавшиеся в том году на обширной казахской земле, особенно в Тургайской степи, где храбро вступили в единоборство с царским самодержавием трудящиеся казахи-повстанцы во главе с бессмертным батыром Амангельды Имановым и первым коммунистом Советского и зарубежного Востока Алиби Джангильдиным.

Дело в том, что местность Сарлык, где родился Баубек, находится вблизи аулов, где родились названные выше казахские национальные герои, и тех мест, где царские каратели жестоко убивали непокорных сынов степей, поднявшихся на борьбу, отказавшись защищать империалистические интересы монарха, дворян и буржуев Российской империи. Между прочим, отец и многие родичи будущего боевого публициста и писателя сами были активными участниками национально-освободительного движения 1916 года, начавшегося в Тургайской степи.

Баубек рано лишился родителей. Круглый сирота нашел приют в семье двоюродного брата отца, сельского учителя Сейтжана Смаилова. Научившись у него читать и писать, целеустремленный юноша в 1931 году поступил в только что открывшуюся школу фабрично-заводского уче-

ничества при медеплавильном заводе в городе Карсакапае Джезказганской области.

Сохранившиеся в архиве предприятия документы свидетельствуют, что Баубек учебу сочетал с работой на шахте, где добывалась медная руда. После окончания ФЗУ он, по состоянию здоровья, в течение года работает счетоводом в одном из колхозов, тогда только что возникшем в Улытауском районе Карагандинской области (ныне Джезказганской), а затем с целью продолжить учебу с группой сверстников пешком добирается до железнодорожной станции Джусалы (Кзыл-Ординской области) и оттуда поездом до Алма-Аты.

Здесь в 1935-1936, 1936-1937, и 1937-1938-ые учебные годы является студентом учетно-кредитного техникума при Государственном банке республики, но с третьего курса оставляет учебу: решается заняться литературным трудом, хотя к тому времени он, кроме одной заметки в газете «Лениншил жас», еще ничего не опубликовал. Природный талант, неумная энергия и целеустремленность юноши привлекают внимание ныне старейшего поэта, ветерана Великой Отечественной войны, а в 1938 году директора Казахского объединенного издательства — «Казогиз» — Абу Сарсенбаева, который трудоустраивает Баубека своим помощником-делопроизводителем. Здесь он, повседневно общаясь с тогдашними писателями и поэтами, журналистами и другими деятелями культуры Казахстана, стремится узнать больше о теории и практике литературного труда, искусства и все свое свободное время проводит в библиотеках, начинает публиковать первые стихи, пробует писать рассказы.

Самый ближайший друг детства и юности Баубека, позднее известный комсомольский писатель Муқан Иманжанов, который является его же первым биографом и исследователем творчества, писал:

«Обучаясь в техникуме, он много времени посвятил литературе, конспектировал непрерывно чьи-то труды по истории, теории и практике творчества казахских, русских и советских писателей, поэтов, сочинял стихи, посвященные девушкам, поэму «Детство», большой рассказ «Из аула — в Алма-Ату». Однако, считая поэму и рассказ очень слабыми, он никому не показывал их и тщательно прятал. Сейчас этих произведений Баубека нет в наших руках, может быть, он их уничтожил.

В эти годы Баубек написал немало стихов и на общественно-политические, социальные темы, которые предлагал

редакциям газет «Лениншил жас», «Казак адебиети». Однако ни одно из них не было опубликовано. И на самом деле, большинство этих произведений Баубека в полном смысле не были полноценными, являясь общими, подражательными по содержанию. Затем, работая в «Казогизе», Баубек начинает писать поэму «Айсулу», отдельные главы которой он читает знакомым поэтам и с их стороны находит одобрение. Это помогло ему осенью 1938 года поступить на краткосрочные курсы по повышению теоретических знаний молодых писателей, организованные по инициативе Центрального Комитета комсомола Казахстана и Правления Союза писателей республики.

Из хранящихся лично у меня конспектов Баубека, которые он составлял, прослушивая лекции уже тогда широко известных и признанных литературоведов и писателей Сабита Муканова, Абдильды Тажимаева и других, не трудно убедиться в том, что он очень и очень прилежно занимался на курсах начинающих писателей, много читал, впитывал в себя все лучшее из мировой, русской, советской и родной казахской литературы.

После окончания литературных курсов Баубек с декабря 1938 года — корреспондент газеты «Лениншил жас» по Актюбинской области, затем, с мая 1939 года до дня призыва в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии — заведующий отделом культуры и детского творчества республиканской пионерской газеты «Октябрь балалары», ныне «Казахстан пионери».

— «Учеба на литературных курсах, работа в республиканских комсомольской и пионерской газетах, близкое общение со многими казахскими и русскими литераторами, проживавшими в Алма-Ате в 1938—1940-ые годы, явились прекрасным фундаментом, ставшим основой для дальнейшего развития литературного дарования Баубека. В эти годы я жил вместе с ним и постоянно удивлялся, как он успевал с упоением читать и перечитывать произведения Александра Сергеевича Пушкина, Михаила Юрьевича Лермонтова, Льва Толстого, Шекспира, Шиллера, Байрона. Я хорошо помню, как он даже брался переводить Гете с немецкого языка. К этому периоду он уже назубок знал фольклор родного народа, произведения Абая, Махамбета, Султана Торайгырова, Беймбета Майлина, Мухтара Ауэзова и многих других казахских писателей. Он не раз говорил мне, — вспоминал далее Мукан Иманжанов, — что окончательно убедился, чтобы писать, нужно многое знать. Эту истину я глубоко усвоил. И тебе советую. Не надо

спешить писать, а надо спешить, стремиться познать, что тебе еще неизвестно».

Талант молодого журналиста-публициста, писателя и поэта по-настоящему раскрылся уже после призыва в ряды Советской Армии, особенно в годы Великой Отечественной войны.

* * *

Баубек Булкишев, работавший в начале 1940 года заведующим отделом культуры и детского творчества республиканской пионерской газеты «Октябрь балалары», жадно перечитывал все периодические издания, особенно сообщения о начале и ходе войны с белофиннами. Он знал, что в конце февраля 1940 года состоится призыв молодежи в ряды РККА.

Баубек издавна готовился к этому событию и внутренне себя считал уже красноармейцем, регулярно ходил на занятия по допризывной подготовке, увлеченно читал военную литературу, воспоминания борцов за Советскую власть. Когда-то он за ночь буквально «проглотил» «Как закалялась сталь» Николая Островского. Это произведение до конца жизни осталось его настольной книгой. Свидетельство тому — письма, в которых он часто упоминает любимую повесть. Вот что писал Баубек своему другу Мукану Иманжанову 14 сентября 1941 года:

«...У Николая Островского в его книге «Как закалялась сталь» есть такой эпизод: он, знал, чтобы подвести итоги своей жизни и поразмыслить над ними в спокойной обстановке, специально идет в парк и, сидя там в укромном месте, вспоминает все пережитое, что было в его жизни, и в конце концов приходит к выводу, что его жизнь прошла неплохо: семнадцать раз ходил в атаку, был активным участником гражданской войны. Затем, подводя окончательный итог всей своей жизни, своего вклада в борьбу за новую жизнь, восклицает: «Нет, моя жизнь прошла недаром!».

Да, Мукан, «соль жизни — в борьбе»,— говорит Островский. И я так думаю сейчас, сидя в окопе лицом к лицу с врагом...»

Между прочим, мысли Николая Островского о том, что надо быть всегда готовым к защите социалистической Родины, о бдительности, — красной нитью проходят почти во всех публикациях Баубека Булкишева на страницах газет «Ленинчил жас», «Октябрь балалары» за 1938—1940 годы.

Не буду останавливаться на содержании и даже назы-

вать стихи, очерки, статьи Булкишева Баубека, а скажу лишь, что недавно в личном архиве его друга, доктора исторических наук Газиза Абишева мне удалось разыскать написанное им незадолго до призыва в ряды РККА объемом почти в один печатный лист произведение «Слово», которое он, видимо, отложил, чтобы еще раз пройтись пером по нему, и не успел сделать этого. Баубек на основе конкретных фактов и жизненных ситуаций рассказывает о патриотизме призывника, которому предстоит отправиться на выполнение священного долга перед Родной, советским народом.

В те февральские дни 1940 года Баубек усиленно продолжает работать над первым своим крупным произведением — поэмой «Айсулу», — в которой опять-таки уделяет большое внимание теме храбрости и бдительности, но на этот раз — воинов-пограничников, которые мужественно сражаются с контрреволюционерами, баями, кулаками в бескрайних степях Казахстана.

Желание привлечь внимание читателей, особенно своих сверстников, к этим темам было не случайным. Баубек жил интересами народа и находил нужным откликаться на все, что касается жизни родной страны, считал себя лично ответственным в воспитании школьников, пионеров, комсомольцев, подрастающего поколения в духе советского патриотизма, интернационализма.

25 февраля 1940 года к полудню принесли ему из военкомата повестку. Он уже успел прочитать последнюю страницу поэмы «Айсулу», оставалось поставить подпись и дату. К сожалению, эта замечательная поэма не увидела света и пролежала долгие годы сначала в личном архиве писателя Дихана Абишева, затем — в фонде редких книг и рукописей библиотеки Академии наук Казахской ССР. Посвятил Баубек ее молодежи. Сюжет отражает факты и события, действительно имевшие место. Герои поэмы — комсомольцы, казахская молодежь, которые жадно потянулись к знаниям, активно участвовали в строительстве и защите новой социалистической жизни.

Поэма «Айсулу»... Баубек часто вспоминал о ней, переживал, что она остается неопубликованной. Отрывок из поэмы впервые появился только 10 июня 1977 года на страницах газеты «Лениншил жас» благодаря моим поискам.

Явившись на призывный пункт, Баубек узнал, что его близкие друзья и товарищи Газиз Абишев, Мухсин Ермеков и другие, с которыми он мечтал вместе проходить военную службу, входят в состав другой команды. Он немедлен-

но обращается к членам призывной комиссии и пишет на имя комиссара Алма-Атинского облвоенкомата заявление.

Просьба была удовлетворена. Наступило 2-е марта 1940 года. Призывники строем направились на вокзал. Проводы были торжественными. На митинге, состоявшемся на привокзальной площади, председатель призывной комиссии от имени трудящихся города передал им наказ служить отлично, вернуться домой по меньшей мере младшими командирами. Баубека и его друзей пришли провожать Мукан Иманжанов, близкие друзья Муса и Катира Акановы, у которых он со времени приезда в столицу часто бывал. Вот что писал Баубек о том дне в своем первом письме, присланном по прибытии в часть:

«...оказывается, самый трудный момент в жизни человека заключается не в том, что он уезжает из родных мест на долгие годы, а в самом отъезде, когда в течение 10-15 минутжимаешь руки друзей и прощаешься с близкими людьми».

• * *

Баубек начал военную службу в знаменитой первой Московской Пролетарской дивизии, которая, еще будучи полком в январе 1930 года, стала кадровым соединением Московского военного округа. В ней наряду с нашей молодежью проходили военную службу сыновья политических эмигрантов из многих стран, которые были вынуждены покинуть родину и принять советское подданство. Среди них можно было встретить молодых венгров, болгар, немцев, испанцев и других, которые на себе испытали, что такое фашизм.

Баубек был обрадован, когда узнал, что вместе с ним служит сын Долорес Ибаррури — Рубен. Вскоре на дивизионной комсомольской конференции он с ним близко познакомился.

Баубек и его земляки были рядовыми красноармейцами 22-го легко-инженерного батальона дивизии.

Баубек тогда писал Мукану:

...«Да, Мукан, действительно каждый человек создан по-разному, но вместе с тем он способен привыкнуть и научиться чему угодно и преодолеть самые большие трудности. Вот возьмем, к примеру, меня. Тот самый Баубек, который дома одевался в течение целого часа, теперь справляется с этим за три минуты. Мы здесь всего пять дней, и за этот короткий срок вот как я изменился! Распо-

рядок дня в части уже входит в кровь и плоть. Я и мои друзья лишь только теперь начинаем сознавать, чувствовать, что такое настоящая жизнь...»

О том, как он и его однополчане овладевали воинским мастерством, рассказывает сам Баубек в черновых набросках романа "Алмаатинцы», который начал писать вскоре после успешного контрнаступления наших войск под Москвой в октябре-ноябре 1941 года.

Помнят о тех днях и сослуживцы Баубека. Слово Муксину Ермекову, доктору химических наук, проживавшему в г. Киеве:

— Я был знаком с Баубеком с 1938 года. Во время совместной военной службы крепко подружился с ним.

Баубек часто помогал мне выпускать боевые листки. Тогда он слыл среди нас не только журналистом, но и поэтом.

Однажды я узнал, что Баубек ведет дневник (у него была толстая тетрадь, которую он бережно хранил). До сих пор не могу представить себе, когда Баубек успевал вести записи.

К сожалению, уже в ноябре 1940 года мне пришлось расстаться с ним. Я был демобилизован по состоянию здоровья...

О службе Баубека в первой Московской Пролетарской стрелковой дивизии вспоминал и доктор исторических наук Газиз Абишев:

— Баубек был не только хорошим солдатом, но и активным комсомольцем. На отчетно-выборном собрании мы избрали его членом бюро комсомольской организации батальона. Он пользовался большим авторитетом среди солдат всей дивизии. Об этом говорит тот факт, что Баубек был делегатом пятой Московской окружной комсомольской конференции. На службе особенно глубоко проявились его личные качества — бойца, журналиста, поэта.

Вот что писал сам Баубек другу Мукану Иманжанову:

«Мы сейчас в полной боевой готовности, собираемся ехать в командировку. Что за поездка будет, ты сам поймешь (вообще-то скажу, очень ответственная командировка, но пока мы не знаем, куда поедем, жди от меня писем).

Когда составлялся список, меня спросили: кому сообщить, если случится что-нибудь со мной. После долгого раздумья назвал тебя и указал твой адрес: Алма-Ата, проспект Сталина, 43. Газиз по-прежнему со мной, жив-здоров...» (Из письма от 20 июня 1940 года.)

«...Итак, мне посчастливилось побывать в Литве. Я

думаю, что это не плохо для моей дальнейшей жизни и творчество. Но все же здесь не так как в Москве. Живем походной жизнью. Несмотря на это, настроение хорошее, каждый уходящий день вселяет радость. Посуди сам, в каком бы городе Литвы ни были, везде местное население встречает нас криками «Ура!» и выражает свою любовь к Красной Армии, произнося с гордостью: «Красная Армия— наша Армия». Несмотря на походную жизнь, я разрабатываю одну интересную тему, посвященную литовскому народу. Если бы у меня было всего лишь десять свободных дней, я осуществил бы свою заветную мечту и написал задуманное.

Газиз со мной, здоров...»

(Из письма от 15 июля 1940 г.)

Спустя сорок лет после этого письма Баубека Булкишева, делясь со мной воспоминаниями о совместной боевой службе в дни пребывания их родной дивизии в Литве, бывший командир отделения 22-го ЛИБа Сергей Морозов из Ивановской области писал:

«Летом 1940 года в Литве в районе города Ионава нашему батальону пришлось участвовать в строительстве аэродрома. Располагались мы в молодом сосновом лесу. Как-то вечером на закате солнца я обратил внимание на одного человека. Сидел он под деревом, подогнув под себя ноги, плавно покачивался, что-то произнося вполголоса. До армии мне не приходилось видеть людей азиатских народов, разве что в кино. Мне показалось, что этот человек справляет какой-то религиозный обряд. Я показал его сослуживцу Михаилу Чичиянцу и спросил: «Что он делает?» Мой друг, родом из Ташкента, ответил: «Он поет по-казахски, молодой акын, а может быть, будущий Джамбул». Но я, признаюсь честно, тогда не сразу понял смысл этих слов и вновь спросил Чичиянца: «О чем же он поет?» «Не знаю,— ответил он, и мы подкралась к певцу, и Михаил стал переводить смысл песни так: он сравнивает степь Казахстана с лесами Литвы, куст хлопчатника — с молодой сосенкой, что люди везде живут и везде трудятся, а вот солнце тепло дарит не всем одинаково...

Услышав шорох, человек, сидевший под деревом обернулся, заметил нас и прервал пение. Михаил назвал его Баубеком, познакомил меня с ним. Так состоялось мое первое знакомство с ним. А крепкая дружба между нами началась с осени 1940 года, когда в наш батальон прибыло по призыву новое пополнение из Средней Азии. Я был назначен командиром отделения в карантин. Проводил за-

нятия по строевой подготовке и уставам. Многие плохо знали русский язык. Меня плохо понимали, еще хуже, что я их тоже не понимал. Тогда мне дали помощником Баубека Булкишева. Дело пошло. Все команды и приемы, показанные мной, он наглядно повторял и объяснял их на родном языке. Слушали его внимательно, а делал он свое дело с увлечением и, видимо, настолько доходчиво, что нам за 20 дней совместных трудов удалось пройти полный курс молодого бойца с общей оценкой по строевой — хорошо, по уставам — удовлетворительно. Это была наша общая победа. Баубек запомнился общительным человеком, а авторитет его — неоспоримым. Он был очень скромным и любознательным, задавал очень много вопросов, но почему-то избегал разговоров о себе...» (Из письма С. Морозова от 9 ноября 1977 года).

Известно, что в дни пребывания в Литве, а также вскоре после возвращения в Москву Баубек написал стихи «На берегу Балтики», «Юная еврейка», «Новый мир», «Жизнь» и другие, рукописи которых сохранились и частично были опубликованы в нашей республиканской печати тогда же. Пожалуй, философский смысл своих произведений этого периода глубоко раскрывает сам Баубек в своем письме Мукану Иманжанову от 15 октября 1940 года в следующих словах:

«...Жизнь прекрасна! Нет человека, который хотел бы умереть раньше времени. Если сравнить жизнь и смерть, то жизнь — главное, что связывает человека с природой, обществом и делает человека человеком».

• * *

В первые же дни Великой Отечественной войны из числа лучших саперов-комсомольцев и коммунистов Московского военного округа была сформирована 21-я отдельная саперная рота, куда впоследствии был направлен комсомолец, отличник боевой подготовки, сапер первого класса Баубек Булкишев. По прибытии в формируемое подразделение Баубек был назначен заместителем политрука роты. На третий день войны роту направили на Западный фронт с задачей подготовить под Минском оборонительные рубежи.

К сожалению, журнал боевых действий и другие документы 21-ой отдельной саперной роты не сохранились, поэтому сейчас трудно установить, где и как воевало подразделение до начала обороны Москвы. Но нам удалось найти

в архиве МО СССР отдельные документы, подтверждающие события, описанные Баубеком в его письмах, статьях, опубликованных в «Комсомольской правде» и на страницах фронтовой печати.

Идя по следам этих документов нам удалось установить, что Баубек Булкишев в качестве заместителя политрука саперной роты в грозные, полные горечи дни отступления, находился в составе 13-й армии и вместе с ней прошел тяжелейший боевой путь до Подмосковья.

Как свидетельствуют военные историки, 13-я Армия в июле-августе 1941 г. провела несколько сражений, вошедших в систему оборонительных операций Западного и Центрального фронтов. Ее войска отвлекли на себя с московского направления значительные силы противника. В двухмесячных боях соединения и части Армии упорно дрались за каждый рубеж, чтобы замедлить наступление врага и нанести ему максимальные потери.

А враг рвался вперед. Понеся крупные потери от ударов авиации, артиллерии и танков врага, соединения 13-й Армии к концу августа 1941 года отошли на восточный берег Десны. Малочисленные, утомленные длительными оборонительными боями, не выдерживая удара отборных фашистских полчищ, продолжали отступать с боями и в начале октября 1941 года оказались в полном окружении. Командование противника предполагало теперь покончить с ней. Но оно просчиталось. Войска 13-й Армии продолжали организованно вести бои и в окружении. И ее главные силы прорывают цепь окружения. Вскоре к ним присоединяются и оставшиеся в тылу врага арьергардные 155-я стрелковая дивизия и 275-й инженерный батальон, в состав которого входила 21-я отдельная саперная рота.

В очерках истории 13-й Армии отмечается, что в этих боях враг понес значительные потери. Не менее трех тысяч гитлеровцев 48-го моторизованного и 34-го армейского корпусов навсегда остались на полях Курской области.

13-я Армия вышла из окружения в составе примерно десяти тысяч человек.

В числе тех, кто еще до решающих битв с немецко-фашистскими полчищами под Москвой прошел суровую боевую школу, сохранил свою верность социалистической Родине, партии Ленина, Ленинскому комсомолу, был и юноша из далекого Казахстана. Он к началу ожесточенных сражений за родную Москву уже обладал теми качествами, какими обладали многие тысячи наших политруков, агита-

торов, которые, как образно выразился однажды М. И. Калинин, представляли собой «лицо партии в Красной Армии».

21-я отдельная саперная рота, как и другие инженерные подразделения, приданные 13-й Армии Западного фронта, всю силу и энергию отдала сооружению оборонительных рубежей, дзотов, установке переправ и путей вынужденного отхода наших войск.

Нужно особо отметить, что военные историки с гордостью описывают, как они в самые трудные моменты принимали непосредственное участие в рукопашных боях с врагом. Бойцы 21-й отдельной саперной роты показали себя мужественными воинами, настоящими патриотами Советской Отчизны и в дни второго контрнаступления фашистов на Москву в ноябре 1941 года.

Совсем недавно наконец мне удалось разыскать одного из оставшихся в живых бойцов 21-й отдельной саперной роты, ветерана Великой Отечественной войны, ныне проживающего в Москве Василия Федоровича Симакова. Вот что он сообщил мне:

«...В мае 1941 года мы находились в летних лагерях под городом Тулой. В конце мая или в начале июня нас курсантов, передали в состав первой Московской Пролетарской мотострелковой дивизии, жили мы в известных Чернышевских казармах, где тогда находились и бойцы 22-го легко-инженерного батальона. Здесь и застало нас начало Великой Отечественной войны, и 21-22 июня 1941 года была сформирована саперная рота особого назначения, куда, помимо нас — курсантов, — вошли отдельные команды и бойцы 22-го ЛИБа. Она до 26-го июня выполняла особые задания по городу Москве, затем в составе 275-го отдельного саперного батальона была отправлена на Западный фронт, где действовала 13-я Армия».

К сожалению, как выяснилось сейчас, архив 275-го отдельного саперного батальона за 1941 год тоже не сохранился. Однако все, что сообщает В. Ф. Симаков о боевом пути этого подразделения, полностью совпадает с уже вышеизложенным, хотя автор письма точно не помнит, был ли с ним тогда Баубек Булкишев или нет...»

* * *

В апреле 1942 г. 21-я отдельная саперная рота была реформирована в 303-й армейский инженерный батальон Западного фронта и выведена на отдых и пополнение. Бау-

бек был утвержден ответственным секретарем бюро комсомола нового подразделения. С ноября 1941 года он живет под впечатлением подвига 28-ми панфиловцев под Дубосековым. Баубек продолжает делать основные наброски давно уже задуманного им романа «Алмаатинцы».

Предисловие и отдельные эпизоды романа он написал еще в тяжелые октябрьские и ноябрьские дни 1941 года во время коротких передышек между боями. Но вскоре Баубек убеждается, что в условиях войны не сможет довести до конца такое крупное произведение, как роман, и все, что успел написать, отправляет в Алма-Ату своему другу Мукану Иманжанову. После этого он начинает писать для армейских, казахстанских республиканских газет, в «Комсомольскую правду» публицистические статьи, очерки и стихи.

Баубек Булкишев, верный революционным, интернациональным традициям старших братьев, ветеранов комсомола Казахстана, еще в первом своем публицистическом выступлении на страницах «Комсомольской правды» за первое мая 1942 года писал:

«...На мне красноармейская форма, я представитель народов Азии. Я защищаю свой народ, скромный и добрый. Я помню его напутствие: «Мой орленок, я тебя воспитывал, я тебя любил, настало трудное время — в мое окно стучится враг, отгони его и уничтожь беспощадно. Ты сын мой, джигит воинственного времени, действуй как воин». И хотя жизнь моя дорога мне, хотя я прожил мало, я не вправе ее жалеть. У меня один лозунг — ленинский лозунг: «Смерть или победа!», с которым он обратился к защитникам молодой Советской республики».

Вскоре 303-й армейский инженерный батальон был придан 10-ой армии Западного фронта.

В те дни Баубека особенно волновала судьба Кавказа.

В письме «Слушай, Кавказ!», опубликованном в «Комсомольской правде» за 13 августа 1942., он писал:

«...Мы не должны пускать немцев на Кавказ, ибо нам никогда не простят этого. Я хорошо знаю Восток. Золотой и гостеприимный, романтический и поэтический. И он умеет быть и грозным, и беспощадным... Я сын Востока, и мне близки и понятны думы сыновей Кавказа. В одном строю плечом к плечу встают сейчас на смертный бой за судьбы Кавказа русские и грузины, осетины и узбеки, казахи и армяне.

Играй же, Кавказ, героический горный марш, чтобы слышали будущие поколения, как стойко дерется за каж-

дую пядь советской земли наша молодежь! Мы будем отстаивать тебя так, чтобы потомки гордились игами — воинами Красной Армии. И пусть эта героическая симфония звучит вечно, чтобы молодые люди будущего, приезжая на экскурсии на Кавказ, видели перед собою образ отважного витязя в серой шинели — образ воина, который героически защитил Кавказ».

Эти пламенные строки отражали боевые подвиги его земляков, которые в годы гражданской и Отечественной войн героически сражались на Кавказе. И прежде всего, сподвижника Алиби Джангильдина, впоследствии командира казахского кавалерийского национального полка Тулеусина Алиева и многих других.

В октябре 1942 г. Баубек был направлен на военно-политические курсы в город Мензелинск Татарской АССР. Учебный процесс был максимально подчинен требованиям войны: курсанты занимались по 12 часов в день. В адрес Баубека десятками приходили письма-отклики на его публикации в «Комсомольской правде». Он писал Мукану Иманжанову в январе 1943 г.:

«Сегодня получил 74 отклика на свои статьи, в основном пишут украинские и белорусские девушки. Есть письма и из Казахстана. Но прочитать их и ответить этим чутким людям нет ни одной минуты свободного времени. Пишу же вам, отрывая время, отведенное на отдых». На следующий день сообщает, что он «получил уже сто писем». Поскольку сам не в состоянии ответить всем, думает раздать их курсантам.

Весь период с ноября 1942-го прошел в напряженной учебе. Наконец она завершена. Баубек, извещая об этом, первым делом пишет: «Сегодня, 20-го марта 1943 года, завершили сдачу госэкзаменов. В скором времени поеду на один из фронтов. Мне присвоили звание старшего лейтенанта. Курсы окончил на «отлично».

Баубек был назначен заместителем командира саперной роты по политчасти 391-го стрелкового полка 170-й стрелковой дивизии 53-ей Армии, войска которой широко развернули подготовку к отражению натиска врага, решившего по плану «Цитадель» осуществить грандиозное наступление под Курском.

Баубек сразу же включается в активную политическую работу среди саперов. Вместе с ними принимает участие в строительстве оборонительных сооружений, возводит дзоты.

По инициативе Баубека саперы, когда заканчивали

сооружение дзотов, писали письма пехотинцам, которым были эти дзоты предназначены. Одно из таких писем Баубек опубликовал еще в августе 1942 г. в армейской газете «Бей врага!».

< Мой дорогой товарищ пехотинец!

Родина в опасности. Родина — моя и твоя. Я тебе построил прочный дзот, чтобы ты крепко, упорно и храбро защищал Родину. Когда хорош рубеж, легче идти на врага.

Мы построили дзот для храбрых и смелых, для стойких. Ни шагу назад! Желаем удачи в разгроме врага. Сапер Баубек Булкишев.

Весь июнь 1943 г. прошел в подготовке к грядущим сражениям. Баубек постоянно среди солдат. В минуты отдыха его всегда можно было видеть за беседой. Однополчане Баубека по Курской дуге до сих пор хорошо помнят одну из бесед, где он рассказывал о письме невесты своего друга Сергея, с которым встретился на Курской дуге в дни вынужденного отступления в 1941 г. Между прочим, это письмо Баубек полностью приводит в одной из своих публикаций в «Комсомольской правде»—«Думы над старой картой» (1943. 12. XII).

Однополчане Баубека с глубоким волнением рассказывали мне, с каким трепетом они прочитали тогда со страниц «Комсомольской правды» уже известную им из уст любимого политрука эту печальную, но вместе с тем и героическую историю. «Мы этот номер «Комсомольской правды»,— говорили они,— донесли до самой Германии, а некоторые из нас довели его даже до родных стен. Читали и передавали его молодым бойцам, своим детям—сынам и дочерям, колхозникам, рабочим, школьникам...»

* * *

Баубеку не пришлось принять непосредственное участие в битве на Курской дуге. Летом 1943 года он был направлен в Подмоскowie, во вновь организованную учебную бригаду по переподготовке командного состава. Находясь здесь, он внимательно следит за ходом грандиозной битвы в тех местах, где находился совсем недавно, и пишет рапорт за рапортом с просьбой направить его в действующую армию. Но тщетно. В минуты отдыха, во время занятий, на привалах Баубек ведет дневник, в котором подводит итог всему пережитому за годы войны.

К сожалению, дневник Баубека не найден. Но известно, что на основе своих записей он писал свое предпослед-

нее письмо в «Комсомольскую правду», которое опубликовано 12 декабря 1943 года.

Баубек в те дни несколько раз бывал в Москве, посетил редакцию «Комсомольской правды», встречался с земляками — Балкашевым Умитом, в то время — инспектором Главного Политического управления армии, позднее доктором филологических наук, заведующим кафедрой Казахского педагогического института имени Абая, Канафией Мустафиным, тогда слушателем Высшей партийной школы при ЦК КПСС, позднее заместителем председателя Государственного комитета по печати республики, Мухамеджановым Жагпаром, переводчиком казахского издания «Ведомостей Верховного Совета СССР», выпускавшегося газетой «Известия», с которым он работал вместе еще в довоенное время в редакции газеты «Лениншил жас» — органа Центрального Комитета ЛКСМ Казахстана.

Вот что писал по горячим следам о посещении Баубеком редакции «Комсомольской правды» бывший тогда начальником отдела фронта газеты, а ныне политический обозреватель «Правды» Юрий Жуков в предисловии к сборнику «Жизнь солдата»:

«В 1943 году... Булкишев заехал в редакцию. Сколько было рассказов, расспросов!

— С такими людьми, как наши, нельзя не победить,— сказал он во время беседы.— Увлекусь в бою и начну, не замечая сам, отдавать приказы на казахском языке. Точно выполняют бойцы. А после говорят: «Товарищ старший лейтенант, говори по-русски, мы не знаем твоего языка».

Вот не знают языка, а слова сердцем понимают. Потому что думы и цель у всех одна».

Московские друзья несколько раз предлагали Баубеку устроиться в одну из фронтовых газет. Но Булкишев рвется на передний край. Вскоре наступил радостный для него момент.

Вот что Баубек сообщил в октябре 1943 года Мукану Иманжанову:

«Я давно просился на фронт и добился своего. Сегодня наконец получил положительный ответ. Я очень и очень рад, так, что сейчас даже не нахожу слов, как выразить эту радость. Итак, еду на фронт! Жди от меня писем! Твой Баубек!»

О своих чувствах в те дни Баубек писал следующее: «Я снова еду на фронт. В вагонах нашего эшелона ца-

рит необычно повышенное настроение. Мы едем на фронт с песней. Бойцы поют все время. Примостившись в углке, я достал из планшетки свою старую фронтową карту, развернул и гляжу на нее. И невольно передо мной проходит вся моя фронтová жизнь, ее тяжелые и радостные дни.

Карта обычная, военная. На ней нанесено все: вот тут населенные пункты, тут выгодные высоты, тут — дорога, — одним словом, все, что нужно воюющему человеку. Я не бросаю старую карту, она заменяет мне дневник..

Великая наша семья стала крепче за годы войны. Защищая ее счастье, мы сделаем все».

Баубек вновь на переднем крае.

«...В наш 810-ый стрелковый полк 3-го Украинского фронта, — рассказывает ветеран Великой Отечественной войны, ныне начальник отдела «Алтайэнерго» Михаил Иванович Махров, — Баубек прибыл в середине октября 1943 года, когда наша армия готовилась к форсированию Днепра. Он был командиром саперного взвода и сразу же обратил на себя внимание высокой культурой, готовностью прийти на помощь любому из нас. Вскоре мы узнали, что он на фронте с самого начала войны и является автором ряда волнующих писем, опубликованных в «Комсомольской правде», которые мы не раз коллективно читали, обсуждали и обменивались мнениями».

Были жаркие дни наступления на врага, окопавшегося на Правобережной Украине. Взводу Баубека день и ночь приходилось заниматься разведкой, разминированием подходов, проходов к фашистской оборонительной системе. В эти дни он все чаще вспоминает о письмах девушек-украинок, которые откликнулись на его выступления в «Комсомольской правде». В минуты затишья Баубек берет за карандаш и пишет свое последнее письмо в «Комсомольскую правду». Но оно осталось неопубликованным. Мне после пятилетних поисков с помощью коллектива архива ЦК ВЛКСМ удалось разыскать это неизвестное до сих пор произведение Баубека: «Я люблю украинку» (письмо молодого казаха-фронтовика); (впервые опубликовано в «Ленинской смене» за 10 ноября 1976 года.).

* * *

3 февраля 1944 года не вернулся с боевого задания Баубек Булжишев. Он погиб в схватке с врагом на подступах к оборонительным рубежам противника в районе

села Ново-Юльевка Софиевского района Днепропетровской области. Погиб героем. Светлая память о бесстрашном воине, публицисте и поныне живет в наших сердцах. В сердцах тех, кто лично знал Баубека, работал с ним, шагал фронтовыми дорогами, защищая Отечество. «Мы долго переживали утрату,— писал в своем письме солдат Петр Степурин Мукану Иманжанову.— Смерть Баубека (порусски обращались к нему «Борис») потрясла. Он был для нас не только командиром, но и другом, товарищем... Сообщаю, что Баубек Булкишев похоронен в селе Ново-Юльевка. Вместе с ним погибли двое наших друзей — красноармейцев...»

Баубек погиб, но пламенные его строки живут в сердцах еще здравствующих его современников и в нас, идущих вслед за ними. В этом продолжение его жизни, его творчества.

«...Я хочу, чтобы человек жил, творил, занимался своим трудом. Но для того, чтобы он жил и творил, нужно убить фашизм. Во имя этого мы жертвуем всем. И мы добьемся своего...

Однажды в бою я видел, как умирал молодой поэт. Перед смертью боец отдал свою записную книжку, чтобы мы снесли ее в редакцию. Он хотел жить и после смерти в строчках, которые будут читать его товарищи.— писал Баубек в одной из публикаций, помещенных в «Комсомольской правде».

И в этом, пожалуй, заключалось кредо всей жизни Баубека Булкишева — жить для других, продолжаться в своих строках, которые будоражили на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу умы, волю молодежи, звали ее на новые подвиги, поднимали юношей и девушек на решительную борьбу с немецкими захватчиками. Эти строки и сейчас продолжают вдохновлять нынешнее поколение советской молодежи на трудовые свершения, на подвиги в мирной жизни, быть готовыми в любое время защищать свою Родину, расти настоящими патриотами — интернационалистами Страны Советов, страны великого Ленина.

* * *

О воспитатнике казахского комсомола 30-х годов Баубеке Булкишеве написано немало. К сожалению, в публикациях о нем почти не затрагиваются жизненные обстоятельства, которые способствовали его становлению как героя, патриота Советской Родины, убежденного интерна-

ционалиста, пламенного публициста, храброго политкомиссара, оставившего заметный след в истории комсомола республики, ВЛКСМ.

Возможно, что мои поиски, итогом которых является эта публикация, помогут в какой-то степени восполнить пробел в более полном, правильном освещении жизни и творчества славного воспитанника ВЛКСМ.

Но, забегаю вперед, мне хотелось бы сообщить, что мне до сих пор мало кого удалось разыскать из 21-й отдельной саперной роты, где с июня 1941 года до середины апреля 1942 года Баубек Булкишев являлся заместителем политрука, 303-го армейского инженерного батальона, где он со второй половины апреля по октябрь 1942 года являлся секретарем бюро батальонной организации ВЛКСМ и курсантов, которые вместе с ним учились на курсах по подготовке политических работников РККА в г. Мензелинске Татарской АССР с ноября 1942 года по март 1943-го. Нужно еще признаться, что пока не смог отыскать и ряд произведений талантливого журналиста и писателя. В частности, его рассказ «Золотые часы», который он сам считал одним из лучших. История этого рассказа такова, сообщал другу, комсомольскому писателю Мукану Иманжанову в своих письмах от 7 ноября 1942 года Б. Булкишев: «...в настоящее время пишу на русском языке большой рассказ под названием «Золотые часы». Его сюжет кому-то напомнит «Бедную Лизу» Карамзина, но мой герой отличается от слабодушной, часто впадающей в панику Лизы своим мужеством, глубоким патриотизмом и оптимизмом...» Но в ходе поиска мы узнали, что этот рассказ Баубека был взят Муканом Иманжановым из редакции газеты «Казахстанская правда» и долгое время хранился у него в личном архиве. В пятидесятые годы Иманжанов передал его временно одной из студенток выпускного курса Казахского государственного университета им. С. М. Кирова — некоей Карабалиной (имя и на каком факультете училась студентка, пока неизвестно, — С. А.), которая писала дипломную работу по произведениям Булкишева. По свидетельству вдовы Мукана Иманжанова, Карабалина так и не вернула обратно рукопись рассказа «Золотые часы»... Попытки разыскать ее ни к чему не привели. Вероятно, она переменяла фамилию. Человек, у которого находится рукопись рассказа Баубека, должен откликнуться.

И еще. Из письма Булкишева от 20 июня 1942 года нам известно, что он прислал Мукану Иманжанову сделанный им же перевод на родной язык своей статьи «Жизнь

принадлежит нам», которая была опубликована на русском языке в одной из фронтовых красноармейских газет. Он был напечатан тогда же в газете «Социалистик Казахстан» за 25 августа 1942 года.

Оригинал этой статьи, написанный рукой Баубека Булкишева, мне удалось разыскать, и сейчас он хранится в моем личном архиве. А вот публикацию на русском языке до сих пор не удается разыскать.

Тут же необходимо сказать, что составители и издатели некоторых сборников произведений Булкишева утверждают, что перевод этого произведения сделан не самим автором, а кем-то другим, это необходимо исправить в дальнейшем.

Судя по другим письмам Баубека и источникам в ряде архивов, у его товарищей должны храниться рукописи его неопубликованных очерков, стихотворений, а также письма. Так что у нас есть ориентир, где и что искать!

* * *

Завершая рассказ о глубоко убежденном интернационалисте, пламенном публицисте, храбром воине Баубеке Булкишеве, хотелось бы пояснить читателям, что письма, использованные в публикации, ни разу не издавались отдельной книгой на русском языке. За исключением писем «Я хочу жить», вошедшего в сборник «Письма с фронта», изданный Казогизом в 1944 году, «О жизни и смерти» (записки молодого казаха-фронтовика) и «Думы над старой картой», опубликованных в сборнике «Жизнь солдата», выпущенном в Москве, «Молодой гвардией» в 1946 году. Эти книги давно уже стали библиографической редкостью.

Большую работу проделали работники нашей республиканской детской библиотеки. Еще в 1972 г. ими были собраны и изданы на русском и казахском языках электрографическим способом все произведения Баубека, опубликованные на страницах «Комсомольской правды». Тираж этого выпуска был настолько мал, что его не хватило даже всем детским и юношеским библиотекам республики.

Фронтовые письма Баубека Булкишева и в настоящее время представляют большой интерес. К ним сегодня приковано внимание многих исследователей его жизненного пути, формирования мировоззрения и творчества. К сожалению, некоторые из них допускают зачастую неточности, порой даже неоправданные вымыслы. К примеру, одни

из них утверждают, что Баубек отправился добровольно на фронт в 1940 году во время войны с белофиннами, другие—якобы Баубек перед схваткой с гитлеровцами в 1941 г. в солдатской опознавательной капсуле вместо адреса своих близких вложил записку, которая гласила: «Я родился вместе с Советской властью. Рано лишился отца и матери, но благодаря Советской власти я не знал, что такое сиротство. И если нужно будет, сообщите о моей гибели по адресу: Москва, Кремль, Баубек Булкишев». Третьи утверждают: «За отвагу и мужество, проявленные в боях, Баубек Булкишев был награжден орденом Красной Звезды и многими медалями» и т. д. Этого не было в действительности. Однако эти неточности и вымыслы продолжают кочевать из одной публикации в другую. Этого не было бы, если бы эти «исследователи» внимательно изучили сохранившиеся письма Баубека Булкишева.

— «Я не думаю сейчас, что нет у меня отца, матери, братьев и сестер. Не грущу, что нет жены и детей. Я мечтаю об одном, чтобы оставить людям хотя бы небольшую книжку. Что такое человеческая жизнь без творчества!»— писал Баубек другу Мукану.

Его мечта сбылась. В 1943 году в Алма-Ате был издан первый его сборник. Затем, уже после смерти, в 1948 году на казахском же языке вышел второй сборник «Жизнь принадлежит нам», спустя семь лет — третий «Бессмертие воина». И наконец молодежное издательство «Жалын» издало в 1977 году четвертый сборник замечательного публициста под названием «Письмо к человечеству».

Сейлхан АСКАРОВ,
лауреат премии Союза журналистов СССР,
член Союза кинематографистов СССР.

Часть первая

Публицистические статьи,
написанные за период 1942—1944 гг.

ЖИЗНЬ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ

По израненной земле твоей иду, многострадальная Россия. Измученная, но не сдавшаяся. Сила твоя — в служении своему народу. Как много вынесла ты в кровопролитной этой войне! Сколько бомб, сколько снарядов сброшено на тебя! Даже эти тоненькие березки, горестно поникшие, — и они искалечены, и они пострадали в этой войне. Когда-то тянувшиеся к небу верхушки их — срезаны вражескими снарядами. Но несмотря ни на что, пробиваются юные побеги, зеленеют, наливаются молодыми соками; гнутся, резвятся и играя, как дети, колыхнутся ветки.

Словно черной оспой изрыт бомбами лик земли, и воронки на ней — будто заживающие раны. Впечатление — как от славного молодого лица, изуродованного оспинами.

Вся природа — оживающая, прекрасная — будто говорит: «Меня безжалостно мучали, терзали, но вот я снова прихожу в себя».

Лето! Чудесная пора — пора обновления, когда расцветает весь мир и земля озаряется его красотой. Природа словно радуется, обретая живительную силу; играя свежими красками, устилает землю шелковым покрывалом. А в сердцах людей рождается любовь к ней.

О благодатный русский край, как любим мы тебя! Восстав против всего света, грудью заслонив тебя от пуль, мы, защитники твои, готовы жизнь отдать за тебя, родная наша матушка-земля!

Двадцать пять лет на земле твоей жил, созидавая, героический народ. И никто не делил тебя, единую для всех,

Для нас не существовало понятий земля «хорошая» и земля «плохая», и мы не измеряли тебя в метрах. Наш славный народ, щедрый и богатый, владел тобою целиком. И все сокровища природы, служащие человеку, использовал на благо тебе, заботясь о тебе, дорожа тобою. Мы любим тебя, чтим, как мать родную, светлая земля России.

Ты истерзана сегодня, родная земля, но ты не склоняешься перед врагом. Гордая, ты мстишь за себя. Возвратившая Суворова и Донского, Кутузова и Петра, Пушкина и Некрасова, ты полна достоинства. И ты с любовью и верой смотришь на нас, своих сыновей,— на твоих молодых защитников.

Наш долг — отстоять тебя у врага, вернуть тебе свободу, ты ждешь от нас этого — ведь ты должна служить своему народу.

Наши отцы, добывшие для тебя свободу в 18-20 годы, удивили тебя. Сегодня ты не удивляешься нам. Потому что грандиозные дела вершили мы в мирное время. О нас говорил весь мир, весь мир дивился на нас. Нас называли создателями новой жизни. Мы шли впереди всей молодежи планеты. И мы же играем сегодня главные роли в этом решающем спектакле, разыгранном войной.

Мы, молодые, твердо знаем, что судьбы наши отданы тебе, Родина! И счастливы мы будем только на твоей земле. Ибо именно здесь познали мы счастье, помыслив своими достигнув высот человеческой жизни, ее созидания,— в нашей памяти живут великие праздники.

Сегодня враг пришел на нашу землю, и мы бьемся с ним насмерть. Здесь мы родились, росли — в борьбе за правое дело стоит и умереть здесь.

И если вдруг в горячем сражении все же настигнет нас смерть, ты, Родина, гордись: твои сыновья отдали жизнь за тебя — вскормившую их Мать. Гордись тогда! Знай, что твои сыновья — герои из героев. И мы оправдаем это. Ты не плачь тогда о нас, кренись, гордо храни свое достоинство.

* * *

Помню, как в мирное время мы, молодые, собирались все **Вместе** и отправлялись либо в школу, либо на работу, или в парк. Там, где были мы,— там были шутки, смех и песни! Глядя на нас, сидевшие возле своих домов старики радовались, гордились нами. «Светики вы наши! Жизнь

принадлежит вам. Смейтесь, веселитесь, вершите великие дела. Дерзайте — самая пора! Счастливая вы молодежь, и наступившее время нынешнее — ваше! Вы пришли на смену нам — и мы все оставляем вам, достигайте новых жизненных вершин», — так благословляли нас они.

«Но, смотрите, не отставайте и вы, — смеялись мы, — в наше время стариков уважают», — и продолжаем свой путь.

Один из старичков шутя кричит вдогонку нам:

— Эй, молодежь! Наша-то песня спета, теперь — ваш черед. Мы взяли от жизни свое, теперь берите вы! Впереди вас ждут еще вершины, наши же годы проходят, нас смерть поджидает.

Старик досадует, что так короток человеческий век, он бы рад пожить еще, жил бы да жил, но что поделаешь — ему уже семьдесят... Прожить еще столько же — не дано, а былые 25 уже не вернуть. Вот он и перепоручает нам, молодым, эту жизнь, эту новую жизнь, завещая бескрайнюю и богатую землю России.

Жизнь человеческая продолжается передаваясь от отца к сыну. Человек, вкусив жизни, что-то создав, исполнив предназначенное ему, завершает свой жизненный путь, уступая место пришедшим на смену потомкам. Старшее поколение передает дело своей жизни юным, и молодость принимает его из рук в руки. И на первом месте в этом наследии — весь мир человеческий, эпоха, родная земля, независимость.

В героическое время — в разгар кровопролитной войны, под свист пуль и разрывы бомб — принимаем мы, молодежь сороковых годов двадцатого столетия, великое наследие наших предшественников, берем на себя почетную миссию защитить его, встав в ряды бойцов Великой Отечественной войны.

Мы не отдадим врагу дело нашего времени. Мы защитим свой мир, свою эпоху.

Молодежь! Сверстники! Нашей эпохе грозит опасность — враг посягнул на нее. Но мы никому не отдадим добытое нами. Это время — наше. Оно — в наших сердцах. Молодежь! Сверстники! Не останемся в долгу перед судом грядущих поколений! Мы обязаны с достоинством передать им прекрасную будущность, завоеванную в жестокой борьбе. Мы, молодое поколение ленинцев, должны заботиться о будущем.

Вчера только называли мы двадцатый век золотым. Мы, молодежь, знаем цену нашему времени. А теперь

враг топчет добытое нами, уничтожает. Да, нам сейчас тяжело. Но молодежь наша, смелая, решительная, не дрогнула перед врагом. В горниле войны мы, молодые, закаляемся; среди нас есть раненые, но непоколебимы наши устои, среди нас есть погибшие в кровавых боях — но и они не склоняют головы перед врагом. «За Родину! За наше время — время молодых героев!»— вот их последние предсмертные слова.

Слушайте, друзья мои и враги, это наш голос. Голос молодежи непобедимой России. Это голос непоколебимых в великой борьбе молодых героев, это — голос Ленинского комсомола.

Мы — хозяйева земли русской, и мы защитим ее. Это время — наше, за него мы идем под пули, навстречу смерти. Мы, молодежь, возродим вчерашний золотой век. Мы на своем месте — в первых рядах сражающихся.

Молодежь, за наше время, за нашу землю — вперед! Жизнь принадлежит нам.

Баубек БУЛКИШЕВ.

1942 год, июль, Западный фронт,

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Записки молодого казаха-фронтовика

Человек рождается, человек умирает. Это не горе. Это закон природы. На Востоке у нас говорят: «Человек всегда был вечным гостем у жизни; погостил недолго — и уходит». Но человек в свой мир не просто приходит и уходит: он оставляет своему преемнику духовное наследство. Он приходит в жизнь человеком и уходит человеком. Мы гордимся тем, что нам дана жизнь, дана молодость, дана любовь, наконец, нам дано человеческое сердце. И мы любим жизнь.

Я — молодой человек первой половины великого двадцатого века. Сегодня я хочу говорить о себе, потому что я рассердился и потому что у меня большое горе. Пусть эта моя записочка дойдет до будущих исследователей нашей борьбы. Пусть она поможет им в каком-то маленьком звене их работы. Пусть знают они, что мы, борясь, умели горевать и смеяться, сердиться и плакать.

Я сержусь, потому что молодость дана мне только один Раз, а темная сила хочет у меня ее отнять. Я знаю, что

молодость больше не повторится, если я ее упущу. Мы всегда торопились жить, а сейчас фашисты крадут у нас драгоценное время. И я сержусь.

Я прожил на свете всего двадцать лет. Но я уже взрослый человек. Мне 20 лет, но у меня большие заботы, которых хватило бы пожилому, умудренному годами человеку.

Год назад я был юношей. Я мечтал об учебе, о работе и — что греха таить — о славе. Я мечтал о многих профессиях. Мне хотелось быть поэтом, — я с упоением читал Пушкина и Лермонтова, Гете и Гейне, Байрона и Шелли. Они мне нравились, и я читал их днями и ночами. Мне хотелось быть музыкантом, и я с восхищением слушал Чайковского и Глинку, Бетховена и Шопена. Я был жадным человеком, и мне хотелось стать и поэтом и композитором одновременно. Я видел своих старших братьев, которые вышли из институтов инженерами и врачами, педагогами и историками, и мне хотелось овладеть также и этими специальностями.

И еще я мечтал о хорошей девушке. Какая великая сила заложена в волнующем слове «любовь»! Я любил красивую казашку, которую звали Жанна.

В это время я не знал цены своему счастью. И только теперь я начинаю понимать, что это были самые замечательные дни моей жизни.

Знарок человеческого сердца, великий Гете не зря воспевал юность. Не зря называл он молодость самой высокой вершиной жизни. О великий поэт молодости! Если бы ты знал, во что превратили твою родину потомки твоих современников, как грубо надругались они над тем, что было тебе так дорого, как зверски они топчут драгоценную молодость...

Германия, которая когда-то называлась страной Гете, теперь стала страной варваров, страной фрицев, страной безграмотного ефрейтора Гитлера. Новые фрицы тебя не знают, они не читают твоего «Фауста». Но у нас ты пользуешься нежной любовью — мы чтим тебя наравне с Пушкиным. Даже в казахской степи, о которой ты, быть может, никогда и не слышал, читают твои стихи. Мы, юноши, знаем и любим твоего «Фауста». Такая у нас молодежь, такое у нас молодое поколение!

Я воюю более 300 дней. За это время изменилась наша страна, изменились наши люди, изменился и я. Я стал военным, суровым человеком, и никто не скажет, что десять месяцев назад я был юношей, который ничего не знал, кроме мечты об учебе и о любимой девушке.

Моя молодость служит делу человечества. Быть может, мне не удастся вернуть ее, но я верну ее моим младшим братьям, и они будут гордиться теми, кто сражался с врагом в эти воинственные годы. Младшие братья! Вы будете самыми счастливыми молодыми людьми, каких знала история. Вы не будете знать, что такое война. Мы жертвуем собой во имя вашего счастья, вам мы обеспечим мир навеки.

Мы, дети воинственного времени, родились на войне и умираем на войне, родились в борьбе и умираем в борьбе. Все это для вас, младшие братья, наши сыновья, наши внуки!

За эти десять месяцев я участвовал во многих атаках. Я видел много смертей — смертей человеческих. О, как трудно видеть мучительную смерть своего товарища по оружию, смерть друга! Врага мне не жалко, — я знаю, что убиваю не человека, а человекообразного зверя. Но вот рядом с тобой умирает юноша в красноармейской форме, и сердце сжимается от боли. Единственное, что укрепляет тебя в этой страшной борьбе, — это сознание того, что наши люди умирают как герои. Их смерть — это жизнь.

Я помню, в одной атаке меня тяжело ранило. Лежу на поле сражения. Мои друзья продолжают бой. Идет жесткая борьба. Мне не терпится идти вперед и вперед. Но я не в силах подняться и истекаю кровью. И так мне обидно, так жалко себя...

Я знаю, война обходится дорого. Война отнимает у нас огромное количество человеческих жизней. Когда-то человечество гордилось жизнью, повторяя слова великого Гете: «Наивысшее, что мы получили от бога и природы, — это жизнь».

У человека эту гордость не отнять. Пусть человек живет по-человечески. Пусть человеческий мир будет реальным миром. Во имя этого мы боремся, во имя этого мы не щадим жизни. Во имя жизни мы презираем смерть.

Человек рождается один раз и умирает один раз. Смерти бывают разные: один умирает от холода, другой — на дуэли из-за девушки, третий — от болезни. Когда узнаешь о такой смерти, испытываешь только чувство досады. Но есть смерть, которая вызывает к себе уважение. Это героическая смерть на войне.

Я молод. Мне хочется жить. Я знаю, что самое интересное впереди. Но на мне красноармейская форма, я представитель народов Азии. Я защищаю свой народ, скромный и Добрый. Я помню его напутствие: «Мой орленок, я тебя воспитывал, я тебя любил. Настало трудное время, в мое

окно стучится враг,— отгони его и уничтожь беспощадно. Ты — сын мой, джигит воинственного времени, действуй же как воин».

И хотя жизнь моя дорога мне, хотя я прожил мало, я не вправе ее жалеть. У меня один лозунг, ленинский лозунг: «Смерть или победа». Я видел на войне: мои враги, умирая, плачут; мои друзья, умирая, улыбаются. Их поступки так же далеки друг от друга, как и их идеалы.

Я человек с Востока. Я иду на Запад. Мною уже пройден порядочный путь. Солнце, восходящее из пределов моей страны, греет меня и улыбается мне весь день, провожая меня. Вот уже наступает вечер. Солнце склоняется к западу, а я еще шагаю. Оно не хочет расстаться со мной. Оно смотрит на меня и шлет своими лучами привет: «Сын Востока, счастливого пути! Возвращайся на Восток с победой, я встречу тебя на вершине Алатау».

Солнце скрывается за горизонтом, а я шагаю дальше. Я должен шагать до тех пор, пока не будет окончательно разбит враг.

«СЛУШАЙ, КАВКАЗ!»

Кавказ, ты предо мной. Твои гордые горные вершины перед моими глазами. Я тебя вижу из своего окна. Я слышу биение твоего сердца. Я чувствую, что ты в тревоге, ты в опасности.

К тебе рвутся немцы, Кавказ. Они хотят расстрелять твои вершины, как они расстреляли Парнас. Внуки Гомера истреблены фашистами, оставшиеся в живых умирают от голода, страдают от фашистских зверств. Молодые гречанки льют слезы на древние камни Эллады. Они стали рабынями фашистов. Слушайте же, мои сестры — грузинки, армянки, азербайджанки, осетинки! Если фашист ворвется на Кавказ, он ту же судьбу готовит для вас.

Слушайте, мои братья, сыны Востока и Кавказа! Неужели мы позволим фашистам разбить своими снарядами золотые вершины священных алтарей нашего отечества — Казбека и Эльбруса? Неужели вы дадите фашисту опозорить рабством гордый и свободолюбивый, многонациональный Кавказ?

Кавказ! Родина Иосифа Сталина и Шота Руставели, любимец Пушкина и Лермонтова, гордость советской Отчизны, тебя ли не любить нам, тобою ли не гордиться? Я казах, я родился и вырос далеко от тебя, но я прошу

тебя: дай умереть за тебя или отстоять тебя — у нас теперь должен быть такой лозунг, друзья!

Мы всегда любили Кавказ. Мы любили путешествовать по его живописным республикам.

Друзья мои, земляки, дорогие казахи. Мы с вами воевали на Украине, в Белоруссии, под Москвой, под Ленинградом. Мы себя показали неплохо в этих боях, воевали неплохо. О нас хорошо отзывались наши товарищи: украинцы, белоруссы, русские. И сейчас решается судьба Кавказа, мы должны помнить: здесь каждый из нас должен быть особенно стойким.

Я прочел как-то в газете, что казахи, сражаясь под Харьковом, целовали освобожденную украинскую землю. Мы читали эту заметку с одним украинцем. Мы обнялись с ним тогда, поцеловались и заплакали. Мы, взрослые люди, мы, воины. Враг нас никогда не заставил бы плакать, как бы ни издевался над нами. Но теперь мы плакали, растроганные этим великим проявлением дружбы наших народов. И мы поклялись тогда друг другу — как бы трудно нам ни было, до конца драться и победить.

И вот сейчас пришло время новых, трудных испытаний. Мы каждый день с тревогой читаем сообщения, идущие с Юга. И мы говорим себе: где бы ты ни был, на каком бы ты фронте не находился, ты должен стрелять в фашиста, убивать фашиста, уничтожать фашиста. Это будет твоя помощь тем, кто непосредственно защищает наш Юг, наш Кавказ.

Мы ведем тяжелые бои. Мы шагаем по раненой земле. Но эта раненая родная земля не вышла из строя, она продолжает служить своему народу. Сколько ударов приняла она в этой войне! Но где бы я ни побывал, я вижу: вот дерево, расщепленное вражеским снарядом,— оно все же распустило свои ветви; вот глубокая воронка от немецкой бомбы,— она наполнилась водой и превратилась в озеро, и мы умываемся в нем.

О земля родная, матушка наша, щедрая, бесстрашная земля! На тебе мы родились, на тебе мы выросли, на тебе и умирать не жалко.

Земля родная, если мы умрем за тебя, не печалься и не горюй, наоборот, гордись честными сыновьями своими, их храбростью и решимостью.

Мы оставили Ростов, оставили Новочеркасск и другие города. Враг рвется к Кавказу. Об этом трудно думать, об этом трудно говорить, еще труднее писать. Но об этом надо думать и надо говорить,

Пустой тот человек, который утешится мыслью, что немцы купили эти города ценой жизни тысяч фрицев, ценой сотен танков и самолетов. Теперь не так надо говорить и не так надо думать. Теперь за жизнь фрица мы не должны давать ни метра земли. Мы должны истреблять их бесплатно, такое у нас решение.

Мы не имеем права пустить фашистов на Кавказ. История нам не простила бы этого. Я хорошо знаю Восток. Золотой и гостеприимный, романтический и поэтический, он умеет быть и беспощадным. Солнце на Востоке улыбается, на Западе плачет. Но солнце, поднимающееся с Востока, умеет и грозно хмуриться. Я сам сын Востока, и мне близки и понятны думы сыновей Кавказа. В одном строю плечом к плечу сейчас на смертный бой за судьбы Кавказа встают русские и грузины, осетины и узбеки, казахи и армяне.

Играй же, Кавказ, героический горный марш, чтобы слышали будущие поколения как стойко дерется за каждую пядь советской земли сталинская молодежь! Мы будем оставлять тебя так, чтобы потомки гордились нами, воинами Красной Армии. И пусть эта героическая симфония звучит вечно, чтобы молодые люди будущего, приезжая на экскурсию на Кавказ, видели перед собой образ отважного витязя в серой шинели — образ воина, который героически защитил Кавказ.

ПИСЬМО САПЕРА ПЕХОТИНЦУ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ДЗОТА

^

Дорогой товарищ!

Я пишу тебе это письмо из дзота. Только что мы закончили для тебя это замечательное укрепление. Мы — саперы — вложили в него все свое мастерство, старались сделать дзот как можно лучше и крепче.

Когда мы строили его, говорили друг другу:

— Из этого дзота наш любимый друг пехотинец будет вести огонь по фашистам — нашим заклятым врагам. Быть может, он, подпустив немцев поближе, истребит их десятками. Быть может, враг окружит дзот, но наш друг пехотинец будет бить, пока враг не сдохнет.

Старый сапер Семен, оглядев вокруг, говорит:

— Здесь будет жаркий бой!

— Посмотреть бы! — выкрикивает комсомолец Газиз,

Нас 8 саперов. Мы первыми закончили дзот. Знай, пехотинец, тебе строили этот дзот боевые саперы, мастера **своего** дела. Об одном сапере я расскажу. Он украинец. **Очень** скромный, и мы, саперы, звали его «батькой». Однажды поручили взорвать мост, по которому враг стремился прорваться. Пошел и я с ним. «Батько» взорвал мост, пробраться к своим мы не могли. Шли дни и ночи. Запасы иссякли. «Батько» в последний раз набил трубку. В табаке были крошки, земля. «Батько» передал мне трубку. Я вспомнил: «Друга трубку курить будешь, друга вспоминать будешь». Это ведь сказал Сталин. Припомнился нам наш учитель, первый друг бойца, наш командир. И у нас прибавилось много силы, и мы пошли за оборонительную линию немцев. Была ночь. Мы шли, с нетерпением ожидая контратаки наших друзей-пехотинцев.

Мы с «батькой» тоже решили принять участие. Достали пулемет, патроны. Заняли оборону с тыла. «Батько» сказал: «Я командир. Выполняй мой приказ». Началась атака. Хорошо шли пехотинцы. Немцы быстро обратно уходили. Они шли на нас.

— Огонь! — крикнул «батько», и мы били немцев. Крепко били. Ни один немец не ушел. Командир-пехотинец не ожидал нашей помощи. Он нас обласкал и сказал нам «бесстрашные саперы».

Это я рассказал, как пример стойкости сапера. Там, где стоит красноармеец, там крепость!

Нас ты, товарищ, не увидишь — ни «батьки», ни Семена. Мы переходим на новый рубеж. Нам некогда.

Помни, дзот мы строили под огнем врага. И он нам поэтому особенно дорог. Мы строили его и днем и ночью. На работу — ползли, уходили — ползли. Ползком волочили за собой из леса огромные бревна.

Вот этот стол, на котором я пишу тебе это письмо, построен лично мною для твоего «Максима». «Максиму» есть где развернуться. Можешь, товарищ пехотинец, косить немчуру на все 180 градусов.

Мы уходим. Саперы уже собирают инструмент.

Мое оружие — лопата И топор — лежит передо мной на столе. Я с ними сдружился за год войны и полюбил. Уходя, я прошу тебя, товарищ пехотинец:

— Сообщи мне — сколько ты истребил немцев? Опиши все, что происходило в этом дзоте.

Мой дорогой товарищ пехотинец!

Родина в опасности. Родина — моя и твоя. Я тебе построил прочный дзот, чтобы ты крепче, упорно и настой-

чиво стоял за нашу землю, защищая Родину. Когда хорош рубеж — легче идти на врага.

Мы построили дзот для храбрых и смелых, для стойких. Ни шагу назад.

Вот и все. Пока я тебе писал письмо, кто-то из моих товарищей на срубе написал:

«Товарищ пехотинец! Родина в опасности! Из нашего дзота виден враг. Враг близко! Истребляй немцев! Будь стойким! Ни шагу назад! Твой друг — сапер».

По почерку узнаю — писал неустрашимый сапер «бацько». Тем приятнее.

Прочти, пехотинец, дважды и запомни! Желаем удачи в разгроме врага.

Сапер Баубек БУЛКИШЕВ.

ПИСЬМО СЫНУ ВОСТОКА

«Уважаемый тов. Жуков!

Отклики читателей «Комсомолки» на мою первую статью, посылаемые через редакцию, получаю. Благодарю Вас. Получил несколько писем и из Казахстана, где сообщается, что она перепечатана в казахской республиканской газете «Социалистик Казахстан», а также в киргизской за 31 мая с. г.

Этим письмом посылаю Вам новую статью. В связи с тем, что редакция нашей республиканской газеты настойчиво просит прислать им какой-нибудь материал, прошу Вас перепечатать на машинке посылаемую статью и один экземпляр отослать по адресу: Казахская ССР, г. Алма-Ата. ул. Карла Маркса, 43, редакция газеты «Социалистик Казахстан», Иманжанову Мукану.

Конечно, этого не надо делать, если Вы сами найдете нужным опубликовать ее в своей газете.

Передайте от меня горячий фронтовой привет всем Вашим товарищам по работе в редакции нашей любимой молодежной комсомольской газеты.

Пока до свидания. С комсомольским приветом Б. Булкишев.

30 июня 1942 года.

P. S. До этого я посылал Вам еще два письма. Не знаю, дошли ли они до Вас. Жду ответа. Булкишев.

Знаю свой Казахстан как свои пять пальцев. Это страна Востока, страна свободы, страна зажегшая жгучую не-

ненависть к фашистам в моем сердце, в сердцах многих и многих своих счастливых сыновей и дочерей.

Я и мои сверстники жили в этой стране Востока, где восходит солнце с веселой улыбкой, где много красивых уголков, золотая степь, высокие горные вершины гордо поднимаются до неба.

Солнце на Востоке улыбается, на Западе плачет. Не зря называют люди день, когда солнце идет на закат, умирающим днем. О семнадцатилетних красавицах мы говорим: о, эта красавица восходящего мира своей жизни. Восток — начало дня, дворец Солнца.

О Восток, Восток! Золотой мой, родной Восток! Кто тебя не воспевал, кто тебя не любил. Ты такой романтичный. Ты страна поэзии, страна романтики. Счастлив тот поэт, кто на Востоке напишет поэму или роман в стихах. Сколько будет добрых пожеланий, благодарности этому автору, создателю нового шедевра восточной поэзии!

Мне кажется, все богатство, вся красота — на Востоке. Возможно, кто-нибудь подумает, что я слишком восхваляю свою родину. Да, я настоящий человек Востока и с гордостью называю себя сыном Востока и от души хвалю его. Скажите мне, друзья, встречали ли вы человека, который не любил свою Родину? Лишь только тот действительно человек, кто по-настоящему любит свою Родину, кто завоеует ее материнскую любовь, кто всегда помнит ее матушкой и с величайшим уважением относится к Волге — Некрасова, Днепру — Тараса и Рейну — Гейне. Они любили свою Родину, воспевали ее и учили, учат нас любить свою Родину.

Мой народ веками жил и кочевал на родном Востоке. Никто не может любить свою степь, свои земли, как он. Мой народ привержен к природе. Он кочевал в прошлом в целом, а сейчас кочуют лишь его животноводы. Они, чтобы освежить пастбища, переезжают на новые джайляу, когда аксакалы скажут, что старое место оскудеет кормом для колхозного скота, надо непременно переехать на другую летовку. Так каждый месяц они — на новом месте, богатом травостоем, колыхающемся многоцветным красивым ковром.

Наш народ в прошлом был кочующим народом, но он знал предел своего путешествия, он не искал чужую землю. Он кочевал веками, но свою степь никогда не покидал. Как Земля вращается вокруг Солнца, он вращался вокруг родного края. Восточный край этот является сердцем наших людей, моих братьев.

Недавно я читал в «Правде», что один красноармеец-казах поцеловал освобожденную от фашистов пядь земли Украины. Мы эти строки читали с одним украинцем, этот патриотический порыв моего земляка еще более сблизил меня с моим братом — украинцем. Мы с ним обнялись, поцеловались и заплакали. Мы, взрослые люди, плакали от радости за подвиг рядового солдата из моего родного Востока. Враг, как бы ни издевался, ни глумился, не смог бы заставить нас плакать, он увидел бы в нас только железных, верных Родине, присяге людей, воинов Красной Армии.

А сейчас наши слезы означали нашу гордость за нашу многонациональную Советскую Родину. Мы плакали от любви к Родине, от ненависти к врагу. Наши слезы явились нашей совместной клятвой — клятвой украинца и казаха — воевать до конца за освобождение от оккупантов всех захваченных ими советских земель.

Наш народ любит землю. Он называет ее вечной, другом человека. Ты тоже гордишься ею. Земля наша щедрая, добрая и человечная... Из-за любви к своей земле мой народ называли отсталым народом, азиатом, туземцем. Правда, он был отсталым. Зато он был верен своей священной земле. Он ее ни на минуту не покидал. Он даже не отлучался куда-нибудь, чтобы учиться, хотя бы на три года, получить образование. Ему большое удовольствие доставляло три раза посмотреть на родную землю и не отрываться от нее, чем ездить в другие края. Таково было отношение моего народа к родной земле в прошлом.

Человек Востока всегда искал, ищет свободу. Он не может жить под давлением какой-нибудь другой силы. Ему хочется жить свободно, быть свободным на своей любимой земле. Он скромный, пока его не тронешь. А если его тронул, он рассердится, и не жди от него ничего хорошего.

Могучая власть Советов сказала нашему народу: «Эй, народ Востока! Живи свободно на своей земле!» И вручила ему красное знамя — знамя интернационализма. И наш народ, вот уже четверть века, живет свободно и счастливо. Мы — уже 25 лет граждане многонациональной Страны Советов. Мы стали людьми совершенно нового покроя. Партия Ленина уделила нам большое внимание, проявила о нас великую заботу. Она нас поднимала все выше и выше. Мы со всеми народами Советского Востока счастливо шагали вместе. Все мы из отсталых поднялись до высот общечеловеческой культуры. Мы были довольны своей

жизнью и говорили партии: «Рахмет!»—во всеуслышание благодарили ленинскую партию за новую счастливую жизнь. Мы, люди Советского Востока, стали активными борцами за укрепление и окончательную победу нового советского образа жизни...

Но грянула война. Мой народ с оружием в руках поднялся против врага, днем и ночью направлялись его лучшие сыновья на фронт. Днем и ночью шли с востока на запад эшелоны с ними. Представители Советского Востока упорно, стойко, храбро сражались на всех направлениях с жестоким, лютым врагом. Легендарная дивизия Героя Великой Отечественной войны генерала И. В. Панфилова прибыла на фронт из моего родного Казахстана. Она вступила в соприкосновение с врагом на подступах к Москве и стойко отразила удары сумасбродно рвавшихся к столице Страны Советов танковых полчищ.

Кто не знает сейчас о 28 героях-панфиловцах, погибших смертью храбрых в дни сражений за родную Москву. (Тогда Баубек, как и многие из нас, еще не знал, что некоторые герои-панфиловцы остались в живых — С. А.).

Джигиты Востока — панфиловцы — день и ночь в единоборстве смело уничтожали бронированные машины врага, дрались отчаянно и храбро. Ими законно гордятся не только народы Востока, но и всей Страны Советов. О, какая гордость это для нас: ими будут гордиться последующие поколения. Среди погибших были и мои земляки — алматынцы. Они были молодыми, комсомольцами, стояли со мной вместе на учете в одной районной организации Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Казахстана.

Слава 28 героев-панфиловцев гремит по всему миру, о них с восхищением говорят на фронте и в тылу нашего великого Союза, о них говорят во всем мире: Мексике, Вашингтоне и Лондоне. Их имена сейчас страшат наших врагов...

Глупец Гитлер в двухнедельный срок мечтал захватить Москву, Ленинград и дойти до Урала. Фашисты кричали: «Взятие Урала — это «капут» России, этим мы завершим войну. Больше нет необходимости в растрате снарядов. С Азией воевать не будем, Азия сдастся без боя».

Они, на самом деле, нас за людей не считали. Зато мы их считали за самых опасных врагов. Все народы нашего Востока немедленно поднялись на ноги и отправили на фронт своих сыновей. «Азиаты», как их презрительно называли в начале войны фашисты, смело пошли против них в атаку. И враги, и наши зарубежные друзья убедились,

что Советский Восток атакует, не жалея сил воюет с общим врагом Страны Советов и вносит свой вклад в победу над ним.

Наши люди сильны и опытны. Мы вместе с русским народом участвовали в трех революциях. Сколько томов книг нами прочитано о батырах Советского Востока, о красных полководцах, героическом рабочем классе России. Народ Абая и Джамбула, народы Навои и Токтогула никогда не подведут товарищей по оружию...

У наших джигитов не должно быть никакого страха. Сын Востока — честный человек: ты уже участвовал во многих сражениях, ты закалился. Ты видел ужасающие картины на Украине, в Белоруссии. Вместе с тобой воюет украинец. Ты спроси у него, где его родная хата, где его семья, где его друзья? Спроси у своего товарища белоруса, все ли в порядке в его семье или нет? Разрушены, сожжены их хаты, отцы и матери убиты, а дети — внуки Тараса — обескровлены. Плачут вещие струны цимбал, никого не веселят, потомки Кобзаря оплетены оккупантами. Поруганная могила великого Тараса проклинает фашистов. В Киеве на улице Гоголя садист Розенберг торгует действительно «мертвыми душами» — трупами мирного населения, награбленными у них ценностями, вещами. Розенберг — Плюшкин гитлеровского времени — не только занимается скопидомством, он беспощадно истребляет советских людей и продает «украинский хлеб», выращенный на их трупах.

Сыны Востока! Ваши товарищи на Западе ненавидят фашистов. Они хотят до конца мстить за их злодеяния, за поруганную родную землю. Они — наши кровные братья. Мы с ними в мирное время учились вместе, вместе работали и веселились. Сегодня вместе сражаемся с фашистскими войсками. Может быть, нам придется вместе и умирать. Мы, сыны Востока, должны сделать для победы над врагом больше, чем другие. Друзья, семьи ваши в глубоком тылу, а каждый член семьи воина-украинца, воина-белоруса жертвует собой в борьбе в тылу у фашистов, на передовых позициях наших войск. За наш Восток, наш родимый край, сражается Москва, сражаются Ленинград, Украина, Белоруссия.

Молодежь Востока! Ты солдат Страны Советов, ты звезда нашего народа, твой народ обнимает тебя и крепко, крепко целует за твой подвиг, за твое стремление бить врага... Ты герой, смело идешь в атаку, ты полон решимости идти на смертельную схватку с врагом до победы.

Ты и твои сверстники были самой счастливой молодежью мира. История Советского Востока никогда не знала такой счастливой жизни молодого поколения, как твое. Ты был молодым полноправным гражданином, ты жил и учился, ты трудился на благо нашей Родины. Молодые люди нашей страны, несмотря на юные годы, становятся писателями, поэтами, учеными и историками, инженерами, рекордсменами, стахановцами, а это — никому у нас не отнять.

Нам предоставлены все права, чтобы стать полноценными людьми. Мы пользовались, пользуемся ими, учились и трудились. Мы уже накопили немало знаний. О, молодежь Востока, современники мои, подумайте, какой громадный труд положили для достижения всего этого наши отцы и матери, старшие братья и сестры со дня свершения Великой Октябрьской социалистической революции. За последние 10 лет мы ни на один день, ни на один час не расставались с книгами, мы стремились познать различные науки, стремительно развивающуюся технику...

...Мы мечтали... прочитать всю мировую и русскую классику, произведения самородков — поэтов, акынов, писателей родного казахского народа. Все это было не от скуки, а от нашего доброго желания глубже и глубже познать окружающий мир, стать полезными своему народу, стране, строящей новый мир, новое социалистическое общество, и грядущему за нами поколению, передовому человечеству всего мира.

Мы уже тогда представляли молодость передовой науки, литературы и искусства, а сегодня враг хочет истребить нас. Но мы умеем гордиться своей страной, умеем воевать, умеем ненавидеть зарвавшихся фашистов и презирать смерть. Правда, смерть — дело печальное, вместе с нами уйдет в вечность то, что мы познали, чему научились. Ведь каждый из нас уже отдал только одной учебе по 15 лет. Мы еще не успели широко применить на деле свои познания, по первому зову Родины пошли воевать. Вот здесь, на передовых позициях схватки с врагом, идет жесточайший спор между жизнью и смертью. Мы — советская молодежь — знаем, что героически сражаясь с врагом, жертвуем своей жизнью за свободу, счастье нашей Родины. А они, фашисты, умирают, не думая ни о себе, ни о судьбе своего народа.

Сыны Востока! Наша борьба с врагами в дни Великой Отечественной войны будет записана в истории человечества золотыми буквами.

Война приближается к решающей фазе, недалек тот день, когда враг будет окончательно сломлен и побежден. Вперед, друзья мои!.. На Востоке нас ждут наши семьи, они хотят, чтобы мы скорее вернулись к родным очагам, нас ждут украинские, белорусские девчата, которые вместе с нашими близкими в далеком тылу куют оружие победы на наших предприятиях и колхозных полях. Они считают нас своими родными, бесстрашными воинами. И в этом они правы. Мы — сыны Востока, не пожалеем сил для изгнания врага из их родных краев, которые они горячо любят и жаждут быстрого освобождения от оккупации.

Скучают о нас наши родные, скучают украинки и белоруски. Мы тоже соскучились по ним, по родным. Наш родной Советский Восток ждет нас с победой!

Сыны Востока, земляки мои, вперед на Запад! Мы должны сражаться с врагами храбро и смело, беспощадно уничтожать живую силу и боевую технику вероломных фашистов так, чтобы они уже в этом 1942 году убедились, что их мечте о молниеносной победе над нами пришел конец, и их солнце катится к закату, и не увидит им ни Волги, ни Кавказа, ни Урала.

Баубек **БУЛКИШЕВ**

зам. политрука.

Западный фронт, пмс. 736, п/я Г⁵⁵.

Впервые опубликовано в «Ленинской смене» 5 мая 1977 года.

Оригинал хранится в Центральном архиве ВЛКСМ.

Я ХОЧУ ЖИТЬ

Письмо молодого казаха-фронтовика

Впервые в жизни я пробую писать при лунном свете. Хорошо видны ряды строк, но читать все-таки трудно, поэтому нельзя изменить слово, нельзя исправить ошибку. Думаю все же, что вы на меня за ошибки не обидетесь и, где надо, поправите.

Замечательная сегодня ночь, лунная ночь, редкая в эти осенние дни! Много я видал красивых лунных ночей, но сегодняшняя особенно поражает меня,— ведь это ночь перед боем. Перед боем всегда все кажется красивее, чем

обычно, и чувствуешь себя как-то особенно. Спать не хочется. Хочется что-то делать, кричать во весь голос или стрелять. Но до стрельбы еще остается довольно много времени. И вот я пишу. Строчки тоже иногда бывают выстрелами.

В атаку мы пойдем на рассвете. Разведчики установили, что немцы сосредотачивают на нашем участке фронта много танков и мотопехоты. Надо опередить их, расстроить их планы. И мы с рассветом атакуем населенный пункт, занятый фашистами. Нас ждут кровопролитные бои, мы это знаем.

Товарищи мои сейчас отдыхают, я вижу, что многие, как и я, не спят. Наверно, думают. Думают о многом,— перед боем всегда как бы входишь в новый мир. Самые близкие мои товарищи — Федя и Вася — тоже не спят. Уже несколько раз они спрашивали, что я пишу, но я не отвечал. Слышу, как Вася вполголоса спрашивал у Феде:

— Ну вот, скажи, о чем ты сейчас думаешь?

А Федя ответил:

— Замечательно мы жили с Раей...

Вася молчит. Я знаю, что и он сейчас думает о своей любимой жене. Так и есть. Вот он говорит:

— Ты знаешь, Федя, вот здесь,— он показывает левый карман гимнастерки,— здесь лежит письмо от моей Саши. Она опять пишет о сыне...

Я вспоминаю историю сына Васи, которую он нам много раз рассказывал. Это был первенец Васи и Саши, умный и красивый мальчик. Они любили его. Немцы убили их первенца. С тех пор Саша в каждом письме пишет Васе и требует, чтобы он как можно больше убивал немцев.

Мы дружим уже давно. Кажется, что дружим еще дольше, всю жизнь, хотя впервые встретились на фронте. Федя русский, Вася белорус, я казах. Сколько раз вместе в атаку ходили, сколько раз вместе спали под одной плащ-палаткой, сколько раз ели из одного котелка вкусный красноармейский борщ, приготовленный нашим любимым поваром — татаринном Абдулкаем.

Друзья замолкают, снова погружаясь в свои думы. Большая дружная фронтовая семья отдыхает перед боем, мысленно проверяя весь жизненный путь. Тишина. Не воет ветер, не шумят листья, не поют птицы, не слышно ни выстрелов, ни взрывов. Величественная тишина, тишина перед боем.

И я, как и каждый, заново просматриваю всю свою маленькую жизнь, проверяю ее день за днем вот до этой

самой ночи. Перед моим взором проходят такие знакомые мне двадцать лет. Первые восемь лет — счастливое детство; потом десять лет, отданных учебе; потом армия и фронт. В сущности говоря, моя жизнь, жизнь молодого казаха, только началась.

И вот в эту ночь перед боем мне хочется сказать родине, народу, человечеству: я еще не взял свою долю у жизни, я люблю жизнь, я хочу жить. Я говорю об этом не потому, что боюсь, что завтра меня убьют не потому, что я трус. Нет, я как и мои товарищи, как Федя и Вася, не буду щадить себя. Я знаю все опасности боя, я знаю, чем я рискую, тем значительнее для меня этот завтрашний день.

Горький писал: «Человек — это звучит гордо», и я хочу человеком идти в бой. Я стою на высокой вершине двадцатого века. Человечество прошло долгий путь от Софокла до Ленина, от Гомера до Горького, от Баха до Шостаковича. Человечество веками накапливало богатства культуры, и наше поколение самое богатое.

Мы всегда любили и свято берегли это наследство. Сердцем и душой своей мы ценили его, особенно дорого это наследство нам, казахам, которые только теперь знакомятся с его сокровищами. Сколько незабываемых ночей провел я наедине с книгой. Как зачитывались мы «Илиадой», как увлекались многотомной «Человеческой комедией» Бальзака, как много дал нам Толстой! Славная русская литература! Тебе я обязан своим воспитанием. Кто в эти трудные дни не вспоминает об Андрее Болконском, о Тарасе Бульбе, о Павле Власове и о многих-многих любимых наших героях?

Мы любили поэзию, мы отдавали свой досуг философии. А сколько раз мы благодарили того композитора, который говаривал: «Если хочешь говорить с сердцем человека, учись музыке». Мы слушали музыку сердцем, мы любили Бетховена, мы с восторгом слушали Шостаковича. Нам еще не довелось слушать его 7-ю симфонию. Ничего, придет время, мы ее прослушаем.

Да, мы всегда были жадными до знания людьми. Мы учились не от скуки и не от безделья, мы хотели стать образованными, культурными людьми для того, чтобы познать великое наследство человечества, умножить его. И мы его умножим, вот только перебьем немцев, и обязательно умножим.

В эту ночь Федя вспоминает о Рае, хорошей русской женщине, Вася о белоруске Саше, я тоже вспоминаю

о своей любимой девушке, дочери Советского Востока Жанне. Ты далека от меня, Жанна, но твоя фотокарточка сомной, она спрятана в комсомольском билете, и твоя любовь согревает мое сердце. Где ты сейчас, Жанна? Может быть, оставшись на вторую смену, ты работаешь сейчас в цехе военного завода, чтобы побольше дать мне снарядов. А, быть может, отработав много часов подряд, ты спишь сейчас и видишь во сне, как изготовленные твоими руками снаряды рвут врагов на куски.

Спи спокойно, родная. Мы бережем здесь твой покой. Я мечтал о карьере ученого. Я стал солдатом, чтобы сражаться за тебя, за наш Восток, за нашу родину. С мыслью о тебе и о родине я пойду утром в бой.

Я хочу жить. Знаешь, Жанна, умереть на войне не очень трудно. Многие говорят: «Умрем за родину». Если надо, мы умрем, как умерли двадцать восемь моих земляков под Москвой. Но мы, солдаты родины, хотим говорить так: «Будем жить во имя родины». Жить и убивать немцев!

Я хочу жить. Но я не могу жить с немцами, с ними мне тесно в мире. Человек не может жить в одной комнате со зверем. Я не могу жить на одной земле с немцем. Мы любили Шиллера и Гете, мы и сейчас любим их. Мы не кровожадны. Но я не вижу среди юношей Германии ни одного Вертера, у них нет сердца. Поэтому я безжалостно их уничтожаю.

Немцы даже не солдаты. Суворов говорил: «Солдат — не грабитель». Я немножко изменю эту фразу: «Грабитель — не солдат». Немецкая молодежь! Ты величайшая преступница нашего века, тебя прокликает весь мир, тебя прокликает история, тебя проклянут твои потомки. Я краснею, вспоминая о том, что в наш культурный двадцатый век существуешь ты, разбойница с автоматом в руках. Ты позор для нашего века. И чтобы этот позор смыть, я должен убить тебя, и я тебя убью, если ты фашист.

Мы всегда были гуманистами. Мы любили человека и считали его жизнь самой большой ценностью, какая есть на земле. Я хочу, чтобы человек жил, творил, занимался своим трудом. Но для того чтобы он жил и творил нужно все то же: убить немца. Во имя этой задачи мы жертвуем всем, и мы добьемся своего.

Недавно в бою я видел, как умер один молодой поэт. Он сражался с врагом, как герой, и умер, как герой. Перед смертью он вспомнил, как погиб Байрон, и отдал нам свою записную книжку, чтобы мы снесли ее в редакцию. Уми-

рая, он надеялся, что его стихи переживут его. Он хотел жить и после своей смерти — в строчках, которые будут читать его товарищи.

Мы хотим жить. Не слишком ли много мы говорим об этом? Нет, мне вспоминается сейчас, как говорил Спиноза: «Свободный человек менее всего думает о смерти, а мудрость его основана на размышлениях о жизни, а не о смерти». Мы — свободные люди, и поэтому мы говорим о жизни.

Что такое жизнь? Рождаясь, человек стучится в двери мира и поднимается на первую ступеньку своего пути. Перед ним долгий, неровный, зигзагообразный жизненный путь. Человек то поднимается вверх, то опускается ниже, то снова поднимается вверх. Он спешит по этому пути, он торопится. Он бодр и весел. Он знает, что этот путь, как и все в мире, имеет свой конец. Но ему этот конец не страшен. Ему дорог самый путь, вот этот долгий, зигзагообразный путь. В этом пути, по которому идут одно за другим поколения и есть вечная жизнь.

Я советский юноша, мне двадцать лет. Я уже прошел часть своего пути, но впереди много и много. Вот она, моя золотая дорожка, идущая через вершину двадцатого века — вперед и выше. Она проходит по просторам моей великой родины. По сторонам толпятся миллионы таких же молодых людей, как я. Они идут своими дорогами, но все они направлены в одну сторону — вперед и выше.

Вот мой город, вот мой университет, вот моя любимая Жанна. Я иду к ним через огонь войны. Я спешу, я тороплюсь. Мне надо добраться к ним быстрее, но поперек моего пути стоит с автоматом немец. Он хочет меня убить, он хочет помешать мне идти вперед. И он убьет меня, если я оплошаю, он убьет тогда и моих родных, убьет мою Жанну, разрушит мой город и мой университет.

Мои родные вручили мне свою судьбу. Я отвечаю за нее. И я сумею ответить.

Восток уже белеет. День с ночью спорит, наступает утро. Сейчас будет дан сигнал тревоги, и поднимутся мои друзья. Надо кончать письмо, идти в бой, чтобы выполнить свой долг. До свидания, Жанна. Я ухожу, чтобы убить немца.

*Баубек БУЛКИШЕВ.
Действующая армия, полевая почтовая
станция М 1531.
(«Комсомольская правда»
5 ноября 1942 г. 3 стр.)*

Я ЛЮБЛЮ УКРАИНКУ

Письмо молодого казаха-фронтовика

Дорогая украинка!

Еще с прошлого года в моем фронтовом блокноте сохранились строки из твоего письма. Ты мне это письмо написала из глубокого тыла из Казахстана. Ты находилась на моей родине. Назвала меня родным, просила и наказывала, чтобы я героически сражался с немцами, был активным участником за освобождение твоей Украины. Ты гордилась, украинка, ты писала: моя любовь с тобой, родной боец; и писала еще о своем горе, о своей любви к Украине, ты училась в Киеве, хотела стать инженером, и затоптана твоя мечта войной.

Человек обычно живет своей мечтой о будущем, воспоминаниями о прошлом. Сегодня в тесной землянке, вспоминая о твоём письме, решил написать тебе письмо.

Украинка! Я сижу в тесной землянке за Червонным Яром — это селение недалеко от Кривого рога. Мы в течение 4-х месяцев гоним немцев. Мы форсировали Северный Донец, мы форсировали Днепр. Мы прошли порядочный путь, возвратили Родине сотни селений, десятки городов, огромную площадь украинской земли. Я не говорю об Армии, которая освободила Киев или корпусах, освободивших Харьков, Полтаву и другие города. Я хочу говорить о своем полке, с боем гнавшем немцев от Северного Донца до Кривого Рога. За отличное вождение полка нашего любимого командира подполковника Титова Родина наградила орденами. Он — кавалер ордена Александра Невского. Орден великого полководца вдохновляет всех нас.

В нашем полку сражаются с немцами люди из Азии, из Сибири, с Урала. Они все, как один, со всех концов Союза вступили на путь за освобождение Украины. Немец удирает, немец бежит, ему Украина перестала быть вкусной «яйкой», жирным салом, белым хлебом, а стала им могилой.

Украинка! Ты любишь Украину, Родину свою, где родилась, где жила, где училась, где стала красавицей. Мы наши советские люди, наши девчата, как ты.

Кто не говорил о девушке, кто о ней не пел, кто ее не любил? Мало ли о них писали? Катерина — Тараса, Тать-

яна — Пушкина, Женни — Тургенева, Тамара — Лермонтова. Были ваши старшие сестры украинки! Вы учились, подражали им. Я говорю: «Люблю украинку!» Эта любовь, любовь к вам зародилась у меня на войне. Я продвигаюсь на Запад по украинской земле. Вижу ваши слезы и горе, стремление к борьбе. Сколько хороших девушек бандиты увезли в Германию. Мне слышно, как они стонут на каторге в Германии. Мне видны их слезы, мне ясно их горе. Нет на Украине семьи, из которой не увезены в Германию или сын или дочь. Я приведу письмо одной девушки, которое она послала из Брамшвейга своей матери колхознице Рижой Евдокии из Днепропетровской области колхоза «Богдановка». «Дорогая мамочка, живу очень хорошо (они условились, если очень плохо живет, то писать «очень хорошо»), работаю на заводе по 14 часов. Кормят два раза в день помойкой, которую у нас свинья не кушала бы. В день 150 грамм хлеба дают. И то не всегда получаем. Живем в лагере, огороженном проволокой. За заграждения не пускают. От голода и тяжелой работы у меня кружится голова. Дорогая мамочка, сколько детей ты ни воспитала, но среди них я самая несчастливая. Дорогая мамочка, пришли косыночку какую-нибудь. Мамочка, от слез не могу больше писать. До свидания. Твоя дочь Нюра».

Таких писем я встречал множество. Настало время: теперь бандура не играет — стонет, теперешняя девушка не поет, а плачет. У них отняли счастье и радость. Их любовь и гордость растоптали, сделали рабами. Мы их видим, мы их слышим, мы идем вперед, чтобы освободить любимых девушек от злодеяния и издевательств, страдания наших сверстниц заставляют нас еще больше любить их, сражаться еще сильнее за их счастье и освобождение.

Вы, сверстники мои, я вас люблю,— говорю друзьям по оружию,— вперед, за любимую девушку, за украинку! Дорогая девушка, украинка! Может, ты уже на своей Родине! Участвуешь за восстановление родного города! Передай привет своим подругам, что мы, сыны Родины, со всех концов Союза сосредоточились на украинских фронтах, взялись за полное освобождение их. Мы, воины, грудью сражаемся за твою, украинка, Украину, сердцем любим Украину.

Ст. лейтенант *Баубек БУЛКИШЕВ.*
Действующая Армия, полевая почта 21271-Б
21. 12. 1943 год.

Написано на немецком трофейном телеграфном бланке.

ПОЯСНЕНИЯ

¹ «Жизнь принадлежит нам» (Январь, 1942 г.)

Первоначально статья была написана на русском языке и напечатана по нашим предположениям во фронтовой газете 10-ой армии «Бей врага». В своем письме от 20 июля 1942 года Мукану Иманжанову Баубек пишет, что сам перевел статью на казахский язык и при этом испытывал затруднения по части перевода военных терминов и команд.

В подшивках газеты «Бей врага» за январь-июль 1942 г., хранящихся в Ленинской библиотеке и архиве Министерства Обороны, не хватает многих номеров, поэтому русский вариант статьи считается утерянным.

На казахском языке статья впервые публиковалась в газете «Социалистик Казахстан» от 25 августа 1942 г.

В нашем сборнике приводится перевод этой статьи, сделанный по ранее не публиковавшейся недавно обнаруженной рукописи.

² «О жизни и смерти». Записки молодого казаха-фронтовика. Впервые опубликовано в газете «Комсомольская правда» 1 мая 1942 г.

³ «Слушай, Кавказ!»— опубликовано в газете «Комсомольская правда» от 23 августа 1942 г.

⁴ «Письмо сапера пехотинцу при передаче дзота»— впервые опубликовано в газете 10-ой армии «Бей врага!» в номере от 23 августа 1942 г.

⁵ «Письмо сыну Востока»— написано по-русски. Б. Букишев посылал эту статью в «Комсомольскую правду», однако там она опубликована не была. Рукопись статьи сохранилась в архиве выставки «Советская молодежь в Великой Отечественной войне», впервые опубликована 5 мая 1977 г.

⁶ «Я хочу жить». Письмо молодого казаха-фронтовика. Написано по-русски, в сентябре 1942 г. Впервые опубликовано 5 ноября 1942 г. в «Комсомольской правде».

⁷ «Я люблю украинку». Письмо молодого казаха-фронтовика. Это последнее произведение Баубека Булкишева, написано оно было по-русски и отослано 21 декабря 1943 года в «Комсомольскую правду». А вскоре, 3 февраля 1944 года, Баубек Булкишев погиб смертью храбрых. Рукопись статьи хранилась в фонде центрального архива ВЛКСМ среди материалов выставки «Советская молодежь в Великой Отечественной войне». Впервые статья опубликована в газете «Ленинская смена» 3 ноября 1976 г.

ПИСЬМА ОТ БАУБЕКА
(ПИСЬМА ЗА ПЕРИОД 1940-1944 гг.)
НАСЛЕДИЕ ПОТОМКАМ

11 МАРТА 1940 ГОДА,
Г. МОСКВА

Мукан! Катира!

Мы днем шестого марта прибыли в Москву. Живы-здоровы, устроились. Стали солдатами. Учения уже начались. Сегодня суббота, и у нас выдалась свободная минутка. Все пишем письма домой.

После того, как выдали военную форму, а ту одежду, в которой мы прибыли из дома, сказали вернуть родным, я отправил ее тебе. Получишь.

Мукан, человек бывает разным. Вместе с тем он привыкает, рано или поздно, к любым трудностям и испытаниям. Ты помнишь Баубека, который и за час не мог одеться? Теперь он одевается за три минуты. Тот же самый Баубек, что работал всего три часа в сутки, а остальное время сидел без дела, теперь работает по двенадцать часов. «Герой», что вставал с постели в десятом часу, теперь вскакивает в шесть утра.

Итак, за пять дней мы научились многому. Настоящая жизнь — здесь. Пустые слова, сказанные в Алма-Ате: «Там жизнь — не жизнь». Я думаю, мы только-только окунулись в настоящую жизнь.

Успели побродить по Москве, посмотрели интересные места, спустились в метро, катались на электропоезде.

Еще раз повторяю, что человек — существо интересное. После того, как вы проводили меня, я познакомился с разными людьми. Беседовал с ними. Я понял, что самое трудное, когда ты уезжаешь далеко и надолго, — это не сам отъезд, и даже не долгое приготовление к нему, а те короткие десять-пятнадцать минут перед расставанием. Когда протягиваешь друг другу руки и чувствуешь близость разлуки с новой силой.

Расставаться трудно, плачу я,
Остаться не могу, милая моя,—

так поется в песне. Время прощания — самое трудное. Я помню, вы с Катирой стоите на платформе, а мы — в вагоне. Я слоняюсь по вагону, словно загнанный жеребец. Только я к выходу направляюсь, как слезы брызжут из глаз. Было так трудно. Пячусь назад, боюсь расплакаться. И в то же время жаль вас. Вновь направляюсь к двери, и слезы по-предательски катятся из глаз.

Я впервые понял тогда, что такое настоящее чувство, от которого сердце человека тает. Хорошо, что молодежь в вагоне была занята каждый собой и никто не обратил внимания на мое состояние.

Больше всего мне было жаль расставаться с Катирой. Слезы мои, что катились из глаз, были о ней. Все-таки я нашел силы выйти из вагона. Это была невыносимая ноша — видеть ваши лица.

Так я стоял понуро, а Газиз рядом воскликнул: «Как расстраивается этот Мукан-собака!» А по нему тоже было видно, как нелегко ему расставаться с вами. Но он оказался сильнее меня — смеялся, шутил. Я не мог, в отличие от него, смеяться. Я плакал. Почему? Навряд ли я смогу ответить на этот вопрос. Знаю одно: с тех пор, как я помню себя,— никогда не плакал. Даже когда потерял родителей. Может быть, эти слезы были вызваны тем, что сердце слабеет.

Через два года я вернусь домой. Газиз говорит, что вернется еще раньше. Вполне возможно, что его отпустят через месяцев пять-шесть. Только это еще не решенный вопрос. Самое прекрасное то, что рядом с нами служат несколько ребят-земляков. Я и Газиз — в батальоне инженеров. Зима в Москве холодная, но бойцы нисколько не боются ходить в одних рубашках.

Как дела у вас? Все ли благополучно у Катиры? Все ли хорошо у Канаса? Как ты решаешь вопрос с Сарой? Бывай почаще в доме Газиза. Поднимай дух старушке.

Мукан, если у тебя будет возможность, то мои старые вещи: одеяла, одежду — продай или же раздай кому-нибудь. Пусть останутся только моя новые ботинки, костюм, Да две новые рубашки. Шинель Камалбека верни, и если он не обидится, заberi у него мое пальто.

Прощай, Баубек.

Пиши письма! Я думаю не будет лишним, если мы будем знать друг о друге хотя бы через письма. Если же тебе будет некогда, то ты сам себе хозяин. Мы имеем возможность писать только в выходные дни, в другие дни — некогда. В связи с международным положением наш рабочий день длится двенадцать часов.

Мы были с тобой друзьями четыре-пять лет, но ты перед моим отъездом в армию обидел меня. Я был лишен возможности не только несколько дней, но и один день быть в хорошем настроении. Да ладно теперь об этом! Лишь бы ты не таил на меня обиду.

До свидания. *Баубек.*

Мой адрес:
Москва, 33, п/я 250,
Булкишеву Баубеку.

Это письмо читай сам. Из тех фотографий, что я сделал тогда, вышли мне одну, а оставшиеся положи в мои бумаги.

12 ИЮНЯ 1940 ГОДА,
г. СЕРПУХОВ

Мукан получил твоё последнее письмо. Мы сейчас в лагере, расположились на берегу реки Оки в восьми километрах от города Серпухова, что в ста километрах от Москвы. Будем здесь до сентября. Позже, если обстановка не переменится, возможно, вернемся на наше прежнее место. Проходим сейчас боевую подготовку. В день занимаемся по 10 часов. Производим съёмку местности, ориентировку на ней, возводим мосты, а потом безжалостно их взрываем. С 5 часов утра и до 10 ночи нет нам покоя. Несмотря на это, практические, тактические занятия очень увлекают. У нас инженерные войска.

В день проходим по 30—35 километров — и хоть бы что. А потом как ни в чём не бывало принимаемся ещё и за другие работы.

Слова Газиза о моем возвращении домой связаны с тем, что доктор отстранил меня от тяжелых работ из-за болезни легких и я довольно долго выполнял только не сложные задания. А так называемое увольнение, если и будет, так только года через два — не так-то просто выбыть из воинской части.

Недавно получил письмо от брата (от Сейтжана). Он вышел из тюрьмы. Письмо пришло из Алма-Аты. На теле-

грамму, говорит, не было денег. Жалко его стало. Теперь он в Улытау. Очень радовался его освобождению.

Приехала ли твоя семья?

Можешь писать мне ничего не скрывая. Тайна переписки соблюдается. Порядки в лагере очень строгие, в город или куда еще из лагеря не выпускают. Но все равно не скучно.

Пишу тебе сейчас из кухонного наряда. Всю ночь чистил картошку, не спал. Сегодня выходной, в 6 вечера освобожусь; смешно даже: руки грязные-грязные.

Мукан, перед отъездом я как-то сфотографировался, оставил тебе квитанцию на фотоснимки, если получил, пришли мне один из них.

Коли ты поселился рядом с домом Мусы, то выходит, ты рядом и со своей снохой, познакомься с нею, передай привет, я ей напишу. Меня заинтересовали твои слова о том, что многое хотел мне сообщить, любопытно узнать: о чем?

Напиши подробно.

И я бы написал кое-что интересное, да только тороплюсь.

Прощай.

Баубек.

Да, кстати, как обстоят дела с моей «Айсулу»? Опубликуют ли что-нибудь в журнале? Узнай...

Мой адрес: Московская область, город Серпухов, п/я 41, Булкишеву Баубеку.

14 июня 1940 года¹

Мукан!

Мы окончательно собрались в дорогу, подтянулись уже — и вот-вот выступим. Само собой, отправляемся в командировку, а что это за командировка, сам, пожалуй, догадываешься (решающая). Только вот в каком направлении двинемся — неизвестно. Жди письма от меня...

Передай привет своим родным.

Кстати, вчера, когда составляли списки и было сказано назвать надежного родственника, я подумал-подумал и написал твое имя. Однако адрес указал: проспект Сталина, 43.

¹ Эту дату мы приводим в соответствии со строками из письма Баубека: «Два дня назад я отправил тебе письмо...»

Ладно, прощай. Баубек.

Газиз со мной, жив-здоров. Два дня назад я отправил тебе письмо, получил?

Мусе, Катире-апай, Марлену-молодчине передавай привет. Капасу, Культай передай тоже.

Родным Газиза ничего не рассказывай. А не то апай будет переживать, скажи, просто перевели в другой лагерь.

По прибытии, как освоюсь, если цел буду и удастся получить твое письмо, напишу. Сейчас мы в пути, пишу в дороге.

22 ИЮНЯ 1940 ГОДА.
Г. ПАНЕВЕЖИС, ЛИТВА

Мукан!

Понемногу добрались мы до Литвы. Сейчас мы здесь. Очень взволновало то, как хорошо встретил нас, советских воинов, литовский народ, особенно молодежь. Под этим впечатлением у меня появилось желание написать поэму «Дочь Литвы», жаль, нет времени. Начиналась бы поэма так: на кладбище за Каунасом среди бесчисленных могил в скорби сидит девушка и играет на арфе. Это нужно суметь описать...

О Литве ты, наверное, и сам читаешь. Перейдя границу и углубившись на 200 километров, мы расположились рядом с одним из больших городов Литвы, и вот посреди населения другого государства беззаботно едим свою кашу, как сказал в прошлом году один человек. Сейчас мы в городе Паневежисе, посмотришь по карте. В Литовском государстве. Когда вернемся домой — неизвестно. Пока будем здесь. Нам было сказано писать только по одному письму; поразмыслив, пишу его тебе. Отправь это письмо брату. Но к нам писать писем нельзя. Будете только узнавать о нашем здоровье.

Катире, Мусе — передай привет. Культай, Капасу передай тоже.

Что с моими стихами, которые я оставил? Если вернемся в Москву, пришлю телеграмму. Но будем здесь, кажется, еще долго.

Прощай, времени не хватает.

Мукан, наш брат освободился и уехал в Улытау.

Передай Лиде вот это письмецо. Положишь в отдельный конверт. Объясни насчет переписки. Просто хотелось

бы получить письмо хоть от одной девушки. Ты не думай, что мол, «эх, молод еще!»

Искену, апай передавай привет.

22 ИЮНЯ 1940 ГОДА

Брат!

Получил твое письмо из Алма-Аты. Но отправить сразу ответное не было времени. Только сегодня удалось написать. Сейчас я в Литовском государстве. Неизвестно, много ли, мало ли времени — сколько бы ни было, будем служить здесь в рядах Армии.

Несколько дней только как прибыли сюда. Надо сказать, литовцы хорошо нас приняли, вышли навстречу с цветами. Простой люд как родных встречал доблестных советских воинов.

Вместо старого государства было создано новое. Как будет в дальнейшем — сказать трудно. В любом случае нашему народу это не принесет вреда.

Брат, получив ваше письмо, обрадовался так, что в душе моей будто бы вновь восстало все то высокое, что взрастил в себе за свою короткую жизнь и что уже было рухнуло. Будто бы вновь восстановилась та крепкая опора моя, о которой я помнил всегда, где бы я ни был, которая поддерживала меня порой, порой радовала втайне души. Вот только огорчили меня ваши слова о том, что на телеграмму не было денег. Что поделаешь, кто не испытывал ударов судьбы. Зато как минуют — радуешься. После освобождения лучше ничего не говорите Мукашу. И Бибигуль предупредите об этом.

Письмо это, возможно, придет поздно. Как бы там ни было, ответьте сразу же, получив его. Напишите о своих делах. Как живете, хозяйство, наверное, запущено.

Прощайте, *Баубек*.

Передай привет Камашке, Бибигуль.

Адреса у меня нет. Пока его дать не могу. Вам остается только ждать письма, очень спешу.

15 СЕНТЯБРЯ 1940 ГОДА,
г. СЕБЕЖ

Мукан!

Получил твое письмо от тридцатого августа. Ты, пожалуй, знал заранее, что это письмо, конечно, взволнует такого человека, как я. Буквально каждое слово, прежде не-

слышанное мною от тебя — ты сдержаннее в проявлении чувств, — настолько тронуло, всколыхнуло мое сердце, как если бы пришел ко мне самый близкий, лучший друг, обнял как родного и со всей любовью прижал к себе.

Да, ты сильно соскучился по мне. В самом деле, очень сильно соскучился. А насколько скучаю по тебе я, суди сам: помнишь, в прошлом году, когда приезжал на двадцать дней в командировку, я, словно ребенок, истосковавшийся по матери, хотел быть постоянно рядом с тобой. А в дороге, когда ехал к тебе, ощущал, как что-то горячей волной подкатывало к сердцу и вливалось в него, наполняя всего меня огромной радостью предстоящей встречи. Тогда я мечтал: вот приеду сейчас в Алма-Ату, встречу с Муканом, изолью ему свою душу, вместе будем гулять, смеяться...

Таким было мое душевное состояние в те двадцать дней. А представь себе, как я скучаю теперь. Вспоминаю тебя снова и снова, бесконечно; ты постоянно перед моим мысленным взором, только и думаю о тебе об одном.

Конечно, ты сейчас думаешь: мое письмо разбередило душу Баубеку, заставило его рассентиментальничаться, он намного несдержаннее меня. Это правда, пожалуй. В самом деле, человек так сложен. И в твои мысли мне хочется вникнуть еще глубже. Просто очень скучаю — вот что хочу сказать. Но что поделаешь?

Как-то в одном письме ты учил меня: «сентиментальность — это слабость, нужно быть хладнокровным». Я согласился с этим.

Но то, что я соскучился по тебе, во многом оправдывает мою сентиментальность. Изолью тебе душу, пусть даже в письме, — и будто с новой силой вспыхнет трепещущее пламя. Потому что многие годы мы провели вместе, и, казалось, не будет конца нашим беседам, это были чудесные душевные разговоры. Оба мы, не наговорившись об одном, заводили речь уже о другом. И будет неправдой, если скажу, что не помню сейчас, о чем говорили тогда, к каким приходили выводам. Да, с волнением вспоминаю те времена, когда ни дня не могли быть друг без друга. Поэтому письма твои — словно продолжение наших разговоров, не оконченных в те годы. Оттого и слова становятся сентиментальными, бережат сердце, но это — только для меня...

Мукан, бывают моменты, когда человек хочет убежать от жизни, ее повседневности. Такое особенно часто случа-

ется в пору испытаний. К примеру, у меня таких моментов бывало много (конечно, это было на первых порах), расскажу об этом потом. В такой момент поневоле задаешься вопросом: а в чем, в сущности, заключена радость человеческой жизни? **И вот в** такие минуты моей радостью был ты. Я вспоминал тебя и думал: чего большего могу я желать от жизни, кроме того, чтобы через год-два увидеться с Муканом, обняться с ним, излить ему душу. Так я говорил себе, и так любовь наша стала советчицей моему сердцу.

Вернуться домой, встретиться с тобой — вот цель, высота, что ли, которой я должен достичь, Мукан. Интересно это как-то, странно.

Эх, Мукан! Любовь человеческую ни на что нельзя променять. Особенно — нашу с тобой. Думал, скажу тебе при встрече, но хочется высказать прямо сейчас. Слушай.

Бесценная жизнь наша воистину удивительна. Нет человека, желающего умереть. Безусловно, жизнь ему дороже смерти.

А человек с чистыми помыслами любит Родину, для преданного открытого сердца Родина — мать. Служить Отчизне — честь и радость. Любовь к Родине, наша любовь неизмерима.

...И вот по заданию партии и правительства дошли мы до границы этого края и заночевали с оружием наготове. Обмундировались и подготовились к переходу границы...

Помнишь, у Н. Островского, когда раненый Корчагин попал в госпиталь, у него в партбилете нашли на листке бумаги адрес брата с просьбой: «В случае смерти — сообщите брату». Пришла пора и нам заполнить такой же листок. Вот уж действительно интересный был момент! А для поэта — так вообще бесценный был момент!

Листок со своими сведениями сказано было носить в правом кармане — для того выдали нам по маленькому медальону. Вместо того, чтоб заполнять свой листок, я не отрывал глаз от ребят. Знал бы ты, Мукан, как глубоко понял я в ту самую минуту смысл двух этих слов: «смерть» и «жизнь»! Я смотрел на них, на совсем молодых еще ребят - ведь что ни говори, они, как и мы, не успели еще вкусить радостей жизни — с ружьями на взводе, всем своим видом будто говорящих: «Не подходи — убью. Умру сам — но убью». **И** нужно дать отпор врагу, возмнившему о себе, что он непобедим. Ясное дело, в горячем бою, когда обе вооруженные стороны осыпают друг друга огнем пуль, человека на каждом шагу караулит смерть. Тогда

и жизнь со смертью сталкиваются, и в этот момент спасает жизнь только победа, только в случае победы останешься жив.

Вот тот момент и интересен. Об этом стоило бы написать.

Через некоторое время и я принялся заполнять свой листок. Храню его по сей день, не теряю, вот уж покажу тебе потом. Все адресуют братьям, отцам, другим родственникам, домой на родину. А кого я назвал самым близким, самым родным мне человеком — ты не знаешь. Если вдруг настигнет меня смерть, ох и больно, думаю, его это ранит. И все-таки решил: пусть о моей смерти прежде других узнает именно он — самый близкий мне человек. Человек тот — Мукан, это — ты...

Не доволен я тем, как устроила природа человека. Почему не создала она сердце его из стали?..

Мукан, я не выбираю слов, пишу сразу все, что приходит на ум. Не обижайся. Просто немного рассказал тебе о своих делах. Здоровье мое сейчас хорошее, поправился, можно сказать, закалился. Увидел бы меня сейчас — не узнал бы. Знал бы ты, как сильно я возмужал благодаря занятиям физкультурой или из-за труда. Встретил бы меня сейчас — и не Баубека вовсе увидел бы, а богатыря с саженью в плечах, с налитыми мышцами, с могучей грудью.

Поначалу с непривычки армейская служба показалась тяжелой, теперь стала легче работы в редакции, голова отдыхает. Печалиться мало приходится, только разве что о творчестве. Заниматься им сейчас трудно. Однако стал легче находить темы, обдумывать их — в этом вырос. Придумал завязку для интересного романа, теперь ее развиваю. Потом, если попросишь, с удовольствием вышлю план. Но, что поделаешь, с самого приезда не написал ни строчки... Слова что-то никак не соберутся в одно целое. Скажу, как ты говоришь: «Не беда, что не собираются, картошка ты моя», — но в конце концов добыюсь — ухватчу их.

Есть надежда, что вернемся в Москву. Пока не можем покинуть Литву.

Что сказать Дихану и Али? «Айсулу» мне дорога с того самого дня, когда сказав «бисмилля», сел за работу над ней — над моим, так сказать, первенцем, — и до сих пор я возлагаю на нее все свои надежды. Ах, как хорошо было бы, если б получилось с ней, с проклятой! Ты с ними

поговори: если ничего не вышло, пусть разорвут ее сами, а я распрощаюсь со стихами навсегда.

Мукан! Пожалуй, любой согласится со словами Гете: «Самая высокая вершина жизни — молодость». Как говорится, повидал я уже лучшие свои времена, и молодость, окаянная,— хорошее это, оказывается, дело, счастливая пора, радость жизни, ее музыка.

«Не возвратятся снова твои двадцать пять»— вот что мучать будет. Ты напиши интересные случаи об этом. Сара же была славным ребенком, и о других тоже, и о себе напиши.

Одна радость — можем смело говорить, что год службы пройден. Теперь еще один рывок — вот что заботит меня. О многом хочется сказать — значит, написать, да не осмеливаюсь. Сейчас зовут в строй, не дают покоя. Пока на этом — прощай.

Да, Мукан, не поленись, если будет время, заняться судьбой моей поэмы. Хоть и плоха, но именно она — один из важных этапов моей жизни. Поэт должен жить во имя творчества, оно должно лечь в общее народное дело одним из кирпичей. Порой бывает, на меня находит творческое вдохновение, и тогда я ему полностью отдаюсь.

Пишешь, что отправил мою фотографию, а вложить забыл. Пришли, если хорошая.

Передавай привет старикам, напиши, как их дела. От Сейтжана получил письмо, он здоров. Призовут ли тебя в армию, напиши. Сейчас не смотрят на семейное положение, Как твоё здоровье? Прощай, твой Баубек.

Мой адрес:

Город Себеж, 14. Калининская область, п/я 841551, литер «Б», Булкишеву Баубеку.

7 ОКТЯБРЯ 1940 ГОДА,
г. МОСКВА

Мукан!

До Москвы я добрался благополучно. Сейчас нахожусь в военном лагере, что в сорока километрах от Москвы, Долгое время ни от кого не получал писем.

Ну, как ваши дела? Как работа? Как обстоят дела с учебной? Небось студентам, таким же бедолагам, как и ты, приходится теперь туго.

Недавно я послал в газету «Лениншил жас» одно стихо-

творение. «На Балтике» называется. Не знаю еще, как отнеслись к нему там местные философы, напечатали или нет.

Сегодня отправил туда еще одно стихотворение — «Вернулся солдат с фронта».

Милый мой Мукан, вот мы говорим с тобой о стихах; стихи, конечно, стихами, но ведь они — отражение жизни, поэтому к ним у нас особая любовь. А как тяжела жизнь поэта. Бедняга Тарас все время стоит перед глазами...

Соскучился я по тебе, Мукан. Сейчас очень спешу, не то бы еще о чем-нибудь поговорили.

Письма присылай почаще. Пиши обо всем подробно.

Ну, до свидания, милый Мукан. Твой *Баубек*.

Мой адрес: Москва, 49, п/я 3071,

Б. Булкишеву.

Деньги, или еще что, не посылай, пока нет необходимости. Когда понадобятся, я тебе сам скажу.

СЕРЕДИНА НОЯБРЯ 1940 ГОДА,
г. МОСКВА

Мукан!

Твое письмо получил. А ты от меня, вроде, давно не получал писем. Еще перед праздником я вместе с письмом посылал тебе стихи (посвященные Октябрю), недавно отправил еще одно письмо, почему ты их не получил, не знаю. Возможно, что они ушли по адресу; Кирова, 50, где живет Муса.

Сейчас мои дела идут неплохо, здоровье хорошее.

По тебе очень скучаю. Словами это трудно передать. Очень, очень соскучился.

Как приходит очередь, разумеется, стоим на посту. Конечно, этот пост такой же, как у Хасена, о котором ты сам писал. Разница лишь в том, что здесь не граница. Невольно в голову лезут разные мысли. Но они не могут увести от главного. В последнее время ни о чем не могу думать. Только о тебе думаю, о том, как бы мы встретились, гуляли по городу. Даже сердце начинает как-то неровно стучать. И сразу на душе становится легче. Как во время шторма, когда вмиг оказываешься на гребне волны. Да что тут говорить, это минутная слабость, мечты. Говорят, что мечтать — пустое занятие, но ведь мечта согревает сердце.

Мукан, душа моя! Большое тебе спасибо. Ты стал мне

надежной опорой. Ведь, кроме тебя, у меня никого нет. Если б не ты, к кому бы я пошел, с кем встречался, с кем делился своими мыслями, сокровенными тайнами. Без тебя моя жизнь была бы скучной и безрадостной. Мы уже вышли из того возраста, когда малыш скучает по матери. Потому что дружба, это уже что-то иное, я думаю. Сын по отцу так не скучает, как я скучаю по тебе.

Раз в два-три месяца приходит письмо от дяди. Я ему пишу с той же частотой. Он очень любит меня, скучает по мне, поэтому, если я от него буду получать письма даже раз в полгода, это ничего, лишь бы он был жив-здоров. А вот если от тебя не получаю писем, хожу так, словно бы что-то потерял. Письмо от тебя — для меня почти что встреча с тобой.

Здесь у меня много товарищей. Все они молодые, за ними интересно наблюдать. Жизнь молодого человека еще не сформирована, словно бы расплавленная. Пока она в таком состоянии, мне кажется, их надо переплавлять, подобно свинцу. Конечно, все хотят быть свободными. И я не против этого. Вот одни говорят о выпивке, другие о деньгах, третьи о служебном продвижении, ну, а четвертые, о любимых девчонках. И говорить могут о них бесконечно. Только кажется мне, все их разговоры впустую. А вот моя мечта... Да что об этом тебе говорить, ты-то меня понимаешь. А среди них мало находится таких, кто знает, что такое настоящая мужская дружба. А если слушать этих, то, оказывается, дружить можно только с девушкой. А со своим полом можно быть только товарищами (им не понять нашу дружбу)...

Да, Мукан, воинская служба не легка. Здесь я пишу одну вещь, где не одобряю людей, которые мешают тем, кто наряду со службой, хочет писать, заниматься, думать о будущем. Ведь человек не машина, а они забывают об этом. Поэтому в мою голову ничего не лезет, и тот маленький талант, что есть у меня, как будто бы потихоньку гаснет. В данное время я простой землекоп с лопатой в руках, и ни о чем, кроме лопаты, не дают думать...

Газиз уехал в Калугу (чтобы закончить свою работу), уже прошло один-два месяца. Письма от него получаю, здоров. Да тебе известно, каков он: каждый день возвращается назад, каждый день берет отпуск, каждый день растет до младшего политрука. Только вот до сих пор не уехал. Трудно верить его словам. А Гуля его как в воду канула, до сих пор не объявилась.

В общем, тоже живая душа, пусть себе живет как

знает, я его не осуждаю, только хотел сказать о его непостоянстве.

Это хорошо, что ты поступил учиться туда. Обязательно закончи, много полезного для себя узнаешь. Есть ли у тебя время читать книги? Как вы живете, наверное, тяжело содержать семью? Почему ты не пишешь об этом? Что у тебя с «Красавицей»?

У нас на книги совсем нет времени. Разве что спрятаться где-нибудь и читать. Зимой, при нормальной учебе, на сон уходит семь часов, а остальное время в распоряжении родины; работы, естественно, находится для обеих рук.

Время неумолимо идет вперед, скоро выйдем отсюда выросшими, окрепшими. После Нового года останется всего десять месяцев. А там уже май недалеко, еще один прыжок, и я уже в Алма-Ате. Душа радуется, как подумаю об этом. А если говорить честно, до возвращения еще целых 300 дней.

Замучился я и с «Айсулу». Думал, что вернувшись из армии получу за нее, как минимум, костюм. Чтоб ее муж скончался! Если Пушкин говорил о своей героине: «Татьяна моя милая», то я говорю: «Упрямая моя Айсулу». Напрасный труд, напрасные переживания, мечта моя похоронена. Пусть на этом кончатся мои полные горечи слова...

То, что Али однобокий, мне известно. Что же касается Сагыш, то, видимо, редакционные женщины наговорили ей про меня, а она поверила этим сплетням. Ладно, будем расти по знакомству. Осталось 12 месяцев. После этого, думаю, и у нас будут счастливые дни. И мы живые люди.

Жизнь мне очень дорога, Мукан, это правда. Хочу написать повесть из жизни латышей, назову ее «До зари». Уже составил план, начал писать. Думаю уже о том, как ее впоследствии перевести на казахский язык. Эта мысль прервала мою работу. Взяв первую часть, подумал: а может, написать трагедию? В общем, что получится. Трудно, очень трудно, но я хочу вложить сюда столько труда, сколько вложил в «Айсулу», хотя по сравнению с тем временем на многое открылись глаза. Если удастся написать что задумал, то должна получиться печально-прекрасная вещь, наподобие «Ляйли» Сабыра на казахском языке.

Сегодня часть наших людей перевели в другой город. Могут перевести и нас. Судя по всему, отправят последней партией. А письма ты все равно пиши по этому адресу. Их нам потом переправят.

На этом прощаюсь с тобой. Твой *Баубек*.

Мой адрес: Москва, 26, п/я 1135, Булкпшеву Б.
Получив твоё письмо с фотографией, даже просле-
зился. Если есть время, пиши мне почаще.
Дома всем передавай привет.
Передай привет Мусе и его родным. А также матери
Газиза.

26 МАЯ 1941 ГОДА,
г. СЕРПУХОВ

Мукан!

Письмо твоё получил. Очень обрадовался, сразу под-
нялось настроение. Дела идут по-прежнему.

Сейчас нахожусь в летнем лагере Серпухова. Если
никуда не отправят, как в прошлом году, то все лето бу-
дем здесь.

Чтобы проверить свои поэтические способности, напи-
сал вот это стихотворение. Прочитав, подшей его ко всем
остальным моим бумагам. Возвращать мне его не надо.
Не будем тратить время впустую. Написать его натолк-
нула меня мысль, когда я прочитал стихотворение Пуш-
кина своему другу, и я написал...

Узнай у Дихана, что там с моей поэмой, годится ли
она для женского журнала. Мукан, осенью мне будут
нужны деньги. Если б они были, было бы неплохо. Отно-
сительно «С» хотел многое сказать, но об этом позже, сей-
час не доходят руки. Потому как я ее считаю передовой
девушкой из казашек. А вообще-то, стать причиной для
несостоявшегося дела, мне, кажется, неудобно. Но и быть
против того, что ты задумал, тоже неудобно. Словом, ре-
шай сам. Но, как я заметил, ее («С») ты тоже одобряешь.
Только поэтому я так рассуждаю.

Письмо напиши поподробней!

Ну, до свидания, остаюсь верным другом!

Баубек.

Мой адрес: Московская область,
город Серпухов, п/я 41/1135, мне.

ИЮНЬ 1941 ГОДА,
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Мукан!

Наверное, ты уже получил мое предыдущее письмо.
Сейчас мы находимся в окопе у одного из городов Бело-
руссии. В настоящем бою мы еще не были. Жив-здоров,

пока это все, что могу сказать о себе. Ну, а об остальном ты, наверное, догадываешься. На душе нет ничего такого, что я бы от тебя скрывал.

Мукан! В прошлый раз я посылал письмо со стихом. Стих назывался «Стрелок ждет момента, когда кулан почешется». Прочитав его, ты, наверное, подумал: «Чего только не знает, проклятый».

Спасибо природе, что дала человеку жизнь. Но эта сладкая жизнь, ни на что другое не меняющаяся, для меня не совсем понятна. Ну и ладно,— как любила говорить Мариям. Только самое тяжелое — смерть тех, кто был всегда с тобой рядом. Пай-пай; жизнь молодых людей обрывается, кончается, не исчерпав себя полностью на жизненном пути. Кто вас понял, кто вас знал?!

Милый Мукан, жизнь великих поэтов старшего поколения стоит перед глазами, (кого ни взять), пожалеешь. Жизнь каждого человека — это трагедия. Смерть это ничто. Я, например, смерти не боюсь. Жизнь, отданная в борьбе, это тоже жизнь. И это не мечта. Моя заветная мечта, эх, не то, что за спиной не оставил отца с матерью, брата с братишкой, жену с детишками, нет, а оставить маленькую книжицу. В этой жизни мечты и печали не могут быть выше творчества. Потому как разве сможет человек писать, если все это не пройдет через его сердце?

Вчера ночью я встретился с тобой (во сне) и спрашиваю у тебя, напечатана моя поэма или нет. А сам так радуюсь, что мне еще надо. Открыл глаза, а рядом нет никого, только моя винтовка. Хотел продолжить сон опять закрыл глаза, но теперь уже не ты, а Сақыш, или кто-то другой приснился.

То, о чем я сказал выше, не потому, что расслабился, а говорю тебе как другу.

Дух Красной Армии — это тот дух, который радует друзей и заставляет плакать врагов. Здешние мои друзья от чистого сердца говорят, что умрут, но перебьют немцев, развеяв их пепел по ветру. Я уже тоже два года в Советской Армии и, думаю, не доведется умереть от пули какого-нибудь худосочного немца. Меня очень радует то, что, разгромив их, я смогу сам об этом писать в истории Отечественной войны для казахов.

Девчонкам передай от меня привет.

Я думаю о том, как бы они не остались без мужей. (Шутка, конечно). Просто сегодня я узнал, что семьсот немков осталось без мужей.

Мукан, душа радуется, когда читаю твои письма. Жаль, что адреса у меня нет. Сказать тебе, напиши куда-нибудь, тоже нельзя.

Не зная твоего точного адреса (адрес Газиза совсем вылетел из головы: Кирова, 50 или 52), написал на адрес газеты «О. Б.» («Октябрь балалары»). Помни об этом.

Искену, тете и Катире передавай привет!

Ну, а пока будь здоров. Жму руку, твой *Баубек*.

Да, от Газиза есть письма?

18 ИЮЛЯ 1941 ГОДА,
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Мукан!

Кто будет спорить, как спросить лучше: цел ли скот и здорова твоя семья, или как твое здоровье, жив ли ты? Главное, что ты есть, а все остальные радости пусть пока подождут.

Сам я жив-здоров, сегодня узнал свой точный адрес и пишу тебе письмо, чтобы ты на него ответил. Получив мое письмо, напиши мне обо всем подробно. Только не ленись писать.

Все ли спокойно в Алма-Ате? Напиши. Всем, кто меня знает, передавай привет! Ну, до свидания, милый Муканжан...

Твой *Баубек*.

Мой адрес:

Полевая почта 736, п/я 36, литер 21, Булкишеву Б.

Где сейчас Газиз?

Искену, тете и Катире передавай большой привет.

22 ИЮЛЯ 1941 ГОДА,
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Муканжан!

Решив, что оно не будет лишним, пишу тебе еще одно письмо. Как говорил ты сам, человек пишет, если он жив.

Бедная моя мама, часто вспоминаю ее в последнее время. Помнишь, как она поговаривала: одна нога на земле, а другая уже в могиле. Так она говорила, когда была в положении, а теперь и молодые так говорят. Разумеется, так думать нельзя. Конечно, если люди думают

о будущем, то так оно и будет. Человек знает о рождении и о смерти, но вместе с тем он не может знать, что его ожидает в промежутке между ними, а уже начинает сожалеть. Ведь жизнь человека, который так рассуждает, тоже интересна... Кто знает, может человек, взрослея, привыкает к жизни. В общем, думая, рассуждая, я пришел к мысли, что отдать жизнь за свой народ не жалко. Поэтому что без людей не будет жизни. Вместе с тем начинаешь сожалеть о том, что не оставил в этой жизни заметного следа. Товарищи, друзья и особенно родная земля становятся еще дороже.

Эх, моя любимая Алма-Ата! Нет мечты больше, чем бродить с тобой вечерами по ее улицам, как два года назад,— не отпускают такие мысли. Борьба — единственный путь достичь этого,— скажешь ты. В таком случае я на дороге борьбы и готов за это бороться... Только после этого, сделав все, что свойственно человеку, оставив все по местам, остаешься в хорошем настроении.

Муканжан, у меня был всего один листок бумаги, и я теперь не могу уместить в нем все свои мысли, которые хотел написать. На этом я закругляюсь, а то, если продолжать, слова можно находить бесконечно.

Жду писем. Крепко обнимаю и целую. Твой *Баубек*.
Мой адрес: Полевая почта 736, п/я 36, литер 21, мне.

4 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА,
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Мукан!

Два дня, буквально по буквам, читал твое письмо, с трудом разобрал. Этот твой новый алфавит очень труден. В следующий раз пиши на латинском. Или на арабском. А то этот алфавит я еще не изучал.

Ты сказал, что свободен, я этого не понял. Освободился от работы и хочешь только писать? А где сейчас мать Газиза? Пишет ли письма сам Газиз? Напиши мне его адрес! Прямо жду-не дождусь.

К тебе только одна просьба — пиши мне почаще! Ведь пока получишь от тебя очередное письмо, проходит 40—50 дней. Пиши сразу, как выпадет свободное время! Здоровье у меня хорошее.

Кто из поэтов **ИШИ** писателей отправился на фронт? Появились ли новые хорошие произведения о защите Родины? Твои слова полностью поддерживаю. Очень верно

сказано. Человек, который заботится только о том, чтобы остаться в живых, никогда не станет настоящим воином. Как говорил Шангерей, человек должен найти свое место в жизни, как кирпичик в стене здания.

Н. Островский специально ходил в парк, чтобы в спокойной обстановке посидеть и подумать о жизни. «Моя жизнь прожита не зря», — сказал он. Семнадцать раз ходил в атаку, был активным борцом в гражданской войне, все свои силы отдал борьбе и лишь тогда он сделал такой вывод. Да, жизнь — это борьба. Я тоже так думаю.

Получил письмо от дяди Сейтжана. Говорит, что, кроме нас, ему не о ком думать. Пожалеешь его.

Да, Мукан! Я тебе как-то раньше, еще в мирное время посылал одно стихотворение. Ты его получил? После того письма я писем не получал. Вот тебе моя мудрость. Как ты на это смотришь? Разумеется, пиши правду!

Баубек.

4. 9. 41 г.

Мой адрес: Полевая почта № 736, п/я 38, литер 31, мне.

Передавай от меня привет Катире, Мусе, Искену, тете и матери Газиза.

**4 НОЯБРЯ 1941 ГОДА.
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ**

Мукан!

Как вы там поживаете, живы-здоровы?

У меня здоровье хорошее, дела идут по-прежнему.

От вас писем не получал, почему так — не знаю. Пиши мне почаще!

Последнее время из Алма-Аты ни от кого не получал писем. Разумеется, только мертвые не могут писать, это я знаю.

Что нового пишут поэты и писатели? Что написал сам?

Я бы мог что-нибудь писать, да вот голова что-то плохо соображает. А так, свободное время иногда бывает. Я ведь теперь, начиная с августа, заместитель политрука (получаю 200 рублей). Неплохо, конечно, но беспокойство не дает возможности писать. Не то, я бы мог регуляр-

по писать различные небольшие вещички. Да и положенных газет и журналов сейчас, наверное, не то.

Адрес у меня изменился. Сейчас я в окрестностях города, где раньше доводилось работать.

Ты пиши мне почаще, не дожидаясь моих писем.

Твой *Баубек*.

Мой адрес: Полевая почта 736, п/я 155, мне.

Поздравляю с праздником.

4 ноября 1941 года.

2 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА.
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Мукан!

Часто пишу тебе, потому что очень скучаю. Как вспомню о тебе, Муканжан, так сразу сажусь за письмо. Очень скучаю без твоих писем. Совсем не получаю от тебя писем в последнее время.

Мукан, друг мой! Ну как твои дела? Как здоровье? Очень по тебе скучаю.

Как дела дома? Как здоровье стариков, крепкое?

Чем занимается Искен, что-нибудь пишет?

Чем занят сам, работаешь или пишешь? Как творческие успехи?

Я же, весь в будущем, всей душой в него верю. Будущее определяет мое творчество. Хорошо, если выпадают дни когда можно писать.

Муканжан! Как дела у Мусы и Катиры, здоровы ли они? Почему ты не написал мне адрес Газиза? Какживает его мама, у кого она сейчас живет, у Карсакпая?

Ну, до свидания, твой *Баубек*.

Мой адрес: Полевая почта 736, почтовый ящик 155, Булкишеву Баубеку.

Передай от меня привет Хасену и Омарову.

10 МАРТА 1942 ГОДА,
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Мукан!

Отправляю тебе первую часть «Алмаатинцев». Да, я ее написал, но не перечитывал. Посылаю тебе, потому что знаю, что у тебя она не потеряется. Обязательно прочти и постарайся понять. После обязательно напиши мне свое

мнение, замечания, советы. На язык я особо не обращал внимания, думаю, жив буду, еще успею все выправить. Если у тебя есть возможность, то отпечатай ее на машинке, так легче будет править. Концовку писал второпях. может и правильно сделал, но слишком уж быстро написал. Разумеется, первую часть прочтешь сам, а сюжет второй и третьей части я тебе расскажу вкратце.

II часть.

Армейская жизнь. Любовь Газиза к Гуле все растет. Он пишет ей из армии письма. Все его письма — сердечные признания. Но Гуля не отвечает на его письма. Рассердившись, Газиз пишет ей последнее, гневное письмо, где говорит, что она враг любви и много других нелестных слов.

Здесь дается образ матери Гули. Она — отрицательный тип, вроде Плюшкина у русских. Мать против того, чтобы ее дочь ждала Газиза. Но Гуля любит его и очень страдает. Скрывая от матери, она идет в дом Газиза. Но, подойдя к двери, войти не решается и уходит. Ее мать не передает ей письма Газиза. Но последнее письмо отдала. Сердце Гули охладевает...

Лиду из алмаатинского мединститута летом направляют на производственную практику. Она едет на Украину. Там ее приглашают к себе в гости Ольга с мужем, которые переехали в один из городов Украины с Крыма. Программу практики Лида закончила на десять дней раньше срока, и ей надо было возвращаться в институт. Но разъездная комиссия по производственной практике из мединститута разрешает ей съездить в гости к сестре. Лида приезжает в город «Н», и тут ее застают война. Назад вернуться она уже не может.

III часть.

В дороге приходится ночевать на улице. Таким образом Лида и другие оказываются в тылу врага.

В схватке с немцами много людей получают ранения. Оказывая помощь раненым, Лида находит сумку убитого фельдшера. Она спасает много советских людей. Оставшиеся в живых решают стать партизанами. Лида становится врачом партизанского отряда. Отряд начинает борьбу в тылу врага. Разумеется, здесь я покажу жизнь партизан, мужество Лиды (ее призывают в армию, или она добровольно идет на фронт), этим я хочу показать патриотизм

народа. Будучи в партизанах, она встречает Ольгу, которая сражается в другом партизанском отряде.

Батальон Газиза тоже на фронте. Газиз — сапер. Он совершает много героических поступков. Но наряду с ними допускает и ошибку.

Эта ошибка — результат плохого обучения военному делу в мирное время. Здесь выпишу образы 4—5 казаховоинов с разными характерами. Однажды, после выполненного боевого задания, командир батальона объявив им благодарность, спросил: «Это алмаатинцы?» Они с гордостью ответили: «Да, мы алмаатинцы».

Это был период, когда наша армия отступала. Требовались крепкие нервы и мужественное сердце, когда не только личная жизнь, но и жизнь Отечества, всего твоего народа в опасности. Здесь я дам образы сильных личностей, патриотов, стремящихся к победе над врагом. Они ходят в разведку, участвуют во многих боевых операциях, минуют дороги в тылу врага, по которым должны проходить танки. Об этом я, конечно, постараюсь написать хорошо.

Однажды Газиз получает ранение и попадает в полевую госпиталь. Здесь он встречается с Лидой, ассистенткой хирурга-профессора. Они узнают друг друга, здороваются, но ничего не могут сказать друг другу.

Из вражеского тыла Лида вырвалась с боем. На себе она вынесла с поля боя раненого командира и доставила в полевую госпиталь. Здесь с ней поговорил начальник госпиталя, профессор и, узнав, что девушка-партизанка — студентка мединститута, просит ее остаться в госпитале. Видя ее хорошую работу, профессор берет ее к себе ассистенткой.

Лида очень хочет поговорить с Газизом. Она просит его рассказать про Гулю. Он рассказывает. Профессор и другие врачи уходят на передовую. В госпитале остаются медсестры и Лида. В этот день работы было не так много. В конце разговора Газиз хотел признаться ей в любви, но едва он произнес первых два слова «я тебя...», как поблизости раздались выстрелы, и Лида выбежала из госпиталя. Это немцы высадили десант и напали на госпиталь. Медсестры и раненые берут в руки оружие и вступают в бой. Много медсестер и раненых гибнет, но бой еще не закончен. У Лиды в браунинге кончаются патроны. Поначалу она растерялась, но затем берет себя в руки. Отбросив браунинг в сторону, она принимается оказывать помощь раненым. Газиз и другие вступают в рукопашную схватку, разя врагов штыками. Газиз даже забывает о своем ране-

нии. Тут он замечает, что один из фашистов целится в Лиду из пистолета, когда та делает перевязку одному из раненых. «Пока я брошусь на него со штыком, тот, конечно успеет выстрелить,— успеваешь подумать Газиз. Мысли проносятся в его голове с калейдоскопической быстротой.— Я всего лишь один из раненых, Лида сейчас нужнее меня. Ее надо непременно спасти. Если она останется жива, еще многих воинов спасет». Газиз бросается навстречу выстрелу, закрывая Лиду своим телом. Пуля попадает в него, и он падает. Лида обнимает его голову, целует, начинает делать перевязку. Слезы из ее глаз льются на рану. «Ничего, Лида,— говорит он.— Хоть и не могу подняться, ясность мысли меня не оставила»,— и он пытается дотянуться до своей винтовки. Лида выносит его с поля боя.

— Силы оставляют меня,— говорит Газиз. Лида не выдерживает, кровь ее вскипает, она хватается винтовку Газиза и говорит ему: «Я отомщу за тебя». В это время подоспели наши войска, узнав, что немцы напали на госпиталь. Они разгромили вражеский десант и помогли собрать раненых. Лида доставляет тяжелораненного Газиза в госпиталь, который затем переезжает на другое место. Профессор и Лида приступают к операции Газиза.

Газиз постепенно поправляется. В это время наша армия переходит в наступление.

— Ты делом доказал свою любовь,— говорит ему Лида при прощании.— Жизни своей не пожалел. Так знай, я тебя тоже люблю. Наша любовь проверена войной, где дерутся не на жизнь, а на смерть.

6 декабря наша армия переходит в наступление, в котором принимает участие и Газиз.

На этом я заканчиваю первую книгу. Конеч рассмотрю позже. Вот то, что я хочу написать во второй и третьей частях романа. Сюжет, по-моему, неплохой.

А первая часть о любви. Найдутся, конечно, люди, которые скажут, что на войне не до любви. А без любви победы не будет. Девушка-воин не с неба свалилась, а вышла из народа, из молодежи. Об этом не надо забывать.

Как получишь письмо, не задерживай с ответом. Боюсь, как бы это все не потерялось. Но если оставлю у себя, то Уж наверняка потеряется.

Твой Баубек.
10. 3. 42 г.

Мукан!

Я еще не закончил вторую часть, но то что написал, отправляю тебе. В этой части я пишу о бесчеловечности матери Гули; о самой Гуле, как она ходила к дому матери Газиза, но, постеснявшись, не вошла; как письма Газиза попадали в руки матери Гули и она не отдавала их дочери; как мать отдала ей только последнее его письмо, которое он написал, обидевшись на Гулю; как охладело сердце Гули, когда она прочитала это письмо.

III часть.

1. Производственная практика. Лида едет из мединститута на Украину.

2. Пограничный район. Сестра Лиды выходит замуж. Ее муж — лейтенант, живет на границе. Лида хочет навесить их и с двумя подругами на машине выезжает к ним в гости. По дороге машина попадает под бомбежку. Девушки скрываются в лесу. Так они оказываются в тылу врага.

3. Заблудившиеся собираются в лесу. Лида оказывает помощь раненым.

4. Создается партизанский отряд.

5. Разведка. Партизаны начинают действовать.

6. Партизаны взрывают на дороге немецкую машину.

7. Название отряда — «Федерация». Показ их дел.

8. Планы отряда на месяц.

IV часть.

1. Поход саперов. Взвод Газиза действует в составе пехотного полка.

2. Прожектор. Когда немцы хотят пойти в наступление, воины пехотного полка ослепляют их светом прожекторов и полностью истребляют.

3. Разведка в тылу врага. Под командованием Газиза два отделения саперного взвода взрывают в тылу у немцев мост и, заминировав дороги, возвращаются назад.

4. Бомбежка. Немцы пытаются разбомбить взвод саперов.

5. Точка.

6. Переправа.

7. Приказ о разрушении мостов.

8. Психическая атака.
9. Пленение фашистов.
10. Мы рвемся в бой.
11. За нами Москва.
12. Огонь!

У часть.

1. Партизанский отряд.
2. Раненые.
3. Знакомство.
4. Разговор. Десант. Госпиталь.
5. Любовь.
6. Признание.
7. Прощание.
8. Газиз выходит из госпиталя. Лида его провожает.
9. 6 декабря наша армия переходит в наступление, в котором участвует Газиз.

(Конец).

Таков мой план. Если будет время, постараюсь написать. Сейчас не доходят руки. Вот и сейчас спешу. Пока не получишь от меня письма, мне не пиши.

Твой *Баубек*.

Вот, отправляю тебе письмо, написанное на русском языке казахом-фронтовиком. Конечно, чтобы его выправить, нет времени. Хоть и много ошибок, наверное, но мысли тут хорошие. Если будет время, выправь и дай в газету. Пропустят ли, тебе знать лучше. Можешь отнести в «Казахстанскую правду». Они там сами отредактируют.

Ну, пока, твой *Баубек*.

15 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА.
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Мукан!

Вчера тебе очередным письмом выслал вторую часть (неоконченную) того, что я пишу. Скоро, наверное, получишь. Еще я говорил, чтобы ты не писал на старый адрес. Но теперь все изменилось, пиши по старому адресу. Я думал, что он изменится, но он не изменился. Так что пиши по старому адресу.

Фотографию, что ты выслал, получил только сегодня.

Напиши мне, получил ли ты первую часть «Алмаатинцев», что я отправлял перед этим.

Старикам передавай большой привет. А также Катире и Мусе. Напиши, что у вас нового?

Твой *Баубек*.

В Алма-Ате, наверное, уже лето. Да, наша Алма-Ата, конечно,— красавица.

Мой адрес:

Полевая почта 736,
почтовый ящик 155,
Булкишеву Баубеку.

16 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА.
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Мукан!

Во второй бандероли я посылал тебе статью «Записки молодого казаха-фронтовика». Второпях забыл написать, что на место, которое я оставил, надо поместить статью Сталина «Наши солдаты знают, за что борются и умирают». Найди ее и помести в самом начале. Теперь насчет цитаты. Если ее не будет в статье «О трех особенностях Красной Армии», можно найти в приказе о 24-й годовщине. В конце напиши мою должность — зам. политрука. Сделав все это, отнеси статью в «Казахстанскую правду». Не знаю, как насчет языка, но мысли там хорошие. Должны напечатать. Я хотел сразу отправить в газету, да не знаю точного адреса. Раньше было: Абая, 40, а теперь, кажется, изменился, поэтому направил тебе. Когда писал ее на русском языке, я, разумеется, думал прежде всего о своих подчиненных, что будут читать ее. Не то, если бы написал на казахском и через 5—10 лет перечитал заново, то наверняка бы прослезился...

Муканжан! Сделав все, о чем я просил, передав ее в «Казахстанскую правду», обязательно напиши мне о том, как ее там приняли. Думаю, записки фронтовиков, особенно своих детей-казахов, должны печатать только казахстанцы. Не настолько плоха, я думаю.

Жду писем. *Баубек*.

Адрес прежний: Полевая почта 736, п/я 155.

25 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА,

Муканжан!

Вчера выехал из Горького и опять направляюсь на фронт. На каком из них буду, разумеется, напишу позже. Других новостей в моей жизни пока нет. Позже, когда прибуду на место, напишу еще.

Напишимне, что нового в Алма-Ате. Дома всем передавай привет. Передай привет Катире!

Из «Литературной газеты» узнал, что в марте состоялось заседание Союза писателей.

Как твои дела? Обязательно напиши в письме.

Твой *Баубек*.

Письмо пишу на одной из станций по дороге на фронт.

1 июля 1942 года

Муканжан!

Получил оба твои письма. Узнал твою новость насчет моей статьи об С. А. Рад, очень рад, что понравилось людям!

Полностью ли получил моих «Алмаатинцев»? Выслал обе части в три приема. Как они? Понравились тебе? Можно надеяться, что хороши? Напиши, хочется узнать твое мнение. Благодаря «Комсомольской правде» получаю много писем по поводу моей статьи о патриотах. Особенно много пишут девушки с Украины и Белоруссии. Из редакции пришло четыре-пять писем с поздравлениями и просьбой еще прислать свои материалы. Этой маленькой статьей, видно, тронул я сердца молодых, бедные, что они поделают. Сегодня отправил в редакцию еще одну хорошую статью и, так как не успел переписать, попросил переправить один экземпляр тебе. Может, вышлют. Если получишь, отнеси в «Казахстанскую правду». Если кто возьмется перевести, я, разумеется, не против. Опубликовали ли ту статью мою в «Каз. правде», где еще она опубликована? Вышли мне один экземпляр. Конечно, можешь хранить у себя, о чем речь...

Как дела у самих? Как растут труженики пера в нашей литературе? Передавай привет тем, кто будет спрашивать обо мне.

Кто такой Дуйсембек? Что-то я его не знаю. Кто не любит похвалу; передай ему мою благодарность.

Ну, конечно, все красавицы Востока вокруг вас, наверно; передавай привет своей девушке! После победы и мы вернемся.

Муканжан! Жажду получить от тебя такое письмо, чтоб досыта начитаться им, да все никак не получу. В последнее время обходишься двадцатью словами лишь — и все. Пиши подробнее, пиши обо всем, мне интересны все новости, произошедшие и происходящие в Казахстане.

Знаешь ли, где сейчас Али? Была у меня одна сестричка — Сакыш. Чем она сейчас занимается: учится или пишет что-нибудь? Толковая девушка — разбирается в вопросах литературы. Мало таких казашек. Пишет ли кто из девушек-казашек? Почему бы им не начать?

Нашел адрес Газиза, отправил ему письмо. Жив еще, оказывается, бедняга. Что написал сам, что пишешь? Младший сын Сейтжана сообщает, что твои статьи часто публикуются в «Социалистик Казахстан».

«Неудачливая красавица» моя (и название-то ее уж забывать стал) — «Айсулу» — все не может пробить себе дорогу, потому, наверное, и забыта уже. Если из нее что-нибудь не выйдет, то и ничего другого, мною написанного, у меня нет. Напиши подробное письмо.

Всем друзьям передай привет. Как можно быстрее отправь ответное письмо. Передавай привет Ахтапову, Омарову, почему они не пишут?

Пока, твой *Баубек*.

Мой адрес: Действующая Армия, Полевая почтовая станция 736, п/я 155, Булкишеву.

Катире, Мусе, старикам — привет!

Пишет ли что-нибудь Искен?

19 июля 1942 года

Муканжан!

Я здоров. Вот выдалась свободная минутка — пишу тебе. Слышал, что в штаб прибыли высланные вами газеты. Сегодня должен получить. У меня есть две-три страницы, переведенные на казахский. Это, конечно, хорошо, однако переведено не полностью.

Отправил в «Комсомольскую правду» хорошую статью с просьбой выслать тебе один экземпляр. Если получишь, сам переведи на казахский. Я никак не выкрою время. Само собой, по-русски пишу я не из пристрастия — человек

ведь зависит от окружения. Если бы не это, то, конечно, лучше писать на казахском.

Очень доволен, что перевели на казахский и опубликовали в газетах ту мою статью. Это значит — казахский народ помнит о своем сыне.

Муканжан, пиши мне побольше и почаще. Хочется написать что-нибудь в «С. К-н», но все время кажется, что уж очень далеко. И действительно ведь, далеко мы, да к тому же от того, что не говоришь по-казахски, слова не складываются, чужие какие-то. Поневоле приходится переводить на русский, по мере своих возможностей в свободное время пишу для армейской газеты. В скором времени будет опубликована одна прехорошая моя статья. Вышло ее тебе. Эх, как жалко, были бы казахские газеты — ведь самое время сейчас писать! Ко мне пришло немало писем с отзывами и пожеланиями — переправлю их тебе, а ты положи их вместе с той статьей в мои бумаги — мне-то хранить их негде. На фронте жизнь походная.

Концовку «Алмаатинцев» следовало бы переписать потом, а то из-за нехватки времени получилось, конечно, совсем не то, что хотелось. Хорошо бы было закончить хоть первую книгу. Полностью ли получил, до конца второй части? Напиши, как тебе, понравилось? (Только, разумеется, правду). Можно ли, обманывая человека, поднять его дух? Жду письма об этом.

Фронтная газета предложила выпустить мою статью «О смерти и жизни» отдельно, саму по себе, с фотографией. После все материалы, кроме газетных, были сокращены. Возможно ли там подобное? Напиши. Прозондируй.

Если получишь ту статью из «Комсомольской правды», возможно, вышлю еще одну, напечатанную в армейской газете. Эх, на русском только, но, может, получится, разузнай через Союз писателей. Эти три статьи, думаю, приличные. Если у тебя есть хорошие статьи, стихи — присылай. Газеты присылай. Хоть поучусь уму-разуму.

Привет старикам!

Ну и само собой, девушке своей, уверен, тоже передашь привет. Но если она до сих пор не знает обо мне, то дело так не пойдет. Тогда после войны будем драться по-нашенски.

А пока — будьте здоровы (помню, так попрощалась Катя).

Твой *Баубек*.

Адрес новый: Действующая армия, ППС 1531, 303 А и Б, Булкишеву Баубеку.

Мукан!

Эта моя статья вышла в армейской газете. Конечно же, отправляю ее вам. Написал на русском, потом перевел на казахский, кое-каких слов не хватает. Ясное дело, письмо это в пути будет, должно быть, долго: с передовой — в тыл, из тыла — в ближайший город, пока доберется до Казахстана, не мало песен будет спето. И все-таки, если будет возможность, статью эту опубликуйте побыстрее. Получил газеты, высланные вами. Огромное вам спасибо за то, что обратили внимание на мою вещь и опубликовали. Конечно, разве ж забудет казахский народ о своих детях. И дети его, разве могут думать в такое время о чем-то другом. По этой статье, чувствуется, что это перевод. А если бы отправил то, что сам списал, сколько б девушек плакало! Однако хороший перевод сделать мне не удалось. И купить-то время невозможно (видишь, как туго у нас с ним). После той статьи в «Комсомольской правде» получаю много писем от молодежи. Особенно часто приходят письма от украинских, белорусских, русских девушек. Им, кажется, понравилось. Получил сегодня письмо от Газиза. Говорит, один старший комиссар — Абылкаир Молдабаев, передает привет. Я читал о нем в журнале.

Не знаю, кто такой, тебе известно, где он работал? Газиз спрашивает, нужны ли мне деньги. Сам не знаю, куда их девать. В месяц мне платят по 750 рублей. Если тебе нужны деньги — напиши. Иначе отправлю Сейтжану. За ту статью получил из «Комсомольской правды» триста рублей. Деньги здесь не нужны.

Муканжан, Газиз предлагает мне собирать материалы о молодых героях-казахах, говорит, после войны напишем. Наш комиссар прочел его письмо и сказал, что, бесспорно, казахский народ может гордиться своими сыновьями: это бойцы и патриоты своего народа. Вот уж чем был доволен, так это тем, что Газиз написал на русском. И правда, наш народ хорошо ведь знает, что такое честь и совесть. Действительно, в газетах, что попадают в руки, редко встретишь статью, чтоб не было в ней сказано хоть слова о патриотах-казахах. И с пристрастием читаешь даже о том, что такая-то шахта столько-то сделала.

Муканжан! Пиши чаще. Был бы ты здесь, знал бы цену письмам. Одно твое письмо значит для меня не меньше, чем человек, пришедший аж с Улытау. Передавай привет

тем, кто спросит обо мне. Ахтанову — привет! Ну и, само собой, можешь без колебаний передавать привет от меня всем знакомым и незнакомым девушкам. Смотри-ка, что молодость-то значит: девушки не сходят с языка, вот уж верно говорят — беспечная молодость!

Газизу написал о тебе целый роман и, сказав, что закончу после войны, собираюсь уже отправить ему это письмо. Очень жду от тебя письма об «Алмаатинцах». А об этой статье как бы не написали еще: «Не хватает фактов». Шучу, это же в традиции «Лениншил жас». До сих пор помню, как один мой хороший друг — есть такой Ахтанов — на полях моих стихов наложил как-то резолюцию: «Нехватает фактов — не публиковать», так что смотрите не оставьте без публикации — все-таки писатель прислал. (Пишу это ради шуток).

Те следы, что остаются в земле после разрывов бомб, мы по-русски называем «воронками», а по-казахски должно быть «шункыр». А вот меткого казахского выражения, подходящего русскому «Огонь!» — не нашел. Попробовал «Стреляй!» — не годится. Мучился-мучился из-за этого, и наконец благословил названием «Жизнь принадлежит нам». Подходит или не подходит?.. До точек и запятых мне, конечно, дела нет!

Привет старикам!

Интересные вы, чтоб писать вам эпизоды и подобные им вещи — вы же далеко. Можно было бы писать вам в свободное время что-нибудь вроде этой статьи, которую вам отправляю если вам понравится. Конечно, если будет здоровье.

Прощай, твой *Баубек*.

Мой адрес: Действующая армия, ППС 1531, 303
А. п Б, Булкишеву Баубеку.

24 июля 1942 года,
западный фронт

Муканжан!

Погиб мой родственник Серикбай — орденосец, летчик-капитан. Получил сегодня письмо от его жены. Она не знает куда ей податься, думает, может, — ехать на родину Серикбая. Как безжалостна смерть, кого только не настигла, единственного Серикбая, и того забрала. Родина Дважды награждала его, казахского мальчика-сироту, вырастила до капитана, ставшего одним из видных командиров Воздушного флота. Погиб 27 мая в бою с бандитами

проклятого Гитлера. Так жалко, сердце кровью обливаётся. Ничего не поделаешь, и ведь совсем мало вышло из казахов таких вот летчиков-капитанов. Смерть Серикбая — тяжелая утрата для патриотов казахского народа. Особенно для меня, родственника.

Мукан, я посоветовал Ире ехать в Алма-Ату. Она, русская девушка, — жена казаха, сестра нам, мне не хочется расстраивать ее. Верю, что в Алма-Ате ребята ее устроят.

Она придет к тебе, дал ей адрес редакции. Устрой ее у себя, прими, сделай для нее все то, что сделал бы для меня, Мукан, брат. Не оставляйте ее без внимания. Она разыскала меня на фронте, обратилась как к родному, я обращаюсь к тебе...

Написал письмо по адресу: проспект Ленина, 12, заместителю председателя Президиума Верховного Совета республики Ермагамбетовой-апай. Поведи Иру к ней домой. Апай, возможно, найдет ей дом, работу, а то куда ей деваться, Ире. Ермагамбетова жила раньше по вышеуказанному адресу, узнай, живет ли сейчас там или нет. Поговори с ней. Пусть не оставит без внимания жену героически погибшего на фронте капитана-казаха; она едет с мыслью, что едет к родным Серикбая, едет к казахскому народу. Ты помоги. Ты меня правильно пойми. Конечно, знаю, что всем сейчас нелегко. Может, и сам ищешь сейчас квартиру. Передай привет Катире. Устрой хоть к Катире. Пусть чувствует себя как на родине. На ее голову и так хватает горя. Поддержите. Познакомь со своими девушками, поведи в кино и в театр. Не обижай, поддерживайте ее. Будьте человечными, пожалейте. Тяжелое ведь время, делите трудности вместе. Ты ее встреть, с нею только одна дочка Рита, больше у нее никого нет. Фамилия — Асатова Ирина Акимовна.

Будь молодцом, я буду высылать ей все свои деньги.

Катире передай привет. Пусть поможет Ире — моей жене. Я так ее сегодня жалел, прочел письмо и прослезился. Очень жалко. Пиши письма, прощай.

Баубек.

1 СЕНТЯБРЯ 1942 ГОДА

Мукан!

Я получил твое письмо, написанное 18 августа 1942 года. Огромное тебе спасибо. Конечно, ты немного сердисься на меня, я это предполагал. И тем не менее, положе-

ние, сложившееся сегодня, для меня неясно. Я совершенно не знаю, как и чем вы живете. Вероятно, поэтому я писал, негодуя на нелепую, случайную смерть.

Муканжан, ты ведь знаешь, что у меня нет друга ближе тебя. И разве для тебя я не самый близкий человек? Мы всегда понимали и поймем друг друга.

Я вспоминаю Алма-Ату. Без тебя Алма-Ата вряд ли будет мне интересна. У меня есть одна большая правда, которая поддерживает, вдохновляет меня, заставляет говорить о том, что переполняет мое существо. Эта правда — ты.

Ты для меня как величественный минарет на Востоке. Когда меня спрашивают, где мой дом, я говорю о твоём доме, ведь это и мой дом, не так ли?

Муканжан, я здоров, живу обычной для нас жизнью. Если будет время, я буду писать вам. Конечно, отправлять письма буду на твоё имя. Сейчас я пишу рассказ «Золотые часы», который основан на одном из эпизодов жизни сапера-казаха, которого я знал. Сюжет хороший, думаю, что и язык будет неплохим. Пишу по-русски. Казахский вариант отправляю вам. Не сомневаюсь в том, что вы его напечатаете, потому что это вам понравится. Рассказ похож на отрывок из третьей части «Алмаатинцев». Сегодняшняя жизнь на фронте. Должно получиться хорошо, я уверен.

Начало я уже написал. Можно сказать, что это поэма, написанная в прозе. Слова так и льются на бумагу. Пишу на одном дыхании, как писал Гоголь свою «Майскую ночь». Но в последние дни совсем не хватает времени. Надо бы скорее закончить, да получше, вещь того стоит. От твоей знакомой девушки я письма не получал. Если она мне напишет, я ей отвечу.

Сюда приходит немало писем от девушек, стараюсь ответить на каждое из них. Конечно, они чуть ли не молятся на меня, и я в свою очередь преклоняюсь перед ними. Возможно, эта девушка мне или тебе будет другом, напиши мне о ней.

Возьми, пожалуйста, те мои статьи, которые вышли в «Комсомольской правде» и «Соц. Казахстане» и сохрани их. Мне здесь трудно их собрать, да и растерять могу.

Жена Серикбая пока на месте. Если она соберется ехать вам, то даст телеграмму. Получил письмо от Ермагамбетовой. Пишет, что если приедет, то непременно устроит.

Письмо отправлено через Верховный Совет, спасибо за это.

Да, Мукан, я написал «Письмо сыну Востока». Если оно вам понравится, то, возможно, вы напечатаете его, я его вышлю попозже.

Есть ли на фронте писатели? Кто из них вам пишет? Многие из русских писателей всю жизнь пишут на фронте. Основная тема их произведений — фронтовая жизнь.

Напиши мне поскорее. Мои «Алмаатинцы» лежат, наверное, у тебя? Как ты считаешь, стоит продолжать, или это полнейшая чепуха?

С приветом, твой *Баубек*.

Жду ответа. Мой адрес прежний: ППС 1531, 303 А и Б.

7 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

Муканжан!

Сегодня вот празднику Октября исполнилось 25 лет. Если вспомнить о прошлых днях, то какое это было интересное время, Муканжан! Подумай только, ведь вместо того, чтобы сидеть и писать тебе это письмо, мы могли бы сейчас вдвоем с тобой бродить по шумным и людным улицам Алма-Аты, любоваться девушками, алмаатинцами, с любовью смотреть на институт, который дал нам путевку в жизнь. Однако сейчас все это не то. Не те праздники, не те улицы, и Баубек с Муканом — не те.

Муканжан, когда я скучаю по тебе и вспоминаю тебя, перо само начинает бежать по бумаге. Напишу тебе письмо, и кажется, что я поговорил, пооткровенничал с тобой.

Увидел сегодня в «Комсомольской правде» свою статью и так мне хорошо стало. Не очень плохая статья. Похоже на продолжение «Жизни и смерти». Надеюсь, ты прочтешь ее. Думаю, ее следует перевести для вашей газеты. Получили ли вы статью, опубликованную в упомянутой газете от 5 ноября текущего года, 3 стихотворения в «Соц. Казахстане» от 23 августа «Письмо сыну Востока», которое я вам выслал? Напиши мне, будет ли это печататься. Написал на русском один рассказ—«Золотые часы»— 27 страниц. Объем приличный, получилось довольно хорошо. Напоминает «Бедную Лизу» Карамзина, хотя отличается от нее. Отличается прежде всего не пессимизмом своим, а героическим патриотизмом.

Перевести на казахский некогда. Не терпится выслать

вам поскорее. Конечно, если переведу на казахский, обязательно вышлю вам. Какие у вас новости? Напиши мне до повода моих статей. Напечатали ли мои стихи? Если напечатали, вышли, пожалуйста, газету и книгу на казахском языке. Добавь к ним «Абая» Мухтара Ауэзова, сборник Махамбета, и, если есть, книгу Исатая по истории. Вышли пьесу Исатая и Махамбета и другие книги на казахском языке, которые ты считаешь хорошими и нужными. Сейчас пересылка возможна. На днях будет известен мой адрес, я сообщу его, и ты сможешь выслать по этому адресу. Однако, как только получишь это письмо, ответь мне поподробнее и вышли письмо по такому адресу:

1531 полевая почта, часть 252, мне.

Всем родным, Катире и девочкам от меня привет. Что еще писать? Будь здоров.

Прошу тебя, Муканжан, пиши почаще! С нетерпением жду ответа.

Твой *Баубек*.

7 НОЯБРЯ 1942 ГОДА.

Муканжан!

Только сегодня получил твое письмо, написанное 10 октября. Оно пришло в праздничный день и очень обрадовало меня. Ты, конечно, понимаешь, как приятно для меня слово «письмо».

Незадолго до этого я написал и отправил тебе свое письмо, ты, вероятно, уже получил его. Вместе с ним я вложил в конверт стихи и статью. Напиши мне свое мнение о них, а если они будут напечатаны, не забудь выслать газеты. Кстати, отложи по одному экземпляру этих газет в мои бумаги. Здесь, на фронте, ничего не стоит потерять все, что ты мне посылаешь. Сохрани, пожалуйста, и те статьи, которые были опубликованы в «Соц. Казахстане» и в «Комсомольской правде» от 1 мая, 23 августа, 5 ноября.

Как поживает семья Катире? Как старики? Как здоровы бабушки? Газиза? В Алма-Ате у меня, кроме них, мало знакомых, ты это знаешь. Если попадутся такие, которые знают и помнят меня, им тоже привет, ну а если таковых нет, ничего страшного. Однако своей девушке обязательно передай от меня привет и непременно поздравь с праздником. Я до сих пор не знаю, как ее зовут, и не пойму, почему ты мне не пишешь об этом. Еще раз

хочу напомнить тебе: не забудь написать мне свое мнение относительно моих стихов и статей. В особенности напиши о «Я хочу жить!» Интересно, понравилось тебе это? Пиши также о ваших новостях.

Побывал недавно у Акана. Это очень добрый, радушный человек, он мне сказал много хорошего и мудрого. Мы с ним беседовали по-казахски и очень остались довольны встречей.

Кроме тебя, я ни от кого писем не получаю и не знаю в чем причина. Твое последнее письмо в самой Алма-Ате пролежало 13 дней. Вероятно, ребята из цензурного отдела не успевают справиться со всей корреспонденцией. И все-таки это нехорошо, что твое письмо целых полмесяца лежало в Алма-Ате.

Пиши.

Твой *Баубек*.

21 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

Муканжан!

Я приехал с фронта на курсы идеологических работников и сейчас нахожусь вместе со своими товарищами на одной из железнодорожных станций близ Москвы. Какие есть новости? Что ты можешь сказать о статьях и стихотворениях, которые я тебе выслал? Переведены ли на казахский язык статьи, опубликованные в «Комсомольской правде»? Хотелось бы узнать и о них твое мнение, напиши мне об этом. Свой новый адрес я сообщу тебе позднее, пока неизвестно, где мы будем.

Все ли в порядке дома? До свидания, твой *Баубек*.

Положи в мои бумаги «Комсомолку» за 5 ноября, у меня ее нет.

5 ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА,
Г. МЕНЗЕЛИНСК, ТАТАРСКАЯ АССР

Муканжан!

Как твое здоровье? Как семья? Как плохо, что близкие места порой становятся далекими! Письма к нам и от нас идут очень долго. Наш город находится довольно далеко от железной дороги.

Муканжан, человек иногда так устает от различных обстоятельств, что начинает сетовать. Вот и я сегодня си-

жу и с болью думаю о том, чтобы эта война поскорее кончилась.

В народе говорят, что хороший солдат не бежит от смерти и не боится войн, может это и так, но все-таки хочется быть простым гражданином, ходить в галстук и легко дышать полной грудью.

Конечно же, наше с тобой стремление быть писателями, мечта о пере нескончаемы. Дай бог писать и в семьдесят. Я уверен, что так оно и будет. Думаю, что вера в то, что мы еще напишем что-нибудь стоящее, не покинет нас. Но судьба лишает меня этого счастья. Я бы мог написать гораздо больше, нашел бы свое место в ваших рядах, однако злой рок преследует меня всю жизнь и, быть может, никогда не даст мне возможность полностью проявить свою творческую индивидуальность.

Муканжан, душа моя горит огнем, а время неумолимо бежит. Сейчас как раз время писать, но, увы, для творчества нет никакой возможности. Оно задыхается, угнетается в этом аду. Что я могу поделать! Жаль, мои 25 лет проходят среди этого безумия, горя и слез. Как много боли и несчастья вокруг! Как много хочется сказать, а слова путаются и не увязываются друг с другом. Настанет ли день, когда мы с тобой снова встретимся и вместе порадуемся и погрустим? Где тот день, когда мы сможем открыться друг другу и поговорить по душам?

Пишу, чтобы сообщить, что жив-здоров, и несу, кажется, сплошную чепуху.

Пиши, дорогой друг.

Твой *Баубек*.

Мой адрес: Татарская АССР, г. Мензелинск, часть 4, Булкишеву Баубеку.

10 ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА,
г. МЕНЗЕЛИНСК, ТАТАРСКАЯ АССР

Муканжан!

Когда я измучени утомлен, я пишу тебе, и это успокаивает меня, приносит мне отдых. И ты, конечно, знаешь, что даже тогда, когда я пишу тебе что попало, мне становится легче.

Думая о многом, о жизни таких же людей, как ты и я, я очень огорчаюсь. Отчего она так сурова и безрадостна? Кого ни возьми, у всех не жизнь, а сплошной туман.

Вот нам уже стукнуло двадцать шесть. Еще немного, и

мы станем тридцати-, а там и сорокалетними. Если оглянуться назад и попытаться подвести какие-то итоги, то, похоже, и вспомнить нечего. Неужели мир отвернулся от нас и мы так и не увидим его лица?

В нашей душе одна лишь мечта — творчество. Вот это и мучает меня больше всего.

Помнишь, в одном кинофильме два солдата рыли окоп и беседовали между собой. Один из них сказал другому, что он два года служил действительную службу в армии, два года отдал империалистической войне, еще два года — гражданской и таким образом в течение шести лет был солдатом. Сказав это, он взглянул на окоп, который все еще копал, и столько в его глазах было тоски по свободной нормальной человеческой жизни! До сих пор стоит перед моими глазами этот взгляд.

Я очень тоскую по своим друзьям, по родным. Вся солдатская жизнь проходит со словами: «Ничего, потерпим!» И плохое, и хорошее — все для нас «ничего».

Здесь, в Татарии, холодно. Учения в основном проходят на воздухе. Теплую одежду, как на фронте, здесь не выдают, что ни говори, а положение не веселое. Но, что делать, раз идет война, надо терпеть.

Муканжан, пиши чаще. Отсюда и я могу писать чаще, чем раньше. Все-таки мы сейчас ближе. Какие у вас новости, пиши обо всем!

Твой *Баубек*.

30 ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА,
г. МЕНЗЕЛИНСК, ТАТАРСКАЯ АССР

Муканжан!

Здесь у нас нет ни конвертов, ни бумаги! Вот напишу несколько слов на бумажном клочке, сверну его и отправлю тебе. Очень много получаю писем от девушек, ну а им, сам понимаешь, без конверта посылать письма неудобно.

Отчего ты не выслал газеты мне, ведь «Письмо сыну Востока» и «Слушай, Кавказ» опубликованы? Где мои стихи? «Золотые часы» буду переводить, вероятно, после окончания курсов, сейчас совершенно некогда. Учиться нам еще около трех месяцев. Жду-не дождусь конца этой учебы. Уж лучше на фронт.

Попробуй собрать мои статьи и отдать в издательство. Так мне советовал поступить Елшибеков.

Пиши, пиши, пожалуйста, родной. Как только выберу время, снова напишу.

Твой *Баубек*.

1 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА,
г. МЕНЗЕЛИНСК, ТАТАРСКАЯ АССР

Муканжан!

Получил сразу три твоих, написанных ранее, письма и словно заново родился. Сейчас у нас такое напряженное время, что я просто задыхаюсь. Свободного времени больше 10 минут не бывает. Как бы хорошо все это время писать и читать. Но, что делать, хоть внутри все и кипит, изменить ничего пока нельзя, и времени не хватает.

Положение не очень хорошее. Нет времени для перевода «Золотых часов». Хотя, думаю, тот факт, что эта вещь — одна из наиболее заслуживающих внимание произведений на казахском языке, посвященных теме войны, не вызывает сомнения. Конечно, это не совсем скромно с моей стороны. Я отправил ее во фронтовую газету, но пока оттуда нет никаких известий. Может быть, она и была опубликована, да я пропустил газету. Давно уже газеты не попадают мне в руки.

Честно говоря, Муканжан, я надеялся, что попав на эти курсы, я смогу побывать в Алма-Ате, однако все оказалось сложнее. Больше всего меня мучает, помимо других обстоятельств, то, что здесь трудно писать. Конечно, если будем живы — Алма-Ату еще увидим. Вот она, солдатская жизнь, наполненная одной лишь мечтой! Уже три года я живу этой жизнью. После войны будет такая возможность, я всерьез возьмусь за «Алмаатинцев».

На Западном фронте создана фронтовая газета. Туда устроился работать Газиз. Он подготовил необходимые документы для моего перехода к ним, но дело до конца так и не довел. Что тут говорить, не везет и только! Видно, сама судьба противится тому, чтобы я мог писать. Мечтая об Алма-Ате, я, конечно же, надеялся поработать там. Когда же и на моей улице будет праздник?

Надеюсь, ты понимаешь, что это нормальное желание живого человека, полного сил и замыслов.

Хотел было собрать все свои статьи, вышедшие на казахском языке, и выслать их Елшибекову, однако, к сожа-

лению, не все из них есть у меня на руках. В особенности вызывает сожаление отсутствие «Слушай, Кавказ» и «Я хочу жить».

Вот уже наступил и Новый год. Три года я живу такой жизнью: по-солдатски встречаю каждый год и по-солдатски провожаю его.

Я тебе как-то высылал некоторые мои стихи. Как там они? Есть ли среди них опубликованные? Мне кажется, что одна из этих вещей—«Взошло солнце»—получилась совсем неплохо.

Напиши мне о том, как вы живете, живы ли, здоровы? Я получил письмо из Алма-Аты от незнакомой девушки Жамантаевой. Я ответил ей. Кстати, начали приходить письма в ответ на опубликованную в «Комсомольской правде» статью «Я хочу жить». Это еще раз говорит о том, что русский читатель — отзывчивый и доброжелательный.

Какие у вас есть новости? Что ты сейчас пишешь? Есть ли что-нибудь у тебя хорошее? Напиши мне подробнее обо всем. Сейчас, когда мне особенно тяжело, твои письма просто необходимы.

Твой *Бабук.*

7 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА,
г. МЕНЗЕЛИНСК, ТАТАРСКАЯ АССР

Аскар, Мукан!

Я получил ваши письма. Спасибо. Сейчас я нахожусь в Татарии на курсах по подготовке идеологических работников Красной Армии. Прошел уже месяц, как я сюда прибыл. Впереди еще три месяца.

Получил сегодня целую кипу писем. 74 штуки! Среди них было и ваше письмо. Письма я еще не читал. Судя по записке начальника полевой почты, это отклики молодежи на мою статью, опубликованную в «Комсомольской правде».

Не хватает времени ни читать письма, ни заниматься собственным творчеством. Надеюсь, что когда-нибудь мне это удастся. Я получил газету, в которой напечатано «Письмо к сыну Востока». Если появятся газеты с моими стихами и статьями, вышлите мне их, пожалуйста. Мукан, пришли бумаги!

Асеке! Это хорошо, что вы бываете на фронтах. Там сейчас находится большинство русских писателей. У меня очень мало информации о казахских писателях. Время от

времени я получаю письма от Елшибекова Ахмета. Мы с ним были в одной армии, не раз беседовали во время кратковременных передышек. От него я и узнаю кое о чем. Других моих соотечественников я встречал очень редко.

Накопилось много хорошего материала, жаль, что совсем нет времени.

Привет от меня всем товарищам.

Твой *Баубек*.

11 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА,
г. МЕНЗЕЛИНСК, ТАТАРСКАЯ АССР

Муканжан!

Получил твое письмо. Я здоров. Пишу это письмо в спешке из-за нехватки времени. Разумеется, если сборник готов, пусть выходит. Ты мне, надеюсь, об этом напишешь.

Мукан! У меня к тебе просьба: если удастся, продай мою одежду, а деньги вышли мне. Причина в том, что, во-первых, очень нужны деньги, а во-вторых, все равно эту одежду носить не придется. Нам ведь подходит и солдатская форма, не так ли? В общем, постарайся поскорее выслать деньги.

В связи с последней статьей получил около ста писем, пришедших из разных концов. Есть среди них и коллективные письма. Отвечать на них некогда. Может быть раздать их курсантам? Я подумаю об этом.

Какие есть новости? Напиши мне скорей!

Твой *Баубек*.

Вышли мне опубликованные стихи и другое. Если читается какая-нибудь сумма, вышли и ее. Совсем как нытье Бельгибая.

20 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА,
г. МЕНЗЕЛИНСК, ТАТАРСКАЯ АССР

Милый Муканжан!

У меня вошло в привычку садиться за письмо к тебе, как только выпадает свободная минута. Меня послали на 10 дней в командировку в колхоз, откуда я тебе и пишу сейчас. Скоро снова вернусь на курсы. До их конца остается больше двух месяцев. Хочу поскорее их закончить, чтобы вернуться на фронт. Но, ты ведь знаешь, именно тогда, когда спешешь, время словно останавливается.

Ни на одно из 74 писем, полученных мною, я до сих пор из-за нехватки времени не ответил. Немало среди них хороших писем. Думаю, вернувшись из командировки, отправить их в «Комсомольскую правду». Перевести «Золотые часы» все еще никак не удастся.

На днях получил письмо от Газиза. Пишет, что разыскивали меня, чтобы взять на работу в редакцию, но не нашли. Какой же я невезучий человек! Если бы мне удалось устроиться туда, сколько я мог бы написать!

Теперь эти надежды неосуществимы, потому что меня переводят с Западного фронта на другой. Чтобы теперь мне можно было бы перейти на другую работу, необходимо разрешение Главного управления РККА.

Какие у вас новости? Как дела дома? В предыдущем письме ты начал разговор о моем сборнике. Что ты можешь еще добавить к этому? Как обстоят дела у тебя с творчеством? Пишешь что-нибудь?

Через два месяца заканчиваются наши курсы. Наденем новые погоны и станем офицерами Советской Армии. Быть офицером и писателем, как Лермонтов, в наше время довольно сложно. Ну, ничего, когда-нибудь и мы будем писать. Скажем и мы свое слово, чтобы нас не забыли люди.

Муканжан! Как странно устроена человеческая судьба! Все складывается таким образом, что мы с тобой никак не можем встретиться, посидеть, поговорить по душам о жизни, творчестве, планах на будущее. Однако не следует отчаиваться и терять веру в лучшие дни. Когда же мы увидим друг друга?

Пиши обо всем подробнее и почаще.

Твой Баубек.

6 ФЕВРАЛЯ 1943 ГОДА,
г. МЕНЗЕЛИНСК, ТАТАРСКАЯ АССР

Мукан!

Впервые получил от тебя письмо из Алма-Аты и бумагу. Скоро — к первому марту — заканчиваются курсы. Теперь на этот адрес не пиши. Жди моего письма. В ответ на мою статью пришло около сотни писем. Отвечать на них, как всегда, некогда. Видишь, я и тебе пишу совсем немного.

Если будет издаваться мой сборник, дай, пожалуйста, мою фотографию. Если будет не трудно, конечно. Можно поместить фотографию на первой странице? У тебя должно

быть мое фото. Теперь я от тебя долго не буду получать писем, потому что не скоро станет известен мой постоянный адрес.

Муканжан, как твоё здоровье, как дела? Мне писать некогда, разве что после окончания курсов удастся.

Кстати, о Евдокии. Это просто одна девушка, которая, уезжая из прифронтовой зоны в тыл, попросила мой алмаатинский адрес. Как только выберу время, обязательно напишу ей.

Приходят письма от Газиза и Елшибекова Ахмета. Елшибеков интересовался моими статьями, хочет отправить их в ЦК или в издательство. Конечно, если вы их сами публикуете, мне незачем ему посылать.

Муканжан, я так соскучился по тебе, что очень хочется обнять и расцеловать тебя.

Будь здоров. Твой *Баубек*.

28 ФЕВРАЛЯ 1943 ГОДА.
г. МЕНЗЕЛИНСК. ТАТАРСКАЯ АССР

Муканжан!

Я получил высланные тобой бумаги и конверты. У меня нет никаких новостей. После того как получишь мое письмо, на этот адрес не пиши. Возможно, скоро мы уже закончим курсы и нас снова отправят куда-нибудь. Разумеется, на какой-нибудь из фронтов.

Муканжан, смотрел вчера фильм «Котовский». Наверняка его снимали в Алма-Ате. Увидев в каком-то кадре фильма одну из окраинных улиц Алма-Аты, я испытал такое чувство, будто сам побывал там. Как, оказывается, дорог сердцу город, в котором прошла твоя юность, воздухом которого ты дышал столько лет!

Конечно, Улытау, где мы с тобой родились, тоже дорог нам, однако красавицу Алма-Ату, с которой связано наше гражданское становление, ни с чем другим не сравнить. Кажется порой, что ни один человек не может так любить ее и тосковать по ней, как я.

Пока мы учились на курсах, я ничего не писал. Для этого здесь нет никакой возможности.

Газиз все собирался перевести меня на работу в редакцию газеты, но с этим пока ничего не получилось.

В ответ на мою статью «Я хочу жить» я получил больше ста писем. Многие из них пришли от казахских девушек. К сожалению, нет возможности ответить на них. Не-

которые из писем я отправил в «Комсомольскую правду» по просьбе редакции. Возможно, какая-то их часть будет опубликована.

В Алма-Ате уже, наверное, наступила весна. Завтра будет ровно три года, как я покинул Алма-Ату. Время движется своим ходом, отсчитывая год за годом.

Какие у вас новости? Все ли живы-здоровы? Все ли благополучно в семье Катиры? Передан от меня привет матери Газиза. Разумеется, не забудь передать мой привет и своим знакомым девушкам.

Потом, когда мы уедем отсюда и устроимся в какой-нибудь воинской части, я сообщу тебе мой адрес телеграммой. Как только получишь ее, сразу же напиши мне письмо. Что нового в литературе? Как обстоят дела с твоим творчеством? Что ты написал и что пишешь сейчас? Наверное, у тебя тоже туго со временем.

Как твоё здоровье? Напиши мне потом обо всем. Газиз мне пишет. Он здоров.

Кто из моих знакомых в Алма-Ате? Где Али, Капан, другие? Молодежь, в частности, Дихан, вероятно, в армии. Прочел в вашей газете одно его стихотворение.

Высланные тобой газеты я получил, спасибо. Кстати, помнишь, я посылал тебе мои стихи «Взошло солнце»? Что с ними, опубликованы ли они?

Жму твою руку.

Баубек.

12 МАРТА 1943 ГОДА,
г. МЕНЗЕЛИНСК. ТАТАРСКАЯ АССР

Муканжан!

Спасибо за письмо и бумаги, которые ты выслал. Я жив-здоров. Как это хорошо, когда мы здоровы и живы! Дорогой мой Мукан, каждое твое письмо для меня как праздник. Читая твои письма, я каждый раз удивляюсь тому, как ты мне близок. Они согревают мне душу и придают силы. В них я встречаю мудрого советчика. И вовсе не потому, что ты, как старший, наставляешь меня или поучаешь, а потому, что в каждом твоём слове таится мысль, которую я понимаю и угадываю, и которая доходит до моего ума и сердца.

Муканжан! Я не встречал еще людей, которые так же, как и мы, вместе росли, учились, шли по жизни, все больше узнавая и открывая ее для себя, умели прощать и це-

нить друг друга, и поэтому, наверное, я никогда не смогу поменять друга или забыть его.

Возможно, это мое последнее письмо из Мензелинска. Сегодня двенадцатое число, через три дня начнутся госэкзамены. К двадцатому марта мы должны уехать отсюда. Поэтому теперь на этот адрес не пиши, свой новый адрес я сообщу телеграммой.

Мне ни бумаг, ничего не высылай. Если выйдет мой сборник, вышли Газизу два экземпляра. Надеюсь, тебе известен его адрес.

Мне писал младший сын Сейтжана о том, что «сын Иманжана Мукан много пишет для «Соц. Казахстана». Я очень обрадовался этому. Если казахстанцы говорят о Мукане, для меня это великая радость. Пиши, мой друг, крепче держи в руках перо!

В моей жизни новостей нет. Могу сообщить лишь одно: жив. Желаю и всем вам того же.

Твой *Баубек*.

Твои конверты получил. Сегодня по приказу Наркома нам присвоили воинские звания, так что если я вернусь на родину, будешь встречать меня как старшего лейтенанта.

20 МАРТА 1943 ГОДА,
г. МЕНЗЕЛИНСК, ТАТАРСКАЯ АССР

Муканжан!

Сегодня двадцатое марта. Мы кончили сдавать госэкзамены. Сегодня наконец я чувствую себя свободным. За целых четыре месяца я смог только вчера в первый раз взять в руки книгу. Прочитал рассказ Джека Лондона «Убить человека». Подумать только, что за четыре месяца я один лишь раз прикоснулся к художественной литературе!

Это письмо я начинал писать дней десять назад, но не закончил, и оно оставалось среди прочих бумаг.

Пока неизвестно, куда нас отправят. Наверняка нас передадут в подчинение какому-нибудь политуправлению РККА, а там уж решат, на какой отправить фронт. Я напишу тебе, когда будет известен наш адрес. Теперь, пока не получишь от меня сообщение, пиши письма Газизу. Я буду получать их через него.

Как твои дела? Почему ты не пишешь мне о своих произведениях? Как поживают твои девушки? Передай им мой привет. Конечно, они не знакомы со мной, но, надеюсь,

наслышаны обо мне через тебя. Я, можно сказать, засыпан письмами. Много писем от казахстанских девушек. И, как всегда, я лишен возможности отвечать на них. Из разных уголков Советского Союза на мое имя пришло более 200 писем. Это в основном отклики на «Я хочу жить». Мнение читателей об этой публикации неплохое.

Муканжан, какие есть новости в Алма-Ате? Весна, наверное, в разгаре! Конечно, вернувшись после войны в Алма-Ату, я увижу все это своими глазами, а пока лишь ношу воспоминания в сердце.

Давненько я не читал книг на родном языке и не разговаривал по-казахски. Даже письма стало труднее писать, не сразу могу подобрать нужные слова.

Ну, ладно, будь здоров.

Твой *Баубек*.

22 МАРТА 1943 ГОДА,
г. МЕНЗЕЛИНСК, ТАТАРСКАЯ АССР

Муканжан!

Я здоров. Пишу тебе последнее письмо из Мензелинска. Я только лишь вчера отправил тебе письмо, а сегодня, поскольку свободен, опять сел писать. Я знаю, что ты будешь только рад этому.

Курсы окончены. Можно сказать, хорошо окончил. Получил звание старшего лейтенанта.

Муканжан, как твои дела? Как дома? Мне, кроме тех новостей, о которых я уже писал, сообщить нечего.

Пиши письма Газизу.

Я до сих пор еще не знаю своего будущего адреса. Напишу позже. Возможно, меня отправят через Главное полуправление на фронт. Короче говоря, сообщу адрес, как только он станет известен.

Ну, а пока передай всем от меня привет. Скоро я вышлю тебе одну фотографию.

Целую, *Баубек*.

6 АПРЕЛЯ 1943 ГОДА,
г. ГОРЬКИЙ

Муканжан!

Пишу тебе это письмо из Горького. Вот уже три-четыре дня, как я приехал сюда. После окончания курсов в Мензелинске меня временно направили сюда. На днях, вероят-

но, буду отправлен на фронт. Мне присвоено звание старшего лейтенанта. Курсы окончил хорошо.

Скоро я покину этот город. Какие у вас новости? Благополучно ли дома? Что нового в Алма-Ате? Пока у меня нет постоянного адреса. Как только он будет известен, я тебе сообщу об этом.

До свидания. Твой *Баубек*.

**20 АПРЕЛЯ 1943 ГОДА,
г. ГОРЬКИЙ**

Муканжан!

Я жив-здоров. Пока нахожусь в Горьком. Постоянного адреса все еще нет. Как там вы все поживаете? Какие есть новости в Алма-Ате? В настоящее время я еще не знаю, куда меня направят, поэтому могу сообщить в этом открытом письме только о том, что со мной все в порядке.

Жди моего следующего письма.

До свидания. Твой *Баубек*.

**16 МАЯ 1943 ГОДА,
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФРОНТ**

Муканжан!

Я здоров. Давно я тебе не писал и вот сейчас отправляю открытое письмо. Надеюсь, ты его получишь.

В моей жизни нет никаких новостей. Сейчас я являюсь политруком роты. Недавно прибыл на фронт. Здесь мы готовимся к большому бою. Что нового у тебя? Как дела дома? пиши мне подробнее.

Как поживает семья Катирь? Сообщи мне адрес Газиза.

- До свидания. Твой *Баубек*.

**28 ИЮНЯ 1943 ГОДА,
ПОДМОСКОВЬЕ**

Муканжан!

Как твои дела? Я здоров. Сейчас я нахожусь на офицерских курсах в Подмоскovie. Других новостей в моей жизни нет. Что нового в Алма-Ате? Напиши мне обо всем

подробнее, обо всех ваших новостях, о себе. Теперь тебе буду писать отсюда. Ответь мне поскорее. Передай от меня привет своим домашним, Катире, родным Газиза.

Твой *Баубек.*

**28 ИЮНЯ 1943 ГОДА,
ПОДМОСКОВЬЕ**

Муканжан!

Что-то давно я не получал твоих писем. Возможно, и от меня они стали приходить реже. Это письмо я пишу тебе из одного военного лагеря близ Москвы. Я недавно прибыл сюда с фронта на четырехмесячные офицерские курсы и сейчас учусь здесь. Здоров.

Как у тебя дела? Все ли благополучно дома? Ты работаешь на прежнем месте?

По-прежнему очень скучаю по вас. Кто знает, когда я смогу доказать вам это! Вот она, человеческая судьба! Кто бы мог подумать, что мы с тобой окажемся в разных концах страны и нас долгое время будут связывать лишь небольшие клочки бумаги? А вот, видишь, как оказалось!

Есть ли на фронте кто-нибудь из редакции «Соц. Казахстан» в числе военных корреспондентов? Конечно, тем, кто, подобно мне, постоянно находится в строю, писать совсем некогда.

Что нового в Алма-Ате? Пишу это торопливое письмо, желая сообщить тебе мой адрес.

Будь здоров, дорогой.

Твой *Баубек.*

Мой новый адрес: Полевая почта 6415-А

Мукан, ты писал мне о том, что скоро выйдет в свет сборник моих статей, сообщи подробнее об этом в своем письме.

**14 АВГУСТА 1943 ГОДА,
ПОДМОСКОВЬЕ**

Мукан!

Как твои дела? Не знаю почему, но с марта месяца не получаю от вас писем. В чем причина? У меня нет никаких новостей. Жив-здоров. Отправил сегодня рукопись статьи «Злодейство и любовь». Переписать начисто мне не удалось. Думаю, ты сможешь разобраться. Отдай, пожалуйста,

сам ее на машинку. Там много исправлений и помарок, и бедным женщинам, конечно, трудно будет разобраться в написанном.

Хотел выслать тебе «Комсомольскую правду», однако не могу выкроить время для перевода опубликованной в ней статьи. В качестве ее продолжения собираюсь написать статью «Украденная молодость».

У меня кончаются бумаги и конверты.

Поговори с Аскарком и другими товарищами о том, могу ли я быть военным корреспондентом на фронте от вашей газеты. Узнай, есть ли такая возможность.

Если бы ты знал, как мне хочется писать! Какие прекрасные дела совершают наши земляки на фронтах! Я бы с таким интересом принялся о них писать! Слушай, это дело, говорят, можно решить через Совет народных комиссаров. Узнай об этом.

Вышли мне мою выпущенную в свет книжку, хочу хоть одним глазком взглянуть на нее. Я ведь еще не видел ее. Если понадобится мой адрес, он такой: Полевая почта 6415-А, соединение подполковника Фентиктинова, старшему лейтенанту Булкишеву.

Пришли мне адрес Газиза, пиши почаще письма.

Целую. Твой *Баубек*.

19 АВГУСТА 1943 ГОДА,
ПОДМОСКОВЬЕ

Муканжан!

Я тебе послал недавно письмо и одну статью. Получил ли ты их? Я уже устал ждать от тебя писем, почему ты молчишь?

Что нового в Алма-Ате? Где твои родные, по-прежнему в Алма-Ате? Как только получишь это письмо, сразу же ответь мне и расскажи о новостях в столице, о себе, своем доме. Напиши о тех, кто есть и кого нет, о своем творчестве. Вот то, о чем мне так хочется знать.

В редакции, где работает Газиз, решили отправить мой рассказ «Золотые часы» в «Казахстанскую правду», так как для их маленькой газеты он оказался слишком большим. Узнай, как там обстоит дело. Собираются ли они печатать ее? Конечно, мне надо было перевести ее на казахский язык, но теперь ее у меня нет. Да, необходим казахский вариант этой статьи, причем я должен сам осуществить перевод. В общем, узнай обо всем и напиши.

Газиз сообщил мне о том, что написал обо мне одну статью. Что он там пишет? Вышли мне эту газету. Сегодня получил еще одно письмо от него. Он жив-здоров. Канапия, Жагыпар, Балкашев и Умит, оказывается, в Москве. У меня сложилось впечатление, что все они сейчас большие начальники.

Кстати, я написал к статье «Злодейство и любовь», которую выслал тебе, «Письмо к моему ровеснику». Измени и напиши лучше «Письмо о дружбе».

Ответь поскорее. Твой *Баубек*.

20 АВГУСТА 1943 ГОДА,
ПОДМОСКОВЬЕ

Муканжан!

Если не ошибаюсь, последнее письмо от вас я получил в марте или апреле. С тех пор прошло почти полгода, и **вот** наконец сегодня пришло твое письмо, которое я ждал с таким нетерпением. Я очень рад ему и тому, что все **вы** живы-здоровы. Однако очень жаль, что ты черкнул всего лишь несколько строк. Надеюсь, тебе понятно желание человека, лишенного на полгода всяких вестей с родной стороны, узнать обо всем поподробнее.

Муканжан, я отправил тебе много писем по старому адресу, в редакцию. Возможно, ты получишь их. Вместе с ними я выслал статью «Злодейство и любовь», а редакция фронтовой газеты Западного фронта отправила мой рассказ «Золотые часы» в «Казахстанскую правду». Узнай, пожалуйста, о судьбе этого рассказа и сообщи мне. Как там мой сборник, вышел в свет? Если вышел, то пришли, я ведь еще не видел его.

Я проучусь здесь, должно быть, еще три месяца. Можешь почаще писать мне сюда.

Напиши мне о своем мнении насчет статьи «Злодейство и любовь». Понравилась ли она тебе? Как ты считаешь, стоит писать ее продолжение? Если стоит, то я готов употребить на это время, которое дается нам для сна и короткого отдыха.

Пиши мне, пиши!

твой *Баубек*.

23 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА.
ПОДМОСКОВЬЕ

Муканжан!

Передо мной лежит твое письмо на шести страницах, которое словно утолило мою жажду. Конечно, если бы оно было длиннее, я испытал бы еще большее наслаждение и прилив сил. На душе моей, давно не знавшей покоя, стало легче. Я раскрыл конверт и будто от страницы к странице раздвигал занавес, который долго закрывал от меня дорогой моему сердцу Восток. Я смотрю на письмо и вижу, перед собой тебя, своего верного настоящего друга.

Так же, как и в том краю, где мы с тобой родились, есть для нас один стержень, одна опора — Улытау, так и для меня существует в жизни одна опора, одна поддержка, один друг. Это — ты! Я рос и выросел один, в обнимку с сиротством, и вот однажды нашел родню. Моя родня — это ты! Думая об Алма-Ате, о своем возвращении в этот город, где у меня есть родной человек, я главным образом думаю о тебе. Кажется, лишь благодаря тебе, тому, что мы учились там вместе с тобой, Алма-Ата так дорога мне. Там, где ты — моя вторая родина.

Сегодня 28 сентября. Я только что получил от тебя письмо и сразу же сел за ответ. Книжки и конверты, которые ты мне выслал, я получил. Письмо это было начато еще 23 сентября, и вот только сегодня удалось продолжить его.

Думал послать тебе одну фотографию, но так как не было конвертов, пришлось отложить эту затею. Теперь, получив от тебя конверты, высылаю ее. Твою фотографию я давно потерял. Если у тебя есть еще фотографии, вышли одну.

Напиши мне о статье «Злодейство и любовь». Нет времени для того, чтобы выслать тебе еще что-нибудь.

Товарищи, которые сейчас находятся в Москве, хлопотали о том, чтобы у меня появилась возможность писать, однако пока ничего не получается. Встречался с Жагыпаром и Канапией. Они ведь сейчас в Москве.

Какие новости в Алма-Ате? Напиши мне. Мои «Алмаатинцы» у тебя? Не потерялись, случайно? Вместе с этим я посылаю черновики будущих глав, они тоже у тебя? Напиши мне, что ты думаешь об «Алмаатинцах». Возможно, если удастся сделать это во время войны, я постараюсь дописать продолжение, если, конечно, они этого заслуживают.

Будь здоров. Привет старикам и твоим девушкам.
Твой *Баубек*.
Пиши почаще.

24 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА,
ПОДМОСКОВЬЕ

Муканжан!

Как всегда, стоит мне немного освободиться, сажусь писать тебе. Я здоров и по-прежнему учусь. Учеба продолжается изо дня в день. У меня никаких новостей нет, живу той жизнью, которую уготовила мне судьба. Порой кажется, что я словно игрушка в ее руках. Ну, да ладно. Мы еще поспорим с ней, посмотрим, кто кого.

Повстречался на днях с Канапией. Он сейчас учится в Москве. Пообещал написать обо мне Сабиту и дал понять, что ему нравится то, что я пишу. Думаю, однако, что из всего этого ничего не выйдет.

Муканжан! Все во мне кипит, нет сил бороться. Закончить бы «Алмаатинцев». Во время войны, сам знаешь, это очень трудно.

Ты это прочел? Выйдет из этого что-нибудь, и похоже ли на стоящее произведение? Напиши мне! Считаешь ли ты возможным продолжить эту работу впоследствии?

Отпечатай и вышли мне один экземпляр статьи «Злодейство и любовь». Я хочу перевести ее на русский язык и отправить в «Комсомольскую правду». Как ты думаешь, годится она для этого? Постарайся опубликовать ее без сокращений.

Твой *Баубек*.

13 ОКТЯБРЯ 1943 ГОДА,
ПОДМОСКОВЬЕ

Муканжан!

Я жив-здоров. Давно не получал от тебя писем. Благополучно ли у тебя дома? Мои письма, надеюсь, дошли до тебя. Сегодня отправляюсь на фронт, поэтому не пиши теперь мне по этому адресу. Жди моего письма, я сообщу тебе мой адрес.

Я так рад, что нас отправляют на фронт, что даже не знаю, о чем сейчас писать. «Вот и начинается наша беспокойная жизнь!»—думается мне. Еще с прошлого года я

просился, но все не получалось. Теперь мое желание осуществилось.

Всего доброго.

Твой *Баубек*.

**18 НОЯБРЯ 1943 ГОДА,
С ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ФРОНТА**

Здравствуй, Муканжан!

Я жив-здоров и сейчас у себя «дома», т. е. на фронте. Изменений в моей жизни пока никаких нет. Перед отъездом из Москвы я написал тебе одно письмо. Ты получил его?

Что нового в Алма-Ате и у тебя лично? Когда получишь мое письмо, сразу же ответь, хотя бы одной строчкой. Я с нетерпением жду твое письмо. Мой адрес на конверте. Привет твоим старикам и Катире.

Целую. Твой *Баубек*.

**2 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА,
С ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ФРОНТА**

Муканжан!

Как твоё здоровье, как родные? Я здоров. После небольшой болезни я поправился и чувствую себя хорошо. Сейчас я ещё в больнице, но скоро уже выпишусь. Всю прошлую ночь я не мог уснуть, обуреваемый самыми разными мыслями. Не осталось, наверное, ни одной улицы в Алма-Ате, по которой не прошёл бы я в своём воображении. Особенно часто я вспоминаю своё прекрасное студенческое время. Перед моими глазами вставал Талгар, старые деревья у невысокого дома на углу улицы Гоголя, клуб УЭКа, редакция, Дом связи, в общем, очень многое, и даже не мог написать. Мысли эти овладели мной в минуты затишья. Когда вокруг тебя все грохочет, свистит, взрывается и ты думаешь только лишь о своём долге, все остальное уходит в сторону. Сейчас я на Украине, в самом пекле сражений. Пока жив. Отослал в «Комсомолку» одну статью, пока никаких вестей оттуда не получал.

Какие у тебя новости? До свидания.

Целую. Твой *Баубек*.

Я отправлял тебе перед этим открытое письмо, пиши по тому же адресу.

16 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА,
С ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ФРОНТА

Дорогой Муқан!

Как твои дела, как поживают наши старики? Моя личная жизнь пока без каких-либо изменений. Сражаемся, как и раньше. Продолжается наша прежняя беспокойная солдатская жизнь.

Муқанжан, если сможешь найти, вышли мне, пожалуйста, опубликованные на русском языке мои статьи, особенно «О жизни и смерти», «Я хочу жить» и немного бумаги. Какие у тебя есть новости? Пиши мне почаще.

Целую тебя, родной мой.

Твой *Баубек*.

Поздравляю с Новым годом!

Муқанжан, поздравляя с Новым годом, я желаю тебе достичь самых больших успехов в жизни и творчестве. Желаю тебе написать в Новом году строки, идущие из самого сердца поэта, поэмы, взволнующие душу читателя.

Твой *Баубек*.

24 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА

Брат мой, Капан! ¹

Не думал я, что получу от тебя письмо. Если бы ты знал, как я обрадовался ему. Говоря точнее, я получил сразу оба твоих письма, лежа в окопе под непрерывным вражеским обстрелом. Там же в окопе я их и прочитал, да и что тут такого? Свистели шальные пули, разрывались снаряды, разбрызгивая множество осколков, но ничто не могло помешать мне прочитать и снова перечитать твои письма.

В моей жизни нет особых, заслуживающих внимание изменений. Воюем. Да, за это долгое время пришлось побывать на разных фронтах, перенести много трудностей. На войне у солдата, известное дело, радости мало, а горя много! Однако все это, знаю, необходимо выдержать во имя нашего будущего. Если останусь в живых, безусловно, займусь творчеством. Кстати, о моем творчестве: в последнее время абсолютно ничего не писал, потому что нет никакой

Известный писатель Капан Сатыбалдин,

возможности. Бои заполняют все мое время. Мою профессию можно сравнить с работой электрика в праздничные дни.

Два слова о твоём напоминании: хоть ты и пошутил, я все же присоединяюсь к твоему мнению, ведь даже эти тяжелые дни самые прекрасные дни. Годы молодости — годы творчества, мы всегда помним и говорим об этом.

Капанжан! Я, конечно же, знаю о твоих думах и мечтах, о твоих желаниях и надеждах. И ты все знаешь обо мне.

Мечты, надежды... Что толку от бесплодной мечты? Хочется написать многое: и статьи, и повесть, и роман. Однако к чему мне (именно мне) мечтать сейчас об этом? Что можно написать лежа в окопах? Находясь на поле боя? А если и напишешь о чем-нибудь, разве можно назвать это творчеством? Это только угнетает тебя, нагоняет грусть-тоску и больше ничего.

Мирный день, который мы так ждем, недалек! Я так жду его. Пять долгих лет солдатской жизни питают меня надеждой на счастливый день, говорят о том, что я еще молод, подумай только и пойми меня! Капан, прошло уже пять лет, а в каждом году по 365 дней! И все это время во мне живет надежда. Может быть, всевышний подарит нам жизнь и наступит день, когда мы с тобой еще встретимся в красавице Алма-Ате и обсудим поэму об этой войне.

Капаш! Передай от меня привет Абу, Искаку и Сабиту. Пиши мне о себе, о своем здоровье, о казахстанских новостях.

Твой *Баубек.*

.25 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА,
С ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ФРОНТА

Муканжан!

Давно уже жду от вас писем, однако никаких известий нет. Какие новости в Алма-Ате? Как ты сам поживаешь? Как наши старики? Последние полгода я не знаю ничего об алма-атинских новостях. Пришли бумагу, мне не на чем писать. Если есть такая возможность, вышли и газеты. Сообщи мне о том, что ты сейчас пишешь. Получил письма от Капана. Он на нашем фронте. О творчестве писать нет никакой возможности, поэтому я об этом не заикаюсь.

Жду от тебя письма.

Твой *Баубек.*

30 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА!

Брат мой Капан!

Узнал о том, что ты заболел, и очень переживал. Ведь нет ничего главнее здоровья, особенно в наше время, когда благодаря хорошему здоровью мы можем, проливая пот и кровь, неустанно, днем и ночью выполнять свой долг перед Родиной.

Разве мы пожалели что-нибудь в этой войне? Разве есть что-нибудь, чем бы мы не пожертвовали ради ее завершения? Разве мало моих ровесников, поседевших, несмотря на их молодость? Я не говорю о тех моих товарищах, которых уже нет сейчас в наших рядах, с которыми мы никогда не встретимся за одним дастарханом, которые не встретятся со своими возлюбленными девушками и никогда не смогут вступить в спор и обсуждение наших поэм.

Вспомним тех, кто живет мечтой о будущем, кто жаждет проявить свой рвущийся наружу талант, стремится познать правду жизни! Сколько горя приходится им видеть каждый день, и сколько еще его впереди!

Я писал письмо в редакцию, может быть, ты его видел? Вспомни.

Поздравляю с Новым годом, желаю достичь успехов на творческом фронте.

Твой *Баубек*.

30 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА.
С ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ФРОНТА¹

...Меня можно разыскать через общефронтовое инженерное управление или армейскую инженерную часть. В крайнем случае адрес моей части указан на конверте.

Попробуйте сделать кое-что в этом плане. Возможно, что-нибудь и получится. Я писал вам до этого, получили ли вы мое письмо?

Если будет время, я буду писать в вашу газету. Иногда у меня появляется такая возможность, и тогда, используя колени в качестве стола, я, бывает, пишу что-нибудь.

¹ Письмо адресовано поэту Абу Сарсенбаеву. Первые две страницы утеряны.

Как у вас дела? Пользуется ли ваша газета успехом у писателей?

Как там наш народ? Как у тебя дома? Что интересного написано казахскими писателями?

Напиши мне о том, что ты написал в мое отсутствие. Не будет ошибкой, если скажу, что за четыре года я не держал в руках ни одной казахской книги. Мало того, даже поговорить по-казахски не с кем, если не считать случайных и коротких встреч с земляками. Ты же знаешь Елшибекова? Мы оба в одной армии и иногда встречались друг с другом.

— Мальчик мой, давай насладимся и поболтаем по-казахски,— говорил он радостно, завидев меня. А я чуть ли не больше его радовался такому случаю. Добрым, сердечным он был джигитом, но судьба и с ним меня разлучила.

Абеке! Писать можно долго и о многом. Я желаю нам скорой и благополучной встречи. Как говорил Толегеп: «Вот и наступило для всех живых лето», так и для нас наступил Новый год. Я поздравляю тебя с Новым годом! Желаю быть победителем в битве за слово, стать мастером слова!

Твой *Баубек*.

31 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА.
С ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ФРОНТА

Муканжан!

Поздравляю тебя с Новым годом, желаю счастья в жизни и новых успехов на творческом фронте.

Как твои дела? Что нового у нас в Казахстане? Не знаю, почему от тебя нет писем. Я писал тебе домой, получал ли ты мои письма? Как живут алмаатинцы? Где наш Байрон — Есенин? Передай ему от меня привет и скажи, чтобы он мне написал. Может быть, кто-нибудь из сотрудников вашей редакции знает адрес Ахмета Елшибекова? Выясни это, пожалуйста!

Привет от меня Аскару и другим товарищам. Где Сабит и Габит? Что нового они написали? В общем, пиши, я хочу знать обо всем.

Кто сейчас в Алма-Ате из наших знакомых девушек?

Твой *Баубек*.

**ПИСЬМО, НАПИСАННОЕ 10 ЯНВАРЯ
1914 ГОДА С ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ФРОНТА
(П/П 61271 «Б») ПИСАТЕЛЮ
АБУ САРСЕНБАЕВУ**

Брат мой Абеке!

Недаром казахи говорят: «Если счастье тебе улыбнулось, на сову и гусь летит, если счастье отвернулось, и ястреб ни с чем прилетит». Так мне кажется сейчас, что счастье куда-то отдалилось от меня. Поэтому каждое ваше письмо для меня — большая поддержка в трудную минуту, письма придают мне силы и уверенность.

Ваше присутствие на фронте рядом со мной мне так необходимо! Вы для меня как горы Алатау на моем Востоке. Читая ваши письма, я будто брожу по их склонам и дышу чистым горным воздухом. Надеюсь, вы поймете меня.

До меня в нашем полку были могучие парни-казахи (Ракеев Шакен, Ажибаев). Хорошими они были ребятами, но мне не довелось их увидеть, они погибли в боях. Хотел собрать материал и написать о них. Пусть хотя бы после их гибели страна узнает о славных сынах казахского народа и запомнит навечно их имена.

Я на сто процентов присоединяюсь к вашему желанию вызвать меня на совещание и попробуйте дать телефограмму с вызовом в часть подполковника Титова — п. п. 61271. Если не получится, постарайтесь вызвать через фронтовое инженерное управление. Там знают, в какой армии я нахожусь. Мое воинское звание — старший лейтенант, должность — командир саперного взвода, с 1942 года являюсь кандидатом в ВКП(б), имею среднее образование. Приказ политуправления о моем вызове — для нашего начальства является основанием. Переговорите об этом побыстрее.

Искаку от меня привет и Канапии тоже. Видел ли ты мою статью «Раздумья над старой картой», опубликованную в «Комсомольской правде» 12 декабря 1943 года? Это сокращенный вариант статьи «Злодейство и любовь».

Да, Абеке, у меня нет статей, напечатанных в этой газете. Особенно хотелось бы иметь «О жизни и смерти» за 1 мая 1942 г. и «Я хочу жить» за 5 ноября 1942 г. Если они имеются в вашей подшивке, пришли мне, пожалуйста. Они мне очень нужны.

Пока могу пообещать, что я буду вам писать. Будь здоров.

Твой младший брат *Баубек*.

21 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА.
С ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ФРОНТА

Муканжан!

Пишу тебе, пишу, а ответа на мои письма все нет. Очень жаль. В самом же деле, столь упорное молчание в ответ на мои многочисленные письма порождает в душе беспокойство.

Муканжан! Как твои дела, где ты работаешь, по-прежнему на старом месте? Как поживают наши старики?

Я жив и поэтому продолжаю жить, шальные пули пока минуют меня. Возможно, моя судьба так и сложится, возможно, я останусь живым и смогу в будущем бороться с моими врагами, с врагами моих родных и друзей.

Привет сотрудникам редакции, в том числе женщинам и девушкам.

Твой *Баубек*.

13 АПРЕЛЯ 1944 ГОДА.
С ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ФРОНТА

Привет с фронта!

Здравствуйтесь, товарищ Иманжанов. Я передаю вам свой красноармейский привет и желаю всяческого благополучия вашему городу. 16 апреля на имя Булкишева Бориса от Вас пришло письмо. В связи с этим сообщаю Вам следующее: Булкишев — мой командир. Он был для нас лучшим товарищем и другом. В бою за село Ново-Юльевка Булкишев Борис погиб. Вместе с ним мы потеряли еще двух своих товарищей — красноармейцев. Булкишев был для нас как родной отец, и мы глубоко скорбим по поводу гибели нашего командира.

До свидания, жду Вашего ответа.

Степурин Николай Васильевич.

СПРАВКИ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО
КАДРАМ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
НОМЕР 173(4)В-83998 ОТ 6 НОЯБРЯ
1971 ГОДА И НОМЕР 173(4)В — 81180
ОТ 21 ЯНВАРЯ 1970 ГОДА

Степурин Николай Васильевич окончил в августе 1944 года пехотное училище, был командиром 1345 стрелкового полка 399 стрелковой дивизии. Погиб. Воинское звание — младший лейтенант.

Степурин Николай Васильевич родился в 1919 году в селе Воронино Самойловского района Саратовской области. В ряды Советской Армии был призван в 1943 году Кемеровским городским военным комиссариатом. Отец — Степурин Василий Иванович, в 1945 году жил в Ульбастрое Восточно-Казахстанской области.

¹ Несмотря на многократные поиски, отыскать и встретиться не удалось.

ПИСЬМА БАУБЕКУ

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Родилась в Белоруссии, в деревне Новый-Радин Гомельской области, там же училась с 1-го по 3-й классы. В 1933 году наша семья выехала в Киргизию, где отец живет и сейчас. В Белоруссии остались родственники по матери и отцу. Во время войны мамина сестра была отправлена с семьей в Германию, но по дороге была расстреляна с детьми.

В Киргизии я окончила Кагановичскую (ныне Сопулуцкую) среднюю школу № 1. Директором нашей школы в то время был Марчек Рудольф Павлович и преподавал нам астрономию, а его жена Анна Васильевна — математику. Уже будучи в Алма-Ате, я только узнала, что он был в числе других революционеров, которые боролись за Советскую власть в гор. Верном.

Выпускной вечер 10-го класса у нас состоялся с 21-го на 22-ое июня 1941 года, рано утром мы узнали, что началась война и на строительстве БЧК (Большой Чуйский канал), который проходил через наш район, состоялся митинг. Трудно было поверить сразу в случившееся, когда перед тобой было столько дорог к счастью, и вдруг все это застлало черной тучей. Мне хотелось поступить в медицинский институт в гор. Фрунзе, я успешно сдала экзамены, но учиться не пришлось, шла война. Я стала работать в райкоме комсомола сначала зав. учетом, а затем, когда секретаря РК ВЛКСМ т. Джумабаева взяли на фронт, осталась и за секретаря. В один из приездов к отцу в 1975 году отец мне сказал, что т. Джумабаев при

встрече с ним интересовался, жива ли я и где сейчас работаю. «Комсомольскую правду» мы, молодежь, читали по вечерам, собираясь в райкоме после работы. Особенно нас взволновала статья Баубека Булкишева «О жизни и смерти». Мы не могли сидеть дома, в тылу, но в военкомате ответили, чтобы мы подождали. Тогда я обратилась в военный отдел райкома партии с просьбой отправить на фронт хоть санитаркой. Через «Комсомолку» я написала письмо Баубеку. Он мне ответил, но к сожалению, это письмо у меня не сохранилось. Оно все время было со мной до самого моего ранения, я часто его читала своим подругам. Я только помню, что он написал: «Дорогая Нинка!», оно было очень интересно, патриотично, на 4-х страницах, исписанных примерно таким же почерком, как ваше письмо, т. Аскарлов С. А. В письме он говорил еще, что недалеко тот час, когда и Белоруссия будет свободна, в конце июля 1942 года меня вызвали в райком партии (я уже была кандидатом в члены ВКП(б) и спросили, хочу ли я поехать учиться в военно-медицинское училище, по окончании которого я смогу поехать на фронт. Я согласилась немедленно, и вскоре я и еще одна девушка (ее звали Зина) уехали в г. Ашхабад в Харьковское военно-медицинское училище, эвакуированное из г. Харькова. Я была зачислена на фармацевтическое отделение (нас было 100 человек). Ускоренный курс этого училища я закончила в сентябре 1943 года; в звании младшего лейтенанта мед. службы в числе других была отправлена на фронт на Калининское направление. Когда нас провожали на фронт, наш седой и очень строгий командир батальона майор Касперович всех нас (6 человек) расцеловал и прослезился. Конечно, наш выпуск (девусек) был первым. Некоторые так и не вернулись домой. Такое счастье выпало мне. Я прибыла в свой 151-й стрелковый полк уже в октябре 1943 года под г. Невель, где в это время шли сильные бои. Я была назначена начальником аптеки полка. В мои обязанности входило снабжение медикаментами и перевязочными материалами санчасти полка и санинструкторов в батальонах, куда в период между боями нужно было все доставить. А в период боевых действий приходилось выполнять все, что было необходимо: перевязывать раненых, заботиться о них, а часто и отправлять в медсанбат. Это обычно делалось ночью, скрытно. Обычно главврач показывал на карте точку, где находится медсанбат, раненых грузили на подводы, кто мог, шел сам и все нужно было доставить до места, не заблудиться, не попасть к немцам. Полк

обычно находился от передовой от 500 м до 1,5-3 км, в зависимости от местности.

В августе 1944 г. в боях за г. Ансло (Эстония) я была тяжело ранена в лицо. Лечилась сначала в полевых госпиталях, затем в госпитале в г. Ленинграде.

В боях за гор. Невель нашему полку было присвоено звание гвардейского. Это было зимой.

В январе 1945 года после излечения я в свою часть не смогла попасть, а была направлена в другую часть, которая дислоцировалась уже в Восточной Пруссии. После взятия г. Кенигсберга нашу дивизию направили на Восток, где в составе 2-го Дальневосточного фронта еще мне пришлось участвовать в боях с Японией.

С Баубеком Булкишевым мне больше не пришлось переписываться, хотя его имя и фамилию я почему-то помнила все время и часто думала, почему он ничего больше не пишет. Я почему-то думала, что он писатель. И уже будучи в Алма-Ате, куда меня направили в 1957 году после окончания Чимкентского технологического института, я интересовалась его судьбой (искала его книги или статьи в библиотеках), но затем прочла небольшой рассказ (кажется, в «Огоньке»), что Баубек Булкишев погиб героически. Мне почему-то казалось, что такой человек, как Баубек, не может просто так исчезнуть, что о нем нужно обязательно написать, чтобы молодежь читала, знала, сколько было хороших, храбрых людей, не жалевших себя, которые своим словом, своим примером других воодушевляли на борьбу с врагами родной земли. Когда отец прислал мне Ваше письмо и мою статью в «Комсомолку»,— распечатав его письмо, мне сразу на глаза попало мое письмо Баубеку, я была очень взволнована, все это так неожиданно. Но я стала читать Ваше письмо сначала, и только тогда мне стало все ясно, я подумала, как хорошо, что о нем вспомнили, и очень пожалела, что его письмо ко мне не сохранилось.

Из армии я демобилизовалась в июне 1946 года и до 1952 года жила и работала по своей военной специальности (фармацевтом). В 1952 году хотела поступить в медицинский институт в г. Алма-Ате, но я опоздала, набора больше не было. Ждать до следующего года мне не хотелось, и я поступила в Технологический институт в г. Чимкенте на дневное отделение, одновременно работая в аптекоуправлении в г. Чимкенте.

У меня две дочери, муж.

В г. Алма-Ате я живу с 1957 года, сначала работала на комбинате, затем на заводе железобетонных изделий № 3 до 1967 года. С 1967 года до 1977 года работала начальником отдела в институте «Казоргтехстрой», затем, в связи с реорганизацией отдела в строительную лабораторию Министерства и выходом ее из состава института, я перешла работать в технический отдел института начальником группы.

Имею награды: орден Красной Звезды, который мне вручили за участие в боях за реку Великую в Калининской области, медали: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Японией», «За доблестный труд» в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

Гриценко-Попова Нина Романовна

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

Я прочла в «Комсомольской правде» записки молодого казаха-фронтовика «О жизни и смерти» и решила написать молодому казаху-воину письмо, но я не знаю его адреса, поэтому очень прошу Вас поместить мое открытое письмо в «Комсомольской правде».

Здравствуй, родной Баубек Булкишев!

Позволь мне назвать тебя этим именем как брата, как благородного советского воина, думаю, что ты не обидишься на меня. Ведь сейчас мы все близкие, все родные, так нас воспитала наша Родина-мать.

Я с большим восторгом прочла твои записки в «Комсомольской правде» и осталась очень довольна.

Ведь ты, дорогой Баубек, пишешь не только о себе, выражаешь не только свои чувства и мысли, ты выражаешь мысли сотен тысяч советских юношей и девушек

Дорогой Баубек. Ты говоришь, что мы горды тем, что нам дана жизнь, дана молодость, дана любовь! Да, мы гордимся жизнью, ведь самое драгоценное у человека — это его жизнь. И эту маленькую, и вместе с тем большую жизнь, нужно прожить так, чтобы не было «мучительно больно за бесцельно прожитые годы», — так говорил Николай Островский, так говорим мы.

Нет! Нам не будет больно вспоминать свою жизнь. Сквозь дым и разрывы снарядов мы пройдем к светлому будущему.

Я белоруска. Сейчас я живу и работаю в солнечной

Киргизии. Я полюбила эту страну с ее недрами и богатствами, с ее синими красивыми Тянь-Шанями, на которых всегда лежит и искрится, как алмаз, иссиня-белый снег. Мои близкие и родные остались там, где пылают огнем пожарами родная Белоруссия и Украина. Кровью обливается сердце, когда подумаешь, как эти изверги-немцы издеваются над ними — простыми скромными людьми, которые в дни гражданской войны завоевали наше счастье, которое сейчас хочет отнять кровавый Гитлер.

Мне 19 лет. Перед войной я окончила среднюю школу и передо мной открылась широкая дорога в будущее.

Я так же, как и ты, дорогой Баубек, мечтала быть и инженером, и учителем, но кровавый Гитлер протянул свою грязную лапу и захотел отнять нашу молодость, отнять наше счастье, нашу любовь — все то, что волнует наше сердце молодое. Никогда не бывать этому! Лучше смерть в бою, чем жизнь на коленях.

В дни войны я вступила в ряды партии, изучила военную специальность сандружинницы и овладеваю специальностью связиста, чтобы в любое время быть готовой встать на защиту своей родины. Сейчас работаю в райкоме комсомола. Недалек тот день, когда кумачовое знамя будет развеваться над освобожденной Белоруссией и Украиной! Не будет конца нашей радости, обнимутся русский и казах, украинец и киргиз.

Дорогой Баубек! Как простая советская девушка, силой своей любви к родине, силою своей молодости заклинаю тебя и твоих товарищей, бейте этого гада, не жалея патронов, мы дадим вам патроны и снаряды. Не давайте ему покоя ни днем ни ночью, пускай помнят фрицы советских простых людей.

Час победы близок.

Передай горячий комсомольский привет всем бойцам, командирам и политработникам, страна любит и гордится вами, славные воины Советской страны!

С комсомольским приветом *Нина Грищенко.*

ЗДРАВСТВУЙТЕ, БАУБЕК!

В мае месяце я прочла в «Комсомольской правде» Ваши записки казаха-фронтовика. Ваша статья как-то взволновала, вызвала прилив воспоминаний и заставила подумать.

Баубек, вы правы, что только теперь мы оценили наше

замечательное детство, отрочество. В прошлом школа, отряд, комсомол и потом институт казались достижимым, обыкновенным, что так должно быть у всех. Но теперь, когда нашу юность, молодость хочет уничтожить, затоптать фашистская мразь, мы видим, что это далеко не так, что это достижимо только у нас в стране.

У меня, как говорят, жизнь впереди, но я, не задумываясь, отдаю ее, если нужно, во имя счастья будущей молодости.

Баубек, тяжело, когда думаешь, что родные и близкие остались в руках извергов на Украине. Но скоро немцам крах. Сталинский приказ воодушевил, еще больше укрепил веру в победу. Вы на фронте, мы в тылу, по-фронтовому куем победу над нашим врагом. Извините, конечно, за беспокойство и лишнюю трату времени. Пока. Всего наилучшего. Желаю здоровья и сил.

Привет фронтовым друзьям.

Ляля Горун.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПОЛИТРУКА
БАУБЕКУ БУЛКИШЕВУ.
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Дорогой Баубек! Читал твои записки и обсуждал с братом Нургалиевым — раненым зам. политрука. Встал в раздумье и перед глазами мгновенно проходили эти картины: красивая украинская земля, но красоту ее нарушили эти невежи — фашисты. Советские воины гонят их с этой земли. Грянуло грозное. Бегут! И бегут фрицы не принимая боя — и в эти минуты в метрах ста от поля сражения тяжелораненый красноармеец встает и улыбается, следя за наступающим товарищем. Он даже забыл, что ранен, что здесь идет бой. Какая нежная улыбка! Вот что за радость советского человека. Победа! Я не участвовал в боях, при бомбардировках не был, оккупационного режима не видел, но мне ясно — идут два моих сверстника — украинец и белорус по родной земле. Они партизаны. Они разведчики отряда и идут для восстановления взаимодействия с частями Красной Армии. Вот на пороге жалкий фриз прицеливается в грудь маленького бойца — ему не жалко детской жизни. Раздается оглушительный выстрел. Мой ровесник умирает, не проронив слова и прощаясь с юностью, за освобождение родного края. Спутник его метким выстрелом, выпущенным из мальчишеских

рук, разделался с негодяем. У нас один лозунг — брат за брата, сын за отца. Вот что за гнев советских людей. Сейчас советский народ разгневан, как никогда.

Твои записки говорят о жизни и смерти советского воина, и я сделал вывод, что для нас жизнь бойца — радость, смерть, гнев, но не горе за благородное дело.

Мне всегда представлялось, что жизнь — как свет, а смерть — тьма. Но, читая твои записки, не так вышло — есть смерть лучше жизни, есть жизнь хуже смерти. Какая же жизнь фрица тупого, глупого, обовшивевшего труса. Смерть юноши нашей родины, положившего свою голову за благо народа, почтенна. Я пошел бы на этот риск.

Я горжусь своим народом, как и ты, что в часы нависшей опасности миллионы сыновей моего народа встали неприступной стеной за защиту красной столицы и города Ленина. Миллионы моих братьев, сестер и отцов включились в общее дело. Наш народ вырастил 28 героев-гвардейцев, покрывших себя неувядаемой славой, прогремевшей на весь земной шар.

Мне 16 лет, таких, как я, еще много в тылу, не беспокойтесь, братья, смело идите в бой, за вами достойная смерть, ваше оружие перейдет в надежные руки.

Привет тебе, Баубек!

Пиши через «Комсомольскую правду» или же на мой адрес, который при сем прилагаю.

Даукен Жетенов.

14. V. 42 г.

Казахская ССР, Акмолинская область, Энбекшильдерский район, с. Казгородок, Комсомольская, 8.

ДОРОГОЙ ВОИН!

Я прочла твои «Записки молодого казаха-фронтовика», и в моем воображении представилась картина: как счастлива была бы я, если бы сейчас с тобой рядом, с автоматом в руках под разрывами снарядов могла целиться во фрицев и гансов.

Ты — казах, я — украинка.

Ты не знаешь меня, я тебя также, но как близки наши мечты и желания жить и, главное, бить паскудную немчуру так, чтобы было о чем почитать нашим братьям в будущем; жить так, как могут жить юноши и девушки только в стране великой, Советской.

Фронтовик-казах!

Как едины и вместе с тем хороши твои желания, если я не ошибаюсь, то всем, подобным тебе, жаждущим жить не зря — творить, бороться, побеждать, а после — жизнь начать новую, еще лучшую, и именно лучшую, потому что она отвоевана в тяжелых пытках, в жесточайшей борьбе со злейшим врагом, потому что она отвоевана тысячами лучших жизней, павших в этой борьбе.

Я люблю тебя за то, что ты умеешь так ненавидеть современных вырожденцев отечества великого Гете.

Я люблю тебя за то, что ты жаден к искусству, какое хорошее желание — быть одновременно поэтом и композитором. Я тоже мечтала быть мастером воздушного пространства или же командиром дальнего плавания, но пока что из меня получилась лишь учительница, причем без практического опыта, а в настоящее время только литработник — корректор районной газеты.

Будь здоров, весел и бодр, всеми любимый, дорогой казах-фронтовик, сколько есть силы и умения, бей фашистскую мразь и знай, что ты не один, а в тылу твоём еще миллионы, готовых сегодня прийти на помощь тебе, и они придут.

А если случится, что ты выйдешь из строя, я приду на место твое и буду подражать тебе в боевом искусстве.

С приветом сильно уважающая тебя украинка Дуся.

Пиши мне, дорогой воин, если будет время, по адресу: с. Матвеевка Чкаловской области, Матвеевский район, редакция районной газеты «По ленинскому пути», Дубининой.

РЕДАКЦИИ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»

Дорогие товарищи!

Прочитав в Вашей газете № 102 от 1 мая статью на третьей странице — записки молодого казаха-фронтовика «О жизни и смерти», я прошу Вас через газету передать мое большое пожелание и хорошего здоровья в его славных делах, в его победах над врагом.

С комсомольским приветом

Сержант Родионов,

ТОВАРИЩ РЕДАКТОР!

Являясь читателем газеты «Комсомольская правда» и прочтя статью «О жизни и смерти» — записки молодого казаха-фронтовика Баубека Булкишева, в газете от 1-го мая 1942 года, я хотела ему лично написать письмо, поблагодарить его за то, что он сумел так задушевно, искренно и просто написать о том, что волнует каждого из нас сейчас, молодого человека, представителя нашей дорогой отчизны.

Но, к сожалению, кроме того, что он находится на Западном фронте, мне ничего неизвестно. Вернее, я не знаю его адреса. Поэтому очень прошу Вас передать ему пламенный комсомольский привет, передать ему, что находясь на его родине, я, как и многие десятки тысяч советских девушек, гордимся тем, что наша родная, такая близкая нам мыслями и думами, Красная Армия — имеет таких славных воинов, как Баубек Булкишев.

Я веду переписку со многими неизвестными мне бойцами, и они близки мне, как родные братья. Хочется думать, что они, эти молодые герои, защищающие нашу свободу и независимость, сохранят эти драгоценные мысли до победы и вернутся домой.

Баубек пишет о том, что война сделала его взрослым человеком, хотя он прожил всего 20 лет.

Война, навязанная нам кровожадной кликой, причинила нам гору бед.

Сколько сирот стало по воле этого, потерявшего облик человеческий, палача Гитлера!

Нет, им этого не простят!

Передайте Баубеку и его товарищам — пусть они мстят, беспощадно мстят за поруганную честь наших девушек, за страдание наших матерей, стариков, детей.

Непоколебима наша воля к победе!

Возможно, мы встретимся с Баубеком Булкишевым, тогда я лично пожму ему руку и поблагодарю за все!

До свидания, дорогая редакция, я надеюсь, что Вы выполните мою скромную просьбу!

С комсомольским приветом — *Люба Давыдова.*

Мой адрес: г. Ташкент, Октябрьский район,
ул. Лазбак, проезд Муафакят, д. № 60,
кв. 19., Давыдова Любовь Александровна.

Если можно, сообщите его адрес мне, я с удовольствием напишу ему письмо.

Люба.

Письмо Б. Булкишева на имя Ю. А. Жукова
от 30 июня 1942 года

«Уважаемый тов. Жуков!»

Отклики читателей «Комсомолки» на мою первую статью, посылаемые через редакцию, получаю. Благодарю Вас. Получил несколько писем из Казахстана, где сообщается, что она перепечатана в казахской республиканской газете «Социалистик Казахстан», а также в киргизской за 31 мая с. г.

Этим письмом посылаю Вам новую статью. В связи с тем, что редакция нашей республиканской газеты настойчиво просит прислать им какой-нибудь материал, прошу Вас перепечатать на машинке посылаемую статью и один экземпляр отослать по адресу: Казахская ССР, г. Алма-Ата, ул. Карла Маркса, 43, редакция газеты «Социалистик Казахстан», Иманжанову Мукану.

Конечно, этого не надо делать, если Вы сами найдете нужным опубликовать ее в своей газете.

Передайте от меня горячий фронтовой привет всем Вашим товарищам по работе в редакции нашей любимой молодежной комсомольской газеты.

Пока до свидания. С комсомольским приветом *Б. Булкишев*.

30 июня 1942 года.

P. S. До этого я посылал Вам еще два письма. Не знаю, дошли ли они до Вас. Жду ответа. *Булкишев*.
ла № 59273

Уважаемый товарищ Баубек Булкишев!

Пересылаем Вам еще одно полученное нами письмо — отклик на Вашу статью «О жизни и смерти».

Просим ответить девушке.

С дружеским приветом!

Зам. зав. отделом фронта
«Комсомольской правды»

(Л. Ющенко)
6. VII. 42 г.

Уважаемый тов. Булкишев!

Посылаем Вам копию полученного нами письма — отклика на Вашу статью «О жизни и смерти».

Желаем всего наилучшего и ждем от Вас новых таких же интересных писем, как первое.

Привет.

Зав. отделом фронта
«Комсомольской правды» (Ю. Жуков)

Уважаемый тов. Булкишев!

Мы снова получили на Ваше имя письмо, пересылаем его Вам. Вы видите, сколько горячих патриотических откликов вызвала Ваша статья. Ее с увлечением читают Ваши друзья комсомольцы всего Советского Союза, и мы очень рады, что она имеет такой большой успех, которого она несомненно стоит.

Привет и лучшие пожелания.

Зав. отделом фронта
«Комсомольской правды» (Ю. Жуков)

Уважаемый тов. Булкишев!

Посылаем Вам копию полученного нами письма — отклика на Вашу статью «О жизни и смерти».

Желаем всего наилучшего и ждем от Вас новых таких же интересных писем, как первое.

Привет.

Зав. отделом фронта
«Комсомольской правды» (Ю. Жуков)

Привет, товарищ Булкишев!

Чудесное письмо Вы нам прислали. Печатаем его полностью, устранив лишь некоторые шероховатости перевода. Пишите нам чаще. Расскажите подробнее о себе — кем Вы работали до войны, как воюете.

Привет Вашим боевым друзьям!
Крепко жму руку.

Зав. отделом фронта
«Комсомольской правды»

(Ю. Жуков)

АЛМААТИНЦЫ

Роман

Алма-Ата...

В сердце каждого человека хранится память о каком-то самом дорогом ему уголке нашей необъятной земли — городе, деревне, ауле,— том уголке, где родился, где прошли лучшие годы жизни, где повстречал любовь.

Алма-Ата — город моей юности; я влюблен в него навечно. Влюблен в густую сеть его широких улиц, в шелест тополей, звонкие песни арыков... Мне никогда не забыть красоты летних вечеров Алма-Аты, ароматов ее садов, чуткой тишины ее ночей. Я люблю людей этого города — спокойных, доброжелательных, гостеприимных. Чудным цветком на ладони земли распустился мой город у подножья заснеженного Алатау. Я готов всем и каждому бесконечно рассказывать об Алма-Ате, славить песней красоту ее неотразимую.

Алма-Ата сегодня так же не похожа на старый Верный, как стремительная горная река не похожа на стоячее болото. Это не вчерашний сонный городишко акына Асана Кайги, оплакивавшего судьбу народа, а молодой социалистический город — город рабочих, студентов, ученых. Здесь, как и по всей республике, куется новь казахского народа, его будущее.

Прекрасны и величественные древние Москва, Ленинград, Киев... Я преклоняю колени перед их историей, их культурной, их легендарной судьбой... Но и Алма-Ата прекрасна — своей юностью, яркостью, неповторимостью. Он

весел, мой город, и серьезен, он умеет смеяться и строить, мечтать и бороться.

В эти суровые военные дни вся наша огромная страна повернулась грудью к западу, откуда идет страшная беда. Москва, надев красноармейскую форму, стала прифронтовым городом и громит подступившие под ее стены фашистские орды. Ленинград превратился в неприступную крепость. Киев стал партизаном в тылу врага.

Моя Алма-Ата! Война далеко от тебя, на твоих тихих улицах не идут бои, на твои дома не сыпятся бомбы. Но ты тоже сейчас в строю, тоже стала воином. Твои сыны с оружием в руках бьют гитлеровцев и под Москвой, и у города на Неве, и в лесах Белоруссии. Снаряды и мины, посланные тобой на фронт,— месть врагу, снаряжение и продовольствие — помощь Красной Армии.

Я хочу рассказать о героях-алмаатинцах, их отваге и подвигах, их любви к Родине.

Моя Алма-Ата! Мы, советские аскеры — твои посланцы, не отступим перед врагом, мы уничтожим его, мы победим! И мы вернемся к тебе, мой город, чтобы снова шагнуть в юность, насладиться ароматом твоих садов, увидеть светлые улыбки твоих девушек.

Алма-Ата...

Часть первая

Самая высокая вершина человеческой жизни — молодость.

Гете

СЛУЧАЙ НА УЛИЦЕ

— Ты пьян, что ли?

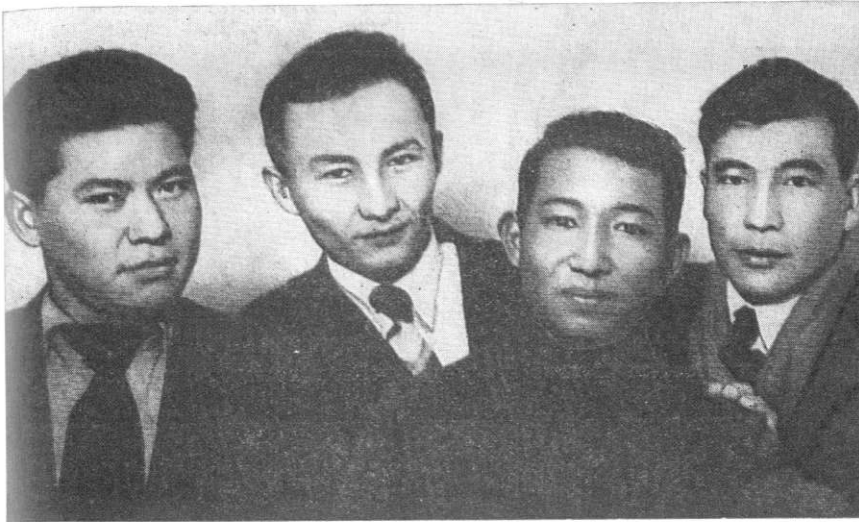
— Вот еще, нисколечко.

— Пьян!

— Ну, выпил чуток, но совершенно трезв.

— Все так говорят, ни один выпивоха не признается, что пьян,— усмехнулся Шангерей,— в том, что пил, сознается, а что захмелел — никогда.

— Это ты точно подметил!— расхохотался Газиз. Воображение в мгновение нарисовало ему образ пьянчуги, который вдруг жарко шепнул ему в ухо: «Эй, да у тебя голова уже кругом идет, ты пылаешь от водки!» Но тут с противоположной стороны улицы, где туманились паром

Слева направо: Баубек Булкишев, Мукап Иманжанов, Баткен Сагындыков, Жумаш Конакбаев.

Алма-Ата, 1939 г.

Сотрудники газеты «Октябрь балалары» (слева направо): Жумаш Конакбаев, Есенби Омаров, Баубек Булкишев.

Алма-Ата, 1939 г.

Баубек Булкишев вместе с Есенби Омаровым и Мауленом Курбаевым за обсуждением материала.

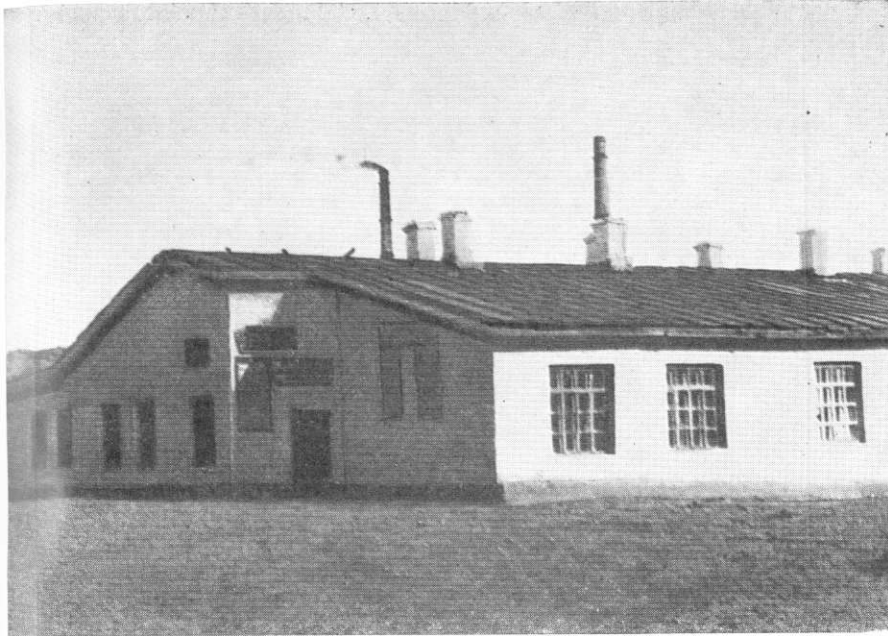
Алма-Ата, 1940 г.

Здание школы ФЗУ при Карсакпайском медеплавильном заводе, где Баубек учился с 1932 по 1934 годы.

Карсакпай, 1936 г.

Бойцы 22-го легко-инженерного батальона Первой Московской Пролетарской дивизии (справа налево): Баубек Булкишев, Абу Керкинбаев; во втором ряду: Газиз Абишев, Мухсим Ермеков.

Москва, май 1940 год

Заместитель политрука 21-й саперной роты 13-й армии Баубек Булкишев.

Старший лейтенант Баубек Булкишев.
Мензелинск, апрель, 1943 г.

Бaubек Булкишев перед отправкой на службу в Красную Армию.
Алма-Ата, февраль, 1940 г.

№ 54484

Привет товарищ Булкишев!

Чудесное письмо Вы нам прислали. Печатаем его полностью, устранив лишь некоторые шероховатости перевода. Пишите нам чаще. Расскажите подробнее о себе - кем Вы работали до войны, как воеете.

Привет Вашим боевым друзьям!

Крепко жму руку.

Зав. отделом фронта
"Комсомольской правды"

Ю. Жуков /Ю. Жуков/.

" " ...4/4...1942 г.

Копия письма заведующего отделом фронта «Комсомольской правды» Юрия Жукова от 4 мая 1942 года Баубеку Булкишеву.

окна ресторана, раздалась музыка. И возникшая было досада на самого себя сразу исчезла.

— Слушай, Шангерей!— Газиз глянул на ресторан.— Зайдем посидим, послушаем музыку, а?

Шангерей не нравилось, что приятель, видно, сам того не замечая, почти кричит на всю улицу. Ему хотелось сказать: «Музыка — вещь хорошая, да как бы к той четушке, что была распечатана где-то за углом, не прибавилось еще кое-что». Но он не мог обидеть приятеля, с которым жил в одной комнате институтского общежития. Да и вообще, Газиз был неплохим парнем. И Шангерей мягко сказал:

— Это играют Штрауса. Один из лучших его вальсов. Но мне кажется, можно послушать эту музыку в другой день — время у нас для этого всегда найдется.

— Знаю я, почему ты не хочешь идти сегодня,— запальчиво ответил Газиз,— не бойся, тебе не будет стыдно за товарища.

— Ладно,— сдался Шангерей,— пошли, этот вальс так и выливается из ресторана, так и манит.

— Да-да,— подхватил Газиз,— разве в наших алмаатинских ресторанчиках поместится такая громадина, как музыка Штрауса. Ей и в московском «Национале» было бы тесно...

Шангерей решительно двинулся через улицу. Газиз поспешил за ним, но все же слегка приотстал от своего стремительного товарища.

— Чего ты там медлишь?— бросил через плечо Шангерей,— иди-ка побыстрей.

— Что вы сказали?— ответил ему по-русски молодой девичий голос.

Шангерей обернулся и, встретившись с веселым взглядом шедшей позади него стройной девушки, растерялся.

— Виноват, я не вам...

Девушка улыбнулась и прошла мимо. За ней появился Газиз. Шангерей расхохотался.

— Ты что же, брат, звал, звал, а сам бросил меня и увязался вслед за красавицей!

— Да,— сердито ответил Газиз, следя глазами за легкой стремительной фигуркой,— она очень хороша. Я таких и в городе-то ни разу не видел.

Перейдя улицу, незнакомка свернула в сторону соседнего гастронома и скрылась за его дверями.

— Шангерей,— в голосе Газиза проскользнула проси-

тельная нотка,— ты иди в ресторан, займи место, а я захвачу в гастрономе хороших папирос.

— Договорились. Только не заставляй себя долго ждать.

— Я мигом!

Ресторан был полон. С порога зал встречал посетителя гулом человеческих голосов, музыкой, облаками дыма. Шангерей обежал зал глазами: искать здесь свободный столик было делом бессмысленным. Он уже собрался выйти, когда взгляд его упал на столик в дальнем углу — там пустовали два стула. Шангерей подошел; два джигита, сидевшие бок о бок были заняты давно уже, видно, тянувшейся беседой.

— У вас свободно?

Парни враз подняли головы. Шангерей сразу же узнал их: это были давние его знакомцы — Бакыт и Мухтар. Оба заулыбались и радостно закивали:

— Шангерей! Садись, садись, дорогой!

— Со мной Газиз, сейчас придет...

— Прекрасно! Второе место — тоже свободно.

* * *

В гастроном Газиз не зашел. Он остановился на углу, откуда удобно было наблюдать за дверями магазина. Глаза его внимательно следили за каждым выходящим. Все его мысли были сейчас об этой незнакомой девушке, он очень боялся посмотреть ее в людском потоке. Глянул на часы: ого, уже почти полчаса прошло. Подумал: «Подвожу я Шангеря», и улыбнулся, вспомнив, как тот сказал однажды: «Нет ничего мучительнее, чем ждать прихода поезда и девушки». Ну, положим, поезд бы его так не волновал...

Девушка наконец появилась, вид у нее был деловой и озабоченный. Под мышкой она держала увесистый сверток, обернутый газетой. Незнакомка легко и быстро шла прямо в сторону Газиза.

Ожидая ее, Газиз прикидывал, как поведет себя, как попробует завязать знакомство. Но теперь все известные джигиту его возраста способы заговорить с девушкой показались ему наивными и даже глупыми. «Такой, как она, нельзя говорить всякую ерунду,— подумал он,— подумает еще, что ты шалопут какой-то с улицы. Не стоит торопиться со знакомством, попробую узнать, где она живет». И он, немного поотстав, двинулся за девушкой.

* * *

Когда Газиз добрался, наконец, до ресторана, застолье там достигло разгара. Трое приятелей были уже крепко навеселе. Шангерей даже не упрекнул и не спросил ни о чем. Ему налили стопку и с шутками выпили за его здоровье. Потом Газиз произнес тост.

— Друзья!— сказал он взволнованно,— Поднимем бокалы за вечно горящую, задорную, влюбленную молодость. И еще — незнакомую нам красивую девушку! За прекрасную незнакомку!

Звон сдвинутых рюмок потонул в звуках оркестра.

ПРОЩАЙ, АЛГЕБРА!

Сегодня Газиз проснулся поздно — чуть ли не в полдень. Глянул на часы и снова опустил голову на подушку. Хотел закурить, но ни на тумбочке, ни в карманах ничего не нашлось. Кровать Шангерей, как всегда, была аккуратно прибрана, сам он, конечно же, давно на занятиях. А Газизу в аудиторию сегодня идти не надо. И сегодня, и завтра, и... Нелегко ломать такую привычную, устоявшуюся жизнь. Но надо, так складываются обстоятельства.

Из родных у Газиза одна только старая мать. Близких родственников — никого. Учиться в институте без чьей-то материальной поддержки очень трудно — надо и одеться, и питаться, и книги покупать — всех расходов не перечесть. Раньше ему помогали, двенадцать лет помогали — от первого школьного класса до второго курса института. Потому и одет Газиз не хуже других. Судя по костюму, например, можно подумать, что он брат, по крайней мере, какого-нибудь крупного инженера или писателя, издающего романы. Нет, по внешнему виду никак не скажешь, что он почти одинок.

Помощь была — надежная, верная. Теперь ее больше нет и не будет. А до окончания института еще столько зим и лет... Отныне надо самому, только самому, думать и беспокоиться о себе. И еще о матери...

Газиз долго размышлял, как лучше поступить в его теперешнем положении. Пришел к одному решению: оставить на время — на год хотя бы — институт и пойти работать. Подыскать хорошее место, подзаработать денег, а там будет видно, как поступать дальше.

Жаль, конечно, бросать институт, но что поделаешь?

Особенно не хочется расставаться с этой уютной общежитской комнаткой, в которой они так славно жили вдвоем с Шангереем. Газиз обводит комнату глазами и думает: «Хорошо бы на работе мне дали такую же. Здорово было бы». Но сам понимает, что мечты его пустые — с жильем в городе трудно, кто ему — холостяку — отдельную комнату даст. Никто и нигде. «А если остаться здесь? — продолжает он думать, — Разве выселят меня? Конечно, выселят, вон сколько студентов в частных домах углы снимают».

Пора идти в институт, надо оформить кое-какие документы. Раньше каждое утро, зажав под мышкой пачку учебников, вместе с другими студентами мчался он на лекции. И постоянно было у него такое ощущение, будто он вечный должник всех своих преподавателей, будто чем-то обязан им. Сегодня этого ощущения в нем не было, угнетенное состояние исчезло. С сегодняшнего дня он свободен.

* * *

Шангирей увидел Газиза, когда тот шел через вестибюль от кабинета ректора, помахивая в воздухе какой-то небольшой бумажкой.

— Газиз!— крикнул он.— Иди сюда!

Вокруг было шумно, и Газиз оклика не услышал. Он был погружен в какие-то свои раздумья.

— Газиз, Газиз!

Газиз обернулся и рассмеялся. Он вспомнил вдруг, как получил свою фамилию. Когда он пришел в первый класс школы, учитель, переписывая новичков, спросил как его фамилия. Он ответил: «Газизов». С тех пор так и остался во всех документах Газизом Газизовым. Он подошел к Шангерее.

— Как дела?— спросил приятель.

— Все в порядке.

— Что ректор? Отпустил?

— Да. Только вот с жильем пока ничего не выходит.

— А с работой? Ты куда устроился-то?

— В прокуратуру. Секретарем. Думаю, что временно. Говорят: будешь хорошо работать — повысим. Но жилья у них для меня, конечно, нет.

Шангерей хотел спросить приятеля сколько тот будет получать денег, но постеснялся. Тем более, что их уже окружила группка сокурсников. Газиз ни с кем не делился своими планами, и потому никто не знал, отчего это он решил бросить институт. Посыпались вопросы.

— Чего это тебе вздумалось бросить учебу?

— На службу уже определился?

— Может, жениться собираешься?

— Сколько получаешь?

— А геометрию сдавать будешь?

Не имея возможности, да и не очень желая отвечать на весь этот град вопросов, Газиз попытался отделаться шуткой:

— Какие еще будут вопросы? Задавайте сразу.

В это время раздался звонок, и парни стали быстро расходиться.

— По какому предмету у вас сейчас лекция?— спросил Газиз у одного из студентов. Это «у вас» прозвучало как-то отчужденно и непривычно, но Газиз не стал поправляться — теперь ведь это действительно было у них, а не у него.

— По алгебре,— ответил студент,— по той самой алгебре.

«По той самой...»— этот парень явно хотел посмеяться над ним, напомнив, что как раз экзамен по алгебре Газиз в этом семестре завалил. А, может, оплатил за «у вас?»

Как бы ни старался педагог быть добрым и объективным, он всегда отдает предпочтение ученикам прилежным, хорошо знающим и любящим его предмет. Лодыри и «слабаки» не пользуются симпатией ни у кого. В этом правиле нет исключений. Но зато и отстающие ученики не балуют педагогов своей любовью.

Ничего удивительного, что Газиз недолюбливал преподавателя математики. И когда увидел его поднимающимся по лестнице, постарался избежать встречи. Однако в узком коридоре они никак не могли разминуться. Газиз представил, как сейчас преподаватель скажет ему что-нибудь о его провале, и лицо его залил румянец стыда. На его счастье математик, задумавшись, прошел мимо, не обратив на него никакого внимания.

— Уф!— сказал Газиз, когда преподаватель скрылся за дверями аудитории, и, скорчив мальчишескую гримасу, весело добавил: — Прощай, алгебра!

ДОМ № 139

Начинавшаяся в центре города улица Льва Толстого привела Газиза на тихую окраину. Дома здесь были одноэтажными; их окружали небольшие сады, а от улицы от-

гораживали нитка арыка да стройный ряд пирамидальных тополей. Газиз шел не торопясь, изредка сверяясь с запиской, которую выпросил у знакомого директора театра. Записка эта была адресована хозяйке дома № 139, которую директор просил, если возможно, поселить у себя «товарища Газиза Газизова».

Вот наконец и нужный ему дом. Газиз остановился и осмотрел свое будущее жилище. Дом понравился ему своей добротностью. Он был угловым и смотрел светлыми окнами сразу на две улицы. С внешней стороны дома тянулась куртина голых в эту пору кустов сирени. От калитки к веранде вела чисто выметенная дорожка. В самом доме, во всем, что его окружало, чувствовались спокойное достоинство и доброжелательность. Газиз прошел через калитку, поднялся по ступенькам и постучал. Дверь открыла пожилая женщина.

— Кого ищете?— спросила она, опираясь рукой о косяк.

— Мне нужна Сергеева,— немного растерявшись, ответил Газиз.

— Я — Сергеева, заходите.

Газиз вошел в просторные сени, оглянулся на женщину, не зная, какую из выходящих сюда дверей открывать.

— Сюда,— женщина отворила филленчатую дверь и сама вошла первой. Он вошел следом.

«Таков обычай европейцев»,— мелькнуло у Газиза, слегка задетого за то, что его не пропустили вперед.

Газиз ступил за невысокий порожек и поздоровался с девушкой, сидевшей на табурете и расчесывавшей волосы перед большим зеркалом. Хозяйка указала ему на стул, предлагая присесть. Газиз сел, достал записку и протянул женщине.

— Это вам, Анна Сергеевна.

Хозяйка развернула записку. Газиз наизусть знал, что там написано. «Товарищ Сергеева,— говорилось в записке,— посылаю к вам товарища Газизова. Если есть возможность, устройте его у себя вместо выбывшего Иванова. Оплата прежняя. 5 декабря 1939 года».

Пока женщина читала, Газиз оглядел комнату — просторную и светлую с большими окнами на двух внешних стенах. Обстановка была более чем скромной. Однако все здесь блистало чистотой — и скатерть на столе, и занавески, и аккуратно выбеленная печь, и неуклюжий допотопный шкаф. На девушке, не обратившей на них никакого

внимания и продолжавшей заниматься своими волосами, взгляд Газиза задержался. Она была еще очень молода — сухие, прямоватые ноги, недоразвитая грудь. Но чувствовалось, что молодое ее тело уже начало округляться, приобретать те законченные формы, что чаруют глаз и восхищают мужчин. Миловидное лицо — Газиз видел его лишь сбоку — было светло и нежно розовело румянцем. «Она прекрасна,— сказал себе Газиз, с усилием отводя глаза,— но будет еще красивее».

— Милый,— обратилась хозяйка к Газизу уже по-своему,— семья у нас небольшая: я, да две дочки, старший-то сын служит; так что место тебе найдется. Не помешаешь. Есть у нас еще один постоялец, тоже в театре работает. Терехин его фамилия. Раньше-то они вдвоем жили, да напарник его съехал, вот место и освободилось. Посмотри комнату, понравится, так и живи. А оплата, как Осипов решил...

Она встала, открыла легкую двустворчатую дверь рядом с печью и сделала рукой приглашающий жест. Газиз подошел, заглянул внутрь. Комнатка была чуть побольше, чем его общежитская — чистая, уютная. Кровать, стол, два стула, тумбочка — вот и вся обстановка. Кровать, видно, неизвестного ему будущего соседа Терехина. Что за человек окажется?

— Вход сюда, видите, есть отдельный,— сказала хозяйка,— прямо со двора. Так что эту дверь совсем заколотить можно.

— Малышки в доме нет,— сказал, улыбаясь Газиз,— бегать по комнатам некому. Так что пусть остается как есть.

— Терехин обедает в столовых да ресторанах. А чайку, если захотите, всегда, вскипятить можно. Ну что, подходит жилье?

— Вполне подходит. Только перестановку бы небольшую сделать надо.

Вдвоем с хозяйкой они переставили койку Терехина к правой стене, подвинули стол поближе к окну. Между окном и углом комнаты образовалось достаточно места для кровати. Для кровати Газиза, которой у него не было. «Вот она, студенческая жизнь,— посмеивался про себя Газиз,— два года проучился в институте, а даже собственного одеяла не приобрел. Не приходилось подобно байскому сынку валяться в белоснежной постели».

Он сказал Сергеевой, что, наверное, сегодня же переберется и ушел искать койку. Он шел по тихой зимней

улице, и мысли его то и дело возвращались в только что оставленный дом. «Под одной крышей со мной будет жить очень интересная девушка,— думал он,— а вдруг... Да нет, бросить надо все эти мечтания. Моя цель — работать и учиться. Работу я нашел, с жильем вопрос улажен — что еще? Через год снова вернусь в институт. А все-таки эта девушка очень-очень мила...»

ПОМЫСЛЫ МАТЕРИ - В ДЕТЯХ, ДЕТЕЙ - В СВОБОДЕ

Замуж Анна Сергеевна вышла рано. Но не суждена, видно, была ей долгая семейная жизнь, муж помер молодым. И осталась она с тремя малолетками на руках. Вдовья доля известная — хоть разорвись, а детей одень-накорми, от хворей и лиха всякого обереги, учи... А деньги, они даром не даются, их заработать требуется. Какую только работу не приходилось справлять молодой вдове! Но все снесла, все стерпела, вырастила, слава богу, детей. Сын, вон — орел, в армии служит, хвалят его. Ольга техникум окончила, работает, тоже уважением пользуется. Пропагандистом стала, с большими людьми постоянно общается. Да и Лида не душой растет, в медицинский институт поступила.

Хорошие вышли дочери. Разные, правда, характерами, да и интересами несхожи. Они и маленькие, случалось, частенько ссорились до драки. Подзовет их, бывало, в таком случае мать и втолковывает:

— Сестры родные вы, милые мои, чего делить-то вам? Вы друг дружку защищать должны, а не драться промеж собой. А будете ссориться, так и от меня добра не ждите.

Утихомятятся, разойдутся, а все ж у каждой свое на уме. Так и выросли разные, но держатся вместе крепко, и мать любят. Ольге по годам замуж уже пора, но она не торопится. Не в обычае теперь, говорит, молодыми жениться, на твердые ноги сперва встать надо. Переписывается с хорошим парнем; в Крыму он живет. Говорит: «Вернется брат из армии, уеду в Крым, там работать стану». Всегда они так, дети,— побыстрее из родительского дома норовят.

Ну, за Ольгу, положим, особенно опасаться не приходится, в ней от пушкинской Татьяны мало что същется. Предложи ей на выбор книги Байрона, Толстого, Шиллера и журналы со статьями на экономические темы, она журналы классикам предпочтет. Не потому, конечно, что не

интересует ее литература, а по практичности своей: экономика — наша сегодняшняя жизнь, ее знать, понимать надо. Классика же подождать может, она не стареет.

Совсем другой человек Лида — увлекающаяся, восторженная даже, натура. Мир для нее ярок и светел, полон радостей, ожидания, надежд. Сейчас вот выбрала в кумиры себе молодую преподавательницу института Нину Павловну. Правда, в нее и другие первокурсницы влюблены. И не мудрено: Нина Павловна молода, красива, элегантна, предмет свой знает прекрасно. Лида тоже хочет стать такой, как она, но только не преподавать будет, а лечить людей, искоренять всяческие болезни. Вера окрыляет ее, приподнимает над буднями. Счастливое время — молодость!

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

По пути в мебельный магазин, куда, подзавяв деньжат, Газиз отправился за кроватью, ему повстречался один из знакомых парней. Газиз рассказал ему о своих затруднениях.

— Тебе повезло, что меня встретил,— хлопнул знакомый Газиза по плечу,— я дам тебе койку. Если хочешь, и квартиру свою могу оставить — я ведь уезжаю, брат.

— Это здорово,— обрадовался Газиз.— Пошли к тебе.

Квартира приятеля Газизу не понравилась — полуподвальное мрачное помещение, сырые замусоренные углы покрыты плесенью. Здесь, наверное, с самого начала зимы не топились печь, холод стоял промозглый, пахло нежилым. Но кровать выглядела как новенькая — с панцирной сеткой и никелированными шариками на спинках.

Внимание Газиза привлекли стопки книг, сложенные на столе. «Страшный Тегеран» — прочел он на одном из томов, лежащих сверху.

— Книги ты с собой забираешь? — спросил он.

— Нет. Завтра хочу на базар отвезти.

— Продашь мне кое-что?

— Бери любые.

Газиз стал разбирать книги, откладывая в сторону наиболее понравившиеся. Попадались отличные издания, интересные произведения известных писателей. Было просто удивительно, что такие ценные книги могут находиться в этом полузаброшенном холодном подвале.

— Ты, наверное, большой книголюб,— сказал Газиз хозяину,— или поэт...

— Наши произведения тоже читают люди,— гордо ответил тот,— так что можно сказать — я тоже автор.

Для Газиза это было внове, раньше он никогда не слышал, что этот джигит что-то сочиняет. Решил: хвастает просто парень. Но хозяин достал из-под стола два журнала и раскрыл их перед гостем.

— Если не веришь,— смотри!

Газиз быстро пробежал глазами короткие строчки: стихота были так себе. Но разве можно сказать об этом автору в глаза? И Газиз, словно смутившись, проговорил:

— Э-э, ты, оказывается, и вправду поэт...

— Пишу я уже давно, сделано много. Хотя отдельная книжка еще не вышла, но журналы и газеты берут стихи охотно.

Это было уже откровенное хвастовство, потому что Газизу имя джигита нигде, кроме только что увиденных старых журналов, не попадалось.

— Почему ты хочешь уехать из Алма-Аты?— спросил он, чтобы сменить тему разговора.

— Хочу стать сельским поэтом,— передернул плечами «поэт»,— буду жить в райцентре и писать что-нибудь большое и хорошее... Здесь, в городе, мне многое мешает.

«Странный парень, ненормальный,— размышлял Газиз, везя на санях кровать,— может, какие-то задатки у него и есть, но поэтом он еще не стал. А вот книги он мне совсем задешево продал, видно, сам не читал и цены им не знает. Для форса собирал, пыль в глаза пускать. Не лежит у него к книгам душа, и продал за бесценок».

Устроившись в новой своей комнате, Газиз сложил купленные книги на угол стола и сел читать при сумеречном вечернем свете. Терехин был на хозяйской половине. Там велась оживленная беседа, то и дело слышался звонкий девичий смех. Вдруг дверь приоткрылась, заглянул Терехин. За его плечом на мгновение появилась полная, светловолосая девушка. Она кивком поздоровалась с Газизом. «Наверное, старшая дочь хозяйки»,— догадался тот. Терехин вошел, прикрыл дверь.

— Газиз,— тихо сказал он (они уже были на «ты»),— пойдем с девушками в цирк.

— С какими это девушками?— насмешливо спросил Газиз.— И с чего это ты проявляешь обо мне такую заботу, едва я появился?

— Я не шучу. Чего дома-то торчать?

— Спасибо тебе большое, но у меня на сегодняшний вечер есть дело...

— Оставь дела и оставь слова,— стал настаивать Терехин,— сейчас девушки оденутся. Я сказал, что мы с тобой приглашаем их в цирк...

— Ну, раз сказал...

Девушки были уже одеты. Одной из них была та высокая, которую он видел сегодня причесывающейся, другая была ему совершенно незнакома. Он немного смутился.

— Познакомьтесь,— сказал Терехин, представляя Газиза,— теперь этот человек всем нам не чужой.

— Лида,— просто сказала высокая. И, когда Газиз пожал ее мягкую узкую ладонь, она вдруг густо покраснела. Может быть, он слишком крепко сжал девичьи пальцы? «Сима»,—ломким голосом назвалась другая девушка. Но Газиз почти не расслышал ее имени, он никак не мог отвести взгляд от лица Лиды.

Зимой вечера наступают рано, и, когда они вчетвером вышли из дома, на улице было уже темно. Лида и Сима, взявшись под руку, шли впереди, Терехин с Газизом плелись сзади. Общего разговора не получалось. Такой шустрый и разговорчивый дома, Терехин шел, опустив голову, и молчал. «Разве можно так вести себя с девушками?»— подумал Газиз и решил взять инициативу на себя.

— Девушки!— весело засмеялся он.— Вы так смело идете потому, что не знаете коварства этой улицы. Она очень скользкая. Недавно я здесь так грохнулся... Спасибо, никто не видел моего позора. А все из-за того, что шел я в одиночку. Предлагаю для безопасности всем взяться за руки.

— Идет!— откликнулась Лида, выпростав свободную руку из кармана.

Газиз подхватил Лиду под руку и продолжал:

— Мой товарищ — человек очень застенчивый, нерешительный. Значит, будет справедливо, если я постараюсь исполнять и его обязанности...

— Нет ничего плохого в том, что человек застенчив,— стала защищать Терехина Лида,— скромность — хорошее качество.

— Да, конечно,— быстро перестроился Газиз на серьезный лад.— В человеческом характере особенно ценятся два качества — легкость и скромность. Только нужно эти-

ми качествами правильно распоряжаться: не паясничать, когда не следует, быть скромным, и не скромничать излишне, когда это может только повредить. Но это под силу лишь умному человеку.

Лида быстро глянула на спутника. Подумала: «А парень видно с головой, ишь, какие вопросы его интересуют». В это время Сима и Терехин, беседовавшие до этого потихоньку, о чем-то заспорили. Газиз не разобрался о чем это они, но прислушиваться не стал — стоит ли вмешиваться в чужие споры?

Гвоздем всего циркового представления, конечно же, было выступление Дурова с его удивительными зверями. Гривастые, равнодушные с виду львы, спокойные медведи-уваляни, нервные тигры беспрекословно выполняли команды дрессировщика. Номера отличались четкостью исполнения, продуманностью. Казалось, звери прекрасно понимают своего хозяина—смеются, радуются и сердятся вместе с ними. «Что это?— думал, следя за происходящим на арене, Газиз.— Страх перед человеком? Понимание его превосходства? Или дружба животных и дрессировщика? В любом случае — это победа человека, его воли, силы души».

Поведение Лиды намного огорчило Газиза. Она вела себя, как легкомысленная девчонка: то и дело с кем-то переглядывалась, кому-то махала рукой, смеялась невпопад, обращая на себя внимание сидящих рядом зрителей. Вдруг откуда-то из крутых верхних рядов к ногам Газиза упала скомканная бумажка — явно записка. Он на это никак не отреагировал. Зато обе девушки одновременно потянулись к бумажке. Но они опоздали, записку подхватил Терехин.

— Ну, я читаю,— он стал разворачивать бумажный комочек,— сейчас узнаем, что нам пишут...

— Не читайте, мы не разрешаем!— хором воскликнули девушки.

— Да в ней, пожалуй, ничего секретного...

— Дайте, сначала я прочту,— сказала Лида.

— Нет, я,— надулась Сима,— это мне адресовано!

— Пусть Газиз прочтет,— как бы решая спор, сказал Терехин.

Газизу было вовсе не интересно, что там написано, но он покорно развернул вырванный из блокнота листок и прочел: «Лида! Вы придете завтра на каток? Я буду там в 12 часов. Мариям». Вот и вся тайна. Газиз передал записку Симе.

Возвращаясь домой, они сразу же по выходе из цирка разбились на пары. Газиз осторожно поддерживал под руку Лиду, Терехин молча вышагивал рядом с Симой. Настроение у Газиза было не слишком веселое. Но молчать было неловко и он попросил:

— Расскажите что-нибудь о себе, Лида.

— Лучше вы расскажите. Я люблю слушать.

— Я — гость сегодня,— пошутил Газиз,— меня уважать надо.

— Но ведь вы... вы...— Лида, казалось, не могла подобрать нужное слово.

— Хотите сказать, что парню следует начинать первым?— подсказал Газиз.

— Да. А как же иначе?

— Ну, а если попался неразговорчивый джигит, которому больше нравится слушать, чем рассказывать. Как тут быть? Разве сможет девушка услышать от него то, что ей хочется? Долго придется ждать.

— Можно спросить. Я вот прошу же вас, например. Так же и любого другого попросить можно.

— Не всегда удобно просить, да и не обо всем попросишь,— усмехнулся Газиз.

— Думаю, нет ничего предосудительного спросить о том, чего не знаешь,— не сдавалась Лида.

— Вы правы,— кладя конец пустым пререканиям, ответил Газиз.— Кто такая Мариям?

— Подружка моя, мы в одной группе учимся.

— А где вы учитесь?

— В медицинском институте.

— Давно?

— Нет. Десятилетку я только в этом году закончила, нынче же и поступила в медицинский.

— Прекрасная профессия — врач. Всегда на передней линии борьбы за жизнь человека. Святое дело.

— Вот стану врачом,— улыбнулась Лида,— приходите, помогу вам прожить на земле подольше.

— Заранее благодарю,— Газиз шутливо прижал руку к груди,— приду обязательно.

Домой обоим идти не хотелось. Жаль было прерывать только-только начавшийся хороший разговор. Но они уже подошли к калитке. Газиз распахнул ее:

— Входите.

— Не перепутайте с непривычки двери,— смеясь сказала Лида,— ваша — вон та. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

ПЕЧАЛЬНОЕ ИЗВЕСТИЕ

Загадочно и непостижимо явление — двуединство природы. Созидание и разрушение, жизнь и смерть, добро и зло, любовь и ненависть, радость и печаль напрочно связаны между собой. Нет жизни без смерти, нет смеха без слез... Как отличили бы мы счастье от горя, не познав того и другого? Нельзя быть счастливым насильно, но и тосковать по принуждению невозможно. Приказ «смейся!» заставит плакать, приказ «радуйся!» может родить только гнев. Жизнь, наверное, тем и хороша, что нет в ней однообразия. Вечно переменчивая, она превращает вчерашнюю радость в сегодняшнюю беду, сегодняшнее несчастье в завтрашнюю удачу. Нескончаемое удовольствие было бы, пожалуй, большим наказанием, чем непрерывное горе: в горе хоть есть надежда.

Такие, примерно, мысли бродили в голове Газиза, когда он читал письмо, полученное от матери.

Какой мерой измерить материнскую любовь? Ее язык — язык любви к детям, ее тревоги и надежды — в детях, заботы и печали — о детях. С первого мгновения жизни нет у человека более любящей души, чем материнская, более надежного друга, терпеливого наставника, заботливого охранителя, чем мать. Она — дарительница жизни и опора, к которой прибегаешь в самые трудные и страшные часы свои..

Апа, мама — само слово это живое, теплое и ласковое. Чью душу не взволнуют воспоминания о матери, которая и в самом далеком далеке ни на минуту не забывает о кровинке своего сердца — ребенке. Тяжело и страшно видеть мать в горе. Ее плач по умершему сыну способен потрясти небо. Весь мир меркнет, погружаясь в безысходность материнского отчаяния. Голос матери, причитающей «ой, жеребенок мой!», — это голос самой стонущей природы. Леса и горы, неоглядная степь плачут тогда вместе с матерью.

Шестерых сыновей родила мать Газиза, но пятерых из них унесла неумолимая смерть. Она настигала братьев одного за другим в самом расцвете молодости. Еще не успевало притупиться материнское горе от утраты только что возмужавшего первенца, как смерть приходила за следующим. А потом она забрала и отца братьев — любимого мужа, опору семьи. «О аллах! — молила в отчаянии до времени состарившаяся и поседевшая женщина. — Оставь мне хоть младшего!»

Газиз рос безотцовщиной, был непослушным, вздорным мальчишкой, скорым на драки и проказы. Одной матери трудно было с ним управиться, да и потакала она ему, единственному, во всем. Его женге — молодые вдовы умерших братьев — иначе как проказником его и не звали.

За малейшую обиду он готов был мстить любому. Както одна из снох сказала ему: «Эй, проказник, пригони-ка сюда телят». Он послушно выполнил приказ и сказал женщине: «Я пригнал, а ты их спутай». Сноха вышла из дома, занялась скотиной. Сорванец прошмыгнул в комнату, перебил всю посуду — пиалы, чайники — и сложил обломки в кучку у очага. И так же незаметно вышел из дома.

— Ну, будешь еще называть меня баловником и проказником?— спросил он женге.

Та, удивленная его показным послушанием и смирением ответила, что постарается больше этого не делать, и спросила, как же его отныне называть.

— Называй меня Боз-джигит,— заявил маленький проказник.

— Хорошо,— посмеиваясь, согласилась женщина.— Спасибо, что пригнал телят, Боз-джигит.

Войдя в дом и увидев там полный разгром, с громкой руганью снова выскочила на улицу.

— Ах ты, проклятый шайтан!—кричала она.— Чтоб на тебя все болезни свалились!

А «Боз-джигит», отбежав подальше, надрывался от хохота.

Не удивительно, что любовью аульчан такой сорванец не пользовался. И когда они с матерью уезжали из села, особых сожалений никто не высказывал.

А уехали они далеко — на восточный край республики, к брату матери. Звали его Мажит-ага, и служил он инженером в Риддере. В жизни Газиза этот человек сыграл большую роль. Он принял мальчишку, как своего, заботился о нем, учил. Газиз тоже быстро привязался к дяде Мажиту, слушался его беспрекословно, старался заслужить похвалу.

Когда Газиз пошел в школу, Мажит-ага частенько туда навещался, узнавал, как ведет себя, какие отметки получает его юный родственник. Газиз все больше привязывался к дяде, проникаясь к нему любовью и уважением. Вчерашний проказник менялся буквально на глазах, теперь он даже стеснялся идти домой, если в дневнике у него появлялась плохая оценка.

Шли годы... После семилетки Газиз решил продолжить учебу.

— Хочу окончить среднюю школу, а потом выучиться на лейтенанта,— сказал он дяде.— Хочу быть красным командиром.

Мажит-ага не разделял этого стремления племянника. Он постарался повернуть его мысли, рассказывая, как много есть на свете других профессий. Но Газиз уперся на своем.

— Ну, если так,— вздохнул дядя,— я не возражаю. Для меня главное, чтобы ты вырос настоящим человеком. Согласуй только этот вопрос с матерью.

Но что могла сказать мать «своему единственному свету»? Она лишь лила слезы в предчувствии близкой и неизбежной разлуки.

— Светик мой,— всхлипывала она,— один бог знает сколько я еще проживу. Не мне вставать поперек твоего пути; учись на кого хочешь, только не роняй среди сверстников своей чести.

Дядя Мажит отвез его в школу-интернат. На прощанье сказал:

— О матери не тревожься, мы ее заботой не оставим. Глупостей не делай. Учись прилежно.

Как ждала мать в те годы его приезда на каникулы! Как она была счастлива, что еще несколько дней пробудет рядом с сыном! Как был рад его приезду дядя Мажит!

В военное училище Газиз не поступил — подвело здоровье. На военной карьере пришлось поставить крест. Но зато ему повезло с институтом. Особенно этому радовался Мажит-ага. Казалось, все складывается хорошо... И вдруг совершенно неожиданно пришла черная весть о смерти дяди. Известие это потрясло Газиза. Всем, чего достиг, он был обязан этому человеку; он любил его, как родного отца, равнял по нему свою жизнь...

Смерть дяди Мажита лишала Газиза и материнской поддержки. Все эти годы у него такое ощущение, что за спиной стоит гора, надежная и вечная. Но гора эта рухнула в один день. Теперь нужно было рассчитывать только на себя. Он принял это как неизбежное и решил временно пожертвовать учебой. А тут еще это письмо... Раньше мать говорила: «Чего бы мне не стоило, а выучу моего Газиза, выведу в люди». Сейчас из письма ему стало ясно, что в помощи нуждается она сама. Со смертью брата мать тоже осталась без опоры. Жену и детей Мажита забрали к себе ее родственники. А на что им чужая старуха? Теперь

матери в пору сказать сыну: «Пора уже получать плоды от твоей долгой учебы, сынок. Я одинока и стара, возьми меня к себе».

Всю ночь Газиз проворочался без сна, тревожные мысли о будущем не выходили из головы: как быть дальше, что предпринять? Днем он написал матери ответ: «Я устроился на работу. Трудно с жильем. Думаю, что смогу забрать тебя летом».

КНИГИ И МЫСЛИ

**Чем меньше женщину мы любим,
тем легче нравимся мы ей.**

А. С. Пушкин

К чужому дому привыкать трудно. Газиз старался вести себя сдержанно, не делать и не болтать лишнего. Это было не так-то просто для такого балагура, спорщика и шутника, каким он был на самом деле. Но он не хотел, чтобы в этом доме о нем сложилось мнение, как о парне легкомысленном и пустом. Он мало общался с хозяевами — только по необходимости и из вежливости. Душу отводил в студенческом общении среди приятелей — таких же азартных говорунов и спорщиков. Раньше, слегка выпив, он любил поораторствовать. Теперь же, возвращаясь на квартиру поздно, благо вход отдельный — молча заваливался спать.

Вечера, когда после работы некуда было идти или просто не хотелось, он отдавал чтению. Библиотечка его постоянно росла. К чтению Газиз пристрастился давно, еще в школе. Понял: книга — лучший учитель и советчик. Он не просто следил за развитием сюжета, за поведением героев книги, а впитывал в себя мудрость, соглашался или спорил с автором, одобрял или порицал поступки литературных персонажей, переживал вместе с ними... Читая, он жил событиями, описанными в книге, сам становился действующим лицом романа или повести.

Чего скрывать, была и еще одна причина его тяги к книгам — желание знать больше других; блеснуть при случае — при девушках особенно — своей эрудицией. Чтобы говорили о нем с восхищением: «Гляди-ка, какой начитанный джигит». Что поделаешь, — обычное тщеславие молодости.

Газиз и сам замечал, что с тех пор, как поселился в

этом доме, стал вроде бы меняться. Главной причиной этого были конечно же, последние события, круто изменившие его судьбу. Вчерашний безалаберный студент все больше уступал место человеку, озабоченному проблемами жизни. Еще ему очень хотелось быть непохожим на Терехина, хотелось, чтобы Лида отличила его... И кажется, она замечала и молча одобряла серьезность Газиза, его спокойную уверенность в себе, увлечение книгами.

Не походить на Терехина не так уж трудно. Тот просто неумный болтун и фанфарон. Частенько являлся домой навеселе. Терехин постоянно торчит на хозяйской половине, развлекает женщин шуточками и баснями. Врет он отменно, никогда не стесняется рисовать себя героем необычных событий, с умным видом выдает чужие слова и мысли за свои. Он весь на поверхности, Терехин, цель его ясна и ребенку — нравиться окружающим чего бы это ему ни стоило. Он даже не замечает, когда над ним исподтишка подтрунивают. Сам себя Терехин считает человеком интересным и значительным, и этот самообман прикрывает его непробиваемой броней. Он не знает сомнений.

Газиз ходит на хозяйскую половину не часто, и всегда только по делу. Что его связывает с этими людьми? Только общая крыша. Правда, от его внимания не ускользнуло, что при встрече с ним Лида ведет себя как-то странно: теряется, краснеет, не знает что сказать... Может быть, он ей не безразличен? Почему всегда она избегает смотреть ему в глаза и бросает быстрые взгляды, когда он этого не видит. Слушает она его внимательно и, кажется, взвешивает и оценивает каждое сказанное им слово. И юное лицо ее становится задумчивым и еще более прекрасным.

...Вернувшись с работы, Газиз хотел по привычке завалиться с книгой на кровать, но вспомнил, что собирался сходить сегодня в общежитие и стал одеваться. Достал чистую рубашку, повязал галстук. Причесал по моде волосы: прядь на лоб, остальное — к вискам. Терехина не было, в доме стояла теплая тишина. В дверь негромко постучали.

— Войдите!— поправляя острые уголки воротника над толстым узлом галстука, откликнулся Газиз.— Пожалуйста!

Вошла Лида.

— К вам можно, Газиз?

— Конечно, входите же,— Газиз подвинул стул,— Садитесь.

— Нет-нет, спасибо, я не надолго. Я хотела попросить у вас что-нибудь почитать. Если можно...

— Скучаете?— улыбаясь спросил Газиз.

— Нет. Просто хочу прочесть что-нибудь интересное. Чтобы вечер скоротать.

— Ну, это проблема разрешимая,— пошутил Газиз.

— Какая проблема? Книга или вечер?— засмеялась Лида.

Конечно, книга. Какие произведения вам больше по душе? Какая тема интересует?

— Мне все равно, было бы интересно.

— Но у каждого человека свой вкус, свои любимые книги, писатели. Так ведь?

— Это верно. Я, например, люблю больше романы в которых описываются людские судьбы, сложность человеческих отношений... Такие книги учат понимать себя и других.

— Раз так, выбирайте сами,— Газиз показал на ряды томов,— что понравится, то и берите.

— Мне уже неудобно как-то,— перебирая книги, смущенно сказала Лида,— я вас прямо в библиотекаря превратила...

— Что вы,— расхохотался Газиз,— это я-то библиотекарь? Вы, Лида, не стесняйтесь.

— А я стесняюсь, потому что...

Договорить Лида не успела, без стука раскрылась дверь, и вошел Терехин. В руках у него был большой фибровый чемодан, он ездил с концертной бригадой в село. Лида взяла первую попавшуюся книгу и ушла. Терехин быстро переоделся и тоже ушел на хозяйскую половину. Вскоре оттуда послышался его быстрый говор и веселый смех Лиды.

Газизу что-то расхотелось идти к друзьям. Он присел у стола и задумался. «Из всех девушек, которых мне приходилось встречать,— размышлял он,— Лида, несомненно, самая замечательная. Она намного выше любой другой. Она похожа на тростиночку, на весеннюю травку под солнцем. Она сама словно солнце, разбрызгивающее золотой свет. Она еще не достигла своей вершины, но обязательно взберется на нее. Если тогда, протянув руку, сумеешь достать до нее, можешь считать себя счастливейшим человеком из всех идущих по земле...»

Мир человека — мир надежд. Надежда ведет людей по жизни. Им всегда кажется, что сегодня, завтра, ну, послезавтра их ожидает что-то необычное, радостное, огромное,

Яркий подарок судьбы. Особенно высокие надежды у молодых, ведь перед ними будущее. Планы, мечты, стремления — удел молодости. О старших юные говорят: «Этот уже выходит из цветущего сада жизни», о младших: «Ну, а эти еще не добрались до него, им предстоит длинная дорога». Так оно и есть. Что может быть прекрасней начала пути, где за каждым поворотом тебя ждут чудеса? Юные не машут прошлому, они постоянно устремлены в завтра. Надежды их неиссякаемы, планы безграничны. Разве могут они поверить, что молодость скоротечна и коротка? Никогда! Юность вечна — вот их девиз. И, как говорят, наступая на пояс своей жизни, они смело идут вперед. Старости нет, они — сильные, смелые, огневые — никогда не скажут: «Моя дорога пройдена, песня спета». Старость — это для других.

Возбужденный, покрасневшийся, в комнату вошел Терехин. Весело сказал Газизу.

— Пошли прогуляемся, чего ты киснешь. Я по городу соскучился.

— А я пресытился им,— вяло отпарировал Газиз.

— Давай махнем в ресторан, поужинаем, посидим.

— Голова болит.

— Будешь на постели валяться, еще сильней разболится. Пойдем подышим свежим воздухом.

Газиз дал себя уговорить, и через полчаса они сидели в полупустом зале ресторана.

— Бифштексы и пива,— сказал официантке Терехин,— пиво принесите прямо сейчас.

Заказ выполнили быстро.

— Прекрасная вещь для поднятия аппетита,— поспеивался Терехин, наливая пиво из большого графина.

— Бифштекс отличный,— сказал Газиз, чтобы как-то поддержать беседу.

— Сима приходила в мое отсутствие?— спросил будто невзначай Терехин.

— Приходила,— усмехнулся Газиз,— но о тебе почему-то не спрашивала.

— А зачем ей спрашивать?— искренне удивился Терехин — Какое ей до меня дело?

— Разве она не твоя девушка?— удивился в свою очередь Газиз.— А мне казалось...

— Зря казалось. Неужели я похож на слюнтяев, что ходят с такими девушками?

— У нее хороший характер... может быть.

— Возможно. Но я знаю кое-кого с еще лучшим характером.

«Уж не о Лиде ли говорит этот хвастун?— с тревогой и неприязнью подумал Газиз.— Так и есть — о ней». И равнодушным голосом спросил:

— И кто же это?

— Знаем кто,— засмеялся уже слегка захмелевший Терехин,— тоже не лыком шиты.

— Я ее знаю? Видел?

— Знаешь.

— Так почему не скажешь?

— А ты догадайся. Пораскинь умом.

— Наташа? Сагира?— делая заинтересованный вид, стал перечислять Газиз Лидиных подруг.— Мариям? Может быть, Ольга?

У него язык не поворачивался назвать имя Лиды. Это казалось ему кощунством.

— Давай выпьем,— Терехин поднял стакан с пивом,— за здоровье...

Он не договорил, но Газиз прекрасно понял, чье здоровье Терехин имел в виду.

— Давай,— согласился он.

Терехин залпом выпил, стукнул стаканом о стол и заговорщицки наклонился к Газизу.

— Ладно, расскажу,— сказал он,— слушай. Это началось сразу же, как я у них поселился. Сам знаешь, одному человеку не слишком весело живется: одиноко, да и скучно. А тут рядом молодая, красивая, умная... Короче, в такой ситуации долго размышлять не годится. Зачем входить в дом в разные двери, когда можно в одни. В общем, стал я за Лидой ухаживать. Сперва осторожно — как-то она еще к этому отнесется,— потом посмейся. Вижу, вроде откликается... не совсем, значит, равнодушна ко мне. А что, в самом деле — разве я так уж плох? Парень как парень — не дурак, веселый, в театре работаю...

Терехин вытер вспотевшее лицо и выпил еще пива. Газиз наблюдал за ним со смешанным чувством обиды и неприязни.

— Так вот,— продолжал Терехин,— все вроде бы хорошо складывалось... Одно неудобно: в доме с ней и словечком не перекинешься — то мать, то Ольга рядом. Ладно, думаю, в кино пойдем, в театр, там я свои чувства и обнаружу ясно. Не тут-то было. В кино идет охотно, гулять тоже, но всегда непременно берет с собой эту толстую девушку Симу. Без нее — ни шагу. А мне неудобно сказать: за-

чем, мол, таскаешь ее с собой. Обидеться может, она с характером. Я эту Симу прямо возненавидел. Я люблю Лиду, и она меня любит, а эта толстуха под ногами пугается.

Терехин откинулся на спинку стула и тяжело вздохнул. Газиз тоже откинулся и тоже вздохнул, но облегченно. Из откровений влюбленного Терехина он понял, что никакого чувства у Лиды к этому фанфарону нет. Она и таскает везде с собой Симу, чтобы ни на минуту не оставаться с Терехиным наедине. Так ведь было и тогда, когда они вчетвером ходили в цирк. Однако где-то глубоко в душе он испытывал жгучее чувство ревности.

— Красиво рассказываешь,— не щадя терехинского самолюбия, жестко сказал Газиз,— только все это сказки. У Лиды есть парень... Приходит часто.

— Это ты сказки рассказываешь! — взвился Терехин.— Нет у нее никого, кроме меня! И не будет. Могу поспорить.

— Давай поспорим,— принял вызов Газиз,— только проиграешь ты.

— Почему это?

— Потому, что ты не любишь Лиду по-настоящему, а уж она тебя и подавно.

— Увидим.

ПОБЕЖДЕН

Военная мудрость учит: если сила противника велика, а позиция твоя не из лучших — отступи, смени позицию, сохрани силы, измени тактику, перестрой свои порядки... Заранее спланированное четко выполненное отступление — не поражение, а маневр. Полководец, чья стратегия мудра и гибка, рано или поздно все равно одержит победу.

После одного из пустычных вроде бы разговоров с Лидой Газиз с тревогой вдруг понял, что если и дальше будет вести себя с девушкой холодно и равнодушно, то скоро потеряет ее благосклонность. Его испугала странная замкнутость Лиды, внезапно появившаяся отчужденность. Глаза уже не сияли голубым пламенем радости, а смех слышался все реже и реже. Детская беспечность сменилась серьезной сосредоточенностью, а от обычной вежливости веяло холодком. Она почти перестала интересоваться книгами, избегала бесед на сложные темы — собственная судьба волновала сейчас больше, чем судьбы литературных героев.

Какое ей, право, дело до страданий пушкинской Татьяны, героев Толстого, Шиллера, Гете... У нее самой вся душа изболелась.

«Какой же глупец! — корил себя Газиз. — Ведь я люблю ее, люблю с той поры, как увидел впервые. Разве не тоскую я, когда не вижу ее милого лица, разве не переполняется мое сердце радостью при самой мимолетной встрече, каждом ее взгляде... Когда я слышу ее голос, мне хочется петь и делать глупости. Я побежден этой чудесной девушкой. В мире для меня только одна радость — Лида, только одна красавица — Лида, только одна вершина — Лида. Почему же я так жесток, почему корчу из себя равнодушного? Зачем? Разве чувству можно сказать «Стоп!»? Я не могу, не хочу, не имею права отдать Лиду другому. Я должен обнаружить свои чувства. Пусть она знает, что я люблю ее больше жизни, пусть знают об этом все... Но как поступить, какой путь выбрать?»

И Газиз решил воспользоваться древним, как мир, способом объяснения в любви — написать Лиде письмо. Карандаш, простой лист бумаги — как часто служили молодым в делах любви! Сколько дерзких мечтаний, пылкой страсти, нежных признаний поверяли вам влюбленные! Вам доступны самые сокровенные тайны молодости. Сколько судеб вы устроили, сколько радости доставили юным.

...Газиз на минуту задумался и на бумагу легли первые слова. «Душа моя Лида...» И побежала, начала сплетаться на белом листе вязь строчек. Газизу не надо было искать подходящих слов, они давно уже сложились в его душе, давно жаждали быть услышанными.

За стенкой послышался громкий разговор и смех. Это вернулась с работы Ольга. Газиз оторвался от письма и прислушался.

— Ну, сестренка, пляши! — задорно сказала Лида, — письмецо тебе пришло, утром из почтового ящика вынула.

— Откуда? — быстро спросила Ольга.

— Сама знаешь откуда, — засмеялась Лида, — ты пляши, а то не получишь весточку.

— Давай сюда письмо, девчонка! — нарочито сердито сказала Ольга, — А то я тоже буду заставлять тебя выплясывать, когда тебе письмо принесут.

— Мне никто не пишет.

— Давай, — грозно наступала старшая сестра, — иначе силой отберу.

— Ладно, бери. А расскажешь, что он тебе из Крыма пишет?

— Может быть. Хотя, зачем тебе это?
— Интересно все-таки...
— Дай мне прочесть твой дневник, а я дам тебе письмо,— поддразнила сестру Ольга.
— Ну вот еще, дневник — это же секретно. Не для других...
— Ах, ты бесстыдница!— уже по-настоящему сердясь, вскрикнула Ольга.— Из кармана выхватила! Отдай сейчас же!
— Расскажешь?
— Ну, нет! Вот, смотри,— на минуту голос Ольги умолк, видно, она выскочила в другую комнату.— Смотри: у тебя письмо, у меня — твой дневник. Я его прочту.
— Не смей!
Послышались шум возни, смех, вскрики. Сестры, видно, уже в борьбе пытались уберечь друг от дружки свои тайны. Газиз тихонько рассмеялся: взрослые, а ведут себя как дети.
— Ну, вот,— раздался наконец слегка задыхающийся голос Ольги,— каждая при своем интересе. Не сердись, что так помяла твой дневник, письмо ведь тоже досталось...
— Пустяки!—с какой-то грустинкой засмеялась Лида.— Он мне больше не нужен. Я порву его, выброшу.
Газиз хотел снова взяться за карандаш, но тут послышался голос Терехина. «Допишу завтра»,— решил он.

* * *

Где только ни искал на следующий день свое недописанное письмо Газиз. Вчера он был очень взволнован, боялся, что Терехин застанет его за писанием, начнутся расспросы, и сунул куда-то листок. Он перевернул тумбочку, перебрал книги, проверил карманы... Письмо как в воду кануло. Куда он все-таки его впопыхах спрятал? Не Терехин ли его взял? А может, Ольга? Если так, то могут быть неприятности. Для него и для Лиды.

В комнате не осталось уголка, куда бы он не заглянул — письмо исчезло бесследно. Возможно, Анна Сергеевна вымела его с мусором во время уборки? Газиз вышел во двор, разворошил ногой кучку мусора у забора. На глаза ему попала мятая, разорванная на четыре части тетрадь. На первой страничке крупными ровными буквами было написано: «В этом году мне исполнилось семнадцать». «Да это же Лидин дневник! — изумился Газиз.— тот,

что она вчера порвала...» Он оглянулся — не видит ли кто?— поднял обрывки, торопливо сунул в карман. Сердце его бешено колотилось.

В комнате Газиз сложил обрывки и, испытывая неловкость, оттого что вторгается в чужую тайну, начал читать.

6 декабря.

В этом году мне исполнилось семнадцать. Детство ушло, наступила пора юности. Все чаще ловлю на себе странные взгляды прохожих. Особенно мужчин. Даже вчерашние школьные товарищи смотрят на меня совсем не так, как раньше. А мои глаза застланы каким-то розовым туманом. Что там, за ним? Счастье? Может быть. Очень многого я еще не понимаю. Человеческие взаимоотношения так сложны. И я протягиваю руку, пытаюсь разогнать туман, чтобы увидеть свой завтрашний день.

8 декабря.

У нас появился новый квартирант — чернявый парень-казах. Очень симпатичный. Ведет себя несколько скованно, старается быть серьезным, но глаза озорные, веселые. Думаю, что, освоившись в нашем доме, он станет более свободным и открытым. Напускная серьезность ему вовсе не к лицу.

Были в цирке...

10 декабря.

Сегодня весь день меня одолевала странная беспричинная веселость. И на лекциях и после занятий. Из головы не выходит этот парень, что поселился у нас. Он производит впечатление умного и начитанного человека. По-русски говорит прекрасно. Речь у него культурная, манеры довольно изящные. Улыбается он очень мило, по-доброму. Но говорит не много. У нас он всем сразу понравился — и маме и Ольге. Мне — тоже...

12 декабря.

Воскресенье. Г... был дома, мы с ним немножко поговорили. Наконец-то я разглядела его получше. Красивый парень. Роста среднего, но крепкий. Черный костюм сидит на нем безупречно. Он смуглый, круглолицый и черноглазый. Нос прямой, брови широкие и густые. Когда смеется, на щеках появляются ямочки. Мне почему-то так захотелось вдруг потрогать эти ямочки... Он наверняка знает, что красив, но делает вид, будто это ему безразлично,

У него хорошая библиотека, много интересных книг. Надо попросить что-нибудь почитать...

19 декабря.

Вечер. Луна белая, словно капля молока. И все кругом бело от свежавыпавшего снега. Во всем доме тишина. А мне почему-то сегодня очень грустно.

25 декабря.

Сегодня я сделала открытие в самой себе. Я вдруг поняла, что это за неведомое чувство томило меня последние год-два. Голос молодости, зов любви — вот что это. Желание любить и быть любимой. Но почему я поняла это именно сейчас? Может быть, я уже полюбила? Полюбила. Ну, конечно же, полюбила этого черноглазого, сдержанного... Себя не обманешь: он заполнил собой весь мой мир. Вижу, чувствую, что и он тянется ко мне. Но почему в нем постоянно какой-то холодок? Возможно, я кажусь ему легкомысленной, непонятливой девчонкой? Но это не так, я все понимаю и хочу, чтобы он тоже понял...

...Вот и каникулы кончаются, скоро снова за учебу. И слава богу, а то я словно забыла, что жизнь не останавливается. Любовь... Она ведь тоже проходит. Вот и у меня, кажется... Хватит быть легкомысленной, все внимание — учебе. Я должна стать хорошим врачом. Все, что мешает этому — в сторону!

Это была последняя запись, дальше шли пустые страницы. Газиз аккуратно сложил обрывки дневника, завернул их в газету и спрятал в чемодан. На самое дно.

* * *

В конце февраля в Алма-Ате уже появляются первые признаки весны — рушатся из-под крыш сосульки, намокает и становится серым снег, а воздух наполняется тревожащими сердце запахами. Выйдя из дома поутру, дышишь и никак не можешь надышаться ароматами надвигающейся весны. На фоне белеющих склонов Алатау город кажется чудесным видением, сотворенным человеческими руками.

Солнце еще не взошло, но пики вершин уже начинают розоветь, искрить бесчисленными рубинами ледников. Но вот показался нестерпимо жаркий краешек светила. Горы так высоки, что кажется, будто солнце с большим трудом взбирается по их ребристым уступам. Лучи его охватывают все большее пространство, ширится, разливается море зо-

лотого света. Снег в этом волшебном свете словно течет с гор алым потоком. Четче прорисовываются темные пятна лесных массивов, черные ребра скал. А восток уже всю полахает пожаром рассвета.

Наконец солнце выкатывается из-за горной гряды полнотою и золотым куполом утверждает над вершинами Алатау. Теперь лучи его достигают предгорий и освещают проснувшийся город, преображают его до неузнаваемости. С добрым утром, Алма-Ата!

Есть что-то неопишимо торжественное и загадочное во всей этой картине наступления нового дня. Все вокруг становится немножко нереальным, сказочным. И сам себе кажешься оторвавшимся от земли, парящим над ней. Только взмахни крыльями — и полетишь навстречу рассвету, навстречу раскаленному солнцу и величественным вершинам.

Газиз любит эти короткие минуты рождения нового дня. Почти каждый день он выходит встречать рассвет на улицу. Обычно в это время Лида уходит в институт. Она всегда торопится и идет не оглядываясь. А Газиз долго смотрит вслед тонкой, словно невесомо летящей девичьей фигурке.

Вот и сегодня, накинув на плечи пальто, Газиз вышел на веранду. Солнце играло и плавилось на вершинах гор. Воздух был чист, свеж и недвижим. Через минуту во двор выпорхнула Лида. Она побежала к калитке, открыла ее и, будто вспомнив о чем-то, на мгновение замерла. Потом повернулась к веранде, улыбнулась и помахала Газизу рукой. У Газиза замерло сердце. «Лида! — беззвучно, одними губами крикнул он. — Подожди, Лида!» Но Лида была уже далеко; она почти бежала по улице, размахивая портфелем. Такая перемена в поведении девушки обрадовала, но и озадачила Газиза. Он, наверное, был бы меньше удивлен и больше обрадован, если бы знал, что его письмо-прощанье, так неосмотрительно потерянное, все же дошло до адресата и прочитано.

А случилось это так. Терехин, который был не слишком большим охотником до чтения, но считавший не лишним продемонстрировать иногда свою «культурность», в отсутствие Газиза взял из его библиотечки томик Диккенса. Поудобней усевшись у печки в большой хозяйской комнате, он прочел несколько строк, и ему стало скучно. Положив книгу на стол, он завел разговор с Анной Сергеевной и Ольгой. Ольга взяла отложенную книгу, стала перелистывать и наткнулась на вложенный между страницами листок.

«Душа моя Лида!» — прочла она и быстро, незаметно для всех сунула письмо в карман халата. Уйдя в спальню, Ольга прочла письмо до конца. Тайна любви Газиза перестала быть тайной... «Что же делать? — размышляла Ольга. — Может, уничтожить письмо, будто его и не было? Или все же отдать Лиде? А каков наш молчальник-то? Прямо поэму сочинил. Лидка тоже хороша — вскружила парню голову. И ведь никто ничего не заметил даже. Матери бы письмо это показать... Ладно, не буду, пожалуй, в эту их любовь вмешиваться. Отдам письмо, сами пусть разбираются. Но сестру все же остеречь надо — молодая еще больно девчонка».

Вечером, уединившись, сестры о чем-то долго шептались. Потом Лида кинулась Ольге на шею, расцеловала ее, и обе расплакались. Потом Терехин, подозрительно поглядывая на сестер, расспрашивал, о чем это они секретничали. Но те только весело смеялись, отделяваясь от его вопросов шутками.

А на следующее утро Лида помахала Газизу рукой.

НЕОКОНЧЕННАЯ ДРАМА

Газиз получил повышение по службе. Один из следователей прокуратуры уезжал на учебу в Москву, и начальство решило испытать в этой должности бывшего студента. Газиз отнесся к делу весьма серьезно: штудировал юридическую литературу, консультировался у специалистов, расспрашивал товарищей по работе. И вот наконец настал день, когда перебрался в свой «кабинет» — крохотную комнатку с подслеповатым зарешеченным окном.

Сдавая Газизу начатые следствием дела, уезжающий на учебу счастливчик вынул из горы папок одну и сказал:

— Не знаю, каким образом попало к нам это чисто гражданское дело, но тут есть резолюция прокурора, обязывающая нас разобраться. Я не успел — придется заняться тебе. Кстати, не забудь: заявительницу, ее мужа и врача я вызвал сюда на сегодня. Они должны быть в двенадцать.

— А в чем суть дела? — спросил с некоторой тревогой Газиз, принимая тонкую серую папку из рук коллеги, — что-нибудь серьезно?

— Суший пустяк. Им в суд надо, а они каким-то

образом к нам попали. Ну, желаю успехов в новой должности! До свидания.

— А тебе счастливой дороги и успешной учебы! Откровенно говоря, завидую тебе немного: в Москву, в институт...

— Не огорчайся, придет и твое время.

Оставшись один, Газиз раскрыл папку. В ней было подколото всего три листка: заявление некой Елизаветы Богдановой, объяснение ее мужа Алексея и справка за подписью доктора И. С. Калюжного. Прочтя все внимательно, Газиз откинулся на спинку стула и хмыкнул: «Что за люди: сами, как говорится, подожгли собственный дом, а теперь не знают что делать».

Часа два Газиз пречитывал оставленные ему дела. Оторвал его от этого тихий стук в дверь. Не успел он сказать «войдите», как в комнату заглянула полнолицая женщина лет тридцати.

— Мы по повестке,— сказала она,— Богданова и Калюжный. Вызывали...

— Да, да,— ответил Газиз,— вы с мужем входите, а доктор пусть немножко подождет.

Муж и жена очень походили друг на друга — оба невысокие, плотные, светловолосые. Они поздоровались, сели на стулья у стены и молча уставились на Газиза. В их глазах ясно читалось: «Разве этот мальчишка сможет разобратся в нашем несчастье?»

— Вы, конечно, знаете почему мы вас сюда пригласили?— спросил Газиз, чтобы как-то начать разговор.

— Знаем,— низким мелодичным голосом отозвалась женщина.

— Знаем,— в тон ей прогудел муж.

— Расскажите поподробней, как это все у вас случилось.

— Но ведь в заявлении все описано,— сказала Богданова,— там все ясно...

— Я хотел бы услышать всю историю непосредственно от вас. Живой рассказ, понимаете?

— Да,— Богданова поправила выбившиеся из-под платка волосы.— Поженились мы с Алексеем чуть больше трех лет назад. По любви поженились. И все у нас сперва было хорошо, душа в душу жили. Думали, вот ребеночек появится, тогда еще лучше будет. Тогда уж настоящая семья начнется. А без детей... Только не суждено, видно, было нам иметь сына. Или дочь. Год проходит - нет ребенка, два года — нет, третий год — никаких изменений. Запечалились мы тогда оба крепко. Алексей говорит: «Вы-

ходит, неспособная ты детей иметь, порченная». Проплакала я ночь, а наутро к врачу пошла в женскую консультацию.

Женщина на минуту прервала рассказ и искоса посмотрела на мужа. Тот сидел, опустив голову и, казалось, внимательно рассматривал свои тупоносые ботинки.

— Осмотрел меня, значит, врач,— продолжала Богданова,— анализы разные сделал и дает заключение: «Вы абсолютно здоровая женщина и рожать можете». Отчего ж, спрашиваю, если могу, то не рожаю? «Может,— говорит Калюжный,— тут мужа вашего вина. Вы бы привели его ко мне».

Рассказала я Алексею все как есть. Не поверил он сначала ни мне, ни доктору Калюжному. И идти на проверку не хотел. До скандала дело дошло. Потом, однако, смирился; пошли мы с ним в консультацию. И ведь так и вышло, как врач говорил: болезнь у Алексея какая-то мудреная оказалась, не может он отцом стать. Пока не вылечится, конечно.

Оба мы горевали тогда сильно. Я слезами изошла, а он все психует. Очень уж нам дитя иметь хотелось. Хотели сперва из дома малютки сиротку взять. Потом сам Алексей предложил, чтобы я... чтобы я... Ну, в общем от другого мужчины, который мне нравится, забеременела. А я, дура, согласилась... Думал: все ж не совсем чужой ребенок будет, не приемыш, хоть вполчину, а наш...

Елизавета Богданова торопливо вынула из сумочки платочек, вытерла предательски покрасневшие глаза. Газиз сделал вид, что смотрит в окно. Алексей Богданов сидел все так же неподвижно, уставясь взглядом в щелистый пол.

— Ну, вот,— немного успокоившись, продолжала женщина,— послушалась я на свою беду. Теперь ношу под сердцем ребенка. А Алексея как подменили, совсем другой человек сделался, когда узнал. Молчал долго, сопел все, бурлил внутри. А потом и заявляет: «Не хочу жить с тобой больше. И ребенок этот чужой мне не нужен». «Как же,— говорю ему,— ведь ты, Алеша, сам меня надоумил, подтолкнул, а теперь...» «Не подумал я как следует,— отвечает,— считая, что радость от ребенка будет, а меня печаль одолевает. Не могу смириться, что от другого мужика брюхо у тебя растет. Давай лучше разойдемся, пока до беды не дошло». Что же мне теперь делать, гражданин следователь? Ведь не только моя вина, что семья рушится...

Газизу было искренне жаль эту доверчивую и такую незащищенную сейчас женщину. Он понимал ее естественное желание иметь ребенка. Женщина должна стать матерью — таков закон природы. Главное ее призвание — продолжить род. Вот почему у казахов, да и у других народов, наверное, бездетная женщина и за женщину-то не считается. Такими и мужчины пренебрегают: от сухого дерева плодов не дождешься. А тут, видишь, все наоборот. Сложна все-таки жизнь...

— Что вы можете добавить к рассказу вашей супруги?— спросил Газиз Богданова.

— Чего тут добавлять?— пожал тот плечами.— Всю правду она сказала. Так оно все и есть.

— Значит, твердо решили развестись?

— Твердо. Лишним я в этом деле оказываюсь, понимаете? У нее с тем мужчиной ребенок будет: он — отец, она — мать... А я кто, сбоку припека? Может, им с тем человеком пожениться захочется, да я мешать буду. Лучше уж уйду... Не хочу ихнему счастью помехой быть.

Газиза такой поворот мыслей Богданова несколько озадачил. «Чужая душа — потемки,— вспомнил он русскую поговорку.— Каждый человек мир по-своему видит». Он встал, приоткрыл дверь и пригласил войти ожидавшего в коридоре пожилого доктора.

— Вы подтверждаете справку, выданную вами после освидетельствования супругов Богдановых?— спросил Газиз доктора Калюжного, когда тот уселся рядом с Алексеем.— Вы не могли ошибиться в выводах?

— Ошибка исключена,— обидчиво ответил Калюжный, чью профессиональную гордость явно задел этот вопрос,— обследование проведено весьма тщательно.

— Э, доктор, доктор,— вздохнул про себя Газиз,— честный вы, видно, человек, бескомпромиссный... Стоило лишь немного схитрить, и не было бы у Богдановых драмы, родила бы она младенца, оба были бы счастливы... Иногда счастье человеческое от неведения бывает. А сейчас рушится у них все.

— Я считаю,— убежденно сказал доктор,— что болезнь Богданова вполне излечима. Только лечение потребует длительного времени. Зато года через три он вполне может иметь детей, и...

— Все ясно,— прервал его Газиз,— никакого криминала в этом деле не вижу, никто никакого преступления не совершил. Только ошибки. Прокуратура такими делами не занимается, это компетенция народного суда. Основа-

ния для развода вполне достаточны. Советую вам, однако, еще раз хорошенько подумать. Развестись — дело нехитрое, найти любящего друга значительно трудней. Подумайте, не торопитесь, чтобы не пожалеть потом.

СОСЕДИ

Терехин сидел в зашторенной комнате один. Настроение у него было гадкое. За стеной слышался смех: низкий, горловой — Ольги и серебряный, рассыпчатый — Лиды. Изредка в смех вклинивался молодой басок Газиза. Терехина это веселье за стеной выводило из себя; ему казалось, что смеются там над ним, над его попанной любовью. Кровь короткими злыми толчками била в голову. После вечера, проведенного в ресторане, и глупого пари, заключенного с Газизом, Терехин стал внимательней присматриваться к поведению Лиды. Как ни поверхностен был он в своих суждениях о людях, но и он вскоре убедился, что Лида его всерьез не принимает. Он для нее вроде домашнего шута. И еще понял он, что парень, о котором говорилось тогда за ресторанным столиком — это сам Газиз. Вот, значит, как дело-то оборачивается.

«И что она в этом мальчишке нашла?— зло думал Терехин.— Он еще небось и одного костюма в жизни не сносил, опыта житейского не успел набраться. А вот, поди ж ты, привлек чем-то. Я бы на ней женился честно-благородно, а он... Какой из него муж, шуточки одни на уме. Ну, да черт с ними с обоими! Для Терехина всегда пара найдется, хоть завтра женись. Пусть потом эта девчонка локти кусает».

Утешения в таких размышлениях было мало. Тем более, что он прекрасно знал: не будет Лида по нему печалиться, исчезни он с глаз — враз забудет. И от этого становилось еще обидней.

В комнату вошел улыбающийся Газиз, стал торопливо одеваться. Натягивая пальто, предложил Терехину:

— Пойдем прогуляемся. Ольга с лидой уже собрались.

— Я бы с удовольствием,— стараясь говорить спокойно, ответил Терехин,— да, понимаешь, дело важное есть...

— Так уж и важное! В чем же оно, это дело?

— К свадьбе готовиться надо, женюсь я...

- Правда? Решил, значит, распрощаться с холостяцкой жизнью. Поздравляю! Кто же невеста? Не Сима случайно?

Терехин зверем глянул на Газиза и фыркнул, как кот. Ответил коротко, сквозь зубы:

— Получше имеется.

* * *

Когда они втроем вышли из республиканского краеведческого музея, Ольга сказала:

— Я, пожалуй, домой пойду. Что-то нога побаливает, подскользнулась я сегодня и, видно, связку потянула.

— Тогда и мы домой,— сказал Газиз, хотя возвращаться ему вовсе не хотелось,— проводим...

— Вам-то зачем? Гуляйте. Нам с мамой еще к отъезду собраться надо. Чтобы завтра не суетиться.

— Я вам помогу,— предложила Лида.

— Ладно уж, помощница,— засмеялась Ольга,— как-нибудь без тебя управимся.

— А далеко вы едете?— поинтересовался Газиз.— Снова в командировку?

— Нет,— ответила за сестру Лида,— они с мамой едут в Коктал, к родственникам отдохнуть. У Ольги отпуск.

— Я мечтаю, когда смогу тоже съездить в родной аул,— сказал Газиз.— Город хорош, но родная степь лучше.

— Так едем с нами,— шутя предложила Ольга,— в следующее воскресенье вернемся.

— Не могу, работы по горло. Не отпустят меня. А почему Лида с вами не едет?

— По той же причине,— засмеялась Лида,— учеба ведь ничуть работы не легче. Я летом, в каникулы, туда поеду, когда ягоды поспеют. Ох и отдохну!..

Они проводили Ольгу до трамвайной остановки. Газиз помог ей войти в вагон. Ольга весело помахала им с площадки рукой.

— Хорошая у тебя сестра,— сказал Газиз Лиде, когда трамвай ушел,— умница.

— Отчего ты так решил?— улыбнулась в ответ Лида.

— Думаю, что нога у нее вовсе не болит,— просто она тактично оставила нас с тобой наедине. И мать твоя замечательный человек.

— Мне бы хотелось посмотреть на твою маму,— сказала Лида,— мамы все хорошие.

— Вы не смогли бы с ней поговорить,— рассмеялся Газиз,— она не понимает по-русски, ты — по-казахски.

— Я же изучаю казахский, поняла бы.

— Былдырлама,— сказал смеясь Газиз.

— Что, что?

— Ты не обижайся, но по-казахски это значит — не лепечи.

— Я и не обижаюсь,— Лида поджала губы,— но ты нашему языку выучился, отчего же мне не выучиться вашему? Не такой уж он и трудный. Если ты мне поможешь...

— Обязательно помогу, айналайн,— сжал руку девушки Газиз,— обязательно!

Они долго еще ходили по тонущим в сумерках улицам, разговор их был сумбурен и бесконечен. По дороге заглянули в театральную кассу и купили билеты на завтрашний спектакль. По пути домой Газиз спохватился:

— Если завтра пойдем в театр, то кто же дома останется?

— Терехин,— беспечно ответила Лида,— не брать же его с собой.

— Вряд ли Терехин будет сидеть дома,— покачал Газиз головой,— дела у него важные имеются.

— Что за дела по ночам?

— Женится он, понимаешь?

— Вот как?— удивление Лиды больше смахивало на равнодушие.— Тогда запрем дом на замок.

АНГЕЛ

Назавтра Газиз вернулся с работы позже обычного. День был напряженным, и он очень устал. Лида встретила его тревожным вопросом.

— Что случилось? Почему ты так задержался?

— Это не я задержался,— ответил он, чувствуя, как трогательна и как приятна ему тревога девушки,— было очень много работы.

— Мы можем опоздать в театр.

— У нас в запасе еще целый час,— успокоил ее Газиз,— я сейчас быстро умоюсь, переоденусь — и готов.

По дороге Лида спросила Газиза, когда и на ком собирается жениться Терехин.

— Не знаю,— честно признался он,— видно, есть у него кто-то на примете. А тебя это разве волнует?

— Нисколечко. Любопытно просто: жил-жил человек один — и вдруг женится. Семья, дети... Наверное, это хорошо.

— Лучше не бывает,— засмеялся Газиз,— я тоже подумываю жениться.

— Ты? На ком?— изумленно вскинула брови Лида.

«На тебе!»— чуть не сказал Газиз, но глянул в широко распахнутые глаза девушки и промолчал, сдержал себя. Таких слов на ветер не бросают.

* * *

Домой возвращались почти молча, под впечатлением спектакля. «Любовь,— думала Лида,— она и прекрасна и страшна. Так сильно любить — и решиться на убийство любимой,— разве это можно понять? Бедная Дездемона, слабая, любящая, нежная женщина. Как хорошо, глубоко видел Шекспир человеческие души. Он и меня, наверное, мог бы сейчас понять, мой страх и мои желания...» Газиз тоже размышлял о трагедии Отелло и Дездемоны. Но судил он о ней с точки зрения следователя: взвешивал вину каждого из участников, пытаясь разобраться прежде всего в мотивах их поступков.

У себя в комнате, едва скинув пальто, Газиз взял томик Шекспира и постучался к Лиде. Она — нарядная, красивая и взволнованная — сидела на узеньком клеенчатом диванчике. На щеках девушки горел румянец, глаза были задумчивы и глубоки. Газиз полистал страницу, нашел нужное место.

— Вот послушай,— возбужденно сказал он и стал читать монолог Отелло. Читал громко, вдохновенно, жестикулируя свободной рукой. И вдруг замолк на полуслове — по радостному, необыкновенно красивому в эту минуту Лидиному лицу катились слезы.

Газиз бросил книгу, опустился рядом с диваном и обнял колени девушки. Лида наклонилась, провела по волосам Газиза тонкими пальцами, прижала к груди его голову. Он легко оторвал девушку от дивана, поднял на руки — она была совсем легонькой. «Лида, Лида, Лида!—торопливо шептал Газиз пересохшими вдруг губами.— Милая, родная, любимая!»

Лида неожиданно отстранилась, прислушалась, лицо ее сделалось испуганно-напряженным.

— Кто-то стучит,— прошептала она,— ты слышишь?

— Это мое сердце стучит,— так же шепотом ответил

Газиз,— оно не перестает так стучать с тех пор, как я увидел тебя впервые...

Лида снова прильнула к его груди, ласково погладила по щеке. «Мне почему-то так захотелось вдруг потрогать эти ямочки»— пришла на память Газизу строчка из дневника девушки. Он нежно поцеловал эту ласковую доверчивую руку, потом стал торопливо и жарко целовать Лидино лицо, глаза, волосы, шею... Она не отвечала на эти сумасшедшие поцелуи, но и не сопротивлялась. И вдруг, неожиданно рванувшись из его рук, встала на ноги. Глаза их оказались вровень.

— Хватит,— сказала Лида с усилием, словно ломая себя,— хватит, Газиз, уходи.

— Уйти?— растерялся Газиз.— Уйти сейчас, когда... я так люблю тебя, Лида? Я мечтал о таком вот вечере вместе с тобой... А ты гонишь меня.

— Я не гоню,— мягко, как-то очень по-женски сказала Лида,— но ты должен сам понять... Так нельзя... Иди, завтра рано вставать.

Газиз сделал к ней шаг, хотел снова обнять, но Лида быстро отодвинулась.

— Я же сказала: хватит. Надо знать меру.

— Разве есть мера у любви,— с горечью воскликнул Газиз,— и кто может определить эту меру? Я не могу... Спокойной ночи.

Он круто повернулся и вышел. Он был обижен, оскорблен такой внезапной переменой. Только что он был на самой вершине счастья, и вот уже сброшен оттуда. Сброшен всего двумя-тремя словами. Как хрупко, как непрочное счастье, как непонятны, изменчивы человеческие чувства.

Газиз вернулся к себе, не зажигая света, разделся и лег в постель. Но стоило ему закрыть глаза, как он снова увидел перед собой нежное, лучащееся радостью лицо Лиды, ощутил на щеке нежное прикосновение ее теплой руки. Ему стало вдруг казаться, что чего-то он недопонял, что-то ускользнуло от его внимания. Но что, какое-то особое выражение глаз девушки, интонация, движение? Понять это было сейчас для него очень важно, необходимо. Что же все-таки промелькнуло мимо сознания, задев его лишь самым краешком? Но чем больше думал над этим Газиз, тем ясней становилось, что упущенного ему никогда уже не понять.

Острая поначалу обида на Лиду слегка утихла, и теперь он стал корить себя. «Какой я мужчина,— думал Газиз,— разве настоящие мужчины ведут себя такими мямлями?

Зачем подчинился ее приказу, зачем ушел? Надо было... А что надо было? Ведь нельзя же вести себя по-скотски. Или она меня просто проверяет? Экзаменует? Ведь мы только вдвоем в доме — парень и девушка. Неужели я так и проваляюсь на своей койке всю ночь... Расскажи кому — засмеют. А может быть, она ждет, что я вернусь? Приду? Может, наши желания совпадают?»

Последняя мысль словно огнем ожгла его разгоряченную голову, а если действительно... Он решительно — надо быть мужчиной — поднялся и, тихо ступая по прохладному полу, подошел к двери Лидиной комнаты. Сквозь узкую щель оттуда пробивался свет. Газиз тихонько нажал на ручку. Дверь легко поддалась — она не была заперта на крючок. Газиз не слышно переступил порог.

Лида спала, разметав по подушке волосы. Ночная рубашка ее слегка сбилась с одного плеча, обнажив тонкую ключицу и нежную припухлость в верхней части груди. Рядом на одеяле лежала раскрытая книга — Шекспир. Не отрывая от девушки взгляда, Газиз нашарил на стене выключатель, свет погас. Но едва слышный щелчок разбудил Лиду.

— Кто здесь?— тревожно спросила она.

— Это я,— Газиз шагнул к кровати,— я не могу без тебя, Лида!

И его ищущие руки встретились с трепетными девичьими руками.

...Утро было солнечным, ярким. Лида проснулась, открыла глаза, обежала взглядом комнату. Где она, что с ней случилось? Все здесь было как всегда — стол, диван, лампа под оранжевым абажуром... И все же, что-то в ее мире изменилось, непоправимо, бесповоротно изменилось! Взгляд девушки на мгновение задержался на собственном отражении в зеркале. Оттуда, из зеркала, на нее глядели чужие, укоризненно вопрошающие о чем-то глаза. Лида резко отвернулась, натянула на голову одеяло и заплакала. Память вернула ее в прошедшую ночь. Ей стало нестерпимо стыдно; стыдно самой себя и всего, что ее окружало. Она казалась себе оскверненной, нечистой, бесжалостно низринутой в бездну греха. «Как ходить теперь по земле,— всхлипывала Лида,— как жить дальше? А если узнают мама, Оля...»

Скрипнула дверь, вошел Газиз. На нем была свежая белая рубашка, в волосах искрились капельки воды. На лице Газиза блуждала счастливая и потому, наверное, немного глуповатая улыбка.

— Лидонька,— ласково позвал он,— доброе утро!
Лида высунула из-под одеяла залитое слезами лицо.
— Ты плачешь?— Газиз присел на кровать,— Что с тобой, родная?
Лида хотела что-то ответить, но не смогла и лишь пуще залилась слезами.
— Душа моя, Лида,— Газиз обнял ее за плечи,— верь мне. Я люблю тебя больше всего на свете. Я твой навсегда. Так говорит мое сердце.
Продолжая всхлипывать, Лида доверчиво прижалась к его груди.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ СЛУЧАЙ

— Эй, товарищ! Молод ты или стар, стоишь в начале пути или много уже повидал, припадал ли ты с плачем к родной земле, пил ли из чистых родников, восхищался ли ее красотами? Земля принадлежит всем людям, но у каждого она своя. Родиной зовем мы тот край, где появились на свет, сделали первые шаги, где живут наши близкие и спят вечным сном досточтимые предки. Родная земля — это сладость детства, заря будущего, надежная опора во все дни жизни нашей. Родина — твоё стремя, лестница твоих устремлений. Она отзывчива и горяча, ей несешь ты свою радость и свою горе. Знаешь ли ты, товарищ, свою родную землю? Обошел ли ты ее как Максим Горький с посохом в руке? Путешествовал ли как Токтогул, когда он возвращался из сибирской ссылки? Читал ли ты поэмы Некрасова, проникнутые страстной любовью к родной земле? О родная земля, ты — моя мать! Мне знаком каждый твой росток, каждый камень, каждый ручеек!

Эй, товарищ! Я — казах из Арки. А откуда ты, из каких краев? Аркалыковец? Алмаатинец? Актюбинец? Скажи мне, какая земля лучше? Я считаю, что прекрасней моей Арки нет ничего в мире. Вода Арки — мед, ветер — шелк, камни — золото, леса — аромат... Ты, конечно, будешь спорить со мной, доказывать, что самый замечательный край — твой. И будешь прав. Для тебя Арка всего лишь звук, слово... Что ж, для каждого рта свой вкус слаще. Согласен. Давай же соединим нашу любовь к родной земле, поклонимся ей, отдадим свое сердце.

Ты видишь, товарищ, вон тех молодых черноглазых казахов? Люди называют их москвичами. Ты удивляешься —

откуда в Москве казахи? Они жили там, учились несколько лет. Теперь они стали инженерами, учителями, научными работниками... И москвичами. Слышишь, с какой любовью говорят они: «Москва, наша Москва.» Они полюбили этот великий город так же крепко, как любят свои степи, горы, маленькие аулы, из которых вышли в большую жизнь. Это правильно, так и должно быть, ведь зовем же мы матью не только ту женщину, что родила нас, но и ту, что нас воспитала.

...Такой, примерно, монолог произносил сейчас Газиз, стоя у раскрытого вагонного окна. Поезд стремительно разрезал зеленую долину, испещренную темными нежными садами, белыми домиками пролетающих мимо сел, расписанную иероглифами каменистых речных русел. Вот сквозь легкую дымку все четче стали прорисовываться горы. Словно многогорбый верблюжий караван, двигался, летел за поездом Алатау. Газиз не мог оторваться от окна, будто видел эту землю, горы и небо впервые, не мог насытиться настоенным на травах встречным ветерком. Наконец-то он возвращался в Алма-Ату — город, полюбившийся ему на всю жизнь. Там ждут его друзья, книги, работа. Там ждет его Лида.

Месяц назад Газиз взял отпуск и поехал за матерью. Когда он увидел ее, сердце юноши сжалось от боли — как постарела, осунулась, потемнела лицом его мама. Не осталось и следа от былой красоты, гордой осанки... Сильно подкосила ее смерть любимого младшего брата. Газиз коротко рассказал ей, как складывается его жизнь в столице, где он работает. Расхвалил город, расписал радужными красками их будущую жизнь. Вот подкопит он денег, получит квартиру... Мать так была рада встрече с единственным сыном, что слушала вполуха, со всем соглашалась, доверчиво кивая головой. Успехи сына вселяли в материнское сердце радость и надежду — все будет замечательно, разве не для счастья судьба помиловала ее Газиза?

За время пути состав пассажиров их вагона постоянно менялся: одни сходили с поезда и исчезали на ночных полустанках, другие появлялись, осваивались, а потом тоже сходили. Железнодорожный вагон — смешение языков и народов — жил по своим загадочным законам. Сейчас, на подъезде к Алма-Ате, в вагоне остались лишь те, чья конечная цель — столица республики. Это были возвращавшиеся загорелые отпускники, озабоченные командированные, коренные алмаатинцы и те, кто направлялся в этот город попытать судьбу,

Смотри, мама,— Газиз показал в окно,— это Алатау.

— Тот самый старинный киргизский Алатау?— с любопытством спросила мать.

— Это продолжение тех гор — Заилийский Алатау.

— А где же город, я его не вижу.

— Город в восемнадцати километрах от гор. Скоро увидим.

— В восемнадцати чего?— переспросила старая женщина.— Это дальше, чем от нашего аула до аула Биеке?

— Два таких пути. Но это совсем не далеко.

— Скажи, сынок, а Сталин тоже в Алма-Ате живет?— спросила мать, понижая голос.

— Нет, мама, Сталин живет в Москве. Туда на поезде ехать надо почти целую неделю.

— Ойбой! Так далеко.

На станции Газиза с матерью встретил старый друг Шенгерей. Еще перед отъездом Газиз договорился, что временно устроит мать в доме его алмаатинского родственника. Газиз не хотел сразу вести ее в дом Сергеевых — пусть сперва немного пообвыкнет среди своих, а то ей ведь и поговорить там не с кем будет, когда он уйдет на работу.

Устроив мать и побыв с ней до вечера, Газиз пошел, почти побежал, на свою квартиру. Встретили его там радостно, но с некоторым удивлением: где же мама? Газиз не хотел огорчать Анну Сергеевну сообщением, что устроил мать в другом месте. Пришлось пойти на обман.

— Скоро приедет,— сказал он, пряча глаза,— а пока что я должен подготовить ей жилье.

Он не пояснил, что с приездом матери связывает большую надежду получить квартиру. Вот когда мать станет там хозяйкой, тогда он и пригласит Сергеевых в гости.

Последние недели перед отпуском Газизу приходилось много работать. Труд следователя оказался далеко не таким легким, каким казался вначале. Сказывалось отсутствие юридической подготовки, опыта, профессиональных навыков. Однажды его вызвал к себе прокурор, долго расспрашивал о работе, личных планах, а потом посоветовал: «Покопайтесь-ка вы в старых делах, почитайте; много интересного и полезного можете для себя найти — учитесь пользоваться чужим опытом».

С тех пор не было дня, чтобы Газиз не задерживался на службе лишний часок-другой. Он брал в архиве выцветшие папки с документами, внимательно штудировал со-

бытия прошедших лет. Вереницей проходили перед ним десятки неизвестных ему людей — преступники, пострадавшие, свидетели... Правда и ложь, глупость и жадность человеческая представляли порой в таком изощренном хитросплетении, что, казалось, нет никакой возможности распутать узел. Но следователь (а вместе с ним и Газиз) шаг за шагом разматывал клубок противоречий, выискивал тот единственный кончик нитки, за который нужно было ухватиться. И все становилось наконец на свои места — преступник нес наказание, невиновный оправдывался. Но сколько труда и нервов это стоило! К работе, от которой зависит судьба, честное имя, а порой и сама жизнь человека, нельзя относиться легкомысленно — таким был первый вывод, сделанный Газизом. И еще: надо научиться видеть, понимать людей и доверять им.

Не оставил Газиз своих занятий и по возвращении. Вот и сегодня он лишь на полчаса забежал домой отдохнуть, чтобы потом снова идти в прокуратуру. Там, в крохотной комнатке, его ждало интересное уголовное дело, с которым Газизу не терпелось побыстрее ознакомиться. На пороге он почти столкнулся с Лидой.

— Ты прочел «Воскресение»?—спросила Лида.— Я сейчас иду в библиотеку сдавать книги.

Газиз не успел прочесть этот роман Толстого — времени не хватило. Но ему было неловко говорить об этом, он неопределенно мотнул головой и с сожалением отдал девушке книгу.

— Снова пойдешь на работу?— без особого интереса спросила Лида.— Не надоело тебе еще?

— Пойду, надо. А ты только в библиотеку идешь?

— У нас сегодня комсомольское собрание; сдам книги — и туда.

— Пошли вместе, нам же по дороге.

Когда они подошли к прокуратуре, Газиз пошутил:

— Спасибо, что проводила. Когда у вас, примерно, закончится собрание?

— Часам к десяти, думаю, управимся, вопросов не так уж много. А ты когда свои дела рассчитываешь завершить?

— Наверное, тоже не позже десяти. Подождать тебя?

— Подожди, приду.

«Дело» было увлекательней любого приключенческого романа, и Газиз так увлекся им, что не заметил, как пролетело время. Солнце, долго цеплявшееся лучами за верхушки тополей, давно село, серый сумрак сменился бархатной темнотой, на улицах зажглись фонари, а Газиз все

продолжал листать пухлую папку. Оторвавшись наконец от бумаг, он глянул на часы — было без двадцати минут десять. «Что-то задерживается Лида,— подумал Газиз,— позвоню-ка я в институт».

Дозвониться до института он не смог: в трубке слышались сухие шорохи, писк, скрежет, но сколько Газиз ни стучал по рычагу аппарата, вызвать из небытия голос связистки телефонной станции так и не удалось. «Ладно,— решил он, бросая трубку,— пойду ей навстречу, дорога тут одна — не разминемся».

В институтском вестибюле Газиза остановил дежурный вахтер.

— Вы куда, молодой человек?— строго спросил он.— В учебном корпусе сейчас никого нет.

— Значит, разошлись уже,— огорчился Газиз.— А собрание комсомольское давно закончилось?

— Сегодня после обеда ни занятий, ни собраний никаких не было. Кто во вторую смену учится, те все в туберкулезной больнице на практике.

«Как же так?— размышлял Газиз,— про практические занятия она ничего мне не сказала. И собрания, оказывается, вовсе не было. Неужели... Неужели она меня обманывала?»

В растерянности и недоумении Газиз вышел на улицу. Домой идти не хотелось. Может быть, он просто боялся встречи с Лидой, объяснений? Неподалеку на остановке затренькал трамвай, и Газиз — словно это ему сигналили — заторопился, вскочил в полупустой вагон. Зачем — он и сам не знал. Может съездить в больницу? Да нет, не стоит, поздно уже. Куда же?

Через несколько остановок Газиз сошел с трамвая так же бесцельно, как и садился в него. Оказалось, что он попал на улицу имени Карла Маркса, широко и прямо пересекающую почти весь город — от Головного арыка до Ташкентской аллеи. Он любил эту улицу с асфальтовыми тротуарами и мощеной булыжником мостовой, по самому центру которой ровно тянулись четыре ниточки поблескивающих в свете фонарей трамвайных рельсов.

...Улица Карла Маркса... я тоже люблю ее — тихую и шумную, одетую зеленью и укрытую снегом, полную народа по праздникам и малолюдную в будни. Она — один из центров средоточия городской жизни. В теперешнем военном далеке я часто вспоминаю самые любимые мной уголки Алма-Аты, мечтаю снова там очутиться. Я даже

выдумываю события, которые могли бы там произойти.

Ну, например, случится такое: придет к нам в город Маяковский... И пройдет по улицам Алма-Аты. Кто будет его сопровождать, кто покажет красоту города маршалу поэзии? Конечно же, самые известные в республике люди. Среди них, несомненно, будут наш песнопевец Шаке, утес казахской советской литературы Сабит, основоположник нашего театра Мухтар... казахстанский соловей Куляш и волшебница танца Шара, последовательница великого Курмангазы старая апа Дина... Рядом с поэтом пойдут наши ученые, стахановцы, комсомольцы. Буду среди них и я — красный боец. Потому, что армия всегда была для поэта символом славы Советского государства, могущества нашего народа... Его стихи — оружие в нашей борьбе. Сейчас Маяковский был бы доволен нами — мы оправдываем надежды народа, бьем врага налево и направо...

Я бы сказал ему... Впрочем, ничего этого быть не может — Владимира Маяковского нет с нами. И воскресить его я могу только в своей памяти. Он никогда не был в Алма-Ате, так пусть хотя бы на мгновение, через меня, через мою память увидит этот прекрасный город. Пусть моими глазами охватит горные вершины, широкие улицы, тенистые парки, журчащие арыки, душистые сады Алма-Аты. Мечта всеильна, но все же она только мечта...

...Газиз шел медленно, опустив голову. На противоположной стороне улицы тянулась чугунная решетка парка, оттуда слышалась приглушенная музыка. Был уже двенадцатый час — время, когда гуляющая публика расходилась по домам. Мысли Газиза сосредоточились на одном — что же все-таки произошло? Конечно, Лида про него не забыла, не могла забыть, просто она не смогла почему-то прийти. Ведь она же сказала: жди. Значит... ничего это еще не значит. Что-то ей помешало. По она наверняка знала, что собрания не будет. Лгала? Зачем?

Бархатная, ласковая ночь окутывала уснувший город. Со стороны невидимых сейчас гор тянуло едва ощутимым свежим ветерком. Где-то в вершинах сумрачных тополей ворчливо прокричала ночная птица. Газиз снял галстук, свернул и сунул в карман. Ветерок загудел в расстегнутый ворот рубашки, дышалось свободно и легко. Мимо прошуршала стайка девушек. Одна из них тоненько напевала: «Пел недаром за рекою, за рекою соловей».

На трамвайной остановке напротив входа в парк стояло в ожидании несколько человек. Газиз скользнул по ним равнодушным взглядом и замер от неожиданности. Одна

издевушек, беседующая с высоким парнем в очках, показала ему очень похожей на Лиду. «Не может быть! — сказал он себе, — Лида здесь, ночью... Я ошибся, показалось». Но он уже твердо знал, что не ошибся, что это действительно Лида. Просто сердце противилось, не хотело мириться с фактами, не хотело узнавать...

Газиз инстинктивно сделал шаг в сторону, в тень деревьев. Прижался лицом к шершавому стволу тополя. Закрыв глаза, стараясь унять бешеный стук крови в висках, сосредоточиться. Механически погладил ладонью теплый бок дерева, и в легком шорохе этого движения ему послышался слабый голос, будто тополь говорил с ним, пытался его утешить. «Я столетний старец, сын мой, — чудились Газизу шелестящие слова, — я пережил много лет и много событий, но так и не научился понимать людей... Поступки их порой чудны и удивительны. Не отчаивайся, укрепи свое сердце... Помни: радость и боль всегда ходят рука об руку».

Газиз открыл глаза, заставил себя внимательно поглядеть туда, где в кругу колеблющегося света стояла Лида и тот, в очках. Они были заняты друг другом и не обращали ни малейшего внимания на окружающих. Разговор у них, видно, шел интересный, веселый — Лида то и дело улыбалась. Парень коротко посмеивался, жестикулировал, размахивая руками, в одной из них была зажата толстая книга. Чувствовали они себя оба беззаботно и непринужденно. Как бы хотелось Газизу сейчас верить, что встреча этих двоих случайна, что парень всего лишь Лидии конкурент, с которым она решила прогуляться, раз уж собрание почему-то не состоялось. Хотелось... но глаза его четко замечали множество деталей — как близко друг к другу они стоят, какое радостно-возбужденное у Лиды лицо, как нежно берет ее под руку собеседник, — а обостренная интуиция подсказывала: нет, встреча не случайна и отношения между ними не просто товарищеские. Тут, несомненно, любовь. Может быть, не обоюдная, но со стороны парня — наверняка. «А ведь она и его, пожалуй, обманывает, — мелькнула у Газиза догадка, — бедный очкарик. Если утром она улыбалась мне, а вечером тебе, значит, ни тебя, ни меня она не любит. Играет только. Не девушку прижмешь ты к груди, а серую змею. Она — враг любви. Будь у меня в руках ружье...»

Газиз и сам не понимал, почему он не уходит, почему стоит в тени тополя и смотрит, как топчут его любовь, его душу... Что-то надо было предпринимать — или бежать

отсюда, или подойти к Лиде и сразу все выяснить. Но ноги словно приросли к земле, голова была в тумане, а сердце начинало чернеть от боли и обиды.

«Подойду,— решил наконец Газиз.— Мне стыдиться нечего, разве я в чем виноват?» Он оторвался от дерева и, стараясь держаться гордо и независимо, двинулся через освещенное пространство. Но остановиться рядом со смеющейся парой не хватило сил; Газиз прошел дальше и снова остановился в тени. Те двое даже не заметили его, хотя проходил он всего в двух шагах от них. Им ни до кого сейчас не было дела.

«Трус!—обругал себя Газиз,— иди и спроси ее, зачем она лжет». Он решительно вышел из укрытия, твердо ступая по асфальту, направился к парочке. Гнев тяжелым камнем давил ему грудь. Подошел вплотную, близко увидел два лица; парень смотрел на него вопросительно, Лида — растерянно и испуганно.

— Почему обманываешь?— в упор спросил Газиз Лиду.

Та попыталась улыбнуться, но улыбки не вышло, получилась гримаса. Обида душила Газиза, голос его дрожал.

— Я спрашиваю, почему ты меня обманываешь?— повторил Газиз.— Почему заставляешь меня ждать, если собралась гулять с другим? Решила надо мной посмеяться? Вот я перед тобой — смейся. Смейся же!

— Я вовсе не собиралась тебя обманывать,— Лида наконец справилась с собой,— так получилось, что...

— Получилось?— задыхаясь, перебил ее Газиз — получилось...

В это время к остановке подошел трамвай. Воспользовавшись возможностью прервать неприятный разговор, Лида подхватила под руку своего спутника и вошла в передний вагон. Газиз плюнул с досады и вскочил на подножку прицепного вагона. Еще минуту назад он относился к незнакомому парню вполне миролюбиво, даже сочувствовал, предполагая в нем такую же жертву обмана, какой стал он. Но видя, как Лида привычно берет его под руку и как тот покорно за ней следует, Газиз внезапно отчетливо осознал, что этот в очках тоже враг ему. «Ведь он увел Лиду у меня из-под носа!— злился он.— Они оба надо мной смеются. Что она в нем нашла интересного? Красавцем его не назовешь... Да, он мне тоже враг. И не потому, что забрал у меня девушку, а потому, что топчет мою честь. А честь надо защищать — она дороже жизни. Я тоже гордый, хотя и без очков».

Сквозь мутные стекла Газиз видел все, что происходило в соседнем вагоне. Свободных мест было достаточно, но ни Лида, ни ее новый дружок не сели. Они стояли, ухватившись за висячие петли поручней и, казалось, продолжали прерванную беседу. Но разговор у них шел явно другой. Судя по выражениям лиц и тому как оба старательно избегают смотреть в сторону прицепа вагона, речь была о нем, Газизе. Парень, видно, выпытывал у Лиды что это за сумасшедший с ним прицепился. Теперь Газиз наконец разглядел, что за книгу держал очкарик в руке. Это было толстовское «Воскресение»! Та самая книга, которую он не успел прочесть. Значит, Лида не была не только на собрании, но в библиотеку не заходила. Вот так, такие, выходит, дела. Теперь этот роман будет читать другой. Почему-то именно эта мелкая деталь показалась Газизу особенно обидной.

С трамвая они сошли одновременно. Очкастый, соскочив с подножки, первым подал Лиде руку. «Тоже мне, джентльмен!— злобно фыркнул про себя Газиз.— Воспитанный!» Отчаяние, обида, ненависть к этим двоим душили его. Сейчас он готов был на самый невероятный, самый дикий поступок. Сдержаться казалось ему выше сил.

Лида и ее спутник направились в сторону дома. Шли они рядом, не решаясь взяться под руку. Газиз шел за ними, слегка поотстав. Чем дальше уходили они от остановки, тем темней и безлюдней становилась улица. Рядом с тротуаром бормотал арык-невидимка, крупные звезды мирно смотрели на спящую землю, пахло яблоками и теплой пылью. С редких столбов лампочки бросали из-под тарелок-абажуров на тротуар дрожащие желтые блики. Человеческие шаги в плотной темной тишине звучали вызывающе грубо.

Газиз буквально физически ощущал растущий в груди гнев. С каждым шагом, приближающим всех троих к дому, Газиз терял над собой контроль. Он уже не мог мыслить логически, ничего не видел, кроме гибкой спины Лиды и этого... Кто дал ему право уводить от него ту, которую он так любил? Ту, которая принадлежала ему? Ему, и никому больше. Еще сотня шагов, и они окажутся перед калиткой дома № 139. И если он сейчас ничего не предпримет, то не только потеряет девушку, но и утратит уважение к себе. Разве он не джигит, разве нет в нем самолюбия?

— Эй ты, очкастый!— неожиданно для себя самого выкрикнул Газиз.— Слышишь?!

Двое остановились, обернулись. Газиз подошел к ним вплотную.

— Слышишь, четырехглазый,— глаза Газиза застлала красная муть,— убирайся отсюда пока цел! Иначе тебе и очкам твоим придется худо. Понял? И чтобы с этого момента я тебя рядом с Лидой не видел!

— Да, мы же вместе...— хотел что-то сказать парень.

— Убирайся!—словно в истерике, закричал Газиз,— Плохо тебе будет! Понял?

— Ладно, иди,— сказала парню тихо Лида,— я уже дома.

Парень кивнул, повернулся и пошел не оглядываясь.

— Он ни в чем не виноват,— спокойно сказала Лида Газизу,— а ты поступил по-свински. Стыдно тебе должно быть.

— Ты меня стыду не учи! Прибереги стыд для себя.

Лида пожала плечами и как-то неопределенно улыбнулась. Газизу показалось, что улыбка адресована ему; будто хочет она этой улыбкой обезоружить его, сделать ручным.

— Знаю я вас, женщин,— сказал он запальчиво,— все вы коварные, хитрые. Твой ухажер трусливо сбежал, и ты теперь улыбаешься мне. Зря стараешься, твоя улыбка ничего для меня уже не стоит. Улыбка женщины — обман.

— Женщины, женщины!— с вызовом сказала Лида.— Все тебе нехороши. А сам ты откуда на свет появился — не женщина тебя родила?

— Как?— взвился Газиз,— ты, я вижу, хочешь своим языком задеть мою мать? Но моя мать не такая, как ты, как другие. Она — настоящая мать! А ты не женщина, ты — враг любви...

— Ладно, хватит,— попыталась его остановить Лида,— не хочу больше с тобой разговаривать.

— Конечно, не хочешь,— не унимался он,— теперь тебе есть с кем разговаривать, нашла собеседника. Зачем же со мной говорить?

Лида не стала слушать дальше, рванула калитку, хлопнула входной дверью. Газиз остался наедине с ночью. Он чувствовал себя усталым, опустошенным, разбитым.

В своей комнате Газиз лег на кровать, не раздеваясь и даже не сняв ботинки. Достал с полки первую попавшуюся книгу, попытался читать. Строчки плыли перед глазами серой рябью. В мыслях одно: выдуманное собрание, парк, очкарик — сплошной обман. Надо уснуть, иначе голова расколется от боли. Бросил книгу, выключил свет, закрыл глаза. Стало еще хуже — ярко, словно кадры на экране,

поплыли картины — ночь, парк, трамвай, очкарик... Из большой комнаты через щель между косяком и дверью тянулся узкий луч света. Он резал пол надвое, как сегодняшний день разрезал жизнь Газиза.

Нет, не уснуть. Газиз поднялся, достал разорванный дневник Лиды, взял карандаш. На чистые страницы легли торопливые неровные строчки.

«Четыре часа ночи. Алма-Ата. Я никогда не вел дневников. И этот дневник не мой, он принадлежит одной девушке. В нем говорится в основном обо мне, поэтому, думаю, что вправе продолжить его. Сегодня я поссорился с девушкой — хозяйкой дневника. Душа моя омрачена случившимся...

Мне хочется крикнуть, громко крикнуть: «Я гибну, я отравился!» Пусть об этом знают все: яд измены проник мне в душу. Обидней всего, что не я бросил, а меня бросили. Как ненужную, бесполезную игрушку. Не я ушел с другой, она — с другим. Это очень досадно. И я отомщу ей! Я тоже заставлю ее мучиться, страдать. Отныне я в числе ее врагов. Нет, я не скажу ей ни слова. Я видел ее парня, того, на которого она меня променяла. Я поступлю так же: девушка, которую я себе подберу, будет в десять раз красивей Лиды. Я не буду гнаться за добрым характером, интеллектуальностью, душевностью этой будущей девушки. Мне нужна только ее красота — броская, вызывающая, оскорбительная для других женщин красота. Пусть у той, что пренебрегла мной, горит в груди огонь досады и зависти, когда увидит мою подругу. Я это сделаю обязательно — назло, в отместку... Это утешит мою оскорбленную гордость...»

Закончив писать и снова спрятав дневник, Газиз ощутил — не успокоение, нет — а легкое, неясное еще удовлетворение. Что-то стало проясняться в его горячечном сознании. От того, что решение принято, мера наказания изменнице определена, мысли получили большую упорядоченность. Цель действий, линия поведения определилась. Все это, конечно, не могло изменить случившегося, но каким-то таинственным образом переключало его думы из вчера в завтра. А завтра всегда несло надежду.

Уснуть так и не удалось. Тьма за окном редела, все четче проступали на светлеющем небе черные силуэты деревьев. В домах напротив начали зажигаться огни. Газиз оделся и вышел на улицу. Проходя через общую комнату, заметил, что двери Лидиной спальни приоткрыты, и там горит свет. Невольно сдержал шаг, глянул в узкий просвет.

Лида не спала, она даже не переделась, на ней было то же вчерашнее светлое платье. Она сидела на постели, облокотившись о подушку и подперев рукой щеку. Вид у нее был задумчивый и грустный. «Здорово влюбилась,— зло подумал Газиз,— не дает тебе спать очкастый. Все о нем думаешь-мечтаешь».

Прохлада утра не остудила разгоряченную голову Газиза. Вопреки обыкновению, он не смог любоваться восходом солнца, радоваться наступлению нового дня. Он сейчас просто не замечал ничего этого. Ему необходимо было куда-то уйти, забиться в угол, где никто его не увидит, отлежаться, как отлеживаются раненые звери. «Пойду на речку,— решил он,— там сейчас тихо, пустынно. Лягу, уткнусь лицом в траву, буду слушать песню воды...»

Он шел быстро, чувствуя, как покидает его тело усталость, как рассеивается в голове туман, как тверже и ровней начинает стучать сердце. В ушах уже не звенели опостылевшие слова: парк, свидание, очкарик, обман... Но горечь утраты все же не уходила совсем. Теперь она долго еще будет его спутницей. Вот и сейчас она подсказала памяти его первое появление в доме Лиды, его мальчишеские восторги — «в этом доме живет моя красавица!», его клятвы... А сейчас он бежал и от дома, и от воспоминаний, и от... Неужели и от клятв тоже? Может быть, ведь любовь похоронена. Не им похоронена — Лидой. «В этом доме я отдал свое сердце, а им пренебрегли, ранили его,— подумал он,— ну, что ж, «мавр» больше не нужен, я ухожу».

Берега Малой Алматинки густо заросли тальником, чернобылем, осокой. Среди гигантских серых валунов, принесенных сюда когда-то бешеными селями с гор, теснились сухие кустики цикория, маленькие букетики синих незабудок, зеленые елочки хвоща. Газиз отыскал между камней укромное местечко, покрытое ковром нежной травы, разделся, лег и закрыл глаза. Лучи солнца еще не набрали силу, были теплыми и ласковыми, пропитанный ароматами воздух неподвижно синел, деловито гудели шмели. Шум воды убаюкивал, в разнозвучном хоре струй слышался давно позабытый мотив колыбельной песни. Словно само детство пришло сюда, чтобы утешить Газиза. «Свет мой,— напевала река,— не убивайся, отдохни, соберись с силами. Окунись в прохладу моих вод, смой горечь души. Много юношей и девушек приносили на мои берега свои печали и горести. Я утешала их, давала им силу. Дам утешение и тебе, пусть несчастья унесутся с бегом моих вод».

Начало припекать, на лбу и груди Газиза выступили бисеринки пота. Пора было искупаться. Газиз вошел в неглубокую, отгороженную от стремнины заводь, лег грудью на воду. Тело охватил обжигающий холод, речка-то — дочь ледника. На Малой Алматинке, как на всякой горной реке, особенно не расплаваешься — мелко, русло утыкано валунами, бешеное, сбивающее с ног течение. Но если лечь на воду, ухватиться покрепче за какой-нибудь скользкий камень, то набегающая стремительно струя будет держать тебя на весу, и будет казаться, то ты летишь навстречу шумному потоку.

Газиз так и сделал, и поток тотчас же навалился ему на плечи, стремясь оторвать от камня-якоря. Перед валуном вскипела пена, со звоном взлетали вверх искрящиеся брызги. Когда накатывала волна побольше, Газиз опускал голову, пропуская ее над собой. Потом подтягивался на руках, взбивая грудью белый бурун, или, расслабив все мышцы, кроме пальцев рук, лежал неподвижно, испытывая блаженство от упругих и ласковых прикосновений воды. Это была игра человека с рекой, легкая, дружеская игра.

Изрядно озябнув, Газиз наконец вылез из воды и лег на горячий плоский камень величиной с обеденный стол. Обсохнув и согревшись, он почувствовал, что порядком проголодался. Горная вода смыла с души боль и досаду. Он снова видел мир ярким и прекрасным, дышал полной грудью, он снова жил. И будущее рисовалось ему в радужных красках.

ЧТО ИЩЕШЬ, ТО НАЙДЕШЬ

По выработавшейся уже привычке Газиз зашел в маленькое кафе выпить стакан обжигающего ароматного кофе. Эта короткая пауза снижала напряжение трудового дня, помогала перестроиться для других дел и забот. А кофе, этот чудесный горьковатый вяжущий напиток, отгонял усталость, просветлял голову. Газиз уже допивал свой стакан, когда внимание его привлекли две посетительницы кафе, сидевшие за столиком у самой двери. Одна из них была ничем не примечательна — полненькая, круглолицая, рыжеватая. Зато другая... Большие, влажно поблескивающие глаза верблюжонка, длинные густые ресницы, прямой с легкой горбинкой нос, водопад ниспадающих волос — все в ней приковывало взгляд. А когда девушки подня-

мимо, отметив про себя номер дома — 82. На углу он остановился, обдумывая, что же предпринять дальше. В это время его окликнул веселый женский голос. Газиз обернулся, к нему подходила Лиза — жена Терехина.

Когда Терехин окончательно решил жениться и уже съехал с квартиры, Газиз встретил его однажды на улице. Тот шел, по-петушину гордо подняв голову, и вел под руку светлую невысокую молодую женщину с улыбочным лицом. Тогда они и познакомились. На свадьбе их Газиз не был, но потом еще раза три-четыре встречал их вместе. Лиза ему понравилась, она была простая, без претензий женщина, веселая, с ней легко было болтать о разных пустяках.

— Ты не к нам ли в гости идешь?— шутливо спросила Лиза.

— К вам, да вот не знаю в каком вы доме живете,— подхватил шутку Газиз,— чуть не заблудился.

— Вот наш дворец,— женщина указала на крохотный — в два окна — домик по соседству с тем, в котором скрылись девушки,— пошли.

— А где твой супруг, дома или на работе?

— Дома сидит,— засмеялась Лиза,— его в такую жару оттуда не выгонишь.

Терехин приходу Газиза очень обрадовался. Комната, куда ввела его Лиза, была небольшой, с низким потолком. На столе стояла стопка маленьких тарелок, приземистый самоварчик и початая бутылка вина. Терехин в расстегнутой до пула рубахе сидел на диване. Увидев Газиза, он вскочил и обнял его, как брата.

— Очень здорово, что ты к нам заглянул,— затараторил он,— мы гостям всегда рады. Садись, снимай пиджак.

— Хорошо у вас,— сказал Газиз, усаживаясь на стул,— самовар, патефон — семейный дом. Казахи говорят: каждым усам — свои щипчики, каждому бурдюку — своя мешалка; у вас тоже так — все друг другу соответствует.

— А ты когда своим домом обзаведешься?— спросила Лиза.— Не надоело еще в холостяках ходить?

— Прежде, чем самовар заводить, надо хорошую пару себе подыскать,— усмехнулся Газиз,— ты-то, наверное, догадалась, почему на этой улице я объявился.

— Как поживает Лида?— спросила молодая хозяйка. Газиз уловил скрытый подтекст ее вопроса: зачем, мол, тебе на стороне девушек искать, если...

— Лиду я уже довольно давно не видел,— как можно

равнодушной ответил он.— Да и не особенно меня ее жизнь интересует: что я ей, что она мне?

— Странно...— начал было Терехин, но жена не дала мужу договорить, торопливо перебила:

— Ты наливай, а я быстренько закусить соображу.

Терехин взялся за бутылку, по-хозяйски, не спеша наполнил рюмки темным вином. Лиза принесла из кухни тарелку пирожков.

— Вы своих соседей хорошо знаете?— беря рюмку, спросил Газиз.

— А кто тебя интересует?— насторожился Терехин.

— Черненькая девушка из того вон дома.— Газиз показал в окно на белевшую сквозь заросли сада стену.— Кто она такая?

— В том доме все брюнетки, блондинок нет,— хохотнул Терехин и спросил у жены:— Кого он, по-твоему, имеет в виду?

— Гулю, конечно, кого же еще? Дочку Жамал,— расплылась в улыбке Лиза.— Ее только слепой и не заметит.

— Ага,— согласился Терехин, прожевывая пирожок,— яркая девица, приметная. Да только мать у нее ой-ей-ей...

— Как это ой-ей-ей?— не понял Газиз.

— Волчица!— насупившись, ответил Терехин.— Настоящая волчица — торговка, купчиха, обдирательница, хапуга, барыга.

— Ого!—засмеялся Газиз!—Как ты ее! Ворует, что ли?

— Грабит просто. Такие вещи иногда у нее появляются, что и большому начальству не по зубам. Тертая баба.

— Если на дочери женишься,— вставила слово Лиза,— как сыр в масле кататься будешь. И на базар ходить не придется.

— У богатых людей всегда много родственников находится,— сказал Газиз, допивая свою рюмку,— и у них небось народу — не протолкнешься...

— Какая там у них родня — не скажу, не знаю.— Терехин снова наполнил рюмки,— отец этой Гули вроде где-то в другом городе живет, а гости у них не часто бывают.

— Красивая она,— задумчиво сказал Газиз,— и имя красивое.

— Дочь спекулянтки,— фыркнул Терехин,— на красоту позаришься — позора не оберешься.

— Не все же дочери по материнской дороге идут,— возразила Лиза мужу.

— Яблоко от яблоньки недалеко падает. А насчет кра-

соты — верно. Я красивой ее в Алма-Ате девушки не встречал.

— Уж ты не влюбился ли в нее?— засмеялась Лиза,— признавайся!

— Она работает или учится?— допытывался Газиз.

— Собирается в институт поступать. Не знаю в какой. Мать ей репетитора ищет. По казахскому языку. Сама мне об этом говорила.

— По казахскому языку?

— Ну да, она русскую школу окончила, горожанка, так что с языком у нее не очень. Понял?

— Еще как понял!— радуясь неожиданно открывшейся возможности, воскликнул Газиз.— Я же самый лучший в городе репетитор по казахскому. Я — и больше никто!

— Вот как?— удивился Терехин.— Когда это ты из следователей в учителя переквалифицировался?

— Я всегда в душе был педагогом,— засмеялся Газиз,— и буду им на самом деле, если это поможет мне познакомиться поближе с вашей красавицей-соседкой.

— Вот в чем дело!— сообразил наконец Терехин.— Хитер ты, брат, однако.

— Ты им скажи, что у тебя есть знакомый преподаватель, который согласен готовить Гулю к поступлению в институт. Такой услуги я век не забуду.

— Сказать не трудно,— Терехин поскреб подбородок,— а ты возьмишь, да и подведешь меня. Скажут потом: обманщик Терехин, сводник...

— Не подведу!— стукнул себя в грудь Газиз.— Разве я не понимаю? Скажешь?

— Скажем, что ли, Лиза?— спросил Терехин жену,— Поможем парню?

— Если уж ему так загорелось...

— Добро,— кивнул головой Терехин,— вечером зайду туда по-соседски.

— Ты сейчас сходи,— стал убеждать его Газиз,— скажешь: нашел репетитора, вечером, мол, обещал прийти... А я вечером и явлюсь.

— Ох-ох!— притворно тяжело вздохнул Терехин.— Не терпится парню в петлю голову засунуть.

Он застегнул рубашку и вышел. Газиз завел патефон, заезженная пластинка отчаянно хрипела. От выпитого у него слегка шумело в голове. На душе было одновременно и легко и тревожно.

— Ты хорошо танцуешь?— спросила Лиза, она убрала со стола и смела скатерть полотенцем.

— В русских плясках опыта у меня нет,— пошутил Газиз,— ну, а когда европейские танцы, то девушки от меня не отстают, всегда просят: еще давай, еще.

— Попробуй со мной станцевать танго,— Лиза подбранилась,— может, я тоже еще просить буду.

— Я давно уже не танцевал, разучился, наверное.

— Ничего, если умел — быстро вспомнишь. Ставь пластинку с начала.

Это было медленное танго, и они танцевали его на маленьком пятачке между диваном и отодвинутыми к стене столом и стульями. Лиза двигалась легко, непринужденно, сразу было видно, что танцевать для ее настоящее удовольствие. Когда пластинка кончилась, Газиз движением галантного кавалера усадил партнершу на диван.

— Ну, как?— спросил с легким вызовом.— Получается у меня?

— Отлично получается. Зря скромничал, водишь ты хорошо. С тобой и неумеха с ритма не собьется. Поставь-ка фокстрот.

Посреди очередного танца вернулся Терехин.

— Ну что, получилось?— сразу же спросил его Газиз,— Как договорились?

— Все сделано. Сказал, что учитель придет в семь вечера. Только, Газиз, прошу тебя: воду не мути, не позорь меня.

— Никогда в жизни! Значит, в семь? Тогда я побежал, надо же подготовиться к занятиям.

Терехин пошел проводить гостя до калитки и по дороге спросил:

— Что у вас случилось с Лидой, Газиз? Почему...

— Не спрашивай, потом как-нибудь расскажу.

Шангерей ни в какую не хотел идти с «учителем» на его первое свидание, и Газизу чуть ли не силком пришлось вытащить его из дома. Один идти в незнакомую семью Газиз не решался. «Поддержи друга,— умолял он Шангерей,— помоги в трудную минуту жизни». Наконец Шангерей согласился, но когда подошли к дому Гули, входить первым наотрез отказался. Они немного поспорили шепотом у калитки, потом Газиз постучал в дверь. Открыла миловидная полная женщина средних лет — тетушка Жамал.

— Я учитель...— немного растерявшись, пробормотал Газиз,— репетитор. Мы с товарищем...

— Заходите, заходите, пожалуйста!— женщина распахнула дверь,— Гуля, где ты? Учитель пришел.

Из соседней комнаты вышла девушка. Она была в легком домашнем, но тоже шелковом платье. Смущенно поздоровалась, в ее широко раскрытых глазах питалось вопрошительное удивление. Газиз уже справился с волнением и заговорил довольно бойко. Шангерей молча дивился его нахальству.

— Я преподаю в десятилетке,— сказал Газиз, обращаясь к матери и дочке одновременно,— учу детей нашему родному языку. Ваш сосед сказал мне о ваших затруднениях. Время свободное у меня сейчас есть — могу оказать помощь...

Через пару минут разговор оживился, стал общим. Помалкивал только Шангерей. Газиз умело выпрашивал женщин об их жизни, родственниках, планах, вдохновенно врал о себе и Шангерее, улыбался, шутил, балагурил. Он изо всех сил старался понравиться своим новым знакомым и довольно быстро преуспел в этом. Мать заговорила было об оплате уроков, но Газиз сказал, что деньги его не волнуют, и довольная женщина ушла во двор ставить самовар.

Шангерей полагал, что сегодняшний вечер будет посвящен только знакомству и никаких занятий Газиз устраивать не станет. Однако он ошибся, приятеля занесло, он сейчас готов был учить Гулю хоть ненавистной ему самому алгебре, лишь бы подольше побыть рядом с девушкой.

— Давайте займемся падежами,— сказал он Гуле профессорским голосом,— проштудируем окончания.

И в первых же примерах безнадежно запутался в этих окончаниях сам. Вид у него был не совсем уверенный, однако Гуля, подавленная авторитетом и эрудицией «учителя», казалось, совсем не замечает его промахов. Шангерей, который поначалу собирался быстро уйти, теперь решил остаться, чтобы досмотреть всю комедию до конца. Когда Газиз стал путаться в правилах, знакомых каждому семикласснику, он еле удержался от смеха, даже зажал рот рукой. Газиз заметил это и пнул приятеля под столом ногой. А чтобы разрядить обстановку, быстро рассказал анекдот:

— Один наш знакомый ухаживал за русской девушкой. Однажды, желая открыть ей свои чувства, он сказал по-казахски: «Мен сени жакси коремин». Перепутал бедняга с испугу.

Гуля прыснула, склонившись над столом. Газиз вежливо хихикал. Зато Шангерей хохотал во весь голос, и не над беднягой из анекдота, сказавшего «я тебя хорошо

вижу» вместо «я тебя люблю», а над веселой наглостью товарища, взявшегося за дело, в котором мало что смыслил.

Жамал внесла самовар, на этом первый урок закончился. Очутившись на улице, Шангерей дал волю своему смеху.

— Лжедмитрий был хоть хорошим дипломатом, а ты совсем никудышный лжеучитель. Ты же в грамматике ни в зуб ногой, достопочтимый мугалим Газиз.

— Э, какая важность,— отшучивался Газиз,— я и в школе-то эти падежи не знал как следует, а сейчас вовсе забыл. Память все перепутала — и падежи и суффиксы, только любовь не забывает. Меня нисколько не тревожит, будет ученица знать хорошо язык или нет, главного я достиг — познакомился.

— Что же будет дальше?— полюбопытствовал Шангерей.

— Дальше? Не знаю. Как по-твоему, она красивая девушка?

— Красива, слов нет. Но до Лиды ей далеко,— не удержался и подсыпал соли Шангерей,— очень далеко.

— Но она все-таки красива?

— Красива.

— А учитель? Достоин он такой ученицы?

— О! Учитель наш известный красавец-джигит! Равных ему нет во всей Вселенной.

Приятели по-мальчишески захохотали, будя притаившуюся по садам ночную тишину.

РАСПЛАТА ЗА ГОРДОСТЬ

Несколько дней Газиз терпеливо вел уроки, стараясь избежать сложных тем и неожиданных вопросов ученицы, чтобы не попасть впросак, как в первый раз. После занятий Гуля его немножко провожала, и они вели разговоры на разные темы, весьма далекие от грамматики. Гуля все больше начинала нравиться Газизу. Она была — или хотела казаться ему — довольно скромной, сдержанной девушкой, не слишком, может быть, развитой, но очень учливой по отношению к «учителю».

Решив, что уже достаточно заинтересовал девушку, и что дальнейшая игра в репетиторство может неожиданно окончиться каким-нибудь конфузом, Газиз признался Гуле во всем. То есть во всем том, что считал нужным ей открыть. Он рассказал, как встретил ее на улице зимой, как

увидел в кафе, как искал и нашел путь для знакомства. Гуля слушала его, удивленно приоткрыв ротик,— это было так красиво, так романтично... И она не сказала лжеучителю ни одного резкого слова. Но не сказала и ни одного слова поощрения. В этот вечер они гуляли дольше обычного, Гуля была явно взволнована, много смеялась, идти домой ей почему-то совсем не хотелось.

Итак, Газиз достиг цели — самая красивая девушка Алма-Аты благоволит ему, ходит с ним на прогулки, в кино. Мать ее тоже хорошо к нему относится. Теперь можно приступать к исполнению задуманного — показаться вместе с Гулей Лиде. Газиз уже предвкушал свое торжество, видел лицо Лиды, на котором стынет обида и горькое изумление. Месть свершилась, Лида наказана, честь Газиза восстановлена. Однако триумф пришлось отложить — Лида, оказывается, уехала из города. Уехала отдыхать в какой-то санаторий. Когда Газиз узнал об этом из телефонного звонка Ольги, ему стало даже обидно: уехала, а он-то... Может быть, вместе с очкариком уехала?

Газиз уже давно не был у Сергеевых, хотя с квартиры не съехал и все вещи его оставались там. Ночевал где придется: то в общежитии у ребят, то оставался у матери, а однажды переночевал даже на кухне у Терехина. Ему и хотелось зайти к Сергеевым, узнать что и как, и боязно было — вдруг снова заново утихнувшая в сердце боль. Он считал, и не без оснований, что об их ссоре с Лидой знают и Ольга и Анна Сергеевна. Поэтому когда Ольга позвонила ему на работу и спросила, «где это он потерялся и почему не приходит», Газиз сослался на загруженность работой, хлопотами с матерью и другие дела. Однако пообещал «как-нибудь забежать». Когда Лида вернется, он конечно же зайдет, решил Газиз, вместе с Гулей.

Неожиданным образом устроились дела с квартирой. Хлопоты не пропали даром — следователю прокуратуры Газизу Газизову выдали ордер на двухкомнатную квартиру почти в самом центре города. Удаче этой он был необычайно рад. Но еще больше радовалась его престарелая мать — наконец-то у нее снова есть свой дом, своя крыша над головой.

— Сын мой снова поднял отцовский дом,— говорила она старухам-соседкам,— может быть, скоро и внуков дождусь.

Газиз купил в комиссионке кое-какую необходимую мебель. Мать развязала кошмяной тючок, который привез-

ла с собой; в нем было два небольших коврика и два шелковых ватных одеяла.

— Это, свет мой, я хранила для тебя,— сказала мать,— один ковер на стенку прибей, другой на пол положим. И будет у нас дом не хуже, чем у других. Ты когда свои вещи с квартиры заберешь?

Поблагодарив судьбу, что ему не придется сейчас встретиться с Лидой, Газиз съездил на улицу Льва Толстого, забрал свое барахло и книги. На вопросы Анны Сергеевны отвечал коротко и неясно — сделал вид, что очень торопится. Сказал только, что получил квартиру, что вот устроится и пригласит их в гости. Ольги дома не было.

Гуля все больше и больше нравилась Газизу. Она никогда с ним не спорила, признавая его авторитет, была мягкой, ласковой с его матерью, проявляла о ней постоянную заботу. И из сердца Газиза незаметно начал исчезать коварный замысел использовать Гулю как орудие мести. В душе его рождалась нежность к этой милой безыскусной девушке, красота ее казалась ему даром неба, который просто грех упускать из рук. «Вот возьму и женюсь на ней,— частенько думал он теперь,— а почему бы и нет? Много ли на земле жен-красавиц? Вон друзья как завидуют. И матери она по душе пришлась, только о ней да о внуках говорит».

В один из вечеров, провожая Гулю домой, Газиз сказал ей о своих намерениях. Девушка приняла его предложение спокойно, как должное, словно и не сомневалась вовсе, что рано или поздно оно последует. Она не высказала ни особого восторга, ни свойственного женщинам кокетства. Сказала только:

— Я не могу ответить тебе сейчас, мне нужно поговорить с мамой. Как решит она...

Не плохо разбирающаяся в людях и уже хорошо присмотревшаяся к Газизу, тетушка Шамал согласилась на их брак. Однако поставила твердые условия, показавшиеся Газизу просто капризом. Но поскольку условия были легко выполнимы, он, посмеиваясь про себя, не раздумывая, их принял. От него требовалось, чтобы свадьба справлялась в доме невесты, чтобы они в этом доме некоторое время пожили, чтобы Газиз признавал мать жены наравне с собственной... Одно не понравилось Газизу: переезд молодой четы в дом Газиза должен был совершиться лишь с согласия отсутствующего отца невесты. Отец этот жил в Кзыл-Орде, и, как понял Газиз из рассказов, был человеком роб-

ким и нерешительным. Разъехались они с женой из-за какой-то пустячной ссоры. По-видимому, отец Гули просто бежал от «радостей» семейной жизни.

* * *

Свадьба была многолюдной, шумной и веселой. Дом был битком набит гостями. В основном это была молодежь — друзья Газиза и школьные подружки Гули. Пригласили и «сватов» — Терехиных. В веселой суматохе смешалось все — разноязыкий говор, казахские и русские песни и танцы, гармошка и домбра. Ни хозяйке дома, ни избранному тамаде не удавалось придать празднику хоть какую-нибудь видимость порядка. Веселье перехлестывало все обычаи и запреты. Плясуны показывали свое отчаянное мастерство, безусые акыны импровизировали шуточные стихи, домбристы состязались в виртуозной игре. Шуткам и смеху не было конца. И без конца же раздавался многоголосый крик: «Горько!» Молодые смущенно поднимались, и Гуля подставляла для поцелуя свои припухлые яркие губы. Раскрасневшаяся, счастливая, в изумительном белом платье и кружевной фате она была сейчас красива как никогда. Сердце Газиза прыгало от радости. «Разве есть на земле сейчас человек счастливее меня? — гордо думал он. — Жена моя словно белая лебедь спустилась на землю из облаков. Я, должно быть, очень везучий». Радовалось и сердце его старой матери. Она тихо сидела в уголке, вытирала глаза скомканным платком и шептала: «Жеребятки мои, верблюжатки мои...»

С рюмкой в руке поднялся Шангерей. Тамада, стуча по тарелке вилкой, установил за столом относительную тишину.

— Друзья! — сказал Шангерей, — Я очень рад за моего друга Газиза и за его прекрасную жену. Поздравляю их от всей души! Сейчас мне вспомнился один случай. Почти год назад я с друзьями сидел в ресторане и ожидал Газиза, который сказал, что зайдет в магазин за папиросами. Ждал я его довольно долго, а когда он пришел, то предложил тост за молодость и прекрасную незнакомку. Мы не знали, за какую девушку пьем, но все равно осушили бокалы. Как потом выяснилось, мы поднимали бокалы за виновницу сегодняшнего торжества — таинственной незнакомкой была Гуля.

Сегодня мы тоже сидим за столом и тоже пьем за ее счастье. За ее и Газиза общее счастье. Так давайте же по-

желаем молодым исполнения всех их надежд и планов, вечной любви и радости. За Гулю! За Газиза! Горько!

Веселье не угасало до рассвета. И лишь когда с гор спустился новый день, гости стали расходиться. Для молодых начиналась семейная жизнь.

КТО В ОТВЕТЕ

Как, однако, круто меняется жизнь человека с женитьбой. Сколько новых забот появляется, сколько запретов накладывается на былую вольность холостяка! Если раньше, окончив работу, Газиз становился сам себе хозяином и мог провести свободное время как заблагорассудится, то теперь он сразу же торопился домой. Там ждала его молодая красивая жена, которой очень не нравилось, если Газиз — ее Газиз — где-то задерживался.

По совету матери Гуля отложила поступление в институт. Работать она тоже не устраивалась — сидела дома. А если человек не занят делом, время для него тянется медленно и скучно. Гуля отрешенно бродила по дому, часами простаивала перед трюмо, примеряя многочисленные свои наряды и любуясь собой, разбирая шкатулки с дорогими духами и кремами, которые очень любила. Одним словом, маялась бездельем. Когда стрелка часов начинала приближаться к пяти, Гуля начинала считать минуты, то и дело выглядывая в окно — не идет ли Газиз. Газиз знал, что ожидание мужа она превратила в настоящий ритуал, и старался не опаздывать, не огорчать жену.

С приходом мужа молодая оживала. Она встречала Газиза на дороге, бросалась ему на шею, целовала. Ему это очень нравилось. Пообедав и чуть-чуть отдохнув, они заводили патефон и принимались танцевать. В танце Гуля была легка, как облачко. Потом они отправлялись в кинотеатр посмотреть новый фильм, в парк или просто побродить по улицам. Газиз старался приучить себя к этой новой жизни, по-настоящему войти в роль мужа и главы семьи. «Ты должен быть постоянно возле своей супруги, — внушал он себе, — ведь она избрана тобой. Ты не должен ходить в гости, в кино, в театр — никуда без нее. Пошел один — нарушил семейный закон. Обратил внимание на другую женщину — нарушил клятву верности. Твой долг — создать необходимые условия для жизни семьи, стать настоящим семьянином. Поэтому дружеские пирушки, безалаберность, безразличие к делам дома — все это для холостя-

ков. Ты же серьезный семейный мужчина, помни об этом всегда».

Первые дни их дом посещало много друзей. Приходили знакомые с поздравлениями и подарками. Потом поток гостей стал иссякать и вскоре совсем прекратился. Но молодые не скучали, они были слишком заняты друг другом. Гуля иногда утром шутливо не пускала Газиза на работу, удерживала или просила взять с собой и ее. Муж отшучивался и уходил, чтобы вечером снова торопиться к своей красавице.

Из Кзыл-Орды вернулся отец Гули. Но приезд его, которого Газиз ожидал с интересом, ничего в доме, в их жизни не изменил. Глава семьи, как и представлял себе Газиз, оказался человеком тихим, неразговорчивым, пассивным. Он во всем слушался жениных приказов не противоречил этой диктаторше даже в мелочах. С ним никто не считался, и он почти не заглядывал на половину молодых.

В кинозале или фойе театра Газиз нередко замечал, с каким восхищением смотрят на его жену мужчины. Ею восхищались, ему завидовали. Это тешило гордость Газиза, но и вызывало тревогу. Правда, Гуля ни разу не уронила чести мужа, не дала ни малейшего повода для упреков. Конечно, как всякая красивая женщина, она не прочь была пококетничать, но лишь самым невинным образом.

Гуля любила наряжаться. Но настоящей страстью молодой модницы была красивая обувь. Она не выходила из дома иначе, как в изящных лодочках на высоком каблуке. Возвращаясь из театра, она обычно шла опираясь на плечо мужа — на каблуках много не находишься. Дома Гуля в изнеможении падала на кровать и протягивала мужу стройную ножку. Газиз становился на колени, осторожно снимал с нее туфли и целовал округлые, укрытые шелковыми чулками колени жены. Гуля радостно смеялась, обнимала его за голову... Она была счастлива.

О матери Газиз не забывал, часто навещал ее, приносил деньги, продукты, небольшие подарки. Старая женщина была очень довольна тем, как складывается жизнь ее младшего сына, но постоянно напоминала, что у него есть дом и пора бы уже перевезти сюда жену. Не дело мужчины жить в примаках. Газиз и сам подумывал поскорее уж вырваться из-под опеки тещи и стать самостоятельным человеком, хозяином, а не приживалой в доме. Один не приметный на первый взгляд случай сыграл в этом деле решающую роль.

Как-то, зайдя к матери, Газиз застал у нее множество гостей. Здесь были родственники Шангеря, у которых она раньше жила, и — это особенно удивило Газиза — некоторые из его приятелей. Мать готовила угощение, она была оживлена и очень довольна тем, что к ней нагрянуло сразу так много народу. Газиз, принесший матери деньги, был несколько смущен присутствием гостей: выходило, что он вроде и не хозяин в своей квартире, а тоже гость, который посидит немного, выпьет пиалу чая и уйдет. Странно было и поведение приятелей: к нему они давно уже не заглядывали, а к матери его, смотри, пришли... Неожиданным ударом для него явилось и то, что приятели — все как один — отказались, когда он пригласил их идти к нему прямо сейчас. Правда, отказались под разными благовидными предложениями, но отказались. «Бойкот они мне решили объявить что ли?— обиженно думал Газиз.— Они, видно, ни в грош меня не ставят. Как же — живу в зятях. Надо срочно переезжать: нельзя печалить друга и радовать врага. В ближайшие же дни перееду, хватит матери одной мыкаться».

Гуля не встретила его, как обычно, поцелуем у порога. Она лежала на кровати, и лицо у нее было чужое и безучастное. Газиз встревожился.

— Ты не заболела ли?— спросил он участливо жену.— Что с тобой случилось?

— Со мной ничего. Ужин на кухне, иди поешь.

Но Газизу было не до еды. Поведение жены сбilo его с толку. Она не ругает его за опоздание, не плачет. Говорит спокойно, равнодушно даже. В доме стояла тишина, видно, родители куда-то ушли. Газиз сел на кровать, погладил жену по волосам. Сказал как можно ласковой:

— Не сердись, милая. Я заходил к матери. Пойми меня, она ведь единственный родной мне человек на земле. Она так радовалась нашей женитьбе, а теперь тоскует в одиночестве. Она была бы счастлива жить вместе с нами — с тобой, со мной... с внуками. Мы должны переехать, я не могу дольше оставлять мать одну. Твои родители сейчас вместе, им легче будет перенести разлуку с тобой. Да и какая это разлука — не уезжаем же мы из Алма-Аты!

— Ты, наверное, прав,— сказала Гуля,— но без согласия родителей, маминого особенно, я уйти из дома не могу. Ты же обещал, что только с их разрешения...

— Хорошо, я поговорю с тетей Шамал.

— Нет, нет! — забеспокоилась почему-то Гуля. — Я сама... Сама поговорю с мамой.

На следующий день, когда Газиз возвратился с работы, Гуля сказала.

— Мама против нашего переезда, говорит, чтобы мы жили здесь. И отец тоже...

— Так, — сдерживая рвущееся наружу раздражение, сказал Газиз, — значит, мама против... Я в этом и не сомневался. Ну, а ты сама? Или ты не свободна решать? И разве не обязана жена всюду следовать за мужем? Собирайся, пойдем в наш дом.

— Но я не могу огорчить маму...

— А я, значит, свою могу обижать? Она уже много лет живет одна. Твои родители вдвоем, а она одна. Мы ведь и договаривались так: сперва здесь поживем, потом переедем. А теперь?

— Но мама...

— Мама, мама! — вспыхнул Газиз. — Ты что, век возле мамы жить собираешься?

— Почему бы и нет, если можно? Разве нам плохо? Чего-нибудь не хватает?

— Всего хватает, — зло отрезал Газиз, — даже с излишком. Свободы только нет, самостоятельности. Не могу же я всю жизнь на поводке у твоей мамы ходить. Так что решай.

Резкий тон мужа, его упорство озадачили и встревожили Гулю. Она не нашла что ему возразить и, готовая расплакаться, выскочила на кухню. Газиз понимал, что ей не хочется покидать родной дом, прожив всю жизнь под крылышком матери, она боялась самостоятельности. За мужество не внесло в ее жизнь особых изменений, сделало ее интересней, но не сложной. Она не хотела трудностей, инстинктивно сторонилась жизни и готова была пожертвовать многим, чтобы только не менять сложившегося порядка вещей.

За короткую семейную жизнь они еще не успели обрести собственными вещами, да и не было в этом нужды. Всего-то и успел купить Газиз на свою небогатую зарплату патефон да новые туфли жене. Лично ему, кроме одежды, ничего не принадлежало. Он побросал в чемодан рубашки и галстуки, снял с этажерки несколько книг, купленных на днях. Из кухни вышла Гуля, лицо ее было в слезах, но не горечь, а скорей капризное упрямство читалось в его нежных чертах.

— Я готов,— не глядя на жену, сказал Газиз,— Помочь тебе собраться?

— Я никуда не уйду отсюда,— Гуля сглотнула слезы,— я хочу, чтобы мы остались здесь.

— Тогда оставайся,— Газиз рывком поднял чемодан,— я уйду один. Патефон — мой подарок тетушке Жамал. Прощай!

Он почти бегом выскочил из дома и, не оглядываясь, быстро пошел прочь. «Газиз! Газиз, вернись! Газиз!» — услышал он за спиной слезливый крик Гули, но не обернулся, только прибавил шагу. «Кончилась моя семейная жизнь,— горько думал он,— из-за пустяка, из-за мелочи... Как я был глуп! Если она не в силах послушаться матери, если решается порвать со мной по такому ничтожному поводу, разве можно положиться на нее в серьезном деле? Сможет ли это изнеженное, ничего не умеющее делать существо стать мне помощником, другом, настоящей матерью нашим детям?»

Всю ночь он ворочался с боку на бок, остро переживая свое поражение. Он ненавидел сейчас и Гулю, и ее мать. Но еще больше — самого себя за душевную мягкотелость, за мальчишескую недальновидность, за беспочвенные наивные мечтания. Он не жалел, что поступил так круто — как кунан вырвал узду из рук тетушки Жамал. Хватит! О последствиях думать не хотелось. Уснул Газиз лишь под утро. Во сне ему привиделась Лида; лицо у нее было грустным и строгим. Разбудила его мать:

— Вставай, сынок,— в голосе матери была тревога,— тут какой-то человек тебя спрашивает.

Еще не проснувшись как следует, Газиз отбросил одеяло и сел.

— Кто спрашивает?— сказал он, зевая.— Зачем?

У двери стоял незнакомый ему русский мужчина в рабочей куртке. В руках он держал толстую бухгалтерскую книгу.

— Вы — Газиз Газизов?— спросил мужчина басом.— Я посыльный из военкомата.

— Из военкомата?— не сразу понял Газиз.— Посыльный? Я же комиссию уже проходил.

— Вам повестка,— мужчина протянул ему небольшой бумажный квадратик,— распишитесь в получении.

Газиз расписался в бухгалтерской книге, человек попрощался и вышел.

— Что это на бумагу тебе принесли, сынок?— спросила мать.— Иди завтракать, я уже самовар согрела.

Газиз пробежал глазами повестку. «Вы призываетесь... надлежит явиться 25 ноября... при себе иметь две пары нижнего белья, ложку, кружку... Острижен наголо...» Вот оно в чем дело: его забирают в армию, служить. А ведь, планируя свою жизнь, он совсем упустил из виду такую возможность. Вот ему и напомнили. В военкомате словно знали, что он вернулся на квартиру, где прописан. Надо же!

Странно, но этот неожиданный поворот судьбы, вовсе не огорчил и не обескуражил Газиза. Даже, пожалуй, обрадовал. Маленький квадратик бумаги со словами «Вы призываетесь...» разом снимал многие его проблемы. Теперь не надо было ломать голову над папками с уголовными делами, решать вопрос с возвращением в институт. А главное, не придется участвовать в разборе их с Гулей конфликта. Ни с чем теперь не надо соглашаться и ни от чего отказываться. Военкомат распорядился за него. Только вот мама... Опять она одна останется. Эх, Гуля, Гуля!

— Так что тебе пишут, сынок?— снова спросила мать.

— В армию меня призывают, апа,— как можно веселей сказал Газиз,— аскером скоро буду, красноармейцем.

— В армию?!— старая женщина уронила руки.— Не дает нам бог пожить вместе, сынок...

— Ты не печалься, мама, это же не навсегда. Отслужу свое и вернусь. Служить — долг каждого джигита.

Собираясь в прокуратуру за расчетом. Газиз произвольно ткнул время: медленно одевался, неспешно завтракал. И все поглядывал на дверь, ждал: вот сейчас дверь откроется и с чемоданом в руке и растерянной улыбкой на лице войдет Гуля. Но дверь не открывалась. На работе Газиз быстро сдал дела, попрощался с товарищами, сбегал кое-что выяснить в военкомат, потом пошел к Шангерю. Домой вернулся лишь под вечер; в ответ на его вопросительный взгляд мать лишь молча покачала головой: нет, не приходила. «Ну, тогда и я к ней не пойду,— зло подумал Газиз,— пусть узнает о моем отъезде у других. Она там небось сидит со своей мамашей и ждет, что я прибегу вымаливать прощение, проситься назад... Не выйдет!»

Прощание с матерью было недолгим, но щемящим до слез. Газизу было очень тяжело снова оставлять ее в одиночестве. Но старая женщина, перенесшая уже столько ударов судьбы, держалась мужественно. Всю ночь она тихо проплакала, но в эти последние минуты глаза у нее были сухими, а голос ласково сдержанным.

— Свет очей моих,— сказала она, обнимая сына,—

пусть легкой будет твоя служба. Иди всегда в ногу с лучшими, не ищи окольных путей. Живи и поступай так, чтобы тебя уважали товарищи и начальники. Обо мне не беспокойся, я подожду твоего возвращения, матери умеют ждать. Счастливого пути, сынок, да хранит тебя аллах!

На вокзал Газиз приехал вместе с Шангереем. Верный товарищ тоже был опечален разлукой, но вида не показывал — шутил, смеялся, рассказывал забавные истории. На перроне в ожидании поезда кучками толпились новобранцы с тощими вещмешками. Их окружали друзья, родители, родственники. В воздухе висел шум человеческих голосов, гудки маневровых паровозов; кругом царила та возбужденная, торопливая суета, что присуща всем вокзалам мира.

Газиз отметил у командира группы призывников, и они с Шангереем стали прогуливаться вдоль путей, болтая о пустяках, то и дело поглядывая на круглые станционные часы. Неожиданно Шангерей резко остановился и схватил Газиза за руку.

— Помнишь,— спросил он его с хитрецей,— вчера ты говорил о Лиде? Так вот, есть примета: о ком думаешь, того увидишь. Гляди вон туда, это же Лида стоит.

Газиз глянул вдоль перрона и увидел у самого его края стройную фигурку Лиды. Девушка беспокойно оглядывалась, будто искала взглядом кого-то в шумной толпе. Сердце Газиза болезненно сжалось.

— Подержи,— Газиз сунул Шангереему заплечный мешок,— я должен с ней поговорить. Может быть, последний раз.

— Конечно,— сказал Шангерей,— она кого-то встречает. Или пришла проводить...

— Лида!— крикнул на полпути к девушке Газиз; он боялся, что она смешается с толпой, и он ее потеряет,— Лида!

Лида обернулась, узнала Газиза, лицо ее осветилось приветливой улыбкой. Они давно не виделись, и в Лиде за это время явно произошла какая-то перемена, она стала спокойней, тверже что ли. А, может быть, просто повзрослела.

— Здравствуй!— протянула она руку.— Ты как здесь очутился?

— А ты?— вопросом на вопрос ответил Газиз.— Провожаешь или встречаешь?

— Ольгу встречаю из командировки. Целый месяц ее не было.

— А я уезжаю,— смущенно опустил глаза Газиз,— уезжаю надолго.

— Куда?

— Не знаю точно,— куда повезут. В армию меня призвали. Теперь я рядовой Газизов.

— Поздравляю, товарищ красноармеец!— шутливо потрясла ему руку Лида, и тут же серьезно спросила:— Почему я не вижу твою маму? Она не заболела?

В вопросах Лиды слышалось искреннее беспокойство. Газиза это растрогало до глубины души.

— Ах, Лида!—воскликнул он дрожащим голосом.— Ты спрашиваешь о моей старой матери... Не кто-то другой, а именно ты... Лида, Лида!

Он отвернулся, стараясь спрятать от девушки покрасневшие вдруг глаза. Справился с собой и уже спокойно продолжал:

— Матери моей не привыкать к одиночеству. Даст бог, проживет год-другой и одна.

— Почему же одна?— удивилась Лида,— Ведь у тебя...

Она не договорила, но Газиз понял, что она все про него знает.

— Не спрашивай,— сказал он глухо,— если вернусь, расскажу сам. Все тебе расскажу. Потом, сейчас нет сил.

Лида сочувственно коснулась рукой его плеча, она все поняла, она видела душу Газиза, его боль была ей понятна. Где-то недалеко раздался крик паровоза, к станции приближался поезд. Что-то невнятное прохрипела черная труба репродуктора на столбе. Толпа на перроне заколыхалась, громче загудела голосами. Газиз схватил Лиду за руку и сбивчиво, торопливо, боясь, что не успеет сказать главного, заговорил.

— Лида, душа моя! Мы были так близки с тобой... Сердце мое безраздельно принадлежало тебе. Одной тебе. Всегда. Ты была моей самой большой радостью, моим счастьем... Наверное, я сам виноват, что потерял тебя. Я желаю тебе самого светлого счастья в жизни — ты достойна его. Не проклинай меня, я сам себя проклиная. Давай оставим в покое прошлое и протянем друг другу руку дружбы...

Газиз поднял глаза, по спокойному и светлому лицу Лиды текли слезы. И тихие эти слезы, сорвавшись с девичьих ресниц, камнями упали в его душу. Он вдруг почти физически ощутил боль в сердце — боль своего прозрения. В короткие эти мгновения он увидел и понял Лиду так глубоко, как не видел и не понимал никогда

раньше. И еще он понял, что потеря его невозместима, что всю жизнь память будет возвращать его к этим слезам, к этому ясному лицу, к этим светлым, чистым и строгим глазам.

Гремя железом и пофыркивая пэром, на первый путь вкатился состав. Раздались крики команд, призывники устремились к вагонам. Маленький оркестр грянул марш, сотни рук поднялись в прощальном взмахе, приземистое здание вокзала тронулось с места и поплыло назад. Поезд увозил Газиза в новые края, к новой неизвестной еще жизни. А на краешке перрона стояла тоненькая русоволосая девушка и долго махала вслед вагонам, уплывающим в голубую дымку вечера.

9 марта 1942 года.

Часть вторая

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Новобранцев из Алма-Аты разместили в одной из казарм военного городка. Здесь базировались мотострелки, танковая часть, связисты и только что сформированный инженерно-саперный батальон. В этот-то батальон и зачислили новичков. Утром вновь прибывших поднял зычный крик дневального:

— Подъем!

Казарма разом пришла в движение, сонные новобранцы вскакивали, хватали одежду, одевались, неумело обкручивали ноги длинными лентами обмоток. Торопился одеться и Газиз. Зато сосед его по койке, здоровенный парень по фамилии Омаров, даже и не подумал вылезать из-под одеяла.

— Что это за «подъем»?— спросил он у Газиза, протирая глаза.

— Это значит, что надо вставать,— прыгая на одной ноге, а другой пытаюсь попасть в штанину, ответил Газиз,— это и тебя касается. Подымайся.

— Успеется,— зевнул Омаров,— куда торопиться?

Он сильно картавил, перекатывая во рту букву «р». С Омаровым и другим парнем по имени Кожак Газиз познакомился еще в дороге.

— Какой-то ты сегодня очень тихий,— смеясь сказал Омарову подошедший Кожак,— не заболел ли?

— Должен же человек отдохнуть с дороги,— снова зевнул тот,— путь был длинный.

— Отдыхать надо было в Алма-Ате,— затягивая ремень, сказал Газиз,— а здесь — армия, служба. Вон дневальный идет, он тебе сейчас все растолкует.

Действительно, по проходу к ним приближался дежурный. Он был высок, строен, подтянут; на широком кожаном ремне у него висел наган, с другого бока покачивался противогаз. На петлицах застегнутой на все пуговицы гимнастерке поблескивали красные треугольнички. Омаров продолжал лежать.

— В чем дело?— спросил спокойно дежурный.— Почему не поднимаетесь?

— А тебе что за дело?— дурашливо засмеялся лежебока.— Ты кто такой?

Газиз и Кожак, пораженные его наглостью, застыли на месте. Они ожидали, что дежурный вспылит, одернет нахала, прикажет ему немедленно встать. У дневального и в самом деле резко вздулись на скулах желваки. Но он, видно, хорошо умел владеть собой, и ответил так же спокойно и ровно:

— Я дежурный по казарме. Моя обязанность следить за порядком, будить красноармейцев утром при подъеме или по тревоге, соблюдать время отбоя, вести вас в столовую или на построение. Понятно? Скоро вы сами начнете дневальничать и усвоите все правила и порядки. Сейчас многое для вас вновь, но через неделю-другую привыкнете. Выучите устав и будете знать, что и когда делать. А теперь мигом вставайте, через пять минут идем завтракать.

— Ну, если дежурный сказал — надо подниматься,— Омаров скинул одеяло.— К тому же завтрак...

— Этот баламут здесь себя еще покажет,— выходя из казармы, сказал Газиз Кожаку,— любит дурачком прикидываться.

— Ты с ним особенно-то не шути,— ответил Кожак,— с таким и в неприятную историю влипнуть недолго.

В пути люди знакомятся быстро. В вагоне поезда места Газиза, Омарова и Кожака оказались рядом. Спокойный, сдержанный, немногословный Кожак сразу понравился Газизу. А когда он узнал, что новый знакомый уже успел окончить в Москве институт и получить диплом инженера-химика, уважение его к этому парню еще больше возросло. Кожак любил и умел пошутить, умел вести и серьезный, деловой разговор. Жизненный опыт, образо-

вание, умение найти общий язык с любым человеком делали Кожака интересным собеседником.

Совсем другим человеком оказался Омаров. Добродушный, как теленок, он был так же наивен и малоопытен в общении с людьми. Омаров постоянно встревал в чужие разговоры со своими рассказами, которые почти всегда были бесконечными, бесцветными, пустыми, одним словом. Стоило ему начать один из таких рассказов, как остановить его было уже невозможно. На любые попытки перебить его Омаров взрывался как парок или обижался, словно маленький ребенок.

Телосложения Омаров был плотного, и когда сидел за столом, например, то казался весьма внушительным. Однако, когда вставал, то оказывался совсем невысок. Подводили короткие, кривые и тонкие ноги. Внешний вид этого неотесанного еще парня полностью отражал его внутренний мир. Глянув на его скуластое лицо с острым подбородком, маленький толстогубый рот, вывернутые ноздри, даже человек мало разбирающийся в людях сразу понял бы, что характер у этого джигита одновременно и добрый и вздорный, что он вспыльчив и отходчив, доверчив и осторожен, любит шутку, но далеко не умник.

Омаров был из тех людей, которые совершенно не переносят одиночества, которым обязательно нужен хоть маленький, но коллектив. Он тогда лишь чувствовал себя уверенно, когда общался с людьми, связывал свои мысли и надежды, ощущения с мыслями, надеждами и ощущениями других. Он был, что называется, общительным парнем.

Выскочив из казармы последним и увидев, что новобранцы уже выстроились в две шеренги, Омаров несколько растерялся. Потом он нашел глазами Газиза и Кожака и, расталкивая парней, нарушая строй, устремился к ним, чтобы встать рядом. Остановил его спокойный и властный голос дежурного.

— Стойте, товарищ красноармеец! Куда вы прорываетесь? Почему нарушаете строй?

— Хочу встать вместе...— оробело ответил Омаров.

— Как ваша фамилия?

— Омаров...

— Красноармеец Омаров, два шага вперед, шагом марш!

Омаров неуверенно выступил вперед. Раздалась команда «кругом!», и он повернулся к строю. Увидел насмешливые лица новобранцев и смутился еще больше,

— Внимание! Слушайте все!— дежурный рубанул рукой воздух.— С сегодняшнего дня вы красные бойцы. Дисциплина — основа армии, и вы должны к этому привыкнуть. В армейской службе нет таких понятий, как «хочу-не хочу», есть только один закон: «надо», один порядок — Устав, одна воля для всех — приказ командира. Приказы в армии не обсуждаются, а выполняются. По незнанию рядовой Омаров нарушил правила. Если боец опоздал к построению он должен обратиться к командиру за разрешением встать в строй. И только получив разрешение, он может занять свое место. Или встать там, где ему будет указано. Всем понятно? А вам, Омаров, тоже все ясно?

— Ясно!— выпалил новичок, надеясь, что выговор перед строем кончился.— Разрешите встать в строй?

— Разрешаю. Займите свое место.

Красный от возбуждения, Омаров протиснулся между Газизом и Кожаким и удовлетворенно засопел. Нелегкая армейская служба начиналась. В это время у небольшого здания, расположенного рядом с бараками казарм, вышел комиссар батальона. Дежурный скомандовал строю «Смирно!» и, чеканя шаг, пошел ему навстречу.

— Товарищ комиссар!— голос дежурного звучал в утреннем воздухе четко и звонко.— Прибывшее пополнение в количестве ста восьмидесяти человек построено для ведения на завтрак.

Комиссар — плотный, лет сорока человек с умным добрым лицом — поздоровался с новобранцами. Ему ответил нестройный разноголосый хор. Медленно идя вдоль шеренги, комиссар вглядывался в юные лица новобранцев, словно вчитываясь в них и ища ответа на вопрос: кто вы, молодые, как будете служить, как поведете себя в тяжелую годину? Потом, встав рядом с дежурным, громко спросил:

— Откуда, соколы?

— Из Алма-Аты,— ответило несколько голосов, из второй шеренги кто-то насмешливо добавил:— Соколы с Алатау!

— Члены партии есть? Поднимите руки.

Поднялось лишь две руки, одна из них была Кожаким.

— Кто у вас комсомолец?

Тут уж поднялся целый лес рук. Лишь один Омаров стоял, опустив голову.

— А ты, значит, не комсомолец, сокол с Алатау?— спросил его комиссар, не дожидаясь ответа, снова обратился ко всем:— Поднимите руку те, у кого среднее и высшее образование!

Таких набралось человек тридцать. Вскинул вверх руку и Омаров, хотя окончил всего лишь семилетку,— уж очень ему не хотелось выглядеть перед начальством совсем никчемным человеком. Следующий вопрос комиссара: «У кого есть с собой ложка?»— был встречен новичками смехом. Когда же выяснилось, что ложка имеется лишь у «сокола» Омарова, смех перерос в хохот.

— Зря смеетесь,— глядя на расстроенного Омарова, остановил ребят комиссар,— ложка — тоже важное оружие солдата. Без нее ни щей не похлебаешь, ни каши не поешь. А какой толк из голодного бойца? Так что у опытного солдата ложка всегда должна быть при себе. Не забывайте об этом, когда вам выдадут котелки, фляжки, ложки и кружки. Ведите их завтракать, сержант.

После завтрака, по-армейски простого, но вкусного и обильного, Омаров встревожено сказал Газизу:

— Сейчас, говорят, нас разделять будут — кого в какую роту. Надо бы нам быть вместе...

— Какая разница?— удивился Газиз.— Все равно же в одном батальоне будем.

— Нет,— упрямо набычил голову Омаров,— надо, чтоб вместе...

— Это от нас не зависит,— сказал Кожак,— как прикажут.

Новобранцев снова выстроили. На этот раз Омаров без промедления занял свое место в строю — между Газизом и Кожаким. Молодой, незнакомый им командир с кубиками на петлицах приказал им рассчитаться и сверил фамилии новичков со списком. Потом сказал:

— Из вас, товарищи, формируется новая рота нашего батальона. Третья рота. Запомните. Командир роты я — старший лейтенант Петров. А это наш политрук,— он указал на стоящего рядом с ними командира, на рукаве шинели которого была нашита большая красная матерчатая звезда.— А теперь я зачитаю составы взводов и отделений. Будьте внимательны. В состав первого взвода зачислены...

Список был длинным, но имена Газиза и его новых друзей были названы одними из первых. Всех троих определили в первое отделение первого взвода. Больше всех доволен этим был Омаров. Его только смущала некоторая сложность его нового «адреса»—какой-то взвод, рота... И он спросил у Кожака:

— Скажи, рота больше или взвод? Никак не разберусь...

— Батальон,— тоном учителя ответил Кожак,— со-

стоит из нескольких рот, рота — из нескольких взводов, а взвод — из отделений. Уловил?

— Немного. А как я теперь должен о себе докладывать?

— Ты — красноармеец первого отделения первого взвода третьей роты инженерно-саперного батальона Омаров,— не переводя дыхания выпалил Кожак,— Ясно?

— Уф!—засмеялся Омаров.— Даже я устал, пока ты говорил. Очень уж длинно. Но я постараюсь запомнить.

УРОК СКРОМНОСТИ

— Сегодня идем в клуб,— сказал своим парням командир отделения, которого все звали или просто сержантом или по имени — Микола: фамилия у командира была трудная, и ее никто не мог за короткое время запомнить.

— Развлекаться будем?— попробовал состричь Омаров,— Или лекция?

— Развлекаться будем завтра, в воскресенье,— отрезал сержант,— а сегодня поработаем, приведем клуб в порядок. А потом будем приводить в порядок самих себя. Завтра нам всем разрешено идти в увольнение. Пойдем в город на экскурсию, в музей, так что всем надо выглядеть празднично — чистые подворотнички, бритые лица, надраенные до блеска сапоги. А вечером будем писать письма любимым девушкам... Вот почему сегодняшнее задание мы должны выполнить быстро и хорошо. Сделаем?

— Конечно,— раздались голоса,— постараемся...

— Без лишних слов. Сделаем?

— Выполним, закончим,— снова ответили в разной.

— Плохо слышу. Сделаем?

— Сделаем!— в один голос рявкнуло десять голосов.

— Вот так и надо отвечать,— удовлетворенно хмыкнул Микола,— коротко, точно и понятно.

Начальник клуба — пожилой суховатый военный — прибывшим помощникам обрадовался. Он отомкнул замок, распахнул дверь клуба и сделал приглашающий жест. Гремя сапогами, парни затопали в зал.

— А кинофильм сегодня будет?— спросил начальника Газиз.— Не скажете ли, какой?

— Обещали привезти картину «Высокая награда»,— ответил тот,— а потом — танцы. Баянист у нас отличный.

— Танцы?— удивились парни.— Баянист? А где же нам девушек взять?

— Можно и без девушек — потренируетесь друг с другом.

— Потанцуем с тобой?— спросил Газиз Кожака.— Мои ноги застоялись.

— Согласен,— засмеялся приятель,— если ты будешь за девушку.

— Говорят, я хорошо умею водить,— отпарировал Газиз,— так что лучше уж тебе за девушку...

— Разговорчики! — прервал шутливый спор сержант.— Берите ведра, тряпки — и за работу. Мыть чисто! Проверю каждую половицу сам.

— Э! Да он никак полomоек из нас хочет сделать?!— удивился парень по имени Андрей,— Мыть этот проклятый деревянный пол?

— Я красноармеец, а не уборщица!— поддержал его Жунис.— Давай не будем мыть.

— Отказаться нельзя — приказ. За невыполнение и увольнительной можно лишиться, и пару нарядов вне очереди заработать.

— Прекратить разговоры!— прикрикнул Микола.— Быстро беритесь за дело.

— Хорошо ему приказывать,— не мог успокоиться Жунис,— я двадцать три года прожил, а такого унижения не испытал. А ты мыл когда-нибудь полы?— спросил он ближайшего солдата.

— Не приходилось. Теперь вот попробую.

— Кем был до армии?

— Журналистом. А Андрей вон — директором школы.

— А я инженером,— вмешался в разговор еще один солдат.

— Я артистом.

— Я следователем.

— А я работал счетоводом,— гордо заявил Омаров,— и тоже полы не мыл. У нас в конторе уборщица была...

— Ну, а теперь мы сами уборщицы,— подытожил Жунис,— беритесь за тряпки. А кем интересно были те, кто нами сейчас командует?

— Товарищ Микола,— начал было Газиз, но сержант его перебил.

— Отставить Миколу, обращайтесь по званию.

— Любопытствуем узнать, товарищ сержант, кем вы работали до призыва в армию?

— Печником,— спокойно ответил Микола,— простым печником. Печки людям складывал. А что?

— Да ничего, я так...— смутился Газиз.

— Получил?— ехидно спросил Газиза Калиев, который до этого в спор не вступал, а согнувшись, сосредоточенно вымывал тряпкой дальний угол.— Тоже мне — интеллигент с претензиями. Мыть или не мыть...

— А ты что,— спросил обидчиво Жунис,— тоже печник, наверное?

— Нет, я рабочий алмаатинского паровозного депо,— спокойно ответил Калиев,— если хотите, давайте соревноваться: кто быстрее и лучше вымоет свою долю этого клубного пола. Только куда уж вам, вы боитесь свои интеллигентские ручки испачкать...

Жунис ничего не ответил, сунул тряпку в ведро с водой и неумело опустил на четвереньки. Больше разговоров не было. Мыли пол все по-разному: одни с усердием, другие с отвращением, третьи с ленцой... Но мыли. Когда работа подходила уже к концу, резко хлопнула о стену открывшаяся дверь одной из выходящих в коридор комнат. Все обернулись на стук. И замерли, смущенные представшей их глазам картиной: их взводный командир и начальник клуба, засучив рукава гимнастеров, ловко орудовали половыми тряпками. Они вдвоем мыли комнату, в которой, по-видимому, жили.

— Товарищ командир взвода,— поднес к пилотке руку Микола,— задание выполнено — в клубе наведена чистота.

— Молодцы, большое спасибо,— полоща тряпку в ведре, сказал взводный и, обращаясь ко всем, спросил:— Ну, как ребята, не очень устали?

— Нет товарищ лейтенант,— ответил за всех Газиз,— нисколько не устали.

— Вот видите,— сказал своим красноармейцам Микола,— даже командиры не гнушаются черной работой, а вы...

— А что,— спросил взводный, оглядывая солдат ироническим взглядом,— кое-кто стыдился мытьем полов заниматься?

— Были такие,— махнул рукой сержант.

— В армии, ребята,— сказал взводный, — нет прислуги. Здесь все делают сами солдаты — готовят пищу, стирают, шьют... И стыдиться этого не надо. Чем больше знает и умеет человек, тем больше уважают его люди. Скромность, а не презрение к труду нужно в себе воспитывать. Всем воспитывать — и бойцам и командирам. Мы ведь не бывшие царские офицеры, не надутые аристократы. Мы — армия народа, это понимать надо.

— Это все наши интеллигенты,— сказал Калиев:

слово «интеллигенты» он произнес с заметным презрением:— авторитет свой потерять боятся...

— Советская интеллигенция,— застегивая гимнастерку, твердо сказал лейтенант,— вышла из народа. Наши ученые, инженеры, артисты — дети землекопов, пастухов, крестьян. Не к лицу им неуважительное отношение к труду, к делу своих отцов. Я вот тоже интеллигент...

Первое отделение в полном составе молчало, опустив головы. Парням было стыдно, обидно, что вели они себя так нескромно. Лейтенант отпустил их отдыхать. По дороге в казарму Газиз сказал Кожяку:

— Сегодня нам преподали два урока: как мыть полы и как учиться скромности. Второй урок, я думаю, важней.

В ПАМЯТИ

Еще совсем недавно Газиз надеялся, что уход на срочную службу сам собой решит все его личные проблемы. Но ничего подобного не случилось. Даже наоборот: с каждым днем он все чаще задумывался о прежней своей жизни, винил себя за глупые ошибки, ложную гордость. Все чаще всплывало в памяти красивое лицо Гули, он видел ее глубокие глаза, ощущал тепло ее губ... И ему стало казаться, что поступил он с ней неправильно, чересчур резко, зря обидел жену. Сознание этой вины угнетало Газиза, требовало что-то предпринять, исправить случившееся, вернуть прошлое.

И Газиз написал Гуле письмо. Он потратил на него целое воскресенье, извел ворох бумаги, но письмо получилось именно таким, каким он хотел — искренним, открытым, проникнутым глубоким чувством. Он надеялся, что его поймут и простят, что вернут ему утраченное счастье. Он верил, что все еще любит жену и что она тоже любит его. Произошло просто небольшое недоразумение; прочтет Гуля его письмо, и все встанет на свои места. Она ответит накрик его любящего сердца.

Теперь он с нетерпением ждал ежедневного прихода армейского почтальона. Однако ответ все не приходил. Пролетела неделя, другая, а почтальон на все вопросы Газиза только разводил руками: что, мол, я могу, напишут — принесу. Затянувшееся ожидание изводило душу. Порой ему казалось, что он обрадовался бы Гулиному письму даже тогда, когда прочел бы в нем слова: «Душа моя Га-

зиз, между нами все и навсегда кончено...» Тогда была бы хоть твердая определенность. Но ответа не было, Гуля молчала.

Газиз написал еще одно письмо, такое же большое, как и первое. Но между строчек в этом послании уже проскальзывали раздражение и обида. Попробовал он пробить молчание жены и другим путем. Когда ему и Кожяку объявили, что они завоевали первые места в соревновании в честь Дня Красной Армии и их родным командование батальона отправит благодарственные письма, Газиз попросил комиссара послать копию письма в адрес Гули. Комиссара такая просьба не удивила, однако он стал расспрашивать Газиза, кто эта Гуля и кем она ему приходится. Газиз бормотал что-то невнятное, краснел под взглядом комиссара, но не сознался в том, что Гуля — его жена, — документально брак их оформлен не был. Письмо командования ушло в два адреса, ответ же он получил лишь от матери. Гуля продолжала молчать. Это было непонятно и до слез обидно.

В солдатской казарме принято делиться тайнами. Даже самыми сокровенными. Товарищи никогда не разгласят доверенное, не посмеются над чувством парня, поддержат его в тяжелую минуту. Из разговоров Газиз узнал, что далеко не у него одного так неудачно сложилась любовь. Некоторым джигитам тоже приходится страдать, терпеть поражения, ждать и надеяться. Но свою тайну и боль Газиз поведал только одному человеку — Кожяку. Он боялся, что новый друг сочтет его, Газиза, человеком пустым и легкомысленным. Однако Кожяк принял его неудачу близко к сердцу и старался как мог его утешить.

Как бы глубоко и болезненно ни переживал Газиз, внешне он старался этого никак не обнаруживать. Он активно включился в жизнь своей воинской части. С подъема и до отбоя он не знал ни минуты покоя, учился воинскому мастерству сам, помогал другим, серьезно занимался физкультурой. Тело его постепенно становилось гибким и упругим, мышцы твердели, росли. Особенно любил он заниматься на турнике, и с помощью инструктора достиг на этом снаряде хороших успехов. По вечерам в клубе или в Ленинской комнате он читал газеты, журналы, брал в библиотеке книги. «Этот Газизов никогда не устает, — шутили товарищи, — мотор у него внутри, что ли?» Газиз только посмеивался, хотя частенько ему было вовсе не до смеха: ответа от Гули нет уже два месяца, на душе скребут кошки.

Он написал Гуле третье письмо и снова стал ждать, считая дни.

— Разобрать инструменты!— скомандовал взводный.

Красноармейцы быстро вооружились пилами, топорами, кирками, лопатами. Предстояли практические занятия саперов на местности. Газиз взял себе топор. Он считал, что умеет обращаться с этим орудием труда, да и нести его в походе удобней. Омарову досталась штыковая лопата с отполированной до блеска ручкой. Жунис перекинул через плечо гибкую ленту двуручной пилы. Кто-то из парней, выставив перед собой громадные стальные ножницы, с удивлением разглядывал этот непонятный инструмент.

— Слушай, а зачем эти ножницы?— спросил Омаров.— Что ими резать можно?

— Колючую проволоку вражеских противопехотных заграждений режут такими ножницами. Чтобы проложить путь для своих солдат.

— Теперь понятно. Вот только одному я удивляюсь: говорят, инженерный батальон, а какой же я инженер — с лопатой?

— Ты что, спал что ли вчера на занятиях?— спросил Газиз.— Как раз об этом говорили.

— Да я же не был на занятиях — на кухне в наряде работал. Вот ничего и не знаю.

— Ладно, по дороге я тебе все объясню,— пообещал Газиз,— а сейчас пошли строиться. Только не вздумай снова не вовремя кричать: «Капитан, смирно!»

— Не буду,— усмехнулся Омаров,— теперь я ученый.

... Над этим случаем несколько дней потешался весь батальон. Многим алмаатинцам уже приходилось дневалить, и ребята к этой обязанности быстро привыкли. Не мог освоиться только Омаров. Он хорошо знал, что должен делать и говорить по уставу дневальный, если в казарму войдет кто-нибудь из начальства. Но он никак не мог запомнить порядок слов в уставном рапорте, вечно они у него путались. Он зубрил формулу рапорта, как дети зубрят молитвы. В тот злополучный день Омаров попросил Газиза:

— Давай немного потренируемся. Ты изображай командира батальона, а я буду тебе отдавать рапорт. Идет?

— Давай попробуем,— от нечего делать согласился Газиз,— значит, я — капитан. Я вхожу в казарму, а ты мне докладываешь...

Газиз вышел за дверь и тут же появился снова, ста-

раясь всем своим видом показать, что он-то и есть настоящий командир батальона. Омаров подскочил к другу и шепотом, чтобы не слышали другие красноармейцы, отдал рапорт:

— Батальон, смирно! Товарищ капитан, красноармейцы отдыхают после занятий. Дежурный по батальону красноармеец Омаров!

— Все правильно,— похвалил его Газиз,— только по уставу ты должен остановиться в трех шагах от начальника, а ты как девушка бросаешься мне на грудь. Давай повторим.

Газиз снова отправился к выходу. Но не сделал и двух шагов, как дверь открылась, и в казарму вошел... командир батальона. Омаров среагировал мгновенно и гаркнул, что было мочи: «Батальон, смирно!» Все, кто был в казарме, вытянулись и замерли на месте. Омаров, четко отбивая шаг, подошел к капитану и снова гаркнул: «Капитан, смирно!» И сообразив, что сказал что-то не то, растерялся, покраснел и умолк. Молчала и вся казарма. Что же произойдет дальше? Но ничего страшного не произошло. Командир батальона весело улыбнулся и спросил опешившего Омарова:

— Ну, дежурный, долго я еще должен стоять по стойке смирно?

— Простите, товарищ капитан,— пробормотал Омаров,— все слова знаю, да в рот мне они не попадают...

— Если будешь робеть, не только слова, сам себя потеряешь. Боец должен быть находчивым и хладнокровным. Рапортуй снова.

От ободряющих слов капитана Омаров успокоился и доложил как положено. Об этом происшествии сразу же стало известно во всех подразделениях. Красноармейцы посмеивались над дежурным неудачником, хвалили капитана за хорошее отношение к бойцам. А друзья с тех пор нет-нет да и подшучивали над Омаровым, называя его «командиром капитанов».

Взвод вышел из городка, спустился к маленькой тихой речке и направился к темнеющему на горизонте лесу. Бойцы двигались ходко — подгонял крепкий утренний морозец.

— Ты же обещал рассказать о вчерашних занятиях,— напомнил Газизу Омаров,— о чем там говорили?

— Ты знаешь, что в Красной Армии есть разные рода войск— начал Газиз,— пехота, танковые войска, артилле-

рия, авиация, военно-морской флот... Но самый главный род — мы, саперы, инженерные войска.

— Так уж и главный?— усомнился Омаров.— Врага бьют танкисты, стрелки, летчики... У них техника, а у нас — лопата да пила.

— И все-таки без нас другим войскам не обойтись. Саперы прокладывают в минных полях дороги для пехоты и танков, строят для них мосты, переправы, сооружают доты, аэродромы, оборонительные укрепления... да мало ли чего еще. Вот и подумай теперь — важно все это для армии или нет? Но инженерным войскам, когда надо, и бои вести приходится, менять лопату на винтовку. Так что сапер должен не одно свое дело знать, но отлично стрелять и ходить в атаку.

Потом они долго шли молча. Не привычные к большим пешим переходам, многие устали, начали волочить ноги. Устал и Омаров. Кроме того, ему страшно хотелось покурить. В строю этого делать не полагалось, но командир шел сзади взвода, и он решил схитрить. Достал папиросу, ссутулившись и пряча спичку в ладонях, быстро прикурил. Табачный дым привычно ожег горло. Но курить тайком, делая короткие жадные затяжки, задувая дым себе за пазуху и поминутно оглядываясь по сторонам, не доставляло никакого удовольствия. Хотелось затянуться глубоко, со вкусом, чтобы враз закружилась голова. Омаров так и сделал. И над строем поднялось синее облачко. Это сразу же заметил взводный.

— Кто курит в строю? — строго крикнул он, подбегая.— Прекратить немедленно! Это ты, Омаров?

— Нет, товарищ лейтенант,— Омаров успел сунуть горящую папиросу в карман,— я не курил.

Взводный подозрительно оглядел бойцов: они, конечно, не признаются сами и не выдадут нарушителя. Он уже хотел пройти в голову колонны, но тут услышал как кто-то приглушенно крикнул:

— Эй, Омаров, у тебя карман горит!

Лейтенант обернулся и невольно рассмеялся: Омаров испуганно хлопал себя по боку дымящейся шинели, ему помогали Андрей и Жунис.

— Вот видишь,— сказал взводный,— нельзя обманывать командира.

Омарова происшествие огорчило чуть не до слез. «Не мог потерпеть,— корил он себя,— теперь два наряда вне очереди мне обеспечены. Да и шинель жалко, новая шинель». Красноармейцы постарше старались даже замеча-

ний от командира не получить — за несвежий подворотничок, оторванную пуговицу... Солдат всегда должен выглядеть образцово. А тут дыра в шинели, наряд вне очереди... Не везет. И перед товарищами стыдно.

...Армия. Наша рабоче-крестьянская Красная Армия. Она — из народа и для народа. Ежегодно в ее ряды приходят сотни тысяч молодых парней, для которых армия становится настоящей школой воспитания мужества, верности Родине. Армия воспитывает характеры, учит труду и дисциплине, развивает в бойцах чувство товарищества и взаимовыручки, раскрывает таланты молодых. Нелегкое это дело — становление человека. Взять, к примеру, того же Омарова, у которого дома остались жена, дети, или Газиза, еще не определившего точно своего жизненного пути — разве легко командирам и политработникам выковырять из них настоящих, честных, твердых и решительных мужчин?

Трудно. Но нашей армии помогает вся страна, весь народ. Вот сегодняшний случай с шинелью. Ведь сколько людей вложили в ее изготовление свой труд. Чтобы боец был тепло одет, его старики и братья выращивали и стригли овец, матери и сестры валяли сукно, шили... Все для тебя делали — задумайся над этим, солдат. И береги труд людской, достойное народное. Потому что достойное это и твое тоже.

На опушке леса лейтенант остановил взвод.

— Наша задача на сегодня — построить пешеходный мост через эту речку, — сказал взводный. — Приказываю: отделением распределить людей по видам работ и приступить к заготовке стройматериалов.

Газизу и Омарову выпало делать опоры для будущего моста, Калиеву и Андрею — рыть ямы, другим бойцам приготовить жерди для настила и другие детали. Газиз выбрал подходящее, на его взгляд, дерево, как заправский лесоруб поплевал на ладони и принялся рубить. К его удивлению, при ударе о звенящий ствол топор отскочил, отковырнув лишь крохотный кусочек коры. Не принес видимого успеха и удар посильнее, а на третьем взмахе топор сорвался с топорща и зарылся в снег. Газиз нашел его, снова насадил и стал вбивать распорный колышек. В это время подошел Микола.

— Что, — спросил он, — у топора голова заболела?

— Не выдержал моих богатырских ударов, — засмеялся Газиз.

— Удары на самом деле богатырские, — осмотрев ствол

дерева, покачал головой сержант,— только без ума сделаны.

— Как это, без ума?— обиделся Газиз.

— А так, дай-ка топор. Смотри, рубить надо так: сперва делаешь затес сверху, потом подрубаешь его снизу.

Сержант легко, вроде бы и не очень сильно тюкнул несколько раз, и на стволе образовалась косая белая щель.

— Так и продолжай,— сказал он, отдавая Газизу топор,— тут умение нужно, а не просто сила. А вообще-то такое толстое дерево спилить надо было — быстрее и легче.

Газиз снова взялся за работу, а сержант отошел к Жунису и Толеужану, которые шутливо переругивались, пытались распилить надвое толстое бревно. Пилу у них «прихватило», и они не могли ни вытащить, ни сдвинуть ее. Оба не знали как поступить.

— Не пилится,— сказал сержанту Толеужан,— заело.

— Так и должно быть, когда за дело берутся неумехи.

— Не всем же приходилось быть лесорубами,— сказал Жунис,— мастерами не рождаются.

— Бревно провисло,— Микола, натужившись, приподнял его в центре,— вот и зажало пилу. Сюда надо что-нибудь подложить — полено или камень.

— Нам это не пришло в голову,— сказал Толеужан,— спасибо за науку.

— А чему тут учить, это и без учебы знать надо.

— Без учебы нельзя,— съехидничал Жунис,— я вот всю жизнь сапоги ношу, а здесь меня портянки заворачивать все равно учат.

— Для вашей же пользы. Сегодня сам научишься — завтра товарищу объяснишь.

Снова направился к Газизу, глянуть, как идет у него дело.

— А ведь сержант прав,— берясь за пилу бросил Толеужан Жунису.— Он много знает потому, что и его учили. Может, и мы когда-нибудь другим эту армейскую науку передадим. Ну, берись, теперь в момент допилим.

Газиз уже врубился в ствол почти на половину его толщины. Подошедший сержант остановил его. Сказал:

— Теперь надо быть осторожным, как бы не рухнуло дерево на тебя. Сделай подрубку с противоположной стороны.

Газиз зашел с другого бока и уже вполне сноровисто, в несколько ударов подрубил ствол. Дерево качнулось и накренилось,— вдвоем с Миколой они подтолкнули ствол,

и дерево, ломая мерзлые ветви, упало на снег. Газиз отер рукавом взмокший лоб, он был доволен этой маленькой победой.

— Станный вы народ, алмаатинцы,— сержант свернул самокрутку и пыхнул в небо дымом,— совсем с деревом обращаться не умеете. Не растут они у вас, что ли? И чем вы там топите.

— Если бы ты, уважаемый начальник,— шутливо ответил Газиз,— увидел березы, тополя и ели, что растут в предгорьях Алатау, то сразу бы понял, что они годятся этому жалкому бревну в отцы или даже в деды. Но их там никто не рубит — горные леса у нас заповедные. А топят в Алма-Ате в основном саксаулом. Это такое дерево вроде большой сухой коряги, в пустыне растет, в песках. Его топор не берет, да и не рубят у нас саксаул, бьют с размаху о камень, он и разлетается на куски. Горит саксаул жарко, как антрацит, а дыма от него почти нет.

— Не видел такого,— задумчиво протянул Микола,— а хотелось бы посмотреть. Много хотелось бы в жизни посмотреть...

На удивление многим, первым со своим заданием — изготовить две опоры моста — справился красноармеец Омаров. Лейтенант выслушал его доклад и похвалил, похвалил при всех.

— Вы хорошо и быстро сделали работу,— сказал он,— объявляю вам благодарность. Из вас выйдет отличный боец. Только вот шинель...

— Я исправлю, товарищ командир взвода,— стараясь прикрыть рукавом дыру с обугленными краями, взволнованно выпалил Омаров,— исправлю... Это моя ошибка, больше не будет!

— Правильно. В нашем деле ошибок не должно быть, даже самых маленьких. Слыхали, наверное, как говорят: сапер ошибается один раз в жизни. Это потому, что ошибка сапера часто стоит ему, а порой и многим другим бойцам жизни. Слишком высокая плата. Запомните это. А вечером сходите к ротному старшине, он поможет отремонтировать шинель.

Вечером Газиз написал Гуле письмо. Короткое письмо, последнее. Он так измучил себя воспоминаниями и надеждами, что теперь, отказавшись от всех иллюзий окончательно, почувствовал настоящее облегчение.

«Гуля,— писал Газиз,— это мое последнее письмо. Больше я не буду не только писать тебе, но и вспоминать

о тебе, произносить твое имя. Если же придет мне мысль о тебе, я буду убегать от нее, как коркыт, спасающийся от смерти. Бездушная, ты предала любовь ради жизненных удобств и сомнительных благ. Наш брак был ошибкой. Я женился на тебе необдуманно и так же впопыхах ушел. Спасибо судьбе за то, что разлучила нас, хорошей семьи у нас все равно не получилось бы. Признаюсь тебе, у меня был любимый человек — красивая, чистая, умная девушка. Судьба не дала нам с ней общего счастья, и я женился на тебе, может быть в пику этой самой судьбе. Прощай, Гуля, не пиши мне, я не буду ждать от тебя писем и не стану их читать, если они придут. Еще раз прощай. Газпз».

ТЕТУШКА ЖАМАЛ

Нет, не зря Терехин назвал однажды свою соседку тетушку Жамал «тертой бабой». Много повидала она в жизни, многому научилась, только вся наука ее была направлена к одной цели — обогащению. Родилась и выросла она в городе, знала обычаи и правила городской жизни. Еще совсем молодой девушкой пошла Жамал в торговлю — поближе к товарам, к деньгам. А потом переключилась на спекуляцию — доходней. Она умела заводить полезные знакомства; в Алма-Ате не было такого магазина или товарной базы, где не знали бы эту бойкую, оборотистую женщину.

Выйдя замуж, Жамал и не подумала оставить свое неприглядное занятие. Наоборот даже: теперь, считала она, когда есть свой дом, о доходах надо заботиться еще больше. Тем более, что с таким рохлей мужем, который ей достался, честным путем не разбогатеешь. Вот и пускалась тетушка в разного рода торговые авантюры, перепродавала все: от новомодных костюмов до дефицитных лекарств — зарабатывала копейку. И копейку немалую, дом их был битком набит вещами, деньгами, драгоценностями.

Соседи не любили тетушку Жамал за стяжательство, за то, что на каждого человека смотрела она прежде всего с точки зрения личной выгоды. На нелюбовь эту спекулянтка отвечала холодным презрением: завидуют, потому и не любят. У богатого всегда врагов больше. Но как бы ни любила тетушка Жамал деньги, для Гули — доченьки своей ненаглядной — никогда ничего не жалела. Одевала лучше ханской дочери, в лепешку готова была расшибиться, лишь бы угодить Гуле. И хотя знала, что дочь, как гово-

рят, отрезанный ломоть, что уйдет она со временем в чужую семью, все равно забот своих не оставляла. Не просто, однако, слепая материнская любовь руководила тетушкой Шамал, но еще и смутная надежда извлечь из удачного замужества дочери какую-то выгоду для себя.

(роман не закончен)

ПОЯСНЕНИЕ К РОМАНУ «АЛМААТИНЦЫ»

Неоконченный роман «Алмаатинцы» писался Баубеком Булкишевым в годы войны. По замыслу автора роман этот должен был состоять из четырех частей. Действие первой части романа происходит в мирные дни — оставшаяся часть полностью посвящена Великой Отечественной войне, участию в ней жителей города Алма-Аты, беззаветно преданных своему гражданскому долгу перед Родиной.

Композиция романа была детально продумана Баубеком, но завершить свой замысел волею судьбы автору не было суждено. Он успел написать лишь первую часть романа и начало второй части. Отсутствие времени и фронтовая обстановка наложили свой отпечаток на неоконченный роман. Именно этим обуславливается торопливость письма и некоторая сбивчивость повествования. Вот что писал об этом сам Баубек в одном из своих писем: «Отсылаю тебе первую часть «Алмаатинцев». Написать-то я ее написал, но времени не было даже перечитать написанное. Вернусь и тогда заново засяду. Отсылаю готовую часть, чтобы она не затерялась... Надо бы поработать с языком, но что поделать, поработаю еще, если приведется... В конце пришлось поторопиться, хотелось закончить побыстрее, может, оно и к лучшему. Но слишком уж все торопливо...»

Дальше Баубек писал о том, как должно было по его замыслу развиваться действие романа.

Но все, что мы имеем сегодня — это 200 страниц рукописи, насыщенных яркой динамикой действия, экспрессия эта отразилась в самих названиях глав романа: «Случай на улице», «Прощай, алгебра». «Дом № 139», «Помыслы матери — в детях, детей — в свободе», «Первый вечер», «Печальное известие».

Недописанные части романа тоже имели свой план и были разбиты на небольшие главы.

В своем плане Баубек вкратце набросал содержание каждой главы.

Основной своей задачей автор считал изображение морального и духовного становления воинов-казахов на фронтах Великой Отечественной войны, позволившее им подняться до подлинного героизма, истоки той великой дружбы народов, объединившей нас в годину испытаний, нерушимость советского патриотизма, образы людей нового поколения, беззаветно преданных идее социализма.

Часть вторая

СТИХИ 1940-1943 ГОДОВ

ДРУГУ

Одно лишь слово в жизни есть
Мне дорогое.

В нем все — надежда, вера, честь
И все другое,
Чем люди в жизни дорожат.
То слово — «дружба».
Лишь им полна моя душа.
Мне верить нужно,
Что друг за друга в час беды,
Жизнь не жалея,
Поднимемся и я, и ты, иных смелее.

Припомните еще не раз
Слова вот эти:
В тот поминальный горький час,
Друг друга встретив,
Вы соберетесь без меня,
Моей лишь тени

Читая эти вот слова и посвященье.

Москва, 1940, май.

НА БАЛТИКЕ

Я на Балтийском берегу стою
И песню звонкой радости пою.
А море волны в косы заплетает,
Свою мелодию вплетая в песнь мою.

Над старой Балтикой зажегся новый свет
На множество грядущих новых лет
Он озарил ее своим багрянцем,
Предвестником блистательных побед!

Литовцы и эстонцы, латыши —
Отныне все мы братья.

От души
Я открываю вам свои объятия,
Отдать готовый, если надо — жизнь!

Неведомы мне трусость, жалкий страх.
Советский воин, молодой казах,
Сюда пришел я с нашим алым стягом
В надежных, крепких, молодых руках.

О Сырдарья моя и мой Балхаш,
Степной Сарыарки родной пейзаж —
Здесь вспомнил я о вас, края родные,
Услышал сердцем добрый голос ваш.

Всего лишь двадцать лет тому назад
И к нам пришла счастливая гроза:
В степи запылали ало стяги,
И засияли бедняков глаза.

Нура с Есилом братски обнялись,
Над степью звезды алые зажглись,
Домбра запела вольно и просторно,
И кюем счастья зазвучала жизнь.

Хочу дожить до будущих времен,
Когда под алый свет родных знамен
Придут освобожденные народы
И каждый будет волен и силен.

Поднимется народов вольных рать!
И люди перестанут умирать...
И, одряхлев, История-старушка
Все это занесет в свою тетрадь.

Двинск, Латвия, 1940.

ДВЕ СУДЬБЫ

До слуха моего донесся слабый стон...
Он долетел из черного Берлина,
Где свастики фашистской паутина,
Страну опутав, длит кошмарный сон.
И мысленно минуя все границы
Меж странами, уже я взглядом там,
Невидимый, ступаю по следам
Несчастной жертвы, чье страданье длится:

...По городу, усталая, бредет
Молоденькая женщина-еврейка.
Она никак работу не найдет
И что ее, отверженную, ждет?
А за оградой парка — тень, скамейки...
Ее там должен милый ожидать —
Он тоже бродит в поисках работы...
Два слова рядом —
«luden»¹ и «verboten»²
У входа в парк...
Ей — их не миновать.

— Проклятые! —
несчастливая вскричала,
Совсем забыв от ярости о страхе.
— Гиены, падаль жрущие ночами!
В коричневые облачьтесь рубахи,
Вы — не люди! Чужда вам человечность!
Позорище великого народа,
Запятнаны вы пред людьми навечно!..

...Был голос заглушён побоев градом...
Когда же тишина вокруг настала,
Совсем одна у парковой ограды,
Избитая, чуть слышно застонала...

И сердцем я услышал этот стон —
Но состраданьем душу мне наполнив,
Он угасал...
И вот уж смолкнул он.

luden — евреям.
Vesboten — запрещается.

А я судьбу другой еврейки вспомнил:
Она живет в стране моей родной,
Красавица с открытым ясным взглядом.
Приветливо беседуя со мной,
Она улыбкой излучает радость.
Душа ее открыта и светла —
Она смеется, равная среди равных,
И потому — щедры ее дела,
И трудовая слава ей по нраву:
Она — ткачиха, инженер, пилот,
Учительница, врач или доярка —
Судьбой советской Родины живет,
Душа ее о радости поет
На благо Родины трудиться жарко!..

1940, сентябрь, Двинск.

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Он погиб у меня на глазах,
Этот юноша, славный джигит.
Не успел он «прощайте!» сказать,
И теперь бездыханный лежит.

Он погиб у меня на глазах,
Пулей вражеской в сердце сражен,
Не успев даже вымолвить «ах!»,
Рухнул навзничь замертво он.

Только резко взмахнул рукой,
Будто дал боевой приказ:
— Выходите на смертный бой!
Отомстите фашистам за нас!

Имя юноши подхватив,
Роты ринулись на врага,
Все тесня на своем пути,
Как разгневанный ураган.

И врагов разбегалась цепь
Перед яростным строем их,
И штыки попадали в цель —
Вел погибший в атаку живых!

Он погиб у меня на глазах,
Навзничь пал среди горьких трав,
Не успев даже вымолвить «ах!»,
Смерть саму своей смертью поправ!

1942, 23 марта, Мензелинск.

Я ИДУ

О мои Алатау и Сары-Арка,
Больше года в разлуке я с вами,
Больше года в солдатских иду сапогах,
Встав однажды под алое знамя.

Это знамя родное я крепко держу,
Знамя нашей Советской державы,
Им, как сердцем, как жизнью своей, дорожу
Я, ваш сын и наследник по праву.

Я иду сквозь бои, реки горя и слез,
Неустанно и непреклонно.
Не скрываюсь, не прячусь — иду в полный рост,
Надо мною родные знамена.

Помогите мне силою вашей земной,
Чтобы выстоять в битвах кровавых,
И тогда ничего не случится со мной,
И тогда я вернусь к вам со славой!

А дороги войны, как же тяжки они,
И пока что не видно конца им —
Воедино сливаются ночи и дни:
Я шагаю, шагаю, шагаю...

1941, июнь-июль, на фронте.

О БАТЫРЫ, БАТЫРЫ!

О батыры, батыры!
Враг напал на родной наш Едиль¹,
Древний, храбрый, свободный Едиль,

¹ *Едиль* — казахское название Волги.

Вот теперь ты мне угодил!
Изо всех богатырских сил
Чтобы обнял, назвавши сыном..

О батыры, батыры!

1942, июль, Западный фронт.

ПИСЬМО ДРУГУ

«Хотел бы миру поведать тайну свою...»

МУКАНУ

Мой друг,
Мукан!

Едва звучит мой голос,
Чуть слышен он, как лес зеленым днем.
Едва-едва шуршит он, точно колос,
Что засухой жестокой опален.
Звук этот, надоедливый и горький,
Быть может, раздражает чей-то слух.
Но мне молчать не позволяет гордость,
Она сильнее всех чувств во мне, мой друг!
Единственное счастье — воспарить
Высокой песней над житейской прозой.
Нет лучше доли, что ни говори!
И это — правда чистая, не поза.
Когда б с тобой мы встретиться могли,
Я знаю — ты бы понял с полуслова
Мою тоску...

Родной душе излить
Свою печаль — вот дружества основа.

Мукан, Мукан! Как интересно жить:
Как бесконечна смена настроений —
Любить, и ненавидеть, и дружить...
Все нам дано могучею Вселенной!
Природа к человеку так щедра —
Все мудро так устроено на свете.
А мы порой, как маленькие дети,
Не понимаем сущности добра.

Нам только мед, да ложкой подавай!
А если не достанется кому-то
Иль мимо рта пронесет почему-то,
Винных ищем, и как тот Руслан,
Что потерял нечаянно Людмилу,
Клянем весь свет, все кажется постылым.
А коль подумать — в жизни без борьбы
За здорово живешь ничто и не дается,
И побеждает тот, кто храбро бьется
С превратностями жизни и судьбы!

. * *

Да, борются друг с другом тьма и свет:
То день ночную тьму одолевает,
И солнце щедро землю согревает,
То к вечеру — у солнца силы нет,
И ночи покрывало затмевает
Сияющий и добрый белый свет.
И в жизни человека день и ночь
По очереди торжествуют тоже —
То нас несчастья, горести тревожат,
Сопrotивляясь, мы их гоним прочь.
То радость озаряет все кругом,
Все удается, спорится, ликует!
Да разве кто не любит жизнь такую?
Признаюсь честно — мне он незнаком.

* » «

Полжизни прожил я — все двадцать пять!
Увы, как мало это!
О, как много!
И мне ясна, видна моя дорога,
И не устану я по ней шагать:
Я должен взять вершину, высоту —
Взойти и водрузить над нею знамя!
Скажу тебе, мой друг, начистоту
(Пусть это и останется меж нами):
Жизнь человека — это к смерти путь.
Он всем нам неизбежно предначертан.
Страшна не столько неизбежность смерти,
Сколь доля — жизнь промыкать как-нибудь.
Такой судьбы себе я не хочу:
За счастье жить — я жизнью заплачу!

Кто нам порой родней любой родни?
Единомышленник, когда он твой ровесник.
Когда не только помыслы одни
У вас, не только возраст или песни,—
Когда по духу братья и друзья
О жизни думаете вы одно и то же,
Одни и те ж тревоги вас тревожат
В размеренном теченье бытия.
Ровесник мой!

Уж за полдень пора —
Неужто ты ее не замечаешь?
Уходит нашей юности пора,
Ты слышишь: колокол полжизни отмечает
уже пробило глухо:

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ!

Как будто бы неряха-вековуха
Все трется рядом, чтоб меня обнять,
«Твоя я пара!..»— дышит прямо в ухо.
Негодная, зачем ты льнешь ко мне?!
Бесстыдница! Какой беды начало
Твое прикосновение означает?
Иль, может, ты в дурном мне снишься сне?

* * *

Не то, чтобы взрослеть я не хочу —
Уходят годы, это неизбежность.
Была бы только взрослость по плечу:
Ведь ни к чему младенческая нежность
Тому, чье назначенье — выйти в бой
За благо и достоинство народа.
Кому самой назначено судьбой
Пасть жертвою, погибнуть за свободу!
Прекрасней участи не знаю я —
К лицу поэту погибать достойно.
Хочу, пройдя сужденные мне войны,
Погибнуть смертью храбрых я, друзья!

Не думайте, что жажду умирать —
Люблю я жизни добрую усмешку,
Но тлеть сто лет чадающей головешкой?!
Такой судьбы не стану выбирать.
Сгореть в бою за свой родной народ,

За Родину —
 вот это доля, участь!
Не знаю доли для поэта лучшей,
Чем та, коль он за Родину падет!
 * * *

Вот так в один из дней большой войны
И я, сгорев, уйду от вас, родные,
Оставив вам на память только имя,
Еще — воспоминаний смутных сны...
Не думайте — не жажду умереть.
Ведь смерть, она всегда НЕБЫТИЕ.
Пока живу, могу я все посметь,
И жизнь сама — бессмертие мое!
Живой, пока я жив,— бессмертен я!
И вы бессмертны, милые друзья!
Вслед за поэтом, я бы мог сказать:
«Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать!»

Ужасна смерть — я гибнуть не хочу!
Пока я жив,— в бессмертие лечу!
И все ж, увы, я чувствую давно,
Что мне, друзья, погибнуть суждено.
И если дни судьбою сочтены,
Пусть это будет в дни большой войны,
Пусть это будет подвиг жизни всей
Во имя счастья Родины моей!

* * *

Сменяются за днями дни, текут,
Сливаются в стремительные годы,
Пока земля свершает свой маршрут —
Всегда в движеньи вечная природа.
Диск солнца золотого, только он
Вовеки неизменно постоянен.
Мгновенна жизнь, как ветер и как сон,
Виденьями мелькая на экране.

Как с шелка белого вода смывает грязь,
Так время вымывает в нас печали —
Когда-нибудь в грядущей дальней дали
Сойдетесь вы, друзья, уже без нас.
Потолковать сойдется о былом,
И с вами будут несколько прекрасных —

Улыбчивых и стройных, черноглазых...
Бокалов полных легкий перезвон
Вам эту встречу празднично украсит.
А там, где молодые собрались,—
Всегда веселье, шутки-прибаутки:
Без них пресна, без них безвкусна жизнь...

Да, это будут славные минутки!..
Но среди этой милой суеты
Вдруг ты, Мукан, на миг серьезен станешь.
Печальным взглядом остановишь ты
Уже готовый разлететься танец —
В тот миг твой друг, погибший на войне,
Тебе привижусь я, как будто в яви,
И мысленно ты улыбнешься мне,
Но вслух веселью юному объявишь:
— Хочу сказать вам слово, молодым!..
И тишина внимания возникнет,
Когда почти по-пушкински воскликнешь:
«Кого меж нами нет?
Где юноша-поэт,
Где мальчик наш,
Погибший храбро воин?»
И пушкинских стихов высокий свет,
Которого пока я недостоин,
Все озарит вокруг...

Но кто-то скажет вдруг:
— Мукан, поэму «Человек» прочтите...
Почтительно друзей притихнет круг,
И с вами буду я, незримый зритель...
И, успокоившись, ты молвишь:
—Помянем
Погибшего фронтовика-поэта!
И дружно все откликнутся на это,
И повторят, как эхо:
—Помянем!..

Сертухов, 1941, 26 мая.

ПОЯСНЕНИЯ

¹ «Другу» («Досыма»). Это восьмистишие в мае 1940 года автор преподнес в дар своему товарищу Мухсыну Ермакову, вместе с ним призывавшемуся в ряды Красной

Армии в феврале 1940 года из Алма-Аты и вместе исполнившему свой долг перед Родиной в рядах прославленной 1-ой Московской Пролетарской дивизии мотострелков. Написано оно было на обороте фотокарточки. Сохранившуюся до этих дней фотокарточку нам с большой неохотой вручил недавно покинувший свет Мухсын-ага, когда мы с ним встретились в Киеве в 1976 году. Он в это время возглавлял кафедру химии в сельскохозяйственной академии Украинской ССР. Эти стихи публикуются впервые.

² «На берегу Балтики» («Балтык жагасында»), Автор написал это стихотворение в городе Двинске Латвийской ССР. Публикуется по рукописи. Впервые публиковалось в октябрьском номере газеты «Лениншил жас» в 1940 году, затем в сборниках «Заман биздики» («Жизнь принадлежит нам»), Алма-Ата, 1948 г., «Жастар дауысы» («Голоса молодых»), Ама-Ата, 1949 г.

³ «Две судьбы» («Еврей кызы»). Это довольно объемистое стихотворение Баубек написал также в г. Двинске. Впервые оно увидело свет в газете «Лениншил жас» в 1940 году.

Печатается по этой публикации.

⁴ «Письмо другу» («Сырымды ашеам деп ем дунпеге»). 1941 г., 26 мая, город Серпухов. Не предназначенное для печати, а написанное лично для Мукана Иманжанова и отправленное ему, это стихотворение-письмо содержит огромное патриотическое чувство и заявление о том, что если случится страшная кровавая война, то он — поэт — будет до последней капли крови защищать социалистическую Родину, честь народа и в этой борьбе не пожалеет жизни.

Отправляя это стихотворение, Баубек в письме писал: «Я написал эти стихи просто так, чтоб проверить свои поэтические способности. Прочти и положи потом среди моих бумаг. Не трудись отвечать, нецелесообразно время впустую тратить, зачем нам уподобляться слепым казахам. Пушкинское стихотворение, написанное другу, как будто сказало мне «напиши ты это», вот я и написал».

А в последние дни июня 1941 года уже с фронта он писал: «Мукан, я недавно отправлял тебе письмо в стихах, ты, наверно, получил. Как говорится, «по бегу кулана и выстрел ружья» (поговорка). Так и с этими стихами. Ты, наверно, читаешь и перечитываешь, думая: «вот пройдоха, видно, уже знал кое-что».

Это произведение Баубека с некоторым сокращениями, исправлениями впервые было опубликовано в сборнике «Заман биздики» («Жизнь принадлежит нам») в 1948 году под названием «Другу», второй раз — по фотокопии хранящейся у нас рукописи без изменений (лишь 2-3 слова были отредактированы) публиковалось в газете «Казах адебиети» (Казахская литература) 17 июля 1977 года.

В сборнике «Адамзатка хат» («Письмо к человечеству»), увидевшем свет в том году, эти два экземпляра «Двадцать пять» и «Другу» повторили друг друга. А в этом сборнике эти стихи даны по рукописному экземпляру Баубека.

⁵ «Я иду» («Журип келе жатырмын»). Написано приблизительно в июне-июле 1941 года на передовых позициях Западного фронта. Эту дату мы установили, припомнив, что Баубек Булкишев отправился в ряды Красной Армии из Алма-Аты 1 марта 1940 года, и сопоставив это обстоятельство с первыми строчками его стихов:

«Уже год, полтора,
Как я вышел из Востока...».

Правильность этой даты подтверждается его письмом Мукану от 23 августа 1941 года.

Баубек Булкишев, будучи ответственным секретарем комитета комсомола 303-го армейского инженерного батальона при 10-й армии, встретился с Ахметом Елшибековым, давним журналистом (известным), старшим политруком армейского (военного) отдела той армии, и прочел ему это стихотворение и еще 3 другие свои произведения. Ему стихи понравились, он посоветовал опубликовать их на страницах печати, и Баубек посылает их 23 августа 1942 г. в газету «Социалистик Казахстан».

А. Елшибеков в своих воспоминаниях, написанных им незадолго до кончины и публикуемых впервые в этом сборнике, говорит: «...Стихи «Я иду» в его сборнике мне очень понравились. Когда я их услышал 30 лет назад (воспоминания им написаны в 1972 году. С. А.), там были и Алатау и Арка. Вместе с тем строки:

Нужен несгибаемый, сильный герой
Для защиты чести народа.
Нужен сильный, богатый народ,
Чтоб быть опорой герою —

по-моему, добавлены позже».

Эти высказывания Ахмета Елшибекова совершенно

правильны. Публиковалось ли «Я иду» в «Социалистик Казахстан» в 1942 году или нет? Это пока неизвестно. Но в экземпляре, опубликованном Муканом Иманжановым в 8-м номере журнала «Пионер» в 1947 году по рукописи Баубека, вышеприведенных строк, вызвавших сомнения Ахмета-ага, нет и в помине. Их мы встретили в сборниках «Заман биздики» («Жизнь принадлежит нам») 1948 года и «Азаматка хат» («Письмо к гражданину») 1977 года.

⁶ "0 батыры, батыры!» («О, ерлер-ау, ерлер-ау!»). Август, 1942 г. Написано в тяжелые времена, когда враг дошел до Сталинграда. Вначале было названо «Настали черные дни». Это одно из трех произведений, посланных Баубеком в 1942 году в газету «Социалистик Казахстан». 5 декабря 1942 года на страницах этой газеты впервые напечатано без сокращений под названием «О герои, герои!» Мы публикуем с этого экземпляра.

Не знавший ничего этого Баубек в письмах, отправленных к Мукану 1-го и 28-го февраля, писал:

«...Я тебе отправил было (23 сентября 1942 г.— С. А.) несколько стихов. Как они? Напечатано ли что-нибудь? Среди них стихи «Настали черные дни», кажется, самые стоящие».

«На курсах ничего не писал... Кстати, давно уже выслал тебе стихи «Настали черные дни». Напечатаны или нет? И где они?»

Стихи «Настали черные дни» под названием «О герои, герои!» опубликованы в сборниках «Жизнь принадлежит нам» в 1948 году и «Адамзатка хат» («Письмо к гражданину») в 1977 году.

⁷ «Смерть героя» («Коз алдымда»). 23 марта 1942 г.

Под стихами подписано: «Старший лейтенант Баубек Булкшиев». Значит, эти стихи написаны были, очевидно, сразу после окончания военно-политических курсов в г. Мензелинске. В рукописи стихи написаны синими чернилами. Затем черными чернилами приписано: «Мукан! Посмотри эти так называемые стихи. Давно не писал, не читал и не говорил по-казахски и немного, видно, отучился. Не совсем получается.

Твой *Баубек*».

Впервые вышли в свет на страницах газеты «Лениншил жас» 13 сентября 1947 года, затем в сборнике «Заман биздики» («Жизнь принадлежит нам») в 1948 году.

СОКОЛ

Золотопалый сокол горный
Поутру со скалы взлетел.
Поднявшись в неба мир просторный,
Он взвиться к Солнцу захотел.

Сквозь облака он ввысь поднялся,
Могуч, стремителен и смел,
И ровный белый след остался
По небу там, где он летел.

Золотопалый сокол горный
Был виден из-за кромки туч
На фоне Солнца точкой черной,
Рассеивавшей Солнца луч.

Казалось, Солнце он крылами
В своем полете обнимал,
И, вместе с ним паря над нами,
Нам свет и радость посылал.

Все взгляды к соколу стремились.
В нем чтя героя своего,
Земля и Небо преклонились
Пред гордой смелостью его.

Он приобщал нас к Солнцу, к свету.
Манил он в небо за собой.
Казалось, были мы согреты
Его пылающей душой.

В нем все дерзання воплотились,
Мечту реальной делал он,
И все сердца сильнее бились
С его полетом в унисон.

И по проложенному следу
Ввысь поднял Человек металл,
Над силой тяжести победу
Он, словно сокол, одержал.

Теперь нередко гул моторов
На небо привлекает взгляд:
По голубым его просторам
Над нами лайнеры летят.

Что есть чудеснее на свете?
Все выше дерзостный полет.
Недаром всюду наши дети
Поют про сокол-самолет.

Их в небо Родина послала,
Их к тучам Разум устремил,
По небесам Валерий Чкалов
Им путь геройский проложил.

И молодые соколята
Ему готовы подражать.
Они все — смелые ребята,
И что достигнуто когда-то —
На этом их не удержать.

Сердца у летчиков бесстрашны,
Все дальше, все быстрее полет,
И образ Чкалова отважный
Все ближе к Солнцу их ведет.

Декабрь 1939 года.

КАК МЕНЯ ПРИСТЫДИЛ ПУШКИН

Как-то раз на постели я дома лежал,
Приустав от студенческих дел.
С литографии Пушкин, спокоен и строг,
На меня с укоризной глядел.

Слышу — дверь открылась и кто-то вошел.
Встав с постели, я вышел на стук.
Из аула приехал на слет трудовой
И зашел ко мне в гости мой друг.

Другом детства он был. Мы с ним вместе росли,
Вместе знали и отдых и труд,
Он в ауле остался работать и жить,
Я решил поступить в институт.

Он стахановцем стал. Но меня он всегда
Многознающим, умным считал.
Я без умолку с ним говорил, чтоб ему
Показать, что ученым я стал.

Если правду сказать, то учился тогда
Я с немногим два года всего.
В голове — беспорядок, неглажен костюм,
Чем похвастаться — нет ничего.

На занятиях двойки нередко хватал,
Пропускал я учебу порой,
Но на танцы ходить уж всегда успевал,
Среди девушек был я герой!

Чем же друга сразить, чем его удивить?
Чем ученость свою доказать?
Тут на Пушкина взгляд мой упал — и я стал
Другу что-то о Пушкине врать.

Я не очень-то много о Пушкине знал,
Но решил, что аульный мой друг
Вообще был в поэзии полный профан
И несведущий в мире наук.

Друг ушел, и о нем я раздумывать стал.
Вдруг...

я стал и недвижим, и нем...

Мне почудилось...

Пушкин с портрета сказал:

«Заболтался, ты, мальчик, совсем!

Друг твой знает стихи мои лучше тебя,
От тебя он в досаде ушел.
Надо дело свое изучать и любить
И всегда выполнять хорошо.

Друг твой много работал и цели достиг —
Он недаром стахановцем стал.
Ты же времени много напрасно терял,
В результате серьезно отстал.

Ты прими мой совет: себя в руки возьми.
Позабудь про пленительных дев,
Молодое чело ты над книгой склони,
И пиры, и забавы презрев!»

Стало стыдно мне очень. И с этого дня
Подменили как будто меня:
Я забыл про безделье, за книги засел
И с тех пор навестать все сумел.

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Май, словно девушка, яркие серьги надел,
Песнями кюев и птиц в поднебесье взлетел.
Над обновленным зеленым простором степей
Утренним пышным рассветом Восток заалел.

Бархатом светлым везде зеленеют поля,
В травах зеленых весна разбросала цветы.
Как серебристой росой сверкает земля!
Сколько же в наших весенних степях красоты!

Майские песни в душе моей отзвук нашли,
Им резонансом ответили струны в тиши.
Мне захотелось воспеть все красоты Земли,
Петь, как Джамбул: вдохновенно, легко, от души.

Думы людские я выразить в песне хочу,
Радость народа, что он в новой жизни обрел,
Стал он свободен, все стало ему по плечу,
Мой Казахстан, как природа весною, расцвел.

Красные флаги, как маки, повсюду горят,
Люди приветствуют праздник весны и труда,
Лозунги их о победах в труде говорят,
Стали мы крепкими, сильными, как никогда.

Партия нас от победы к победе ведет.
Съезд Победителей, что собирался в Кремле,
Ярким лучом осветил нам дорогу вперед.
Счастье и праздничный Май я пою на земле!

1939 г.

У МОГИЛЫ МАТЕРИ

Мама, мама родная,
Смерть с тобой разлучила!
Слышишь, сын твой рыдает
У отверстой могилы?

Вот и холмик насыпан,
Расходиться уж стали,
Но уйти он не в силах:
Здесь ее закопали!

Ты детей всех вскормила
Молоком своим белым.
Как же их ты любила!
Как ты всех их жалела!

А теперь в этой яме
Ты лежишь одиноко.
Почему ты не встанешь?
Как же, смерть, ты жестока!

Видно, ты в этой яме
Задохнулась, родная,
И земля тебя держит,
Обняла, не пускает!

В темной, страшной могиле
Ты лежишь, не боишься,
Слезы горькие сына
Ты унять не стремишься.

Парень плачет, горюет
Возле свежей могилы,
Оторваться, расстаться
С этим местом не в силах.

Плачет он, как ребенок,
Грудь рыдания стеснили.
Слезы льются и льются,
Горькой солью застыли.

Как же маму любил он!
Что мы знаем чудесней?
Это чувство святое
Я хочу сделать песней.

У меня была тоже
Мама, мама родная,
В трудный час моей жизни
Я ее вспоминаю.

Мать сыночка утешит,
Скажет доброе слово,
И на жертвы любые
Для ребенка готова,

Мы все это не ценим,
Чем-то должным считаем,
И тогда лишь горюем,
Когда маму теряем.

Трудно ей приходилось:
Жизнь в ауле легка ли?
Слезы часто струились
По морщинам в печали.

Дети радостью были,
Жизнь ее украшали.
Но порою не мы ли
Так ее огорчали?!

Если б люди открыли
Небывалое средство,
Чем могли бы порою
Возвращать свое детство.

Я бы не был капризным,
Я бы не был упрямым,
Я бы крепко и нежно
Целовал свою маму.

Но что делать? Наука
Средств подобных не знает.
Рано старятся мамы,
Раньше нас умирают.

. * *

Сын лежит на могиле,
Мама перед глазами.
Он холодную землю
Обливает слезами.

ЛЮБИМАЯ

Ветер весенний над степью летит,
Сердце мое беспокойно стучит.
Стройно цветы вдоль дороги стоят,
Словно танцующих девушек ряд.

Друг мой в пути не устанет шутить,
Хочет меня он развлечь, рассмешить.
Только со мною ему не легко:
Мысли мои от него далеко.

Девушку я обнимаю в мечтах,
Жар поцелуев горит на губах.
Вот бы ее поскорее обнять,
К сердцу прижать, без конца целовать!

Нету прекрасней любимой моей,
В дальнем пути не расстанусь я с ней.
Сердце стучит и волнуется кровь.
Вечно бы славил я в песнях любовь!

май 1937 г.

МОЯ МАТЬ - ИСТИНА

О истина-мать!
Хочу я стоять
В когорте твоих сыновей.
К тебе я пойду,
Дорогу найду
К мечте лучезарной моей.

С тобой, захочу —
Я в космос взлечу,
До Марса дотронусь рукой.
О, мир так велик,
Но с помощью книг,
Я знаю, весь мир станет мой.

Ты с давних времен
Светлейшим умам
Была путеводной звездой.
О, сколько имен
Зовут по стопам
К вершинам твоим за собой!

И в радостный день,
Сияющий день,
Которому равного нет,
К тебе я приду,

Тебя я найду,
Твой рыцарь, слуга и поэт.
Я буду страдать,
Любить и дерзать,
Пусть буду я твой соловей,
И страстную песнь,
Восторженный гимн
Тебе поднесу от людей!

май 1939

СЧАСТЛИВЫЙ ГОСТЬ

(посвящено Новому году)

Шар земной огромен,
Пестр и многолик.
По нему шагает
С зеркалом старик.

В зеркале чудесном
Видно полземли,
Там, где светит Солнце,
Ночь и тьма ушли.

Крутится все дальше
Плавно шар земной,
К Солнцу обращаясь
Новой стороной.

А старик все смотрит
В зеркало свое,
Землю изучая,
Все края ее.

Неустанным шагом
Он вперед идет.
Видит — сад чудесный
Перед ним цветет.

Сад сияет в дивной
Красоте своей
Фейерверком ярких
Золотых лучей.

Этим светом радость
Громко говорит,
В этом свете счастье
Золотом горит.

Старец удивился,
Шаг остановил.
— Что за сад чудесный?—
Сам себя спросил.

Подошел он к саду,
Зеркало убрал,
И в калитку тихо
Палкой постучал.

Двери приоткрылись
В сад тот золотой,
И навстречу вышел
Воин молодой.

«Здравствуйте!—так воин
Старику сказал,—
Кто Вы и откуда?
Кто Вас к нам послал?»

— Я уже полгода
По земле брожу.
Все я примечаю,
Все я нахожу.

Прихожу я с миром:
Стар для войн уже,
Воинская форма
Мне не по душе.

Дедушка, к защите
Я готов всегда,
Я стою на страже
Мирного труда.

Наш народ великий
Ждет тебя давно,
Много развлечений
Им припасено.

Говорить красиво
Мне охоты нет,
Лучше о народе
Скажет Вам поэт!»

Вот для встречи гостя
Призван на совет
Сочинявший песню
Молодой поэт.

После всех приветствий
Старичок спросил,
Кто поэт от роду?
Сад кто посадил?

И поэт ответил:
— Я казах, ата!
Я певец народа,
Им любим всегда.

Песни — мир поэта,
Любит их народ,
И любовь народа
Силы мне дает.

Звонко мои песни
Над землей звучат,
Это песни славят
Вырастивших сад.

Хочешь знать ты, странник,
Как мы здесь живем?
Мы не только пляшем,
Не всегда поем.

Этот сад громадный,
Каждый двор и дом,
Все богатства наши
Созданы трудом.

Сказочно богата
Вся моя земля,
Серебром и златом
Устланы поля.

Посмотри, как тучны
Горные луга,
Как Алтай раскинул
Вечные снега!

Видишь — терриконы
Там взметнулись ввысь?
И гирлянды дыма
В небо поднялись?

Кокс там обжигают,
Плавится руда,
Отдает нам уголь
Свой Караганда.

Белый алюминий —
Сколько тут его!
Он поднимет в небо
Брата моего.

Если дальше — больше.
Глянь-ка в тот ложок:
Красный, раскаленный
Плещется поток.

Посмотри поближе,
Подойди за мной:
Это медь нам плавит
Джезказган степной.

Что же так сияет,—
Хочешь ты спросить?
Что сиянье солнца
Может здесь затмить?

Это стройки наши
Выстроились в ряд,
Фабрики, заводы
Солнцами горят.

Солнечно сияют
Наши города,
Ими горд народ наш,
Родина горда.

А вдали, отсюда
Видная едва,
Заревом сияет
Красная Москва.

Всей страны столица,
Мать всех городов,
Свет особый льется
От ее дворцов.

Равного сиянья
В целом мире нет:
Это — свет науки,
Ленинизма свет!

И, всему хозяин,
Мирно здесь живет
Наш народ великий,
Трудовой народ!

Празднуют сегодня
Люди Новый год.
Вы — наш гость желанный,
Наш народ Вас ждет!

— Стар я, но на свете
Должен вечно жить,
В коммунизме гостем
Рад у вас я быть!

Так старик ответил,
И они вдвоем
К людям, к елкам, к детям
Входят в каждый дом.

А в домах сажают
Люди их за стол,
Говорят: счастливый
Новый год пришел!

ГЕРОЙ

Вот он, времени герой,—
В жизни появился в срок.
Сила, дух в нем боевой,

Твердый, острый, как клинок.
Не иссякнет никогда
Мужество в его лице.
Смело, лишь команду дай,
В бой рванется! Нет в бою
Злобы, наводящей страх,
Словно тигр перед прыжком.
Молнии не шлет во мрак,
Не шумит, как вешний гром.
Нет, совсем он не такой,
Но случись в пути враги —
Дрогнут под его рукой
И направят вспять шаги.
Выбирая в жизни путь,
На бойца похожим будь!

сентябрь, 1939 г.

ЗАКОНЧИЛ УЧЕНИЕ

Кончился учебный год.
Время в лагерь выезжать.
Я люблю, уйдя в поход,
В летней тишине мечтать.

Вот я летчик. В облаках
Легкой звездочкой плыву
И друзей издалека
Песнею винтов зову.

Вот садовник я. Бутоны
Красным выстрелил цветком.
Мной взлелеян и возвращен —
Сколько совершенства в нем!

А теперь фотограф я,
Мастер солнечных тонов.
Улыбнитесь-ка, друзья,
Снимок будет вмиг готов!

Пограничник я — и вот
Мной задержан грозный враг.
От него не отстает
Пес мой верный ни на шаг.

Физику любил наш класс,
Дружно химию зубрил —
Как легко летучий газ
Шар воздушный окрылил!

Быстр, как птица, на подъем!
Техниками мы растем.

1939 г.

КОГДА СТАНУ ВЗРОСЛЫМ

Доблестным, как подрасту,
Отчего бы мне не стать —
Буду виден за версту,
Храбрым воинам под стать!
Твердым, как булат лихой,
Отчего бы мне стать,
Благородства красотой,
Словно слиток золотой,
Отчего не засиять?
В руки с песней боевой
Знамя с желтой бахромой
Отчего бы мне не взять?
Острой саблею звеня,
В путь веселого коня
Отчего не оседлать?
В сети недругов своих,
Выследив, как зверя, их,
Отчего бы не поймать?
Встретившись лицом к лицу,
Отчего бы их бойцу
Саблей не пересчитать?
Если ты и вправду смел,
Можно ли без этих дел
Доблестным себя считать?

ОВЧАРКА-МЕДАЛИСТКА

Ростом с лошадь — погляди! —
Лапами толкая дверь,
На ночь запертый в клети,
Мечется огромный зверь.

Сердце тигра — на врагов,
На непрошенных гостей.
Ужас навести готов
Лязг железный челюстей.
Вот он, вставший во весь рост
С величавой статью льва —
Долг такого зверя прост:
Злых врагов одолевать.
Человека лучший друг
Узнается ль в звере том?
Сколько он поймал ворог,
Лезущих в наш отчий дом!
Это же овчарка — страж
Неприступных рубежей.
Командир заставы наш
Дал медаль за службу ей!

1939 г.

ПЕСНЯ УЧЕНИКА

Ласковая, словно мать,
Школа, мой любимый дом,
Где текут учебы дни
Теплым белым молоком.

У груди твоей родной
Многих книг я понял суть.
Завтра я в большую жизнь
Свет твой добрый понесу.

Вспомню с нежностью, что я
Был твоим учеником,
Средь подснежников весны
Красным пламенел цветком.

Хоть шалун, но у меня
Строгий взгляд на вещи есть:
Всем питомцам ты дала
Правду, совесть, знания, честь.

Все, что получил, Земле
Мужественно я отдам.
В жизни столько я найду —
Сколько в ней открою сам.

сентябрь, 1939 г.

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ

Белый сокол пал на землю и затих,
Тот, чьи когти драгоценней золотых.
Гордой грудью на свободу рвется он —
Но сетей не разорвать ему тугих.

В закипающей крови томленья зной,
Взгляд, пылающий от ярости немой.
Другу — песня, пуля верная — врагу,
Не поет в сетях прославленный герой.

Жизнь проживший, к утру светлому стремясь.
Оттого ли в ней, как ты, не поместясь? —
Белый сокол бьется, пойманный, в сетях,
Твой поэт, твой друг прославленный — Тарас.

О Тарас, сегодня всходит твой посев,
И в сердцах, что зреют в несенной красе,
Чистым золотом навеки тиснено
Твое имя соколиное у всех.

МАЛЫШ

Нежной травки стебелек —
Пыл в мальчишьем сердце жгуч,
Щеки ласково ожег
Радости весенней луч.
Блещут черные глаза,
Юный ленинец, герой!
К знаниям яростный азарт
В небо тянется горой.
Волей, острой, как клинок,
Одарен ты с юных лет.
Солнце и луна, дружок,
Подивились тебе вслед:

«Кто этот бесстрашный лев?»
Вижу, вижу — что ни час
С каждым днем мужаеть ты.
Я доволен: ведь у нас
Путь один, одни мечты,

май, 1939 г.

ПУШКИНУ

Щедро льется его песен дивный мед,
Яркокрыл в его словах мечты полет.
До краев переполняет душу стих —
О поэт, что с новой силой в жизнь зовет.

Тронув в сердце заново струну,
Стих уносит твои думы в вышину,
Весь по-повому открыв перед тобой
Мир, к которому ты руки протянул.

Наполняет его песен дивный свет,
Откликается на них любой поэт.
Если чуткого коснется слуха стих —
Чья душа не зазвучит ему в ответ?

Как в простор впервые смотрят малыши,
Так стихам его в торжественной тиши,
Как учителю мы вторим своему
Потрясенными глубинами души!

июнь, 1939 г.

ЗОЛОТОЙ РОДНИК

ЖИВОЙ родник, прекрасный чистый ключ,
На дне его играет солнца луч,
И в глубине, прозрачной, как кристалл,
Бьет жизни ток, необорим, кипуч.

Нет счета тем, кто смело к правде шел,
Нет счета тем, кто был и бос, и гол,
Навек связал свои надежды с ним,
И счастья в нем, и жизни смысл обрел.

ДЖАМБУЛУ

В этих степях любимец народа,
Подобный Гомеру родился певец.
Гимны он создал свободе и счастью,
Джамбул — сладкозвучного кюя отец.

Ты — старец годами, но молод душою,
От песен твоих на душе мне тепло.
Скажи же: как столько прекрасных творений
В сердце твоём уместиться смогло?

Достоин певец высочайшей награды,
Вождю посвятивший огонь своих слов.
Позволь мне свое восхищенье прибавить
К любви твоих верных учеников.

СЛАДКАЯ ПЕСНЯ

(Абаю)

Песня прекрасна, как трепет души.
Я ее видел когда-то во сне.
Слова этой песни, как мед, свежи,
Смысл ее с детства дышит во мне.

Песня ласкает мой чуткий слух
Звуками небесных струн,
Всех, кто к мелодии светлой не глух,
Учит она красоте и добру.

Песня сияет алмазами слов,
Благоухает, точно шербет.
Каждому сердцу дарит она
Свой лучезарный и нежный свет.

Каждому песня в чем-то близка,
В каждом ответное чувство найдет.
Среди разнотравья бескрайних степей
Чудесным тюльпаном она цветет.

Эту песню Абай сотворил,
Сладкую песню, отраду души.
Новую в небо звезду он пустил,
Вечно ей суждено светить!

ПОЭМЫ

СВЯЩЕННАЯ НОЧЬ

Это было лет шестьдесят
Или больше тому назад.
В Казахстане царил коран,
Месяц был тогда — ураза.

И сказали людям муллы,
Столковавшись между собой,
Что одна из ночей уразы
Не простою будет — святой.

В эту ночь, как учил коран,
Правоверных ждут чудеса.
Все желания сбудутся тех,
Кто в ту ночь не сомкнет глаза.

Наступала «святая» ночь,
Опускалась на степи с небес.
Легковерен был наш народ,
От аллаха он ждал чудес.

Засверкали тысячи звезд,
Горделиво всплыла луна,
Миллион смотревших ввысь
Мусульман озарила она.

Ведь такая святая ночь
В жизни может быть только раз
И народ стоял и стоял,
Не смыкая бессонных глаз.

В эту ночь, как пророк гласит,
В час, когда неблизок рассвет,
Небо радуга озарит,
И прольется нездешний свет.

Людам, добрым не на словах,
Тем, кому был неведом грех,
В эту ночь принесет Аллах
Исполненье желаний всех.

Соберутся вместе они
И войдут тогда прямо в рай.
Будут песни вокруг слышны,
И еды всем — хоть отбавляй!

Рассуждал народ меж собой:
«Если мы в положенный час
Расстилали коврик всегда
И всегда совершали намаз,

Почему же мудрый Аллах
Не воздал за добро нам добром?» —
И знаменье на небесах
Ждали все в заблужденье таком.

И была их вера крепка
И настойчива, как никогда.
Вот что сделали муллы с людьми
При поддержке баев тогда!

Утро близится, чуда все нет.
Тут, уверен в себе, как скала,
В белоснежной большой чалме
Показался народу мулла.

Что-то шепчут губы его,
Он готов повести всех в рай.
Рядом с ним друг всегдашний его —
Показался народу бай.

У Аллаха что им просить?
Им и так хватает добра!
Только б им усмирить народ,
Что напрасно ждал до утра.

Закричал народу мулла,
Что Аллаха народ прогневил,
И поэтому людям он
Лица светлого не явил,

Чтоб народ уходил по домам,
Раз уже начинался рассвет,
Чтоб молились больше стократ...
Но народ вдруг ответил: «Нет!»

«Мы и так постимся всю жизнь,
Каждый день для нас — ураза.
Не хотим, чтобы нам мулла
Ослеплял обманом глаза!

Мы — голодные, холодно нам,
Каждый — беден, разут, раздет.
Мы не верим сказкам твоим,
И терпенья у нас больше нет!

Больше мы не верим в коран!
Нам не нужен такой Аллах,
Что заботится на небесах
Лишь о баях и о муллах!

После смерти какая жизнь?!
Мы не верим больше в нее!
Что за радость после того,
Как в земле до костей сгниешь?

Мы устали сказки твои
Слушать, вечно блуждая во мгле.
На Земле мы счастья хотим!
Радость нам нужна на Земле!»

Взбешен бай, мулла разъярен,
Всем он гневом Аллаха грозит,
Громко: «Вероотступники!»— он
Уходящим вослед кричит.

И свершилось чудо тогда:
Баям всем и муллам назло
Над степями моей страны
Огнеликое Солнце взошло.

Светлым стало лицо Земли,
День людей звал к счастью, вперед.
И увидел правильный путь
К светлой жизни казахский народ.

Этот путь отбрасывал прочь
Всю исламскую дребедень.
Позади оставалась ночь,
Впереди — сияющий день!

Люди поняли в эту ночь:
Не аллах им желанное даст,
А народ упорным трудом
Счастье жизни своей создаст.

Эту ночь, что звали «святой»,
Наш народ СВЯЩЕННОЙ назвал:
Перестал он просить и молить,
Он могучим народом стал!

Этот путь нас к победам повел
Через славный семнадцатый год.
Победил угнетателей всех
Мой великий казахский народ.

На просторах Сарыарки,
Над разливом озер и рек
Стал хозяином навсегда
Наш трудящийся человек.

1939 г.

АЙСУЛУ

Часть первая

Девушка в горах

Улытау величавой полны
красоты,
Так сверкают, что взор не отнимешь ты.
Белокрылою юртой на юге лежат,
Протянув горделиво на север хребты.
Изумрудные камни на солнце блестят,
Маки алые у основанья горят.

Опрокинулась чаша синих небес,
Серебро на камнях засверкало окрест,
Одеянье шелковых облаков
Как наряды красавиц и юных невест.
Иногда сбросит ветер рукою бывалой
Облака, как красавицы покрывало...

Скалы, эхо и горная красота,
Вы послушайте, что вам кричит сирота,
Даже тигр застыл на тревожной тропе,
Слышит голос девичий,— кричит неспроста.

Услыхали ее и архар и киик,
Этот голос тревогой в их сердце проник,
А трусливые зайцы в паническом страхе
Врассыпную в кустах попрятались вмиг.

Лишь орел на вершине безмолвно сидит,
Не жалеет, недвижим, слышит, следит.

Не ответили горы на горький вопрос,
Все лицо ей залили жемчужины слез,
Кое-как доплелась, добрела еле-еле,
И на камни, покрытые мохом, присела.

— Как беды избежать, кто подскажет, как быть?
До рассвета дожить бы, молю у судьбы.
Не отпустят теперь бездушные горы,
Следы лютых зверей вижу я у тропы.

Злые горы, вы стали немою тюрьмой,
Нежной девой росла, что же будет со мной,
С ранних лет невезучей, несчастной была,
Неужели вершина — дом мой родной?

— Жеребеночек мой,— мне отец говорил,
Он лелеял меня, ласкал и любил,
О несчастный отец мой, несчастный отец,
Где он, этот злодей, что тебя погубил?

Всех на свете печальней была моя мать,
Все заботы ее, чтоб дитя воспитать.
Мать не переживет, коль погибнет дитя,
Что печальнее этого можно сказать?

Что ты видела, мама, что видела ты?
Кроме бедствий, горестей, нищеты?
Ты всю жизнь проработала, спину сгибая,
Скот растила, чтоб вырваться из нужды.

С молоком в меня мудрость вливала она,
Украшенья для свадьбы моей собирала она,

Серый ястреб голову спрятал в крыло,
Лучше смерть, он подумал, чем эти дела.

Зайцы в темные норы залезли свои,
Кишки в место тихое перешли,
Даже тигр, рассердившись на этот грохот,
Все равно в укрытья ушел свои.

Ветер злее ударил, разрушить не прочь
Все вершины и скалы, глядящие в ночь,
Загудел в темном небе отчаянный ветер,
Боже мой, что за сила в природе и мощь!

Небеса загремели, загрохотали,
Крупным градом, как мячиками, заиграли,
Тут и ливень хлынул в довершение всего,
Среди туч громы-молнии засверкали.

И, ломая деревья и камни свергая,
Дождь и снег зашумели, друг другу мешая,
Переполнился бурным потоком ручей,
Валуны и деревья с собой увлекая.

Пусть грохочет горное столпотворенье,
Пусть пугает зверей это злое движенье,
Не зверье нас волнует, не горные вихри,
Не они интересны нам в это мгновенье.

Одинокую девушку жаль, сироту,
Заблудилась, бродя среди гор.

Красоту

Не понять ей диких, таинственных мест,
Где теперь эту девушку я найду?

Горы стали девушке страшной преградой,
Сирота, что ей в жизни стало отрадой?
И тревожится сердце мое за нее,
Пусть живую останется, это мне надо.

Когда горы грозою сходили с ума,
Когда солнце закрыла облака тьма,
Отдыхая, сидела она на камнях,
Где сползала с камня мха бахрома.

Если ты попадешь туда, будь же уверен,
Камень тот у вершины лежит, над щелью,
А тропинка, спускаясь оттуда, ведет
Прямо к круглой и очень просторной пещере.

Но в пещере просторной надежды не жди,
Тут зверье обитает, миг до беды,
И никто к той пещере не приближался,
Разве только в случае крайней нужды.

Полукруглые, серые тяжкие своды
Сверху давят своей многотонной породой,
Свет туда проникает скупыми лучами,
Из расширенного
путником входа.

И у самого входа смрадной пещеры,
В страхе мелко дрожа и в спасенье не веря,
Кареглазая девушка наша сидит,
В час грозы невольная наша потеря.

Когда горы камнями швыряли друг в друга,
Когда пенились горные реки упруго,
Она, бедная, спряталась в этой пещере,
В сильном страхе забившись в первый же угол.

И, в себя приходя, в пещере сидела,
И дрожала от холода всем своим телом,
Вдруг глаза ее встретились с красным сияньем
Чьих-то глаз, наблюдавших за ней между делом...

Он лежал, устремивши глаза на нее,
Взгляд вонзился в нее, как стрелы острие,
Это волк приподнялся на лапах своих,
Собираясь прыгнуть и слопать живьем.

— Всех несчастий моих было мало мне,
Волк сверкает глазами в ночной тишине,
Видно, час моей смерти пробил уже,
Ах, судьба, вот со зверем я наедине...

Если бросится он, то погибну я,
Рядом здесь никого нету, кроме меня,
Только вот почему не бросается зверь,
Есть ли выход, спасенье, о юность моя?

В этот миг кто-то — двое — в пещеру вошли,
Среди гор очень верно дорогу нашли,
— Спасена! Это люди!— сказала она,
Ее губы безмолвно молитву прочли.

Те, войдя, завели такой разговор:
— Я убить собирался их с давних пор...
И слова эти девушку жаром обдали,
Это были степные разбойник и вор.

Молодое сердце забилося сильней,
— А теперь-то куда же деваться мне?
Это, видно, бандиты, воры, убийцы,
Невидимые в степной стороне.

— Ты убил, но с какой рубил стороны?
Нет серьги, ты не чувствуешь разве вины?
Ты башку отрубил, потерялась серьга,
Золотая серьга твоего врага!

Из-за этих серег человека убил
Просто так, иль из мести кровь он пролил,
Стал оправдываться жестокий убийца,
Испугался, просяще заговорил:

— Когда в дом я вошел, они, вижу, лежат,
На постели вдвоем и в обнимку спят,
Рядом с нею лежал тот самый джигит,
Что обидел меня три раза подряд...

Стало жаль мне лежащую деву-молодку,
В небе темном луна колыхалась, как лодка,
Я выслеживал их несколько дней,
И кинжал показал мою тут сноровку.

Я отрезал головы этим двоим,
Поработал славно кинжалом своим,
Где серьга потерялась, теперь не скажу,
Быстро я удалился, растворился, как дым.

— Не в серьге мое дело, дело в удаче,
Атаман нас может понять иначе,
Многих денег стоит серьга золотая,
Подозренье падет, что ты ее прячешь...

Так стояли они, говоря меж собой,
В этой страшной пещере тьмою ночной,
В их курджунах — погубленных две головы,
В их глазах вороватых — блеск неживой.

Да, любому жизнь его дорога,
Был один, стало три у нее врага,
Наша бедная девушка в страхе не дышит,
Что ей чья-то там золотая серьга.

Не заметили двое, к счастью ее,
Темнота ее скрыла, счастье ее,
Даже маленький, тоненький звездный луч
Не провел в пещеру свое острие.

Эти двое прошли мимо девушки тут,
Дальше страшной пещеры прошли в темноту,
И когда уж не думала об избавленье,
Ночь открыла на небе златую звезду.

Волк, что в темной пещере недвижим лежал,
Лишь глазами сверкал, не вставая рычал,
Он залечивал рану от пули ружейной,
И встречаться с людьми совсем не желал.

Но не мог он двинуться, весь был побит,
Кровь из ран его тяжких ручьями бежит,
Смотрит волк, видит: двое в пещеру вошли.
И подходят к нему, и оружие блестит...

Зарычал, чуя гибель свою, старый волк,
Два бандита тут затворами: шелк!
Из последних сил на них прыгнул зверь,
Обреченный, зная, не тот это толк.

Трое сбились в рычащий, кричащий клубок,
Два убийцы и старый израненный волк,
Но не им посвящен сегодня рассказ.
Речь о той, чей голос в пещере замолк.

Когда двое в схватку с волком вступили,
Когда криками своды ее огласили,
Она выбежала из пещеры наружу
И пустилась бежать от нее что есть силы.

Она не разбирала, что справа, что слева,
По дороге бежала совсем ошалело,
Средь камней по лунной тропинке бежит,
От отчаянья ставшая сильной и смелой.

От усталости бросилась к мшистому камню,
Но пути не нашла, лишь устала ногами,
Лишь виденья жестоких волков и бандитов
Пробегали цепочкой перед глазами.

Ей казалось вокруг пляшут духи и черти,
И желают ей страшной, жестокой смерти,
Молодая душа печали и страха
Нахлебалась вволю, вы уж поверьте.

Неизвестный доселе послышался шум,
Он потряс новым страхом девичий ум,
Крики, вопли жуткие нарастали,
Придавая пищу для новых дум.

«Жезтырнак проживает в этих горах,
На людей нагоняя смертельный страх,
К человеку приблизиться хитростью может,
Чтобы душу завлечь в неизбежный крах.

Как-то в горы приехал охотник великий,
Подстрелил он архаров и диких кииков,
И сидел у костра, бросив мясо на угли,
Да считая в сумке ружейные пули.

С шумом, треском горел в костре саксаул,
Легкий дым в облаках нависших тонул.
А охотник, поужинав мясом дичи,
Задремал потихоньку, чуть не уснул.

Вдруг красавицу видит, откуда взялась?
Иль послала ее любви сильной власть?
Иль решила охотника в диких горах
Соблазнить, разыграв любовную страсть?

Но охотник увидел палец из меди,
И ружье он достал и нацелил немедля,
Медный палец он сбил тому жезтырнаку,
Сам себя он спас от ужасной смерти.

Этот лес, тугай знакомы и мне,
Я охотился здесь, в лесной тишине.

А в альпийских лугах голубая трава,
Под росой дрожит золотая листва,
Красивей не найдешь этих радостных мест,
И от их красоты так легка голова.

Как ковер, что славным узором красив,
Пересыпанный жемчугами росин,
Луг лежит на крутых речных берегах,
С бахромою густой берез и осин.

Гроздья крупной смородины с веток висят,
Как глазенки, чернея, зовут и манят,
Ты идешь и срываешь большими горстями.
Этот берег — богатый ягодой сад.

Все богатства природы ради людей,
Только душу пойми ее и владей,
Доброте и заботе подчинится природа,
Если не пожалеешь пота и дней.

И, вкушая природы сладостный мед,
Пять-шесть юрт тут поставил бедный народ,
Эти юрты на правом стоят берегу,
Обступает их лес, от ветров бережет.

В крайнем доме горит, дрожа, огонек,
И в ночи он сияет одинок и далек,
Это старый Ахмет пьет вечерний чай,
В очаге его угли, чуть виден дымок.

Очень тихий, спокойный Ахмет — человек,
Добротою известный — доживает свой век,
Никого не обидел за долгую жизнь,
Даже слова худого в гневе не рек.

Никогда не служил он злобе иль злу,
Его дочкой единственной была Айсулу,
А в хозяйстве имелись корова да козы,
Огонек его юрты светился сквозь мглу.

И души он не чаял в дочке своей,
Нестареющим сердцем заботясь о ней,

Был он сыном хаджи, этот самый Халел,
Многих он убивал, стариков не жалел,
Он попался однажды в руки властей,
Но сбежал и от кары людской уцелел.

От охраны уйдя, в горы он прибежал,
К толстым баям и биям сам прибежал,
Вместе с ними аулы бедных губя,
В Каракумах спасался, от злобы дрожал.

Из бандитов таких же собрал он отряд,
Стали баев бегущих они охранять,
Кровопийцам, сгубившим многих людей,
Стали верно служить, их от бед защищать.

На джайляу стада баи расположили,
В Каракумы уйти меж собой порешили,
Стада перегоняли туда и сюда,
Улытау копытами изрешетили.

Конфискация стала им страшным судом,
И ушли они в горы с добром и скотом,
Подходящего часа ждали в горах,
Чтоб уйти за кордон и скрыться потом.

Собирали, копили, уж в путь им пора,
Только мало им было скота и добра.
Косяки и стада они перегоняли,
И в горах собирались с утра до утра.

«Я,— сказал им Халел,— поведу вас в поход,
Вот, джигиты, мы вместе двинем вперед.
Чтобы предков традиции сохранить,
Чтоб потом возродился байский наш род.

Конфискация — хуже, чем страшный джут,
Они землю возьмут и воду возьмут,
Когда люди хлебнут от Советов бед,
Тогда сами к нам они прибегут.

Что ж, джигиты, это последняя ночь,
Каракумы нас ждут, там пожить мы не прочь,
Люди там собираются, вооружившись,
Скоро там будет наша степная мощь.

Собрались мы бежать, значит, время пришло.
Никогда я не тратил попусту слов,
Только есть у меня желанье одно,
Мне с девчонкой одной не повезло.

Дочь-красавицу прячет от взоров Ахмет,
Красивее ее в местах наших нет,
Десять раз посылал я к Ахмету сватов,
Отрицательным был каждый раз ответ.

А теперь я не буду это терпеть,
Даже если мне встретится лютая смерть,
Нынче ночью с собою ее увезу,
Силой взяв, я хочу на нее посмотреть».

Когда это сказал он бандитам своим,
Зашумели они, согласились с ним,
— Халеке, в красоте разбираетесь вы,
Не уступите в этом юнцам молодым.

— Коль пятнадцать исполнилось девушке той,
Значит, надо затеять свадебный той,
Я однажды увидев ее, подумал,
Что она подошла бы вам красотой.

Айсулу ее имя, оборвем же ей перья,
А сама она словно волшебная пери,
Коль красавица попадется к нам в руки,
Вы, хозяин, будете мужем примерным.

Вы скамандуйте только, мы с вами пойдем,
Эту девушку свяжем и приведем,
— В этом деле не надо нам лишних слов,
Пусть же будет удача в набеге ночном.

Как сказал он, тут же раздался гул,
Каждый криком своим к его слову примкнул,
— Начинай,— закричал предводитель их,
И рукой указуя, джигитам махнул.

И бандиты вскочили тогда на коней,
Так решили судьбу Айсулу, ее дней,
От реки Косшоки они двинулись в путь,
Под сияньем звездных тревожных огней.

III

Ночь-красавица крепко с землей обнялась,
Сладких снов не разрушить прочную связь.
Даже ветер листвою не шелестит,
Тишина с красотой переплелась.

Вот луна потонула в густых облаках,
Вот она снова светит в златых небесах,
Звезды шепчутся, моргая друг другу,
Что-то хитрое спрятав в искрах-глазах.

Не шуршат, разомлев от тепла, тугаи,
Речка струи несет серебристо свои,
На ветвях неподвижно вишни висят.
А цветы склонили головки свои.

И в ауле Ахмета стоит тишина,
Все затихло в крепких объятиях сна.
Разбросала природа покой-тишину,
И имеет оттенки прохлады одна...

За оградою спят коровы и козы,
Серебристая шерсть сверкает при звездах,
Спят животные, как и весь этот мир,
Спит, забыв, что время тревожно и грозно.

Спит собака, во сне тихонько скуля,
В сладкий сон окунулась ночная земля,
Только вдруг этот пес с лаем вскочил,
На цепи заметался, визжа и пыля.

Приближаясь к аулу, копыта гремят,
В лунном свете винтовки и сабли блещут,
На аул налетели стреляя, круша,
Уничтожить, спалить его злобно хотят.

На скаку стали юрты они валить,
Из винтовок стрелять, слабых саблей рубить,
Напугали людей, разогнали скотину,
Стали жечь, разорять, губить и крушить.

Всех людей загнали в юрту одну,
Остальные, разграбив, предали огню,

Приказал возвратиться, звериный нрав
Показав, что людей он совсем не жалел.

Вмиг аул превратился в пламя и в пекло,
Юрты в прах превратились, очаги его в пепле,
Вместе с девушкой отряд ускакал,
На земле остался лежать аксакал.

IV

Горы им помогают в пути до конца,
Молодым и красивым, лихим молодцам,
Это красноармейцы, красные соколы,
Закаленные в битвах золотые сердца.

Это их поколенью покорилась мечта,
К ним за помощью ныне бежит беднота.
И защитники Родины, красные конники
Затаились в засаде у крутого хребта.

Средь камней они ночью холодной лежат,
Два солдата в дозоре зорко глядят,
Не сомкнут они глаз, будут ждать до утра,
Чтобы здесь подстеречь бандитский отряд.

Это конников красных дозор-караул,
Чтобы враг ненавистный не ускользнул,
Спят бойцы, и только один Командир,
Размышляя над картой, не лег, не уснул.

Даже стрекот кузнечика слышит дозор,
Ночь над ними раскинула звездный шатер.
Несмотря на прохладный, пьянящий воздух,
Не смыкают чекисты внимательный взор.

Ждут чекисты в засаде злого врага,
Запрокинулся месяц, раскинул рога,
Словно девушка, изогнулась арча,
А листочки ее блестят, как серьга,

А Великие горы грозны и круты,
На людей они смотрят с большой высоты,
Не скажу, что они, безучастные, спят,
В этот час ожидания и темноты.

Горы мудрые
древние тайны хранят,

Не смеются, не плачут, безмолвно стоят,
Ночь накинув на плечи, уснули они,
Лишь в ущельях глубоких потоки журчат.

Кто в них прячется, в этих грозных горах,
Человек или зверь, глубоко пряча страх?
Ждут бандитов чекисты, в дозоре не спят,
Вьется горная тропка от них в трех шагах.

Два батыра не спят, все глядят на тропу,
Это их наблюдательный, зоркий их пункт,
Вот они услышали топот далекий...
Приближается он, веря в бога, в судьбу.

Командиру тотчас они дали сигнал,
Командир всех бойцов поднять приказал,
И все явственней слышен топот копыт,
Это банда уж въехала на перевал.

Из укрытья за ними следит командир,
Он в бинокль разглядел Халеля мундир,
Из английской шерсти сшит его китель,
Что ж, теперь мы в нем сделаем несколько дыр..

Командир приготовиться к бою велел,
Но и так уже каждый взят на прицел,
Словно беркуты, зорко следят за врагами,
В перекрестье винтовок взят был Халел.

И бандиты проехали тропкой в ложину,
Громко что-то крича, смеясь без причины,
Прямо перед засадой они разместились,
Так на мясо бросается табор мушиный...

И бойцы приготовились, но не стреляли.
Словно беркуты, что лису увидали.
И не дал приказа еще командир,
Он оглядел, как бандиты все прибывали...

Уже утро светает, восток заалел,
Командир на бандитов в бинокль глядел,
— Пусть здесь все соберутся, ударим тогда,
Ни один чтоб разбойник не уцелел.

Тут на белом коне показался главарь,
Сам Халел — жених хоть куда, хоть и стар,

Сердце тянется к светлой лирике Гейне,
А Бетховен — мощный музыки гений,
Рядом с ними твой поэтический дар
Обретает крылья и озаренье.

Я ведь тоже, читатель, душою поэт,
Много песен моих появилось на свет,
Я в вечернем парке люблю побродить,
Окунувшись весь в электрический свет.

Посмотри, как луна висит молодая,
Люди в парке прогуливаются, отдыхая,
Легкий ветер ласкает лица прохожих,
Под рубашками кожу слегка освежая.

Каждый с другом гуляет или с подружкой,
Вот девчонки держат друг дружку под ручку,
Эти двое резвились, как жеребята,
А теперь делят яблоко аккуратно.

Вечер молодости, летний вечер земли,
Возвратись безоглядно в объятия мои!
Ты, прохладный, северный, Родины ветер,
Приласкай лицо молодого поэта.

Вот ведь жизнь какая у молодых,
Все мечты сбываются ныне у них,
В городском саду среди ярких цветов
Отдыхать, к сожалению, я не привык!

Я ведь тоже красивый и стройный джигит,
В моем сердце огонь словесный горит,
Среди ста миллионов творцов молодых
Вам о тайнах стиха оно говорит.

И сегодня желание есть у меня,
Пусть мечты мое сердце в дорогу манят,
Песня хочет выплеснуться из груди,
Этот мир воспевая, славу этого дня.

Вместе с этим тревожит сердце печаль,
И друзья меня ждут, им времени жаль,
То, что трачу сейчас я на стихи,
Слог оттачивая, как острый кинжал.

Ведь по жизни печалась, народы прошли,
И акыны на крыльях парить не могли,
Но ведь я не такой, я не прежний акын,
Я пою песни нашей новой земли.

Я — эпохи новой певец и поэт,
Воспеваю новой жизни рассвет,
Власть Советская вырыла байству могилу,
Исчезает байство, сходит на нет!..

2

Вот с подругою в парке гуляет джигит,
Он веселою шуткой ее веселит,
Ну а девушка — жизни цветок золотой,
Ее, как в колыбели, жизнь наша растит.

А сердца их наполнены тайною негой,
В их словах мы услышим великую нежность,
Они рады свиданью, трепетной встрече,
Не могли они встретиться радостно прежде.

Вот две девушки в парке гуляют вдвоем,
И красавица справа, как солнышко днем,
Увидав ее, я вострепнулся душою,
Мне вдруг кажется, где-то я видел ее.

Мы же к ней возвратимся чуть-чуть погодя,
Пусть они отдыхают, по парку бродя,
Ну а город счастливый в сады погружен,
Он счастливые жить начинает года.

В нашем городе все цветет и растет,
Жизнь в лесах и садах, распускаясь, цветет,
И листочки травы глядят в небеса,
Мир зеленою жизнью весенней живет.

И растенья раскинули крылья ветвей,
Среди веток поет золотой соловей,
И ветер прохладный на листьях дрожит,
Неслышно головки шуршат ковылей.

Вот цветы перед зданьем украсили двор,
Они услаждают цветением взор,

Бьют Ленина в центре красных цветов,
А клумба в узорах, как будто ковер.

А музыка в парке поет и поет,
Домбра вдруг торжественно кюй поведет,
То, словно красавица, голос подаст,
Верблюдицей брошенной вдруг заревет.

Тяжелою нотой трагический кюй
Забьется над степью — нагонит тоску,
То сердце ласкает мелодии сладость,
Сырнай заиграет,— душа, заликуй!

И пары танцуют на летней площадке,
То в нежном танго — только чувствам смешаться,
То в вальсе, где главное — это движение,
То в румбе колотят каблук беспощадно.

Кому-то всех ближе ритмичный фокстрот,
А этот всех лучше румбу ведет,
Но вот вдруг забился лихой краковяк,
Вот танец так танец танцует народ!

И белою чайкой в ночных небесах
Фонарь электрический светит во тьмах,
А в небе луна, как луч на воде,
Ее отражение на темных волнах.

С любовью и тайной здесь пары сидят.
Друг другу в глаза молодые глядят,
А вот и на креслах знакомые нам
Две девушки — что и о чем говорят?

Одна — Айсулу, а другая — Сара,
Проводят вдвоем они вечера,
Прощаются с парком сегодня они,
Как видно пришла расставанья пора.

Знакома нам с давних времен Айсулу,
Вы помните горы, пещеру, скалу?
Тот камень, где в грусти уснула она,
Но не подчинилась разбою и злу.

О жизни ее рассказать нелегко мне,
Читатель, ты сам красавицу вспомни,
Сегодня нежданно встреча случилась
У двери в одну из учебных комнат.

В просторном фойе ждал кого-то джигит,
Он видит, что стайка девчонок бежит,
К одной обратился со словом: «Саулем!» —
И голос его в волненье дрожит.

И только сказал он ей: «Саулем!» —
Как девушка, на удивление всем,
К нему подбежала и поцеловала,
И вдруг зарыдала, — ну это ж совсем.

И **ВОТ**, уж обнявшись, стоят в коридоре,
Их объединяет и радость и горе,
От радости крепко друг к другу прильнули,
И счастье сияет на лицах, во взоре.

Особенно плачет красавица эта,
Наверное, горе ее безответно.
И слезы-жемчужины льются из глаз,
Сочувствуя, люди смотрят на это.

Они на двоих глядят удивленно,
Наверное, думают, это влюбленные,
Вокруг собираться стали студенты,
Их встречей нежданною удивленные.

И слезы на тонких ресницах блестят,
Слегка затуманен задумчивый взгляд,
И волосы в черную косу завиты,
Рукой приласкать зовут и манят.

Уже разомкнули объятья они,
Стоят, вспоминая минувшие дни,
Но кто же они, что встретились так,
Мы вам без утайки расскажем о них.

Джигит, что минуту тому лишь назад
Стоял, обнимаясь, глядит ей в глаза.
— Неужто соскучилась так, — говорит, —
Гляди, на щеке какая слеза!

— Конечно, конечно, скучаю, ага,
Не знаете, мне ваша жизнь дорога,
Скучаю по вас и боюсь я за вас,
Все время о встрече мечтаю, ага.

Вы здесь, это явь или сладостный сон,
Откуда вы здесь, с какой из сторон?
Вы сами меня на рабфак привели,
С отличием окончен был мною он.

Сейчас в институте живу и учусь,
И прошлое — тяжкий, пугающий груз.
Его вспоминаю со страхом всегда,
Источник оно моих горестных чувств.

Сказали вы, чтобы училась и я,
Но трудно учеба пошла у меня,
Ведь я до рабфака почти не училась,
Но здесь помогли мне учителя.

Сперва не справлялась с заданьем дневным,
И лила я слезы часом ночным,
И все ж победила, окончив рабфак,
В ВУЗ дали дорогу по знаниям моим.

Она говорила, собою гордясь,
Но не поднимая задумчивых глаз,
Лицо ее счастьем огромным светилось,
Все это дала ей Советская власть.

Джигит — аспирантом он был, и в Москве
Учился, скучая по ней и в тоске,
Теперь в институт он приехал работать,
Работать в родном своем городке.

Прошли приключения в страшных горах,
Великие Горы остались в степях,
И Жумадила на рабфак Айсулу
Направил, он был прогрессивный казах.

Дороже всего будет дружба у нас,
В счастливый он встретился девушке час,
А не было б юноши Жумадила,
Всю жизнь бы лила она слезы из глаз.

Всем сердцем своим потянувшись к нему,
С любовью большой потянулась к нему,
Единственный друг он был у Айсулу,
Всех родичей ближе он стал Айсулу.

Злодеи обидеть могли сироту,
Сорвали б, как цвет, всю ее красоту,
Но встретился в жизни ей этот джигит,
Из бед ее вырвав, он дал ей мечту.

Их дружба граничит с любовью большой,
Владеет он сердцем ее и душой,
Направил ее на учебу джигит,
Решенье совпало с девичьей мечтой.

IV

Она хорошо его поняла.
Учеба сначала трудно пошла,
Без дней выходных все читала она,
Учеба все дни у нее отняла.

Отныне не выпустит книгу из рук,
И знания определяют ей круг,
Как будто из золота сделаны книги,
Сильнее они друзей и подруг.

И девушкой были усвоены знания,
Профессия выбрана ею, призванье,
Она стала мудрой, еще красивее,
Любимого выполнено заданье...

Настала рабфак окончить пора,
ВУЗ недостижим был, как гора,
И вновь Айсулу потянулась к вершине,
За книгой просиживая вечера.

Иные рабфакówki замуж пошли,
Другие в работе отраду нашли,
А третьи решили на будущий год
Учиться, по конкурсу в ВУЗ не прошли.

Иные, губы накрашив и бровь,
Мечтают, когда их настигнет любовь,

Другие: «Учиться, учиться, учиться»,—
Как и Айсулу, говорят вновь и вновь.

И за Айсулу увиваются тут,
Красавица не предала красоту,
Ни с чем уходили юнцы и мужчины,
Одну пустоту ощутивши во рту.

Ходили за ней в институте гурьбой,
Она хороша была телом, душой,
Записки ей пишут, слова говорят,
Пылают сердца их любовью большой.

Одним из них был джигит Сумелек,
Халела сынок, пустой человек.
Халел же, скрываясь в городе этом,
Свой старческий доживает век.

От девушки получил он отказ,
В нем байская кровь закипела тот час.
— Отцовское слово мне будет поддержкой,
И лютое зло затаил он как раз.

— Мозги мои, верно ли мыслят они?
Мне девушка застит светлые дни.

Читатель, попозже вернемся к тому,
Что там за сюжеты в поэме видны.

Любовь не дает джигитам покоя,
А у Айсулу на уме не такое...
Ее лишь учеба интересует,
Лишь знанье — богатство ее дорогое.

Красавицы лик молодцов волновал,
И каждый любовью великой пылал,
И таяло сердце джигита, как мед,
Поближе быть к ней, стать мужем желал.

Она белолица, а брови тонки,
Изящны и локти и пальцы руки,
Волнуют изгибы точеной фигуры.
ДНИ тех, кто влюбился в нее — нележки.

Светло и открыто ее смотрят глаза,
Блестит, как смола, дорогая коса,

Как будто миндаль самаркандский, горят
Зубов белоснежных сверкающий ряд.

Как шелк, натянувшись, горло дрожит,
К груди лебединая шея бежит,
А плечи и груди настолько изящны,
Богиней такой лишь Парнас знаменит!..

О, яблоч упругих весенний налив,
Кого осчастливит, собой наградив?
Счастливец, кому она станет женой,
Характер и мягок, и терпелив.

Фигурка ее гибка и стройна,
Как юная, вечная эта сосна,
А тонкие икры легки и красивы,
Степной красотой изящна она.

Она не рассердится по пустякам,
Слова говорит, сразу веришь устам,
Ее голосок, как звучание флейты,
Услышишь, и легче становится вам...

Язык ее точен, краток, остер,
Начнет и продолжит любой разговор,
А ум ее тонок и прозорлив,
В степи образованных мало сестер.

Когда бы все женщины были такие,
Умом и характером золотые,
Мы были бы счастливы в семьях своих,
И радостны были бы семьи степные.

Так сводит джигитов с ума Айсулу,
И тем пресекает молву и хулу,
Конечно же, есть и красивей ее,
Красота же сопутствует редко уму.

Краса человека в поступках видна,
И счастье, когда красота не одна,
Наталя Пушкину чем помогла?
Спасла ли от боли поэта жена?..

Кто видел в красавицах смысл иль толк?
Легко ли распутать любовный клубок?

Но кто же красивых, увы, не любил?
Их Шелли высмеивал...
...И падал у ног.

Судьба наших женщин трудна и тяжка.
В застенках столетья томилась она.
В степи нашей трудно красавицей слыть,
Она добродетельною быть должна.

Степные красавицы вышли на свет!..
Краса их народу нужна, как рассвет!
Великий Октябрь им дорогу открыл,
И их воспевают советский поэт!

Айсулу — юный лебедь, взлетающий ввысь,
И ей облака по нраву пришлись,
Жизнь, встретить ее песней, лаской, приветом,
Чтоб кюи во славу ее полились!

Пять лет миновали учебы, труда,
Отлично сдает все предметы всегда,
Она не ленилась, тома изучая,
И знания — друзья ее навсегда!

V

Уснул летним сном степной городок,
И электросвет на улицы лег.
Луны отраженье дрожит на воде,
Горит огоньками небесный чертог.

Две девушки тихо беседу ведут,
И поздно уже, скоро полночь пробьют.
Весь вечер они говорили о том,
Как жизнь трудовую скоро начнут.

Их ждут Джезказган и Караганда,
Они инженеры, все эти года
Потратили, чтобы учеными стать,
Шахтеры их ждут, медь, уголь, руда.

Похоже, что Сара весьма смущена,
Открыто не скажет об этом она,
Прощения хочет просить у подруги,
Чтоб в жизни была она ей прощена.

Все с нею случилось не так уж давно,
Однажды она получила письмо,
И значился адрес родных на конверте,
Но было с письмом небольшое «но»...

Была Сара рада письму от родных,
Скучала по ним, и помнила их.
Руками дрожащими вскрыла конверт,
Но выпал листок из рук в этот миг...

И с пола подняв, прочитала она,
Покраснела, обрадована и польщена...
Неизвестный писал о любви своей к ней!..
И задумалась Сара, присев у окна.

К Айсулу с тем письмом наша Сара пошла,
Чтоб она ей советом каким помогла.
Но, придя, не сказала ей ничего,
— Просто так я пришла.— И тем солгала...

И однажды ночью в весеннем саду,
Обнимаясь, гуляя, двое идут.
Они, оба, очень знакомы нам,
Но зачем они вместе аллеей бредут?

И джигит ей тайну письма рассказал:
— Я адрес обратный не свой написал,
Боялся, что ты не подпустишь к себе...
— Уловку нашел ты, хитрец и нахал.

И девушка будто бы тает, краснеет...
Творится необъяснимое с нею,
Она невпопад отвечает, вздыхает,
Коса распустилась и стала длиннее...

Джигит же целует и смотрит в глаза,
И тайное что-то ей хочет сказать,
Как будто ребенок, лопочет и шепчет,
Ее обнимает, как ветку лоза...

«Душа моя, солнышко...— шепчет злодей,
Прожить без тебя не могу пары дней...»
У Сары же взор затуманен, а он
Стремится цели добиться своей.

Пришли они в старый, покрашенный дом,
У Сары все мысли смешались клубком.
Когда зазвенел, закрывшись, крючок,
Она прошептала: «Не надо, потом...»

Позднее ошибку свою поняла,
Стыд щеки заставил свечою пылать.
Когда же узнала о том Айсулу,
Обидеть Сару она не смогла.

«Прости, дорогая,— сказала Сара,—
Всегда ты была как родная сестра,
Как буду я жить без поддержки твоей,
Ведь уж расставанья настала пора.

Подруга, товарищ, послушай меня,
Ты будешь со мной до последнего дня.
Ошибка — для молодости характерно,
И ныне жестоко ошиблась и я...»

«Ах, Сара, все люди в мире равны,
Немного достигших златой вышины.
И кто-то в любимчиках ходит у жизни,
А есть нелюбимые дочки, сыны.

И кто-то стремится в воздушную высь,
А кто-то, как камень, катится вниз...
А трети хитрят, ловчат, извиваясь,
Узлами сплетен запутают мысль.

И кто-то карьеру себе сделать смог,—
И вверх совершил без препятствий бросок,
А кто-то, красуясь, годы растратил,
И словно вода впитался в песок.

По жизни легко никому не пройти,
Повывелись те дорожки-пути,
И ты не отстань от идущих вперед,
Не мало таких, что бредут позади.

Ты, Сара, неужто такой человек?
И разве растратишь впустую свой век?

Вглядись в исторические времена.
Там жизнь человека страшна и темна.

И трудно жилось Руссо и Абаю,
Но в этом разве была их вина?

А в жизни полно самых разных людей,
На них не написано, кто же злодей...
И то, что случилось с тобою — урок,
Пусть не затмевает будущих дней.

Ведь ты не глупа, знания есть у тебя.
Тебя проучила однажды судьба.
Народу нужны его инженеры,
А как инженер ты совсем не слаба.

Жизнь честно прожить тебе хватит ли сил?
И твой соблазнитель тебе уж не мил.
Почему я должна о тебе плохо думать?
Никто меня жалости не разучил».

— Ты тоже прости, не попомни же зла.
Я тебя, Айсулу, лишь теперь поняла.
Заморочил мне голову гад Сумелек.
— Ты пойми, Сумелек — это злой человек!

С давних пор Сумелек этот мне знаком.
Мне б вовеки не знаться с таким земляком.
Я потом поняла его черную душу,
И отец Сумелека — Халел — был подлецом.

Он, Халел, мою жизнь чуть не погубил,
Он отца моего по-бандитски убил.
Это было в горах, где девчонкой жила я,
Этот случай мне страшным опытом был.

И сегодня Халел оказался живой...
Это враг мой навеки, враг, конечно, и твой.
Его сын неспроста учится с нами,
Ждут момента, чтоб снова устроить разбой.

Времена их прошли, миновали уже.
Наша жизнь стоит на ином рубеже.
Много страшных дней в моей было судьбе,
Кто такой Сумелек, стало ясно тебе?

И тогда обе девушки обнялись,
И глаза их светом дружбы зажглись.

— Завтра вечером в поезде встретимся, да! —
Прощались тепло они и разошлись.

И сама Айсулу тоже к дому пошла.
Память пламенем ярким мозг ей зажгла.
Охлажден ее пыл был прохладой ночной,
Но спокойно вздохнуть она не могла.

Ночь окутала мягкие плечи ее,
Айсулу же идет, вспоминая свое.
Пусть не встретятся больше горести ей,
Ночь красива, как Айсулу...

А в степи

Очень мало, как Айсулу, дочерей.

...Ночь темна.

Скоро будет двенадцать часов.
И зажглись в небесах мириады миров.
Красноглазый Халел злобен и хмур,
Подзывает он сына на пару слов.
— Что ты дома проводишь все вечера?
Не настала ль за ум взяться пора?
Если завтра умру, кто вместо меня
Наше дело продолжит?..

Снились деды вчера...

Ради памяти предков потратил я жизнь.
А теперь твое время пришло. Покажись!
Мне осталось дожить как-нибудь свои дни,
Твое время настало, давай же, решишь!

Знанья высшие людям дает институт,
Бедняков уже тыщи обучаются тут.
Когда вижу я это, злобой киплю,
Батраки наши
жизнью счастливой живут.

Вот об этом я думаю ныне, сынок.
Эта мысль, как болезнь, просверлила мне мозг.
Надо через тебя что-нибудь сотворить,
Чтобы сбить институт с его каменных ног.

Это знаний гнездо, оно нам лишь во вред.
Ты в него поступи, проучись пару лет.

Он студентов сбивал с верной дороги,
Их большие планы портил, мешал.

Ногу он подставлял идущим вперед,
Ведь не все понимали, что хитрит он и лжет,
Проникала отрава лживых речей
В мозг студента, и он становился тот.

И учеба не шла и валилась из рук,
«В книгах — ложь...» — внушал им враг, а не друг.
Скрытый враг пострашнее открытых врагов,
Его не уничтожишь сразу и вдруг.

Черной злобой, как потом крутым, исходя,
Друг на друга сплетней людей наводя,
Наговорами путал друзей и подруг,
Словно дымный костер, дымя и чадя.

Тут же с ними училась его сестра.
Он ей станет врагом — настанет пора.
Она вправду любила жизнь, как стихи,
Она власти Советской дочкой была.

Ее звали Айман, близкий друг Айсулу,
Всей душою любила подругу свою.
Они вместе учились, вместе читали,
Вместе песни пели, вместе мечтали.

С Айсулу она дружит, привязана к ней,
Но не скажет о дружбе подруге своей:
— Настоящий мой друг, дорогая моя,—
Про себя говорит, признается ей.

Власть Советскую любит так же, как жизнь,
Всему учится быстро, лишь покажи.
Словно лебедь, она бросается в знанья,
Ее крылья-мечты несут — лишь держись!

Современный, как и Айсулу, человек,
Ради друга от благ откажется всех.
Ты, читатель, представь теперь ясно ее,
Современная она Кыз-Жибек.

А особенно у Айсулу к Айман-кыз
Чувства нежные, добрые родились.

И поэтому дружба их очень крепка,
Вместе все им дается, любая высь.

Айсулу помогает подружке в учебе,
В институте отличницами стали обе.
Брат Айман — Сумелек — наблюдает за ними,
Полный черной зависти, желчи и злобы.

Он любовью хотел Айсулу покорить,
Чтобы бросить потом, растоптать, очернить.
Но она разгадала мысли его,
Разве мог Сумелек хоть кого-то любить?

Вот закончила ВУЗ Айсулу, и теперь
Люди стали звать ее — инженер.
Джезказган — великан железной руды,
Распахнул ей объятья просторов и недр.

Высшим баллом в дипломе отмечены знания,
Будет строить она индустрии здание.
В злобе мечется в эти дни Сумелек,
Уничтожить хочет, жаждет свиданья.

Черной кровью кипит он: «Я Айсулу
Только встречу, на месте ее пристрелю!..»
Наставленье отца в нем крепко сидит,
Трудно жить ему стало, стал слугою он злу.

Караулит ее, поджидает везде,
Неужели ему она встретится здесь?
Он три дня уж не спит, хочет встретить ее,
Неужели услышим мы черную весть?

Ждет удобного случая этот злодей,
Но вокруг Айсулу всегда много людей.
«Айсулу уезжает завтра, и, значит,
Нынче вечером цели добьюсь я своей!..»

VII

Тревожные мысли терзают Айман;
«Неужто сегодня случится обман?..»
Случайно она узнала о страшной
Угрозе, узнала о тайне из тайн...

Она, потрясенная этим открытием,
Вновь перебирает факты-события...
Тайком от отца и старшего брата
Письмо начинает писать на открытке.

У старшего брата злобный характер,
Он силы на подлость и кляузы растратил,
Не нравится это младшей сестре,
И вот изменилось мнение о брате.

Подруга Айман — Айсулу, и вдвоем
Любой преодолеют барьер иль подъем.
Они поклялись в верной дружбе навеки,
И клятве верны они ночью и днем.

Три дня ее брат особенно злой,
Сметает предметы с дороги долой,
Зубами скрежещет, плюется, кричит,
Три дня Сумелек сам не свой, как больной.

Тогда и задумалась крепко Айман,
Пыталась рассеять сомнений туман...
И в комнату брата вошла, а потом
Вдруг выбежала и покинула дом.

Что в комнате брата она увидела?..
Куда она в спешке большой побежала?
О чем догадалось сердце ее?
Чего она раньше не понимала?..

К кому она парком вечерним бежит,
Кому сообщить свою тайну спешит?
Уж к вечеру близится летнее время,
Луна в небесах темно-синих дрожит.

Подругу, волнуясь, ищет Айман,
Она разгадала отца с братом план...
— Но где же она? Где сейчас Айсулу?
Лишь час мне на предупреждение дан!..

Но бродят по парку много людей,
Средь них Айсулу не видно нигде,
Айман должна ее предупредить,
Иначе сегодня быть страшной беде.

VIII

Сама Айсулу и не знает о том,
Мечтает грядущего выстроить дом.
Руда Джекказгана перед глазами,
И мир она видит в цвете златом.

Опять вспоминала она Улытау,
Давно не бывала она в Улытау...
«Быть может, захватить перед прощаньем?..»
И сердце зовет ее в Улытау...

«Давно изменились в горах времена,
Одно неизменно — вершин тишина.
И черных камней не разгаданы тайны,
Их знает полночная только луна.

В горах Улытау погиб мой отец...
Я новой жизни юный боец!..»
Так шла она, размышляя, по парку,
Айман здесь нашла ее наконец.

— Откуда ты, радость моя, что с тобой?
Случилось ли что-то порою ночной?—
Расспрашивать стала ее Айсулу.—
Иль гонится кто-то следом шальной?..

Подругой любимой тебя я назвала,
За тебя я бы душу и жизнь отдала.
Тебя брат мой сегодня хочет убить,
Вот какие могут случиться дела!..

Лучше б он не родился, этот подонок.
Мой отец — словно волк, а брат мой — волчонок...
Они — двое — замыслили преступленье,
Они — оба — преступники, без сомненья.

По случайной записке я узнала об этом,
Краем глаза имя твое в ней заметив,
Я ее прочитала; отец Сумелеку
Приказал в ней убить тебя из пистолета...

Я к тебе побежала и нашла лишь сейчас,
На тебя он может напасть в этот час.
Если он нападет, мы будем вдвоем,
Пусть попробует уничтожить нас!

Расхрабрилась Айман. И вдруг в тот же миг,
Человек за деревьями тенью возник.
Его черный наган блеснул под луной,
Сумелек, следя, притаился, притих...

Испугались его тополя и кусты,
Зашептали тревожно из темноты...
Ветерок, испугавшись, куда-то исчез,
Две тревожных возникли в небе звезды...

Сумелек решил застрелить ее тут,
Он степную нацелился бить красоту,
Словно птицу... Прицелился, мушку навел.
Подстрелить он решил мечту на лету...

Но Айман заслонила подругу собой,
Она брату решила дать смертный бой:
— Кровопийца, хочешь крови напиток,
Так убей меня первой, стреляй же, не стой!

Ты подлец, ты не брат мне, ты негодяй!
Так чего же ты медлишь? Не медли, стреляй!
Гнусный зверь, лучше б ты не родился на свет,
Ну, стреляй же,— Айман закричала.— Давай!..

Сумелек растерялся, кровь в голову бьет.
Что за смелость, откуда она?— Не поймет.
На прицеле держит обеих девчонок,
Но урук никак не нажмет... Не нажмет...

IX

Молодой ученый Жумадила
В кабинете своем сидел, как всегда.
Он по химии опыты проводил,
В колбах булькало что-то, вода не вода...

Кто-то тенью недоброй возник у двери
И ключом запасным ее отворил...
Химик Жумадила не глядит на него,
Сложный опыт, лицо у него горит...

Незаметно вошедший, к нему подбежал,
В его правой руке сверкает кинжал...

Его Жумадильда так и не замечает,
Удается тот опыт, о котором мечтал!

«Как давно я хотел утолить свою месть,
В институт мне не удавалось пролезть,
И сегодня мне наконец повезло,
Я за все рассчитаюсь с ними вот здесь.

И кровавый кинжал в моей твердой руке...
Видно, смерть и моя где то невдалеке...
Должен химкабинет я разрушить и сжечь,
Чтоб начался пожар во всем зданье... Хе-хе...

Долго к химкабинету я ключ подбирал,
Дверь открылась сегодня...
Давай же, кинжал,
Говори свою речь, тебе друг — только кровь.
Я давно на врага тебя не поднимал!

Выполняй свое предназначенье, кинжал!
Тебе верю в эти мгновенья, кинжал!
Я спешу, мне уже пора уходить,
Я горю огнем нетерпенья, кинжал!

И закончил он мысленный разговор,
И, как волк, в движениях точен и скор,
Подбежал и ударил Жумадильду,
Друга верного нашей девушки с гор.

От удара вскрикнул Жумадильда.
Неожиданно ведь подкралась беда.
Потерял он сознание...
А враг уж зажег,
Рассыпая, фосфорный порошок...

Кровь из раны льется тугою струей;
Принял Жумадильда последний бой,
Он горящий фосфор руками хватал,
И тушил, разрастаться огню не давал.

Но наполнилось зданье дымом густым,
Где-то искры сверкали из темноты...
Но химический кабинет все же цел,
Он спасен руками Жумадильды.

Поднимаясь и падая химик идет,
Едкий дым в коридорах клубится, ползет.
И упал у выхода Жумадила,
Обессилел, понял, что не доползет.

Пламя, дым, охватившие институт,
Люди в городе увидели тут.
Голоса, голоса: «Пожар! Ой, пожар!»
И толпою к корпусу люди бегут.

Дым, огонь, суета, кричат голоса,
Разгоревшись, всерьез пожар занялся.
И огонь переходит с этажа на этаж,
Сизый дым, клубясь, плывет в небеса.

Дым закрыл института огромный корпус,
Он стоит среди дыма и пламени горбясь.
Кто же этот злодей, что холодной рукой
В деревянные стены бросил огонь?

Стали лопаться окна, стены горят,
Гонят воду насосы, доски шипят.
— В кабинете химии главный очаг!—
Кто-то крикнул с отчаяньем в черных очах.

Молодая женщина бросилась вдруг,
Удивив суетившихся рядом вокруг,
Прямо в черное пламя метнулась она,
Крик взметнулся среди ее робких подруг.

Миновало несколько грозных минут,
Когда женщина в пламя бросилась тут.
Вот она показалась в горящем окне,
Неся Жумадила на девичьей спине.

Он лежал без сознания на хрупких плечах,
Жизнь погасла в его огромных глазах.
Вся рубашка в крови, он кровью истек,
В Ленинграде учившийся химик-казах.

Жизнь грустна и печальна бывает порой,
На руках умирает возлюбленный твой,
Кровь из раны смертельной струится ручьем,
Лоб смертельной покрыт уже белизной.

Смерть приходит, когда ты ее и не ждешь,
Жизнь цветами цветет
и шумит, словно дождь,
Смерть нас опережает в планах своих,
Унося самых лучших. Ее не уймешь.

Не ко времени, видимо, ваша любовь,
Злое горе тебя посещает вновь,
Вот лежит он в крови, молодой и красивый,
В чьем же сердце не вскинется гневом кровь!

...Что печально?
В жизни печальна лишь смерть,
Тебе милого к жизни вернуть не сумеешь,
Что же делать, ты мечешься, руки ломая,
Как помочь любимому не понимая.

Я воевать тоже когда-то безумно любил,
Тогда спорил со смертью, из всех своих сил,
Почему же уносит она молодых,
Кто такое позволил ей, разрешил?

Безнадежное дело к смерти взывать.
От ее дуновенья жизнь не станет пылать.
Вот и он погибает от вражьей руки,
Юный лев собирается умирать.

Айсулу целует родного в глаза,
О любви своей хочет ему рассказать...
О, охвачено горем сердце девичье,
И уже ничего поделать нельзя!

Умирая, ответил он на вопрос:
«Кто кинжалом удар тебе страшный нанес?»
Приподнялся, упершись в землю рукой,—
«Враг — Халел, он ударил ножом»,— произнес.

Он сказал и упал, ресницы прикрыв.
Зашумели люди вокруг, завопив:
«О, несчастье, о, горе! Умер джигит!»
Но пожар погасили, водою залив.

Возвратимся, читатель, в тот трудный момент,
Когда в девушек целился пистолет...
Мы же знаем, пожар затеял Халел,
Сумелека же на пожаре нет...

Этой ночью везло подлецам-кровопийцам.
Разве ждали их пулю наши девицы?
Сумелек хотел Айсулу застрелить,
Крылья ей подрубить, как осенним птицам.

В этот вечер везет Сумелеку — и вот,—
Затаившись, в кустах он девушек ждет.
И уже в Айсулу прицелился он,
И сейчас на курок нагана нажмет.

Но осечка, выстрел не прозвучал.
Сумелек зубами заскрежетал.
Пистолет он бросил под ноги, с ножом
К перепуганным девушкам подбежал.

Дал осечку последний в нагане патрон,
Сумелек издал то ли крик, то ли стон,
И набросился он с ножом на Айман,
И кинжал засверкал блеском острых сторон.

И когда уж занес он острый кинжал,
Кто-то руку на взлете его задержал,
Но кинжал ударил Айман прямо в грудь,
В грудь сестры он ударил, не размышлял.

И, теряя сознание, упала Айман,
Сумелек в этот вечер кровью был пьян.
Им сраженная, упала сестра,
Кровь течет из глубоких, опасных ран.

Но кому ж это жизнь своя не дорога,
Кто вдруг руку перехватил у врага,
Кто схватился с ним в неравном бою,
Чья, не испугавшись, взметнулась рука?

Кто же на поруганье подругу отдаст?
Кто подругу свою обманет, предаст?
Айсулу это, смело схватилась с врагом,
Никого рядом с ними нет в этот час.

Выбит ею кинжал из бандитских рук,
В стороне он лежит, выпавший вдруг,
Сумелек потянулся кинжал свой поднять,
Айсулу попыталась ему помешать.

Руку правую он у нее захватил,
Стал ее выворачивать из всех своих сил,
И устала сопротивляться рука,
Онемела, ее Сумелек закрутил.

Закружилась у девушки голова,
Боль в руке побежала по телу сперва,
Как теперь защитит Айсулу себя,
Боль в руке поломанной еле терпя?

Тут очнулась после удара Айман,
Постепенно в глазах разошелся туман,
Попыталась подняться она, не смогла,
Но подругу в беде свою видит Айман.

Хоть от боли душа у нее отнялась,
Но врага увидела она, поднялась,
То теряя сознание, то вновь обретая,
Силой воли с силенками собралась.

Злость и горечь ее заставляют встать,
Боль от раны в боку начинает пылать.
Кровь залила белое платье ее,
Мысли спутались, трудно просто стоять.

Но она поднялась подруге помочь...
Что за черная, кровью омытая ночь?

Доползла, дотянулась она до ножа,
Рукоятку рука смогла ее сжать...
Только пальцы слабо держали нож,
Крепче сжала его, на помощь спеша.

Для кого предназначен страшный кинжал?
Сколько лет он в ножках безмолвно лежал?
Он сверкает кровавой своей белизной,
Он в девичьей руке задрожал, задрожал.

Им судьба трех людей решится сейчас.
Кто из них свою жизнь сегодня отдаст?

В полный рост поднялась с кинжалом Айман,
Враг ее совсем рядом, увидала Айман.

И шагнула к нему с кинжалом Айман,
Между ними нет недомолвок иль тайн,
— Ты, кинжал, красной крови жаждешь всегда,
Но не сбудется Сумелека мечта.

Ты холодным лезвием засверкал,
Тот погибнет, кто первый тебя поднял.
Ты, кинжал, мое тело сегодня пронзил.
Ты, мой брат, меня едва не убил...

— Твой хозяин погибнет!— сказала Айман,
И кинжал Сумелеку сердце пронзил...
Сумелек от удара того закричал,
Сумелек, бездыханный, на землю упал,

Умер враг, капли крови его пролились...
И тогда две девушки обнялись...

ПОЯСНЕНИЕ К ПОЭМЕ «АЙСУЛУ»¹

В начале 1938 года Баубек замыслил большую поэму под названием «Айсулу». Он долго и тщательно готовился к написанию этой вещи. Много читал, в это время он вновь обращался к классике, перечитывал поэмы Пушкина, Лермонтова, Байрона. Особенно сильное впечатление оказывала на него романтика Лермонтова.

Баубек в этот период изменился в своем поведении. Раньше он слыл завсегдатаем танцевальных вечеров и гуляний, теперь же сразу после работы отправлялся к себе писать поэму или шел на занятия. Таким я помню его в 1938—40 годах.

Поэма «Айсулу» писалась до 1940 года. Она претерпела за это время неоднократные переделки, многие ее главы переписывались заново. О работе над этой поэмой Баубек часто вспоминал и уже будучи в армии, а затем и на фронте. В своих письмах он сожалел: «...Хороша эта поэма или нет, но «Айсулу»— первая моя крупная вещь, очень жаль, что она даже в отрывках не публиковалась в журналах»...

В 1920 году к 20-летию Казахской ССР издавался кол-

¹ М. Иманжанов, Оркен, Алма-Ата, «Жалыи» 1980 г..

лективный сборник «Тарту» (Подарок), отрывки из поэмы Айсулу» предлагались в этот сборник, но по настоянию некоторых товарищей не были включены в книгу.

Поэма «Айсулу» посвящена жизни казахской молодежи на заре становления Советской власти, в центре ее повествования образ девушки, которой новая власть дала свободу, открыла дорогу к знаниям. В поэме раскрывается также тема борьбы с врагами социалистических преобразований, мешавшими строить новую жизнь.

В полной мере можно считать, что в этом произведении раскрылся талант Булкишева — поэта-патриота, оптимиста.

Перед нами предстают созданные им прекрасные образы казахских девушек, таких как Айсулу и Айман.

Поэма перемежается страстными лирическими монологами и размышлениями автора, сюжет ее действенен и экспрессивен.

И все же нельзя сегодня умалчивать о том, что некоторые главы поэмы страдают затянутостью, неряшливостью стиля. Однако при всем при этом «Айсулу» ничем не уступает лучшим произведениям, написанным у нас в этом жанре в 1939—40 годах.

Август 1947 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ДРУЗЕЙ... ТОВАРИЩЕЙ... БЛИЗКИХ...

МУКАН ИМАНЖАНОВ

БАУБЕК БУЛКИШЕВ

(краткая биография)

Звезда Баубека Булкишева светила на литературном небосклоне не долго, но ярко. Она так и не успела достичь своего зенита, и от этого — ощущение неудовлетворенности, неутоленности на душе у всякого, кто знаком с его литературным творчеством. Стоит только пробежаться глазами по страницам, которые, нет слов, могли бы продолжиться в будущем, — вас охватит горечь. Стоит только вспомнить его жизнь, бурную, полную воистину героических дел, — вы почувствуете гордость. Его жизнь — жизнь настоящего советского человека.

Баубек Булкишев родился в 1916 году у подножья Улытау (Карагандинская область)¹. Поначалу он получил образование в аульной школе. Продолжить учебу ему помог близкий родственник Сейтжан Смаилов, работавший учителем в поселке Улытау.

С детства мальчик рос любознательным, волевым. Его неудержимо тянуло в город — за знаниями. С помощью Сейтжана Смаилова он поступает учиться в 1932 году в фабрично-заводское училище при медеплавильном заводе в Карсакпае.

После окончания ФЗУ Баубек Булкишев с 1933 по 1934 годы — на различных службах в совхозе «Улытау».

С этого периода своей жизни он начинает увлеченно знакомиться с художественной литературой. Появляются первые стихи — преимущественно шуточные. Это как бы

¹ Ныне Джебдинский район Джебказганской области.

проба пера начинающий литератор и сам не придает им серьезного значения.

В августе 1935 года в поисках дальнейшей учебы и совершенствования знаний Баубек приезжает в Алма-Ату. Понимая, что об институте ему мечтать еще рано, Баубек по совету старших товарищей, вместе с ним прибывших в столицу, поступает на подготовительные курсы при финансово-экономическом техникуме.

Учебу в техникуме Баубек совмещает с интенсивной литературной учебой — он читает произведения классиков, в частности, русских классиков.

Продолжается и его увлечение стихами...

На втором курсе техникума Баубек осознает, что сделал ошибку. Продолжая учебу в техникуме, он устраивается временно на работу в Казахское государственное издательство — делопроизводителем. Здесь он и заканчивает работу над первой поэмой под названием — «Айсулу».

По инициативе тогдашнего директора издательства, поэта Абу Сарсенбаева, Баубек Булкишев зачисляется на двухмесячные курсы молодых поэтов и писателей, впервые открываемых при писательской организации Казахстана.

Баубек оставляет учебу в техникуме.

По окончании курсов он по направлению писательской организации устраивается литературным сотрудником в редакцию газеты «Лениншпл жас» («Ленинская молодежь»).

Через несколько лет он — заведующий отделом детского творчества в газете «Октябрь балалары» («Дети Октября»)¹.

В эти годы Баубек Булкишев пишет стихи, рассказы, литературные статьи, переводит сочинения русских поэтов. Многие из них публикуются в газетах «Октябрь балалары» и «Лениншил жас», в журнале «Пионер».

В феврале 1940 года, когда он работает в журнале «Пионер», его призывают в армию, и он уезжает в Москву, там он учится в училище по подготовке саперов...

1938-1940 годы... В эти годы закладывался фундамент будущей писательской деятельности Булкишева...

Почти все свободное время он проводит в библиотеках, глубоко и основательно штудирует сочинения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова,

¹ Ныне газета «Казахстан пионери» («Пионер Казахстана»),

А. М. Горького, Д. Байрона, Ф. Шиллера, В. Гете, У. Шекспира и др., знакомится с философскими и историческими трудами. Именно в эти годы он признается: «Чтобы писать, надо много знать. Я это постиг на собственном примере...»

Баубек Булкишев любил жизнь, любил свою страну, свой народ. Он восхищался героическими делами советских людей и мечтал выразить это свое восхищение в проникновенных строках. Но он также чувствовал — великое дело требует и великого воплощения и понимал — одного таланта и одного желания писать — пусть и страстного — здесь мало. Необходимы знания. И он учится, учится, учится...

Он пишет в эти годы: «Не надо торопиться писать, надо торопиться познавать...»

Грозные дни Великой Отечественной войны способствовали раннему возмужанию писателя.

Казахская пословица гласит: «Слово и крепости рушит». Памятуя об этом, Баубек Булкишев много и плодотворно пишет, разя острым словом вероломство германских захватчиков. С первых же дней войны он — на полях жесточайших сражений...

В праздничном первомайском номере «Комсомольской правды» за 1942 год появляется его рассказ «О жизни и смерти». Это — страстная публицистическая исповедь, в которой автор, заместитель политрука на фронте, выступает от лица всей советской молодежи. Это — откровение молодых, любящих жизнь и ненавидящих войну, разрушение, смерть. Это — призыв к молодым бороться против фашизма...

Рассказ был невелик по объему и глубок по содержанию. Он был заслуженно отмечен в центральной печати.

Это было началом фронтовой писательской деятельности Булкишева.

Первый же рассказ принес Баубеку Булкишеву всеобщую известность. Отовсюду к нему посыпались письма. Центральной мыслью всех этих писем было: «Ты сказал все, что лежало у нас на сердце...»

В одном из писем на родину сам Булкишев пишет об этом так: «Через «Комсомольскую правду» я получил много писем от патриотов. Это все отклики на мой рассказ. Особенно много пишут мне девушки — с Украины, с Белоруссии... Мне очень приятно, что мой небольшой рассказ так взволновал всех...»

Еще в одном из писем он пишет по поводу другой уже статьи, так же опубликованной в Комсомольской правде: «...Завален письмами... «Я хочу жить!»— так называлась моя статья. Получил более 200 писем... и опять же — отовсюду...»

Многие из этих писем не сохранились...

Враг обрушился на Кавказ.

Пламенный патриот, писатель, воин Баубек Булкишев звонко провозглашает на всю страну: «Слушай, Кавказ...»

Это — очередная лирическая исповедь Булкишева, полная искренности и гражданственности...

В жестоком 1942 году Баубек Булкишев активно печатается в газетах «Комсомольская правда» и «Социалистик Казахстан». Пишет он на двух языках — русском и казахском.

«Я хочу жить?..» «Жизнь принадлежит нам», «Письмо сыну Востока», «Думы над старой картой»...— вот далеко не полный перечень публицистических статей Баубека Булкишева в те грозные годы...

Баубек Булкишев любил русскую литературу. Знакомясь с произведениями русских классиков, кропотливо изучая их, он успешно освоил лучшие традиции русской литературы.

Он мечтал писать. Сам.

Но жизнь его оборвалась, когда он был еще только на подступах к этой мечте. Он и начал-то со сложного — с публицистики, яркой, темпераментной. Это был новый, не освоенный еще никем жанр в казахской советской литературе тех лет...

Баубек Булкишев погиб в марте 1944 года недалеко от села Ново-Юльевка. Погиб — защищая свободу и независимость Родины...

Среди вещей погибшего был обнаружен незаконченный им роман на военную тему под названием «Алмаатинцы...»

Писатель-воин работал в перерывах между боями — в окопах... при свете керосинок, а то и просто на воздухе... при луне.

В 1943 году в Алма-Ате вышел сборник его рассказов под названием — «Жизнь принадлежит нам».

Баубек Булкишев, сражавшийся против врага не только оружием, но и словом, явил своей жизнью замечательный образец советского патриотизма. Его вырастили и воспитали советская школа, комсомол. Союз ленинской молодежи дал ему путевку в партию.

Он беззаветно любил Родину. Ради нее он трудился — как гражданин, ради нее сражался — как гражданин, ради нее погиб — как гражданин...

Он писал: «Н. Островский сказал, что свою жизнь он прожил неплохо. И это — когда он семнадцать раз ходил в атаку, был отважным бойцом гражданской войны... Вся его жизнь прошла в борьбе, пропитана борьбой... И после этого он говорит, что не напрасно прожил жизнь... Да, жизнь — в борьбе! Я согласен с ним... даже если венцом этой борьбы станет смерть. Смерть в поединке — это и есть жизнь...»

Такова краткая биография Баубека Булкишева, рядового советского человека, до последней минуты сохранившего верность делу народа, делу ленинской партии. Рядовым он отправился на фронт. Погиб — старшим лейтенантом... коммунистом-писателем...

1949 год.

МУКАШ БИМАГАМВЕТОВ

НАШБАУБЕК

Когда я обратился с вопросом: «Муке, что вы можете рассказать о Баубеке?»—старик, взглянув на меня, задумался. Посидев с минуту молча и поглаживая рукой свой лоб, словно сам с собой, проговорил: «Да-а, Баубек, Баубек!» Седина густо посеребрила волосы и брови старика. Глаза его влажно блеснули, он повел плечами, заметно волнуясь, и сказал:

— Он ведь был мне (как младший) брат. Вспоминая сейчас его, я мысленно возвращаюсь в те далекие годы нашей юности, от которых меня отделяет более чем полвека. Каждому дорого свое поколение. В разных местах (словно поредевшие зубы) живут сейчас мои сверстники. Помню я и тех, кто не вернулся с поля боя, кто не дожил до этих дней. Да, нас, знавших Баубека, его ровесников и товарищей, становится все меньше.— Старик, вздохнув, помолчал немного. Это был человек, знавший цену каждо-

му слову. Он говорил не спеша, и слова, казалось, исходили из самого сердца. Он посмотрел на меня спокойными карими глазами и продолжил свой рассказ.

— Наш Баубек обладал мягким, спокойным характером. Он был приветлив и общителен. Родители Баубека тоже были простыми и добрыми людьми, готовыми поделиться последним куском хлеба. Отец его, Булкиш, любил пошутить, поговорить, был острословом и балагуром. По этой причине, а, может быть, еще и потому, что мать Баубека, Батима была гостеприимной, хлебосольной хозяйкой, в доме у них всегда былолюдно. Семья Булкишева жила просто, порой бедно, но тем не менее двери их дома всегда были открыты для гостей. Под стать своему мужу была и Батима. Она тоже любила и умела пошутить, повеселиться. Это был человек открытой, жизнерадостной природы. В то время праздники и гулянья были большой редкостью, но когда они случались, она всегда была в центре веселья. До сих пор я помню, как хорошо она пела. Не было человека, который не слушал бы с удовольствием песни Батимы. Такие мать с отцом, какими были Булкиш и Батима, растили и своего сына щедрым, добрым, веселым человеком.

Я рос с Баубеком бок о бок. Вместе с нами росли и выросли братья Жеке и Сарсен Жумановы, они и сейчас живут, здоровы, Отеубай Саканов. У всех нас детство прошло в этих местах. Здесь Баубек и родился, - старый Мукаш, обернувшись, взглянул в окно, словно желая увидеть дорогие сердцу места.— Неподалеку отсюда, в четырех-пяти километрах, стоял небольшой саманный домик Булкиша, в котором прошли детство и юность Баубека. Сейчас от него ничего не осталось, только ровное, пустое место. Если мне случается пройти там, где был дом и двор Баубека, то по сей день кажется, что я слышу веселый смех Булкиша и звонкий, радостный голос хлебосольной Батимы. Всякий раз вспоминаются ее песни... Да-а, Баубек, Баубек...

Недаром в народе говорят: «Младенца с большим будущим еще в колыбели видно». Так оно и есть. Вспоминая прошлое, я могу уверенно сказать, что Баубек, с которым мы неразлучно росли вместе до 11-12 лет, еще в самом раннем детстве выделялся среди нас. Он был очень послушным, чутким ребенком. Взрослым не приходилось обращаться к нему дважды с одной и той же просьбой или поручением. Все в ауле любили его за покладистый характер, почтительное отношение к старшим. Баубек рос

смышленным, находчивым мальчиком. Школьный порог мы с ним переступили вместе. Первая наша школа находилась в Коргантасе. Насколько мне известно, эта школа была открыта сразу же, как только установилась Советская власть. Это было огромным событием в наших краях. Об этих днях забыть невозможно, и хотя того здания уже давно нет, его снесли, а место разровняли, школа в Коргантасе навсегда осталась в моей памяти, как положившая начало нашим знаниям, научившая нас грамоте и письму. Нашим учителем, известным своими знаниями и мудростью не только в окрестностях Улытау, но и во всей Сарыарке, был Сейтжан Смаилов. Это был большой и щедрой души человек. Он выделялся среди других не только своей рослой фигурой, но и широтой ума, неиссякаемой добротой и чуткостью. Он был первым, кто вложил в наши юные умы основы знаний, пробудил в душах стремление к учению. Сам основательно овладевший необходимыми знаниями, он без усталости передавал их нам, делился всем, что знал и умел. Сам он перед началом Октябрьской революции закончил медресе в городе Троицке. Не одно поколение учеников вспоминает его с благодарностью, как и мы, которым он открыл глаза на жизнь. Думаю, что этот человек с мягким, негромким голосом и тетюшка Бибигуль, женщина удивительной доброты оказали в свое время на нас большое влияние. Оба они, помню выделяли Баубека из всей аульной ребятни и относились к нему с большой симпатией. «У него золотая голова, вы не обижайте его. Когда он сердится, у него волосы на макушке встают торчком. Так часто бывает у честных, сильных и умных людей», — говаривали они.

Признаться, я не помню Баубека, обычно молчаливого и немногословного, всегда добродушного и спокойного, чьего-то или на кого-то рассерженным. Невозмутимый, выдержанный характер, напоминающий редко просыпающийся вулкан, сформировался у него с раннего детства.

В самом начале нашей учебы в Коргантасской школе мы с Баубеком жили в доме Сейтжан-агая. Обладавший незаурядными способностями, Баубек с первых же дней проявил их, обгоняя в учебе своих сверстников. Учился он на отлично и без труда усваивал любой материал. Но особенно легкими предметами были для него литература, история, география. Услышанное и увиденное однажды Баубек запоминал и быстро выучивал эти предметы. Тем не менее, садясь за уроки, он вникал в каждое задание, со всей старательностью выполняя его. Он не шатался по

улицам без дела, не заигрывался допоздна, и это тоже нравилось в нем учителям.

У него была чувствительная натура. Помню, была середина лета. Мы, аульные ребята, шли берегом реки. Шедший чуть впереди Баубек вдруг прислушался к чему-то и воскликнул:

— Послушайте, заяц плачет! — Глаза его засверкали. Мы остановились и в самом деле услышали заячий плач. Побежав на звуки, мы увидели на берегу ястреба, который, вцепившись в зайца, таскал его по земле. Испугавшись нас, он выпустил добычу и, взмахнув крыльями, улетел прочь. Острые когти хищника изрядно потрепали беднягу зайца. Первым к нему подбежал Баубек.

— Вот тебе и хищничество! — проговорил он, осторожно взяв в руки зайца. — Видите, как сильный может обидеть слабого?

Он обмыл кровоточащие раны зверька, опустил его на землю и сказал: — Ну, беги, и будь поосторожнее!

Я помню, как он долго и задумчиво смотрел вслед несмело убегавшему зайцу.

— Зря ты его отпустил, лучше бы его зарезали, сварили и съели, — сказал кто-то из нас.

— Нет, вы посмотрите в его глаза. Видите в них слезы? Разве мы спасли его от ястреба для того, чтобы зарезать? Это было бы жестоко. Он ведь, как и мы, живой, пусть бежит на свободу! — ответил Баубек.

Вернувшись в аул, мы рассказали об этом случае взрослым. И тогда один, лет восьмидесяти, старик, проговорил:

— Сын Булкиша станет настоящим человеком. Тот, у которого с детства поселилась в сердце доброта и жалость, став взрослым, сохранит в себе эти качества. Что может сравниться с протянутой вовремя на помощь рукой друга?

И еще один случай остался в моей памяти. Подходя однажды вечером к аулу, я очень испугался, едва не наступив на лежавшую на дороге змею. Рядом со мной шел Баубек. Я отпрянул назад. Посмотрев под ноги и увидев змею, Баубек сказал:

— Слушай, эта обжора пытается проглотить воробья, а он застрял у нее в горле, и она теперь давится им.

В руке у него была палка. Он тронул ею змею, которая тут же приняла грозный вид и забила хвостом по земле. Змея была довольно крупной, пестрое туловище ее напряглось, глаза выпучились от злобы, она поджала хвост и, казалось, готова была к броску.

— Мукаш, — обратился ко мне Баубек, — отец с детст-

ва учил меня не обижать слабых и невинных. Как нам быть с этой змеей? Что ей сделал этот воробышек? Мало того, она и на нас готова кинуться, видишь, как злится?

Он замахнулся было для удара, но рука его замерла в воздухе и медленно опустилась. До сих пор помню, как он, задумавшись о чем-то, молча и долго смотрел на змею.

Баубек был надежным другом и мог смело постоять за любого из нас, кто в этом нуждался. Помню, в нашем ауле жил Отеубай Саканов, который постоянно затевал борьбу со своими сверстниками и неизменно выходил из нее победителем. Во время таких игр Баубек, со свойственным ему спокойствием и невозмутимостью, стоял и наблюдал за товарищами.

Однажды, поборов, как всегда, подряд всех своих приятелей, Отеубай поднялся с земли и горделиво, с видом победителя обведя нас взглядом, воскликнул, ударив кулаком в грудь:

— Нет в окрестностях Улытау человека, который мог бы побороть меня!

— Эй, Отеубай, не хвались попусту!— ответил ему молча наблюдавший до этого за ним Баубек.

— Что, хочешь со мной помериться силой?— обернулся к нему Отеубай.

— Допустим, а что?

— А то, что твои косточки захрустят и переломаться, вот!— растопырил пальцы Отеубай.

— Перестань, говорю...

— Нет, не перестану. Давай, если такой смелый, выходи!

Слово за слово, и уже в следующую минуту они сцепились. Отеубай был проворным, хватким малым. Он кинулся на Баубека и тут же стал пытаться повалить его, крепко обхватив руками и согнувшись в поясе. Однако Баубек прочно стоял на ногах и не думал сдаваться. В какой-то момент он напрягся, чуть присел, и сделав резкое движение, приподнял Отеубая над землей.

— Ну, Отеубай, я тебя бросаю!— сказал он и бросил противника наземь.— Я же говорил тебе: «Не хвались попусту!» Зачем поднимать такой шум?—проговорил спокойно Баубек и не спеша пошел своей дорогой.

Баубек был ласковым, и старшие любили в нем эту черту характера. Снохи и тетушки с нежностью относились к нему, баловали его, да и ему самому нравилось ласкаться к ним. Как-то раз одна из них, подозвав его, попросила:

— Эй, сорванец, сбегай, пожалуйста, вон к тем зарослям тростника, там пасутся телята, нашего аула, пригони их сюда!

В глазах Баубека сверкнул огонек и он, ответив: «Ладно!», побежал к тростникам. Мы хотели увязаться за ним, но он остановил нас и отправил обратно. Спустя некоторое время он вернулся вместе с телятами.

— Принимайте телят, вот они!—крикнул он, войдя во двор.

В этот дом сноха вошла недавно и была совсем еще молода. Прошло несколько минут, дверь дома открылась, и на пороге, то и дело откашливаясь, показалась молодка.

Ну, а Баубек, едва загнав во двор телят, забрался на крышу дома и уселся на трубе, из которой шел дым. Увидев Баубека на крыше, она воскликнула, всплеснув руками:

— Что же ты делаешь, голубчик? Ведь дом наполнится дымом?

— Чего не сделает сорванец?— ответил ей Баубек, спрыгнув вниз и побежал со двора.

Мы поняли, что слово «сорванец» обидело его. С тех пор тетушки звали его не иначе, как «джигит».

Год спустя семья Баубека переехала в Карсакпай. В те годы жил среди нас один почтенный, всеми уважаемый человек. Звали его Болысбек Хасенов. Он, как и Сейтжан-агай, был образован. Светлолицый, сероглазый, он иногда поговаривал: «Баубек опередит многих, потому что любит учиться. И правильно делает, ведь ученье открывает глаза на жизнь, а тот, кто верно смотрит на жизнь, настаивающий ее хозяин, от него народу только польза».

Через пару лет переехал в Карсакпай и я. В то время Баубек учился в школе ФЗУ. Еще издали увидев меня, он бросился мне навстречу. Мы крепко обнялись. За это время мы здорово соскучились друг по другу и долго не могли разжать рук. Таким Баубек и остался в моей памяти. разве может человек забыть свою молодость? Напротив, я отчетливо помню каждый жест, каждое выражение лица моего друга. Вспоминая то время, я каждый раз ощущаю прилив тепла и тоски по ушедшему.

Я не ошибусь, если скажу, что в школе ФЗУ учились все -дети наших окрестностей. Из их числа могу назвать ставшего академиком О. Байконурова, шахтера А. Токтыбаева, находящегося сейчас на пенсии, других, здравствующих ныне людей.

Страстные, правдивые очерки, стихи и рассказы, написанные в годы Великой Отечественной войны Баубеком, пропущены им через свое горячее сердце. Читая волнующие строки моего друга, я вижу сквозь них и юного Баубека, моего сверстника и отважного патриота, отдавшего в годы тяжких испытаний жизнь за освобождение своей Родины. Да, наш Баубек был настоящим человеком, оставившим незабываемый след в памяти людей.

ГАБДУЛЛА БАЙТЫШКАНОВ

ОН БЫЛ ХВАТКИЙ В УЧЕБЕ

С Баубеком Булкишевым я учился вместе в школе ФЗУ в Карсакпае с 1932 по 1934 годы.

После окончания ФЗУ он уехал на работу в Улытау, а я — на Джекказганский рудник.

Мы — переписывались. Переписка наша, можно сказать, была постоянной. Потому что нас связывала общая цель — мы хотели поехать учиться в Алма-Ату.

Как и уславливались, в июле 1935 года мы с ним встретились в Карсакпае и в сопровождении родственников — Абдрахмана Токтыбаева и Шауен Токтыбаевой — отправились вчетвером в столицу.

По прибытии в Алма-Ату с месяц мы жили вместе в одной комнате общежития Алма-Атинского горно-металлургического института. Вместе поступили в техникум. Проучился Баубек до 1938 года, то есть закончил всего лишь два курса...

Что мне запомнилось в Баубеке? Он был хваткий в учебе — головы не поднимал от учебников. Учиться для него было удовольствием. Мы вместе готовились к занятиям, и меня всегда поражало, как он быстро схватывал главное в предмете. Особенно сметлив он был в математике. Помню один случай в ФЗУ. Преподаватель дала нам сложную задачу. Пока мы бились над ней, Баубек решил ее — еще и двумя способами. Преподаватель потом долго ставил нам его в пример...

Баубек был очень хорошим товарищем. На него во всем можно было положиться...

1977 г.

ОН ХОТЕЛ УЧИТЬСЯ

В ФЗУ при Карсакапском медеплавильном заводе я поступил в 1930 году и закончил его в 1932 году.

После окончания училища я остался в нем на преподавательской работе.

Наш рабочий распорядок был таков: полгода я исполнял обязанности инструктора по горному делу, спускаясь вместе с учениками в шахту, и полгода преподавал, ведя занятия по физике и математике.

Баубек Булкишев учился в группе конторщиков. На него я обратил внимание сразу, поскольку не заметить его было нельзя, настолько он был живой и общительный. Во всяком деле горел, как пламя. С любым поручением справлялся быстро и с готовностью. Очень был воспитан, уважал старших, не прекословил им.

Активно участвовал в общественной работе, помогал выпускать стенгазету.

Пописывал стихи — украдкой, но почему-то все мы знали про это...

В 1935 году комбинат решил направить меня в Алма-Атинский горно-металлургический институт. Я намеревался взять с собой младших брата и сестренку — Габдуллу и Шауен. Они как раз ФЗУ кончили. А тут и Баубек, прослышав про это, стал проситься. Я согласился захватить его.

Баубек и Габдулла везли с собой полные ящики книг. По этому поводу Баубек написал иронический стих.

Трудная нам выпала дорога! В те годы достать железнодорожный билет было практически невозможно. Согласно командировочному удостоверению, мне удалось взять лишь два билета. Габдулле и Баубеку пришлось постоять в очереди...

На станции Арысь — опять очередь за билетами...

На сей раз попытка оказалась безуспешной, хотя проторчали мы на станции три дня.

В конце концов Габдулла и Баубек посадили нас с Шауен в поезд и когда он тронулся, заскочили в вагон и сами...

Так и доехали они на третьей полке — «зайцами» — до самой Алма-Аты...

Я говорю подробно об этой поездке потому, что хочу

обратить внимание на целеустремленность Баубека — не каждый бы решился на такой долгий и трудный путь, тем более что инициатива исходила от самого Баубека. Он хотел учиться — и этим объяснялось все.

Занятий Баубек не пропускал.

Много читал...

А вечерами шел на железнодорожную станцию разгружать вагоны...

И все потому, что хотел учиться...

1977 год.

ДАРИУШ АЗЕРБАЕВ

НАС ВОСПИТАЛ ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ

Я — родом из нынешней Кзыл-Ординской области. Люди нашего аула частенько ездили к своим родственникам в Карсакпай и Байконур.

Летом 1929 года один из наших аульских привез такую весть — открывается-де школа при Карсакпайском медеплавильном заводе, готовящая специалистов-рабочих из казахской молодежи, и что инициатором открытия этой школы является сам Каныш Сатпаев и что он, дескать, и преподавать будет в ней...

Мы, конечно, не мешкая долго, отправились в Джезказган — кто на лошади, кто пешком.

Ожидания не обманули нас — мы были зачислены в школу.

Проучившись три года на металлургическом отделении, я устроился в 1932 году формовщиком на завод. Я тогда был членом комитета комсомола завода и секретарем первичной комсомольской организации металлургического цеха. Загружен, как говорится, был основательно, но тем не менее не порывал связей с ФЗУ — завод нуждался в способных молодых людях. Мне повезло — счастливый случай свел меня с Баубеком Булкишевым. Энергичный, напористый, волевой, он мне понравился сразу. Конечно же, мы приняли Баубека в комсомол, и он стал моим активным помощником.

Общественной работы Баубек не чурался. Он возглавлял работу литературного кружка в ФЗУ, силами учащейся молодежи организовывал концерты художественной самодеятельности.

Судьба даровала мне не так уж много встреч с Баубеком в последующие годы, но каждая из них — запомнилась.

В 1938 году меня из Риддера призвали в ряды Красной Армии. Проездом мы были в Алма-Ате. Там мне довелось увидеться с Баубеком. Это была наша последняя встреча. Поговорить по душам не удалось — не было времени. Он только успел сообщить мне, что учится в финансово-кредитном техникуме.

В годы Великой Отечественной войны я служил военным летчиком. Как-то в одном из номеров «Комсомольской правды» я прочитал материал, под которым стояла подпись: «Баубек Булкишев, заместитель политрука». Не могу описать моей радости и гордости за земляка в тот день, когда я держал в руках газету. Я показывал ее всем, не уставая объяснять каждому, что автор статьи — мой земляк, мой друг...

Позже я читал и другие выступления Баубека, и каждый раз душа радовалась за него. Ведь он был из моих мест, из нашего ФЗУ... Его когда-то я сам принимал в комсомол и слышал, как он присягал на верность Родине...

Баубек не подвел нас — он вырос истинным ленинцем...

1978 год.

*КАТИРА АХАНОВА,
персональный пенсионер*

БАУБЕК БЫЛ ДОБР

Я родилась и выросла в ауле бывшего Карсакпайского района Карагандинской области. Закончила четыре класса аульной школы и в начале 1932 года вышла замуж за Аханова Мусу, джигита, работавшего в поселке Байконур. Это сейчас мне легко говорить — вышла замуж... А тогда такое время было, что без соблюдения какого-нибудь казахского обычая п шагу невозможно было ступить... Вот и мы с Мусой через столько мытарств прошли, прежде чем жениться, — не отдавали меня за него, дескать, сирота джигит, ни роду у него, ни племени...

Короче, уехали мы с ним в Караганду. Он устроился на работу в радиокомитет, а я — в Казахской драматический театр, только что сформировавшийся,

В 1934 году Муса поехал на учебу в Алма-Ату, и я — за ним. Поступила в студию при Казахском драматическом театре, тоже, кстати, только открывшуюся. Какой мне институт или техникум с четырьмя классами?.. Вот так я оказалась в Алма-Ате...

В 1941 году Муса ушел добровольцем на фронт и — так и не вернулся...

С Баубеком Булкишевым я, конечно же, знакома через Мусу.

В 1935 году они с Муканом Иманжановым приехали в Алма-Ату и остановились, помню, у нас. Тогда я и увидела Баубека впервые.

Впечатление он на меня произвел хорошее. Была в нем какая-то сердечность, которая сразу к нему располагала. И глаза — большие, открытые... Они так и светились добротой...

Мы подружились. Они частенько заходили к нам, мы подолгу беседовали. Бывало, когда они отсутствовали дня два-три, мы с Мусой откровенно скучали по ним...

Баубек много писал. И подписывал статьи так: «Сын Улытау»... Он мечтал стать писателем — причем большим писателем. Непременно. По этому поводу он не раз подшучивал сам над собой. Чувство юмора ему было присуще, как присуще оно всем людям с добрым сердцем..

Их дружба с Муканом меня восхищала и умиляла. Баубек проявлял трогательную заботу о друге. Помню, как он шутил, бывало:

— Первая моя задача,— говорит,— женить Мукана. Стать писателем... написать роман — несложно... Сложнее — найти девушку для Мукана и... женить...

Оба относились ко мне, как к старшей сестре, поскольку родом мы были почти из одних мест, и поэтому они частенько шутили с Мусой, как якобы с зятем, называя его — жезде.

— Жезде,— обращались они к Мусе,— расскажи, как ты женился на Катире, как это тебе удалось? Поделись опытом. Говорят, у вас такая история, что и роман написать можно...

Баубек попал на фронт раньше Мусы. Он часто писал нам. К сожалению, эти письма не сохранились. Они, по-прежнему, были полны юмора и доброты. В одном из них он, помнится, написал: «Муса, Катира! Если листок, на котором я пишу, окажется грязным,— извините. Я как мог, подчищал его...»

В одной из своих статей Баубек упоминает имя Марлена. Это — мой сын. Ему тогда было два года...

Сейчас Марлей — педиатр. Живет со мной.

Я воспитываю внучат — Ардака и Дану. Хотелось бы, чтобы и им перепала частичка той доброты, которой обладал Баубек...

1971 год.

АБУ САРСЕНБАЕВ

ОН ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ

— Баубек... юноша Баубек, еще не сложившийся физически... так и не успевший возмужать...

Сверстники подшучивали над ним, называя его: «Девушка-джигит». Но не было в Баубеке ни девичьей нежности, ни стеснительности. То была сдержанность, присутствующая молодому человеку, по природе своей культурному, деликатному. И на внешность он не был красавцем, хотя лицо его, броское, волевое, дышало той самой мужественностью, которая обычно и привлекает в мужчине.

Да, он был очень сдержан и никогда не изменял этой своей сдержанности, разве что — улыбался. Тихо, деликатно... Я не видел его хохочущим не к месту, развязно, как это бывает с другими...

Милая у него была улыбка. Когда он улыбался, на правой щеке, если не ошибаюсь, появлялась ямочка. Мы все любовались им в подобные минуты, а он, краснея, как девушка, прикрывал ямочку ладонью...

Смех у него был открытый, заразительный — и тогда он ослеплял нас белоснежным рядом зубов за полными пухлыми губами. Но такие моменты, к сожалению, были редки...

Он был смугл, и, возможно, от этого была у него эта особенная белизна зубов — действительно, как первый снег, — придававшая очарование его смеху, — такому звонкому, такому чистому...

Стояло лето 1939 года.

Ко мне в кабинет почтительно вошел молодой человек и остановился у порога.

— Проходи, дорогой. По какому делу? — осведомился я.

Молодой человек вместо ответа улыбнулся и протянул мне листок бумаги.

«От Баубека Булкишева... — прочитал я. — Прошу принять меня делопроизводителем...»

Заявление было написано грамотно, по-русски. А почерк — красивый, четкий, буквы так и ложатся одна к другой.

Своего делопроизводителя мы уволили на прошлой неделе. Работник был нам нужен. И тем не менее я призадумался. Место делопроизводителя не такая уж привлекательная должность, и молодые люди, подготовленные, грамотные, обычно не очень расположены к ней. Проят место редактора или корректора... А этот молодой человек... «...Прошу принять меня делопроизводителем...» Может, он не владеет казахским?

— Ты казахский знаешь?— уточнил я.

Молодой человек... опять улыбнулся.

— Читать и писать умею, слава богу...

Я отодвинул от себя заявление.

— Может, перепишешь?— сказал я.— Младшим редактором или корректором? Делопроизводитель — это же...

Молодой человек покачал головой.

— Нет, ага, мне пока что и этого хватит,— сказал он.— То, что вы предлагаете, мне, наверное, не с руки... Там, наверное, опыт нужен...

Я не стал возражать. Молодой человек меня заинтересовал...

Проходили недели, месяцы...

Юноша оказался необыкновенно исполнительным. Не было в нем легкомыслия, присущего молодым людям его возраста. Он был задумчив, он постоянно размышлял о чем-то... Не раз я замечал, как в свободное от работы время он сидел за столом, уставившись в одну точку. Опять же — думал... О чем?... В карих глазах его жила мысль...

Он много читал — журналы, книги. Издательство располагало богатой библиотекой. Лучшие книги мне частенько доводилось видеть у него на столе...

Выпуск учебников не терпел промедления. График был жесткий. С раннего утра приходилось бывать в типографии, и только к обеду мы возвращались в издательство. Баубека я неизменно заставал за его рабочим столом. И картина при этом была такая: перед юношей — толстый том и рядом — стакан со сметаной. В обеденный перерыв, когда другие не отказывали себе в удовольствии сходить в столовую и отвести душу за бильярдом, Баубек предпочитал для себя общение с книгой...

В один из дней, вернувшись из типографии, я заглянул, по обыкновению, к Баубеку, поскольку ключ от кабинета оставлял у него. Гляжу — опять перед ним толстая книга. Читает он ее, а потом заносит что-то в блокнот, перечеркивает записанное, снова пишет. Временами смотрит в потолок, шевелит губами... Снова углубляется в книгу, снова пишет, снова перечеркивает записанное...

Отрешенный у него вид — настолько занят работой. И отвлекать не хочешь — так он сосредоточен. Пришлось постоять в ожидании, пока он заметит мое присутствие...

Подошел к нему тихо, почти на цыпочках... Заглянул в книгу. Похоже, что — «Разбойники» Шиллера... Монолог Амалии переводит... — подумал я почему-то.

Страница перед Баубеком — вся перечерканная...

В коридоре стало шумно. Люди возвращались с обеденного перерыва. Так и так Баубеку придется прерваться.

— Переводишь никак? — спросил я.

Баубек воздрогнул, как если бы его застали за преступлением. Спешно собрав бумаги, он поднялся с места.

— Да что вы, ага? — поспешил он оправдаться, — Где мне с великим немцем тягаться?..

Я пригласил его к себе в кабинет.

— Присаживайся, — сказал. — Почитай, что написал, а я — послушаю. Тот раз я застал тебя за чтением Гете, сегодня — за Шиллером...

Баубек протянул мне свой блокнот.

— Честно, ага, не перевод это, а просто выписки, — сказал он. — Я записывал в блокнот мысли великих людей, некоторые диалоги героев, близкие мне. Я учусь их системе мышления... Меня привлекает в их произведениях романтический пафос, мера чувства, психология явлений...

Я полистал блокнот. Да, действительно, это записи — чьи-то изречения, чьи-то монологи, диалоги... афоризмы... — где-то по-русски, где-то по-казахски...

Вернул блокнот.

— Дорогой мой, — говорю, — все это — пример для других. Хвалю... Но казахскую литературу ты не читаешь, а?

Баубек даже огорчился.

— Почему, ага? — возразил он. — Какой же я казах, если родную литературу читать не буду?.. И откуда у меня записи есть... только в другом блокноте... Конечно, наша литература еще молода... Хороших произведений — единицы... по пальцам пересчитать можно... Не всегда то найдешь, что хочешь, — крылатость мысли, чистоту чув-

ства, глубину постижения. Многое — убого. Даже — слишком...

Мы долго говорили с ним в тот день о литературе и, в частности — о казахской литературе. Передо мной был не просто делопроизводитель и не просто читатель, а человек, серьезно обеспокоенный настоящим и будущим родной литературы, болеющий за нее. Меня поразила глубина мышления Баубека. Всему он давал объективную оценку. Чувствовалось, что он много читает. Все его доводы были основательны, оригинальны. Он не робел перед авторитетами — говорил о них, ничуть не завышая и не принижая достоинств, которыми те владели. Очень сожалел о покойном Саттаре Ерубаете, так рано ушедшем из литературы.

Я слушал его внимательно, с интересом, забыв о времени. Так он увлеченно говорил...

Баубек первым взглянул на часы, у него вырвалось: — Ой, сколько же я времени отнял у вас!.. — и засобирился потом уходить.

Я удержал его за плечо, усадил снова.

— Не спеши, — сказал и поинтересовался: — Что пишешь сам?

Баубек замялся.

— Что вы, ага? — сказал он потом, — Я пока что только читатель.

Я, конечно, не поверил ему.

Прошел месяц, другой... В машбюро я наткнулся как-то на одну объемную рукопись. Фамилии автора на титульном листе не было. Поэма, написанная одиннадцатисложником... Если не ошибаюсь, называлась она — «Сын Каратау». Вижу — почерк Баубека. Красивый почерк — буквы ложатся одна к другой...

Взял я рукопись и положил ее перед ним.

— Обманул ты меня, браток, — говорю. — Как же ты — не пишешь?

Баубек смешался.

— Простите, ага, — сказал он потом. — Это лишь проба пера. Ученичество...

Я надеялся, что Баубек прочтет мне хотя бы часть поэмы. Нет — спрятал рукопись в ящик стола.

— Не стоит, ага, — сказал он в ответ на мою просьбу. — Не заставляйте меня краснеть...

Я не стал настаивать.

И еще случай. Из машбюро мне принесли мою собственную рукопись, положили на стол. Под ней я обнаружил чей-то рассказ. Гляжу — опять почерк Баубека. Вызвал его к себе.

— Поздравляю, браток!—говорю.— Теперь ты и рассказы пишешь... Почитай-ка...

Баубек, побагровев от смущения, замотал головой...

— Нет, ага, простите... Я сначала прочитаю сам и... и... если мне позволит совесть, побеспокою вас... потом.

Я куда-то спешил в тот день. Настаивать на своей просьбе не стал...

Так я убедился, что Баубек — пишет.

Естественно, я и относился теперь к нему по-другому. В штате он по-прежнему числился делопроизводителем издательства, а для меня он был звездой, восходящей на горизонте казахской литературы...

Жаль только, что первые свои литературные опыты он так и не показал никому...

Осенью того же года Баубек подал заявление с просьбой освободить его от должности делопроизводителя. Я не стал возражать. И в самом деле — для будущего писателя это было не столь уж подходящее место...

...Суровые годы войны лишили меня возможности общаться с Баубеком лично. Теперь мы с ним только переписывались...

Каждый раз, читая в «Комсомольской правде» очередное публицистическое выступление или рассказ Баубека, я и мои сослуживцы радовались за него и восхищались им. Помню до сих пор первое изумление Искака Дюйсенбаева.

— Абеке!— воскликнул он.— Этот юноша — просто талант! Как он до сих пор оставался незамеченным?! Какое перо, какая острота, а?..

Я, конечно, поддержал своего редактора, поделился с ним своими — личными — наблюдениями над Баубеком. И Искак, не выдержав, вскричал опять:

— Новая звезда, скажите, Абеке!..

— Новая, новая...— поддержал я его опять и вздохнул.

— А чего вздыхаете?— удивился Искак.

— Новая-то, новая звезда,— говорю,— а ведь и погасить ее могут. Боюсь... Он сейчас в роте саперов. Считай — под пулями постоянно... И в атаках они — первые...

Искак задумался:

— Что же можно придумать?— спросил он.

Я и предложил:

— А вот что — взять в газету...

Гляжу — заулыбался Искак...

— Абеке,— говорит,— странный вы человек. Почему раньше мне об этом не сказали? Давно бы отозвали...

А я ему тут письмо Баубека показываю:

— Только,— говорю,— получил. Сам на газетную работу просится.

Искак, сдвинув шапку на затылок, помчался тут же к главному редактору, крича на ходу:

— Я сейчас поговорю... Дадим телеграмму. Отступить не имеем права... никак.

Искак Дюйсенбаев был тогда заместителем главного редактора. И секретарем парткома. С ним считались. Его любили.

Я воспрял духом после его ухода. Стал перечитывать письмо Баубека, прежде чем ответить на него. «С тех пор, как уехал, не вижу ни газет, ни журналов на казахском языке. Самих казахов — и то встретишь разве что случайно. Забываю родной казахский... Какие новости в нашей литературе? Кто что написал? Сами что написали? Где писатели, которых я знаю?..»

Вопросов — много. На все следует ответить. Письмо получалось длинным. И как же иначе? За три с половиной года я отчитывался — имею в виду новости литературные, конечно. А тут еще и с отзывом Баубека если получится... Вот будет-то радости!

За годы войны мы успели уже потерять поэтов — Абдуллу Жумагалиева, Али Есмамбетова, Ихласа Адамбекова, опытных журналистов — Омарбека Пусырманова, Сабыржана Укенова, Бахтияра Мендыгазина. Какие это замечательные товарищи были!.. Всех их Баубек знал, почитал...

Еще Баубек написал, что скучает... Мы тоже соскучились по нему... И об этом следовало написать. И я — писал, писал...

Дверь открылась со скрипом. Гляжу — Искак идет. Как в воду опущенный... Глаза совсем не те, что были,— потухшие...

Сел напротив и молчит, молчит... Я тоже молчу. Что спрашивать? И без того ведь ясно...

Только через некоторое время он заговорил:

— Не получилось, Абеке... Не понимает он. И понимать не хочет!..

Мы долго еще сидели мрачные. Но мы еще надеялись...
Решили для начала — вызовем в редакцию.
Этим нашим решением я и закончил письмо Баубеку...

Ответ пришел незамедлительно. Он был рад вызову.
«Только сделайте это скорее,— просил он.— Хоть увижу вас, поговорю. Страшно соскучился... Баубек. 10. I. 44 г.»

Это было его последнее письмо.

Наше с Искаком желание увидеть его в редакции осталось неисполненным...

Связь с Баубеком прервалась...

Я намерен был искать его тогда, но судьба распорядилась по-иному...

1966 г.

ТОЛЕНДИ ОНГАРБАЕВ
персональный пенсионер
республиканского значения

ЧТО Я ПОМНЮ...

Я был знаком с Баубеком Булкишевым год — с 1938 по 1939 годы. Я тогда работал в газете «Лениншил жас» — заведующим отделом культуры. Баубек был сначала в «Лениншил жас», а затем — в «Октябрь балалары».

Как видите, лично я его знал мало, но запомнил на всю жизнь... Его нельзя было не запомнить... Скромный, трудолюбивый — он не знал отдыха... Всегда куда-то спешащий — в высокой шапке, напоминающей папаху...

Он мечтал писать. И — страстно мечтал!

Как-то он проговорился мне, что пишет поэму. Если не запомню, называлась она «Айсулу». Правда, о дальнейшей ее судьбе я ничего не знаю, поскольку не видел больше Баубека. Весной 1939 года я по долгу службы уехал в Джамбул.

...Баубек еще в ту пору краткого знакомства с ним внушал мне много надежд, и я был рад, что не ошибся, когда прочитал потом, через несколько лет, в «Комсомольской правде» пламенные статьи...

Баубек ушел безвременно...

Написать о нем документальную повесть или киносценарий — добрая обязанность всякого, кто владеет пером...

Жизнь Баубека Булкишева, художественно воспроизведенная в повести или на киноэкране,— яркий стимул в военно-патриотическом воспитании молодежи...

1974г.

БАТКЕН САГЫНДЫКОВ
подполковник запаса

КАЖДЫЙ РАЗ Я ВСТРЕЧАЮСЬ С НИМ...

С Баубеком Булкишевым впервые я познакомился в январе 1939 года в редакции газеты «Октябрь балалары». Мне было тогда от силы семнадцать, я еще ничего не смыслил в газетном деле, тем не менее Баубек, несмотря на то, что был старше, что занимал высокую должность, принял меня очень тепло, говоря со мной, как с ровесником. Я только приехал в столицу, у меня не было в городе ни знакомых, ни друзей, ни родственников, я чувствовал себя сиротой, и такой прием — горячий, я бы сказал,— очень расположил меня к Баубеку. Я полюбил его за душевную открытость...

Проработал я с ним в редакции этой газеты до марта 1940 года, то есть до тех пор, пока его не призвали в армию. Он был заведующим отделом детского творчества, а когда он ушел в армию, этот отдел перешел ко мне...

Из того, что мне Баубек говорил о себе, я помню следующее: родители у него умерли рано — судя по тому, что он частенько называл себя «круглым сиротой», у него не было ни братьев, ни сестер, ни родственников... Знал я также, что закончив ФЗУ в Карсакпае, он работал на медеплавильном заводе...

Творчески Баубек был неистощим. Его стихи, рассказы, очерки, фельетоны не сходили со страниц газеты «Октябрь балалары». Нет пожалуй, в подшивках газеты тех лет номера, где бы не было материала Баубека. Достоин упоминания следующий факт — большинство выступлений Баубек подписывал не своим именем, а псевдонимом, как-то: «Улытау-улы», «Б.Б.», «К.Сейтжанов» и др. Первые два мне были понятным, но почему — К. Сейтжанов? Возможно, какого-нибудь деда в его роду звали Сейтжан, не знаю, мне он во всяком случае ничего по этому поводу не говорил...

В те годы детскую редакцию в Казахском радиокomiteе возглавлял Мукан Иманжанов. Тексты литературно-музыкальных передач для детей он заказывал обычно Бау-

беку, а тот, используя для них стихи разных поэтов, частенько включал туда и свои. Товарищам, заинтересованным в литературном наследии Булкишева, резонно бы было, наверное, пересмотреть архив казахского радиокomiteта за 1938—1940 годы...

Работая в редакции, Баубек писал свою поэму «Айсуну». Все мы об этом знали, но никому не удалось прочесть хотя бы строку из нее. Подобно многим другим поэтам, Баубек не любил хвастать тем, что, по его мнению, было еще далеко от совершенства...

Из сочинений Баубека у меня на памяти остались небольшой рассказ «Ох, как мне было стыдно!» и цикл стихов, посвященных Махамбету Утемисову. И рассказ, и стихи были опубликованы в «Октябрь балалары». Их также можно найти в архиве радиокomiteта.

Из людей, с которыми общался Баубек, я могу назвать Мукана Иманжанова, Есенби Омарова, (умерли после войны), Хасена Сеилханова (погиб на войне), Мухамедияра Ахтанова (умер после войны). У всех у них были семьи. Баубек — как неженатый — частенько гостил у них.

Письма Баубека Булкишева изобилуют именами. Попробую расшифровать некоторые из них: Али Есмамбетов — поэт, редактор газеты «Октябрь балалары», Есенби Омаров — литературный сотрудник редакции, Аскар — это или Аскеров Аскар или Токмагамбетов Аскар. Оба в свое время были активными авторами газеты (особенно — А. Токмагамбетов). В годы войны поэт А. Токмагамбетов работал в редакции газеты «Социалистик Казахстан». Сакыш — это, по-видимому, Сакыш Хусаинова, младшая сестра драматурга Шахмета Хусаинова. Работала литсотрудником в редакции газеты «Октябрь балалары», в 1941 году вышла замуж за Али Есмамбетова (позже скончалась при родах). Хасен Сеилханов — молодой писатель, ответственный секретарь журнала «Пионер» (погиб на фронте). Жусип — надо полагать, Алтайбаев. Ахтанов — Мухамедияр Ахтанов, тоже работал в редакции газеты «Октябрь балалары», в военные и послевоенные годы был собственным корреспондентом газеты «Социалистик Казахстан» в Кокчетавской области (умер в пятидесятые годы). Маулен Нурбаев (не Сырбаев) — сотрудник «Октябрь балалары», молодой поэт из Баянаула Павлодарской области; приходится родственником Дихану Абилеву.

Из людей, которые сотрудничали некогда с Баубеком и в настоящее время живы, могу назвать следующих: Бакибая Бейисова, ответственного секретаря, а затем замести-

теля редактора газеты «Октябрь балалары», ныне он работает в Комитете государственной безопасности КазССР; Хайдара Баймухамбетова — заведующего отделом физкультуры и спорта «Октябрь балалары», ныне — заведующего отделом собственных корреспондентов газеты «Социалистик Казахстан», Кунторе Байзакова — литературного сотрудника, ныне — редактора издательства «Кайнар»; Петра Яковлевича Редько — фотографа, который часто снимал Баубека (в архиве, возможно, найдутся и фотоснимки); поэта Кабикена Муқышева, живущего, как он сказал при встрече, в районе Капчагая; в Союзе писателей Каз. ССР наверняка его адрес есть...

1974г.

ГАЗИЗ АБИШЕВ

БАУБЕК ВЕЧНО В МОЕЙ ПАМЯТИ

С Баубеком я познакомился в начале 30-х годов, когда учился в ФЗУ при Карсакпайском медеплавильном заводе...

Поскольку я еще в Карсакпае подрабатывал в районной газете в качестве корреспондента, то по окончании ФЗУ, не мешкая долго, отправился в Алма-Ату и поступил учиться в Казахский институт журналистики.

Через два года прибыла в Алма-Ату и группа карсакпайцев. Среди них был и Баубек Булкишев. Он знал, что я в Алма-Ате, и сам разыскал меня. Попросил совета, куда ему поступать. Тогда в Алма-Ате был и Мукан Иманжанов, наш земляк. Подумали мы втроем и решили, что Баубеку надо идти на подготовительные курсы в финансово-кредитный техникум.

Поначалу Баубек и Мукан жили в доме своей землячки — Катеры Ахановой. Ее муж — Муса Аханов — учился со мной в Казахском институте журналистики.

Потом мы с Баубеком снимали квартиру — пока я не перевез в Алма-Ату мать. Вот этот период нашей с ним совместной жизни запомнился мне более всего. Баубек стал для меня товарищем в полном смысле этого слова. В его лице я обрел для себя и друга и брата...

Время тогда было нелегкое, во всем мы ощущали нехватку, по терпели, поскольку не мы одни — все так жили тогда.

Большую часть времени после занятий мы проводили

в библиотеке им А. С. Пушкина... В 1936 году Казахская автономная республика стала союзной социалистической республикой. Был большой праздник, помнится, и нам с Баубеком довелось принять в нем участие...

Короче, жизнь не проходила мимо. Так или иначе она воздействовала на нас, формировала наше мироощущение. Мы — мужали.

Я знал, что Баубек увлекается литературой и сам пытается писать. Стихов уже тогда у него было много, но большей частью это были шуточные посвящения товарищам... Годы, проведенные в Алма-Ате, не прошли для него бесследно. Я заметил, что он серьезнее стал относиться к своему увлечению. Особенно его стала интересовать социальная тематика.

Я думаю — первым прозаическим произведением Баубека можно считать его рассказ «Из аула в Алма-Ату», который он написал в дороге — в поезде, когда ехал на летние каникулы домой после окончания первого курса техникума. Это было в 1936 году. Рассказ посвящен студенческой молодежи Алма-Аты, самой Алма-Ате, ставшей центром культурной жизни республики. Главные герои рассказа — Уркия, студентка Алма-Атинского педагогического института, и Жалел, студент горно-металлургического института. Их жизнь — жизнь тогдашнего казахского студенчества. Автор прославляет стремление молодых к знаниям, к свету...

Этот рассказ Баубек прочитал молодежи родного аула... Результаты не замедлили сказаться. Двое молодых карсакпайцев — Жылкайдар и Кульзифа — в тот же год по окончании школы отправились в Алма-Ату за знаниями. За ними последовали многие другие земляки Баубека...

Я знаю также, что Баубек написал поэму «Айсулу», рассказы «Красавица Востока», «Под сенью высоких гор» и, конечно, стихи... Последними по-моему он занимался постоянно...

Рассказ «Под сенью высоких гор», как мне думается, — автобиографичен. Советскую власть он уподобляет высоким горам...

Баубек только шел к своей мечте...

В нем зрел талант будущего поэта, будущего писателя...

Но и жизнь утверждала свое — нас призвали в ряды Красной Армии. Так мы оказались в инженерном батальоне первой Московской Пролетарской **ДИВИЗИИ** мотострелков в качестве воинов-саперов. Как мы **ИСПОЛНЯЛИ СВОЙ**

священный долг перед Родиной — об этом Баубек художественно и достоверно говорит в своих письмах к Мукану Иманжанову, об этом он рассказывает в своем оставшемся незавершенным романе «Алмаатинцы»... Хочу только обратить внимание на следующий факт: главного героя романа зовут Газиз Газизов. Издатели двух последних сборников сочинений Баубека решили, по-видимому, что главный герой — мой прототип (Газиз Абишев), и почему-то переименовали Газиза Газизова в Абыза Абызова. На самом деле Газиз Газизов — отнюдь не мой прототип. Это — собирательный литературный образ.

С началом войны мы оказались в разных местах: Баубек — в военном лагере Алабина близ города Нарофоминск, а я — в Калуге. Через год мы все-таки разыскали друг друга и стали переписываться. Письма Баубека — это своего рода хронология тех событий, в которых он был участником. Это — временное отступление наших войск с запада на восток... И белорусские леса, с укором глядящие вослед нашим солдатам: это — разрушенные Вязьма, Дорогобуж, Смоленск... и жажда мести, кипящая в сердце; это — сражение под Москвой... освобождение Смоленска... Украины... и радостное братание с населением освобожденных земель.

Позже мне сказали, что в боях на берегу Днепра осенью 1941 года и возле Нарофоминска зимой 1942 года мы с Баубеком сражались вместе, просто не знали об этом... Я очень сожалел по этому поводу, да и он, наверное...

Баубек Булкишев стал знаменит на всю страну. Он ушел воином-журналистом, которого полюбила молодежь, полюбили войны и офицеры Красной Армии. Им — гордились.

Основой всех его сочинений была тема дружбы народов и советского патриотизма. Он погиб за свободу и независимость своей многонациональной Родины, которую любил беззаветно. Такая любовь достойна вечной памяти...

1957г.

АСКАР ТОКМАГАМБЕТОВ

ЕСЛИ ОН ВЕРНЕТСЯ С ВОЙНЫ

Во время войны мы жили в Алма-Ате, в доме номер пять по улице Калинина. В этом же доме жили Мухтар Ауэзов и Абдильда Тажибаев. Друг от друга мы узнавали обо всех новостях, происходивших на фронте.

Однажды мне позвонил Мухтар Ауэзов:

— Аскар, ты читал?— спросил он,— В «Комсомольской правде» опубликована статья Баубека Булкишева «Я хочу жить». По-моему, очень хорошо написано. Будто не он, а само сердце его говорит в каждой строчке. По-моему, он очень талантлив. Вернулся бы живым с войны, стал бы большим писателем. Какие слова, и сколько в них мысли. Вероятно, этот молодец писал по-русски, столько здесь пафоса! Я в таком восторге, что даже растрогался. На глазах моих слезы, а в душе волнение. Почитай, пожалуйста. Интересно, где работал этот джигит?

В то время (в 1943 году) я работал в газете «Социалистик Казахстан». В тот же день я раздобыл нужную газету и вместе с товарищами прочитал письмо Баубека Булкишева. До войны он работал здесь же, в Алма-Ате, в молодежной газете.

Баубек был тихим, просто одетым, скромным джигитом. Мы считали его юнцом и попросту не замечали. И вот, увидев его письмо, написанное в самые огненные годы войны, мы с огромным вниманием вчитываемся в волнующие строки.

Не было, пожалуй, в то время человека, в судьбу которого не вмешалась война. У одних она забрала жениха, у других — отца или брата. У меня самого ушли на фронт старший брат Пырназар, второй брат Парманкул, следующий за ним погодок Алишер и мой собственный сын Тюребек.

С огромным нетерпением мы ждали возвращения их, но прятали в себе муки и тревогу. Письмо Баубека всколыхнуло нашу боль.

Однажды в нашу редакцию пришло письмо. Стояли суровые морозы. Редакция газеты «Социалистик Казахстан» располагалась тогда в небольшом одноэтажном доме по улице Гоголя. Печь растапливалась редко, а если и топилась, то чаще всего бумажным мусором, который, вспыхнув ярким пламенем, тут же угасал. В комнатах было холодно. И все же мы поклонялись нашей железной печурке, от которой, хоть и нечасто, исходило живое тепло, и, расхаживая из угла в угол, обсуждали свои дела.

Собравшись вместе, заведующие отделами редакции (заместителями редактора были тогда Аскар Лекеров и Ахмет Елшибеков заводили разговор. Шел всегда разговор о джигитах, ушедших на войну, об их мужестве и героизме, о тех, кто погиб в боях за Родину. В те дни в редакцию приходило особенно много писем. Были среди них

и письма на мое имя. Распечатав и прочитав одно из них, мы обнаружили, что оно было написано Баубеком Булкишевым нам с Муканом Иманжановым. С первых же строк мы поняли, что письмо было написано наспех, и казалось, что не перо, а винтовку держал он в руке.

«Аскар-ага, Мукан! Я получил ваше письмо, спасибо. Сейчас я в Татарии, учусь на курсах по подготовке идеологических работников Красной Армии. До окончания их осталось 2-3 месяца. Сегодня получил много писем, но прочитать их все не было возможности. Видимо, это отклики на мою статью в «Комсомольской правде».

Асеке, это очень хорошо, что вы бываете на фронтах. Особенно часто там бывают русские писатели. Сегодня получил письмо от Ахмета Елшибекова. Столько накопилось хорошего материала! Жаль, что нет времени. Передайте привет сотрудникам редакции. Баубек».

Прочитав это письмо, я тут же позвонил Мукану Иманжанову и сообщил ему о том, что получил письмо от Баубека. Он тогда тоже работал в нашей газете. Вскоре он прибежал в редакцию. Вероятно, от быстрой ходьбы, Мукан, страдавший болезнью легких, закашлялся. Взяв дрожащими, похудевшими руками письмо, изможденный болезнью, осунувшийся Мукан, словно опечаленный ребенок, долго смотрел в него глазами, блестящими от слез. В это время принесли еще одно письмо. Вскрыв пухлый, едва вместивший в себя бумагу, конверт, мы принялись читать письмо. До сих пор помню название, стоявшее на первой странице — «Двое, павшие смертью храбрых».

Письмо было с фронта. В нем говорилось о героизме двух солдат, о том, что будучи совсем еще молодыми, они проявили мужество, не сдались врагу и геройски погибли. В морозную ночь они приняли жестокий бой и с криком: «За Родину, за отцов и матерей!» бросились на врага. Под утро они попали под обстрел, и пули фашистов оборвали их жизни.

Дальше следовали имена героев. Одним из них был сын аксакала, Ерназарова Ельтая, другим оказался мой сын, Тюрбек Токмагамбетов. Что было дальше — не помню. словно молния ударила в меня, и я упал. Очнувшись и раскрыв глаза, я увидел, что меня поддерживают за руки окружившие меня джигиты. В груди горело, в голове билась кровь, меня тошнило. Я не помнил, куда делись письма, и кто их писал. Письмо Баубека тоже куда-то подевалось. Возможно, что его забрал Мукан Иманжанов.

Я слег и, заболев, старался не думать о Баубеке. Стои-

ло мне подумать о нем, как сразу же вспоминались погибшие на войне старший брат, младшие братья, сын. Однако Баубек часто бывал у меня раньше, показывал написанное, нередко просил совета. Работая в редакции пионерской газеты, он, едва у него появлялось свободное время, спешил ко мне. Я с симпатией встречал этого невысокого, чуть полноватого, приятного и добродушного юношу. Уже тогда я обратил внимание на то, как много читал и изучал он русскую литературу. Иногда он читал на память, закрыв глаза, стихи Пушкина, Лермонтова.

Я был близким другом Мукана Иманжанова, и он тоже дружил с ним. Часто встречаясь с Муканом, он непременно заходил и ко мне, читал написанное.

— Эй, товарищ Тауулы, ты называешь себя так, подражая Великим горам Карсакпая. Хорошо если ты сможешь стать горой, а если не сможешь и останешься лишь кочкой?— шутил он иногда.

Мукан не отличался особой разговорчивостью, был улыбчивым, добродушным джигитом.

— Что ж, мне и этого достаточно. А быть горной вершиной мы предоставляем тебе,— отвечал он со смехом.

Весело и по-доброму подтрунивали они друг над другом, как это и бывает между хорошими и верными друзьями. А война, к сожалению, разлучила их. Мукан был болен и остался в Алма-Ате.

— Если бы не болезнь, был бы сейчас рядом с Баубekom там, где льется кровь и гибнут товарищи,— переживал он подчас.

Вспоминая о Баубеке, я не могу не вспомнить и Мукана. «Если бы он был жив, стал бы, несомненно, большим писателем»,— думаю я с сожалением.

Однажды до нас дошло известие о том, что наш Баубек, писавший с фронта, в окопах, доходившие до сердца каждого строки, погиб. Это известие потрясло нас. Он был совсем еще молод, но о нем уже знали по всей стране. О нем тепло писал в своей статье такой известный мастер пера, как Эренбург.

Так наш Баубек Булкишев отдал свою жизнь за свою горячо любимую Родину. Но с гибелью Баубека имя его не угасло. Яркий, незабываемый образ и пламенные слова нашего друга навсегда в наших сердцах.

ПЛАМЕННЫЙ ПАТРИОТ

В конце июля 1942 года 10 армия Западного фронта стояла в Дубровском лесу на восточной окраине города Кирова.

Я служил старшим инспектором политотдела по вопросам пропаганды и печати. На меня также были возложены обязанности по работе среди бойцов нерусских национальностей.

В двух километрах к северу от нас в деревне Рындино стояла полевая почта. Вся корреспонденцию — письма, газеты, журналы — в политотдел доставлял один солдат — уйгур (родом, кажется, как говорил он, из Киргизии). Ездил он обычно на велосипеде. Мы не видели, чтобы он когда-нибудь сходил с него. Через каждые 3-4 шалаша стояли свежевystруганные столы — на них он, проезжая мимо, и оставлял корреспонденцию. По вороху газет на столах мы и узнавали, что была почта.

В тот день наш почтальон поступил иначе. Мы с несколькими работниками политотдела, среди которых были батальонные комиссары и рядовые служащие, сидели и беседовали, когда показался почтальон. Завидев нас, он сошел с велосипеда и, приблизившись, отдал честь.

— Вас ожидает боец на КПП, — сказал он потом, обращаясь ко мне, и добавил: — Баубек Булкишев.

Пришел на КПП, а там, действительно, — Баубек (было уже поздно, и его, видно, не пропустили к нам) — загорелый, стройный, в чистой, вылинявшей на солнце гимнастерке, в такой же пилотке на голове. Щелкнув начищенными до блеска сапогами, он отдал мне честь. Я — тоже.

— Как живешь — здравствуешь, Баубек? — сказал я обрадованно. — Мне приятно было видеть его.

Я повел его в наш шалаш. Народу, гляжу, прибавилось. Командиры других отделений любили по вечерам заходить в наш политотдел. У нас были свои артисты — гитаристы, певцы, танцоры (Анатолий Гусев, Александр Беляев и др.), был радиоприемник, по которому можно было послушать, что говорят о положении на фронте фашисты. Наши же товарищи, сведущие на немецком, переводили на русский их передачи.

Я познакомил всех с Баубеком. К тому времени у Баубека в «Комсомольской правде» вышли две публицистические статьи, так что он был уже лицом известным. Командиры, естественно, заинтересовались им, засыпали его

вопросами — сколько он воюет, чем занимался до фронта. Баубек отвечал сдержанно — он в общем-то был немногословен.

У всех осталось приятное впечатление от встречи с Баубеком.

Служил Баубек в батальоне саперов, непосредственно подчинявшемся нашей армии. Он там возглавлял еще и клубную работу.

О чем я мог говорить с Баубеком? Конечно, о его творчестве, поскольку это меня волновало особенно. Он признался мне в ту встречу, что «Комсомольская правда» просит у него еще материалов, а их у него нет, но что он собирается писать. Он прочитал мне стих — собственный. О войне, о любви к Родине... Боевой это был стих, заряжавший волей к борьбе...

Позже — в сборнике Баубека Булкишева под названием «Я иду» — я встретил это стихотворение. Оно печаталось почти без изменений, разве что одна строфа — дополнительная — была новой:

За честь отчизны дорогой
Джигит стоять обязан,
Опорой мощной и живой
Быть край ему обязан...

Вторая наша встреча с ним была уже глубокой осенью того же года.

Шел проливной дождь.

Опять же он навестил меня сам. Пришел, укрытый плащ-палаткой. Был он веселый тогда...

Вытащил из полевой сумки какие-то бумаги, порылся в них. Оставив один листок, другие затолкал в сумку. Опять — стихотворение. Прочитал. Что-то, показалось мне, было в этом стихотворении от Махамбета Утемисова: «О батыры мои, батыры... на Волге сегодня враг...» Опять — горячий призыв к борьбе. Стихотворение взволновало меня. Шли ожесточенные бои под Сталинградом... Призыв Баубека уничтожить врага был как нельзя ко времени...

Баубек сказал также, что отправил наконец обещанную статью в «Комсомольскую правду»...

Так, во вторую встречу, я узнал, что Баубек серьезно увлечен стихами. Писал их, оказывается, и до войны. Некоторые из них были опубликованы в «Лениншил жас».

— Почему бы тебе не издать сборник? — спросил я.

— Недостает до сборника. Маловато еще... — вздохнул он.

— А если вместе со статьями?
— Издательство не пойдет на это.
— Тогда просто статьи.
— Но их ведь только три.
— Напиши еще.
— Собираюсь...
— Если самому неловко, давай я займусь этим. В издательство «Казахстан» отправлю. И заодно в ЦК партии Казахстана отпишу что надо.
— Есть ли такая необходимость?— сказал Баубек. Он по природе своей был очень скромн.

— Тебе, может, и не надо, а нам — надо,— веско отрезал я,— Разве же можно такие вещи писать только для себя?..

— Ваша воля в таком случае...— улыбнулся Баубек.— Попробую собрать...

Третья встреча опять была посвящена разговору о делах Баубека...

Я время от времени читал лекции на передовой. В ту нашу встречу я как раз вернулся оттуда. Баубек, помню, живо интересовался, про что я читал... как реагировали на мои лекции бойцы...

...Стояла зима. Морозы набирали силу. Мы стояли в селе Фомичи.

От Баубека пришло письмо. Из Мензелинска — из Татарии — написал. Были тогда военные курсы по подготовке политработников. Баубек, оказывается, учился на них. По поводу статей, которые он должен был собрать и прислать мне, он сказал, напишет еще...

Я написал ответное письмо. Пожурил за медлительность — я давно уже ждал его статей...

Во втором письме он сообщил, что приводит в порядок написанное. Я опять огорчился, подумал, как же можно так долго собирать... Решил, что занят учебой на курсах...

В третьем письме он написал, что статьи его собирают товарищи в Казахстане.

Я был рад этому и написал по этому поводу ответное письмо.

В третьем и четвертом письмах он ничего не сказал про статьи. Сообщил только коротко, что учеба на курсах закончилась и что в скором времени он будет политруком...

Я ответил на эти письма.
Больше от Баубека писем не было.

1971 г.

КАНАГАТ АГЫБАЕВ

ТАК ПОГИБ БАУБЕК

Баубека Булкишева я увидел впервые в 1943 году, когда 9 стрелковая бригада, в составе которой я служил, находилась в Днепропетровской области.

Я направлялся в часть по делу, когда мне навстречу попался старший лейтенант, похожий на казаха. Отдав друг другу честь, мы разошлись в разные стороны.

Возвращаясь, я снова наткнулся на того лейтенанта. Он остановил меня.

— Казах?— спросил он.

— Казах,— ответил я.

— Откуда?

— Из Семипалатинской области.

Мы представились друг другу. Баубек сказал мне, что возглавляет взвод саперов в этом полку, попросил, если будет время, навестить его.

Я пришел к нему в тот же вечер.

Мы беседовали с ним долго. Баубек рассказал мне о своей жизни, я — о своей. Он показал мне письма, которые получает с родины, дал несколько номеров газеты «Социалистик Казахстан»,

— Выписываю,— сказал он.— И ты читай. Будешь знать о новостях в Казахстане...

Мы сдружились с ним, стали почти как братья. Каждый свободный час проводили вместе...

Я видел у него две толстые тетради. Он их сделал из немецких карт. В тетрадях он писал стихи, статьи...

При мне, я помню, он сочинял два рассказа — «Золотые часы» и «Капитан Подопригора»...

Наши войска готовились брать Кривой Рог.

Как всегда впереди были саперы...

Они подорвались на вражеской mine все трое — Каратаев, Каплевский и... Баубек.

С помощью Махрова мне удалось вынести трупы погиб-

ших товарищей с поля боя. Сам — лично — я похоронил их близ села Ново-Юльевка Софиевского района Днепропетровской области...

В изголовье Баубека я воткнул дощечку с его именем и фамилией, с датами рождения и смерти...

Это было все, что я мог сделать для друга...

Баубек был хорошим товарищем. Солдаты уважали его за искренность, отзывчивость, доброту. Уважали его в штабе офицеров...

Рахметулла Идрисов, мой сослуживец, сказал потом, что Баубек просил меня сохранить его тетради. Они, как мне удалось выяснить, были у Сологубова... Меня тем временем ранили, я попал в госпиталь... Так наши с Сологубовым дороги разминулись. Больше я не видел его...

После войны я не встречал никого из полка Баубека, кроме Махрова... Он нашел меня через семнадцать лет... Мы и до сих пор переписываемся...

1972 г.

МУКАН ИМАНЖАНОВ

СКОРЬБЬ О ДРУГЕ

(Из дневника казахской девушки)

I. Как передать случившееся. Подобрать точные слова. Когда от скорбных мыслей тело охватывает дрожь, слезы застилают глаза... Однако писать нужно... Нужно писать... Пусть скорбящее сердце, в память о друге, создаст его образ на бумаге.

Слишком много горюю, убиваюсь о нем? Не говорите так! И на мою долю, как и всем моим сверстникам, выпала радость. Были радостные дни, были! Такой уж у меня характер: если радуюсь — искренне, если грущу — искренне. По-моему, сердце не умеющее глубоко печалиться, не умеет и радоваться по-настоящему. Сегодняшние записи мои в тетради будут отличаться от прежних. Не было раньше у меня такого тяжкого горя, не было погибшего друга. И если эти записи попадут к кому-нибудь из моих

ровесников, верю, что поймут меня правильно. Люди почувствуют движение души, оценят силу искренней дружбы...

Придется вспомнить все сначала. Как вернулась домой почти в полночь из института. Как оглушила меня беда. Едва вошла в дом, почувствовала неладное. Шолпан-апай, которая еще совсем недавно, перед моим уходом на занятия, была весела, в хорошем настроении, сейчас сидела распустив волосы, безутешно плакала.

Меня как током пронзило:

— Что случилось, апай?

Она не ответила. Только слезы еще сильнее полились из глаз по рукам, прижатым к лицу.

Сердце мое оборвалось, стало вдруг страшно. Слово «погиб» из лежащего на столе листочка бумаги больно ранило душу. Смерть настигла любимого брата моего. Жгучие слезы, как горошины, покатались из глаз. Их не удержать. Нужно взять себя в руки. Нужно успокоить прежде всего вдову. Нужно что-то сказать, найти слова утешения.

А у самой траур, сердце разрывается от боли, страдания заставляют искать какой-то выход, не верить в случившееся.

В чьих силах запретить родному человеку плакать. Что скажешь? Как успокоишь? Ее муж Хасан — мой родной брат. Он вырастил, воспитал меня. И вот теперь мы его лишились!..

Смотрю на Шолпан-апай. Силюсь что-то говорить, успокоить ее:

— Ну, не плачь, не рыдай!

Да только сама знаю, не те это слова! Не желаю никому попасть в такое положение.

Медленно тянется время. Близится к семи часам утра. В горе сидим одни дома. Скоро рассветет. Вот апай утерла слезы, повернулась ко мне:

— Жанна, родная, неужели и вправду остались мы без него?

И снова слезы потекли по впалым щекам.

Одно уже это слово — «Жанна» — укололо сердце. Ведь не Жаннат, а Жанна сказала она мне. Видимо, нестерпимое горе подсказало ей это имя в тяжелую минуту.

Жанной называл меня лишь Баубек. Любя он дал мне это имя... Баубек! Мой Баубек!..

То ли она почувствовала мои мысли, то ли совсем была

нестерпима ее боль, рвущая сердце. Переспросила снова:

— Неужто и вправду я потеряла его?..

Теперь мне понятно, почему она спрашивала. Ее сердце разрывалось от горя, от тяжких дум. Кто испытал такие чувства, тот поймет ее состояние.

Умер друг Больше его нет. Выходит, умерла и дружба? Нет, нет, и еще раз нет! Дружба не умрет! Это не слова утешения. Вернее, не одни слова.

Должно же быть что-то еще, какая-то память, знак, ясно напоминающий об этой дружбе в жизни?..

От полных слез, черных глаз Шолпан-апай рождаются во мне эти мысли.

— Душа моя, Жанна,— произносит она вдруг,— вспомни, у покойного Баубека было одно стихотворение о смерти, как оно начиналось?

Строчки, которые она имела в виду, наполнили нас еще большей печалью:

— Что печально в мире этом: смерть печальна,
Молодой вдовы тоска — изначальна,
Ее чистая душа в черном горе выстынет,
Надорвется ее сердце — боль не вынесет! —

так писал Баубек, когда был студентом.

Губы Шолпан-апай вслед за мной повторяют эту последнюю строчку: «Надорвется ее сердце — боль не вынесет!» Причем так горько, безнадежно, что во мне что-то перевернулось.

С фотографии на стене на нас глядит Баубек.

«Надорвется ее сердце — боль не вынесет!».

С другой фотографии словно подтверждает его мысли Хасен:

— Надорвется ее сердце — боль не вынесет!

Родные, незабвенные, любимые братья! Разве забудется ваш облик, время юности, беззаботное детство?!

— Разве знали мы тогда, что такое горе? И вот теперь вас нет — обоих. Единственных, неповторимых. Не померкнет ли дружба? Этот вопрос волнует, мучает, не дает покоя...

Как трудно наступает рассвет. Раздумья измучили. Шолпан-апай уговаривает:

— Жанна! Поспи, отдохни!

Да как же я засну, оставив ее одну в неутешном горе? Можно ли уснуть, когда такая беда! Какой тут сон!

— Приляг сама! — утешаю ее.

Качает головой. Видно, на душе у нее то же, что и у меня.

Теперь я хорошо понимаю, как человеку иногда в тяжелую минуту хочется побыть одному. Может, именно сейчас ей хочется побыть одной. Или она жалеет меня, хочет, чтоб я отдохнула?

— Приляг, усни, родная.

По ее лицу, дрожащему от усталости голосу, по всему умоляющему облику поняла: надо уступить. Стараясь не ранить ее душу, пошла в свою комнату, прилегла на постель.

Слышу, как Шолпан-апай стала ходить от стены к стене, от стены к стене...

Потом она открыла сундук, вынула все письма. Перебирала, читала. Я слышала ее всхлипы, шепот:

— Хасен мой Хасен! Ты пишешь: «Спешу тебя увидеть!» Разве не хотелось и мне обнять тебя? Как жить теперь! Глядеть на свет!..

В глазах моих потемнело, снова стали душить слезы, вся затряслась.

А Шолпан-апай уже из другого сундука вынула детскую рубашонку. В дверной проем видно, как, орошая слезами, прижала она ее к груди.

Разве тут улежишь на постели. Встала, обняла апай за вздрагивающие плечи.

— Жанна-жан, это рубашка моего маленького Досбола. Будь он жив, легче было бы перенести потерю Хасена. Ласково поглаживая, она понюхала рубашечку:

— Какая красивая! Какой хороший запах!

Действительно, едва уловимый, тонкий аромат расплылся по комнате. Но от него стало еще горше на сердце...

Вот и рассвет! Плохая весть разносится быстро, скоро соберутся друзья. Сейчас мне нужно сходить в школу, где работает Шолпан-апай. Предупредить, чтобы сегодня ее не ждали...

Нужно беречь время. Сбегала в школу. Быстро вернулась. А Шолпан-апай нет. Сердце прямо в пятки ушло. Тут еще слышу плач соседей, причитания.

— Бедняжка, как она любила мужа своего...

Куда же ушла Шолпан-апай? Ее нужно найти!..

Ох и устала я. Отложу дневник. На сегодня этого хватит. Продолжение напишу завтра.

II. Куда ушла Шолпан-апай?— Может, так начать сегодняшние записи. Нет, лучше со слов: «Дружба не умрет никогда». Не знаю как других, но меня это волнует.

Дружба не умрет никогда! Снова и снова пишу эту строчку — как заключение. Это волнует душу, будит воспоминания... Однако не нужно отвлекаться от хода событий...

Итак, обошла все места, которые напоминают мне в городе о Хасене и Баубеке. Шолпан-апай не нашла. Без настроения возвратилась домой. Женщины-соседки хлопотуют по хозяйству: ставят чай, варят мясо, стараются принять всех как можно лучше.

С ними в доме как-то теплее, уютнее.

Тут я увидела Шолпан-апай, и как только гости стали покидать наш дом, спросила, обняв:

— Где ты была, куда ходила?

— Разве я далеко уйду, здесь у меня все! Жанна, душа моя!

Она погладила мои волосы, в глазах опять сверкнули слезы. Лицо ее в эту минуту было как у матери, успокаивающей ребенка. Мы обнялись, и обе долгое время молчали, переживая горе, жгущее душу.

— Была я, Жаннат, в детдоме. До сих пор нас было двое, теперь будет четверо! Слышишь, теперь четверо!

Я вся похолодела, не поняла. Как это вчетвером. Или, бедняжка, сошла с ума?..

Шолпан-апай снова, как ребенка, потрепала меня по волосам. Пристально посмотрела в глаза.

— Знаешь, что такое — быть матерью, Жаннат?

И этот ее вопрос показался мне неуместным.

— Почему ты спрашиваешь об этом? Конечно, знаю!

— Не знаешь, Жаннат, не знаешь! Ты еще молода, матерью не была. Материнское чувство не испытала. А я знаю! Со дня рождения Досбола знаю его. Только родив, познаешь материнское чувство!

Что этим она хочет сказать? Что у ней за мысли?

— Когда я увидела рубашку моего Досбола, вспомнила вдруг слова моей бабушки, сказанные ею перед смертью: «Слова аллаху, о большем и не мечтала. Умираю не сожалея,— ведь после меня останутся дети. Если будут говорить о них, значит, и мы со стариком — не забыты».

Тогда я не понимала смысла ее слов. Теперь сознаю. В мудрых словах простой старой казашки огромный смысл. О, если бы ты испытала чувство материнства, Жаннат! Ты поняла бы меня. В таком страшном горе одиночество хуже всего. Матери нужно заботиться о ком-то...

Была я в детдоме, Жанна! Сколько чудесных детишек увидела. Жизнь в детдоме увидела. Два малыша ухвати-

лись за мой подол. Назвали мамой. Беру их на воспитание! Слышишь, Жаннат, завтра приведем их домой. Ребенок — радость, утеха, сама красота жизни! Там где дети, не гнездится печаль. Дети будут лечить мою душу, израненную невозместимой потерей...

Мне показалось, что Шолпан-апай даже повеселела, взглянула как-то молодо:

— Нас теперь будет четверо. Дети — продолжение жизни Хасена, Баубека. Мне — они дети. Тебе — братишки, Жанна!

— Вот радость! Вот радость, апатай! Где моя тетрадь? Запишу все, начав со слов «Дружба никогда не умрет»...

1945 г.

МУКАН ИМАНЖАНОВ

ПРОЩАЙ, ДРУГ!

*(Светлой памяти Баубека Булкишева,
молодого талантливого писателя, лучшего друга моего,
безвременно погибшего на фронте)*

Дорогой Баубек! Передо мной лежат твои письма из Армии. За последние четыре года. Снова и снова вглядываюсь в них, перечитываю, вдумываюсь.

Вот эти — написаны до войны. Это — в трагический день ее начала. Остальные — свидетели твоих фронтовых дорог, они сложены отдельной стопкой...

В каждом письме — целая жизнь. Отражение состояния души твоей, когда перо касалось бумаги.

Образ юноши, щедро одаренного талантами, пламенно любящего народ, ненавидящего его врагов, отчетливо виден из каждой строчки.

Просматривая твои письма, натолкнулся и на это, написанное накануне сражения.

«...Друг мой, помнишь, эпизод, когда Корчагин был ранен в бою, попал в госпиталь. Тогда в его партбилете на клочке бумаги нашли адрес с просьбой: «В случае моей смерти сообщите брату».

Вот и для нас наступило время писать то же самое. Только всем нам выдали по маленькому медальону, в который нужно вложить данные о себе. И хранить, понятно для чего.

Никогда не забудется эта минута. Знал бы ты, каким

смыслом наполняются в такие моменты слова «Смерть» и «Жизнь». Я посмотрел на товарищей.

Все молчали. Лица у всех вокруг сосредоточенные, задумчивые. Каждый размышляет: «Чье имя указать?»

Возможно, у кого-то отец в ауле или брат в городе — кому первому передать печальную весть? Тут, и в самом деле, задумаешься.

Воины пишут. Один — адрес родителей или родственников; другой — брата или невесты. Словом, каждый вспоминает, самого дорогого, близкого, надежного человека.

Написал такой адрес и я. (Крохотный листок бумаги храню, не теряю, придет время — покажу тебе!).

Как ты думаешь, чье имя указал я? Кого назвал самым близким, самым лучшим другом своим? Не знаком ли ты с ним, случайно? Если вдруг погибну, ох и больно, думаю, ранит друга эта весть! И все-таки решил: пусть прежде других узнает о моей смерти именно он — самый близкий, преданный мне человек. Человек этот — ты...»

Незабвенный друг мой, снова и снова перечитываю я это письмо, написанное кровью сердца накануне безвременной смерти твоей. И всякий раз от каждого слова драгоценного письма твоего ощущаю дыхание неповторимой жизни, бессмертия дружбы.

Когда человек в тоске по другу, за которого душу бы отдал, вспоминаются его отдельные поступки, милые сердцу черты характера. В памяти возникает образ, который ничем не восполнишь.

Сейчас я вспоминаю тебя. Даже когда глаза закрыты, сознание воссоздает твои черты. Снова мы вместе. Наше беспечное детство, школа, наделившая нас знаниями, пора юности, наши сокровенные мечты о будущем — все это вереницей проходит друг за другом. Будто торопясь куда-то, я почему-то все время убыстряю ход своих мыслей. Все ближе и ближе приближаюсь к нынешнему дню, когда образ твой видится особенно ярко. Нанизываясь друг на друга, воспоминания ведут меня через события войны. И вот достигают самой последней роковой минуты...

Представляю себе жестокий, кровавый бой. Разъяренный, устремился ты вперед, неся смерть врагам. Впервые в жизни я вижу, как мрачнеет твое обычно приветливое лицо. На нем выражение справедливой мести. Твои пронзительные черные глаза, чаще всего улыбчивые, сейчас сверкают огнем возмездия...

«Как и все, я хочу жить. Но жить вместе с фашистами я не могу. Мне тесно на одной планете с ними... На

одной священной Земле с фашистской нечистой людям жить невозможно. Значит, я должен убивать их. Я рожден на Востоке, а иду на Запад. Мой народ благословил меня на справедливую кару. Он ждет от каждого из нас Победы. Он встретит меня у гор Алатау, когда я вернусь на Восток с Победой!»—с такими словами представляю я тебя.

Твой зов, как развевающееся знамя, поднимает людей вперед. И товарищи твои рвутся в бой, выбивая у врага бредовые идеи «о тысячелетнем рейхе»...

Прорвав первую линию обороны врага, вы ринулись ко второй, СВИЦОВЫЙ град пуль не остановил вас...

Но, что поделаешь, именно в эту минуту, подлая шальная пуля пронзила твое сердце, Баубек! Пошатнувшись, ты схватился за грудь. Рухнул на землю. Одно лишь слово сорвалось с губ—«Прощай». В тот миг оно вместило все твои помыслы...

Может быть, это просто мое воображение. Может быть, молодое сердце твое, даже смертельно раненное, долго еще не хотело останавливаться. Ты, так любивший жизнь, писатель и патриот, долго еще боролся со смертью. Истекая кровью, терял сознание. Мучительно меркнет свет в твоих глазах, изо всех сил ты не покорялся небытию.

Брат мой! В эти недолгие минуты под разрывы бомб, под противный свист пуль, мысленно ты облетел Арку, горячо, как родную мать, любимую с детства. Как саднило твое сердце, как кровоточила душа при мыслях о любимой Жанне, о друзьях, о ровесниках, о босоногих аульных мальчишках. Как больно было тебе тогда!

А может, вынув из нагрудного кармана фотографию Жанны и алый комсомольский билет, собрав последние силы, ты приподнялся над землей и окинув последним взором бескрайнюю Отчизну свою, сказал:

— Не запятнал я себя перед народом своим, чиста моя совесть перед тобой, душа моя Жанна. И вот ухожу от вас безвозвратно!

Да, именно так сказал ты перед смертью! С этими словами закрыл глаза. Так велело твое пламенное сердце.

Не сожалей ни о чем, брат мой. Ты исполнил свой долг перед народом. Геройски сражался и геройски погиб. Ты оставил в наследство свои мысли, мысли поэта-гражданина.

Физически тебя нет — это правда. Смолкли удары твоего сердца. Но мысли твои, любовь — живы! Ведь это твои слова: «И умирая герои живут». Что ж, сейчас один из таких героев — ты.

К сожалению, люди не бессмертны. В назначенный час Мать-Земля забирает нас к себе. Самое большее, проживешь сто лет, потом попадешь в ее объятия. Цель человека — не только в том, чтобы прожить как можно больше. Главное как можно больше приобрести знаний. И оставить потомкам плоды своей жизни.

Мысли, твои, Баубек, твои мудрые слова, литературные произведения — уже достояние истории. Они будут жить вечно! Человеком прийти в этот мир и человеком его покинуть — такую цель ставил ты перед собой. И прожил жизнь достойно.

Баубек, ты прожил жизнь настоящего человека! За короткий срок успел завладеть сердцами молодых. Ты говорил: «Это наша эпоха», — вселяя в каждого из нас достоинство и чувство гордости. Поэтому все написанное тобой, так много значит для нас, твоих сверстников. Мы читаем, не выпуская из рук все, написанное тобой. И каждый из нас с уважением произносит твоё имя. Тобой гордятся, называют глашатаем нашего времени, выразителем дум молодежи.

«Мы родились в боях, в боях и умрем. Вся наша жизнь — ради вас, потомки!» — эти твои слова всегда в наших сердцах. Нынешнее и последующие поколения никогда не забудут твоих заветов. Ты не будешь забыт!

Ты живешь в оставленных тобой мыслях среди людей. Значит, не жалею, что покинул этот мир в расцвете лет.

Как мы ни крепились, но вчера все же сообщили Жанне о твоей гибели. Больно ранила ее тяжелая утрата. В какой-то момент она словно лишилась рассудка. Рыдания сотрясали тело.

Потом она овладела собой. Решительно вытерла слезы:

— Не омывать слезами любовь к другу нужно, не поддаваться слабости. Смысл нашей жизни — борьба. Баубек мечтал о Победе. Сейчас все мои помыслы, все силы, все, что есть, нужно отдать для Победы. Пусть это будет моим ответом на смерть любимого! — сказала Жанна и сразу же ушла на работу, на завод.

Слышишь, сын Востока, твоя Жанна поступила как герой. как тысячи невест и вдов военного времени.

Служить народу, Советской Отчизне — об этом помыслы каждого из нас. Высокие поступки — следствие высокого достоинства, воспитанного в нас традициями народа, советской школой.

Традиции народа, корни которых в седой древности, в Советском государстве наполнились новым высоким содер-

жанием. Ты вырос, черпая из традиций народа главные свои мысли, горение молодости.

У Абая ты учился молодости и поэзии, у Чокана — знаниям и любви, у Махамбета — мужеству и решительности... А Пушкин и Толстой, Чехов и Горький! Каким смыслом они наполнили твою жизнь.

Ты тоже не будешь забыт. История не забывает тех, кто из великих мыслей рождает великую мечту. А из великой мечты — великие дела.

Радуйся этому, брат мой! Твои мысли, твои дела продолжает Жанна. Рядом с ней тысячи молодых людей. И это лучшее доказательство — твоего бессмертия.

Народ, любящий Абая и Пушкина, Белинского и Чокана, Некрасова и Махамбета, Горького и Маяковского; народ — чьей, ярко вспыхнувшей искрой являешься и ты — не забудет своего сына.

Защищая родную Сарыарку, всю счастливую Советскую землю, ты погиб в неравном бою. Рядом с тобой, на полях родной Украины, погибли многие твои ровесники. Теперь эта земля, поруганная фашистскими выродками и освобожденная, вновь зацвела, зазеленела.

На могильном холмике твоём люди Украины, о которых ты слагал стихи, посадили красные цветы. Женщины уронили слезы на свежую землю могил.

Такова любовь народа к освободителям.

Ты воспевал в стихах украинскую девушку, сумевшую поставить любовь к Отчизне выше личной любви.

А сегодня люди слагают песни о тебе. О твоей любви к народу, к Жанне, о подвиге твоём.

Пусть пухом будет тебе земля! Пусть будет вечной память в сердцах потомков наших. Ты как ярко вспыхнувший и безвременно погасший метеорит! Прощай же, любимый сын Востока! Прощай, брат мой!

Тауулы (Сын гор).

<<Соц. Казахстан», 1944 год, 21 мая.

КАПАН САТЫБАЛДИН

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Я держу в руках первый и, к сожалению, последний сборник стихов казахского поэта Баубека Булкишева «Жизнь принадлежит нам», погибшего в Великой Отечественной войне. Сборник состоит из двух разделов. В пер-

вый вошли поэтические творения автора, во второй собрана его проза, написанная легко и вдохновенно. И если в своих стихах Баубек был еще молодым, только начинающим свой путь в большой литературе, то как прозаик он был уже самостоятельным, уверенно владеющим пером писателем.

Мы с ним росли и выросли бок о бок, словно два неразлучных жеребенка одного табуна, и эта небольшая, объемом в три печатных листа, книжка мне очень дорога и по-особому близка.

Баубек был очень жизнерадостным, веселым, общительным человеком. Он не любил унывать, любил жизнь, друзей, его окружающих. В нем бурлила энергия молодости, наполняя все его существо задором, силой и оптимизмом. Единственное, чем он был болен,— это поэзия. Он мечтал написать хорошие стихи, интересную поэму. Мечта эта не давала ему покоя ни днем ни ночью. Мы верили в него и возлагали на него большие надежды. И вот наконец Баубек оправдал их. Охваченный огромной страстью к писательскому делу, Баубек ушел в армию и в самые горячие годы Великой Отечественной войны проявил себя как бесстрашный боец. Он разил вероломного врага, занесшего меч над его молодостью, над его мечтами и надеждами.

Строки, написанные им в окопах, среди пуль и огня, при тусклом свете луны, пламенные строки, рожденные в сердце солдата, мы часто встречали в те годы на страницах «Комсомольской правды». И хотя мы радовались каждой такой публикации нашего земляка и товарища, сам он не был этим удовлетворен. В последнем письме ко мне Баубек, проведенный четыре года в окопах, поделился со мной тем, что мечтает после окончания войны, в мирное время, среди своих друзей и товарищей написать большую поэму об этой войне, писал о том, как сильно скучает по зеленой Алма-Ате.

Тем не менее, пусть не пером, но собственной кровью, Баубек написал свою поэму о войне. В марте 1944 года в одном из ожесточенных боев за освобождение Родины мой дорогой товарищ пал смертью храбрых. Об этом мне сообщил в письме Агыбаев Канагат, солдат, знавший и видевший Баубека до последнего часа.

«Старший лейтенант Баубек Булкишев, выполняя задание командования и находясь в разведке во вражеском тылу, наткнулся вместе с двумя товарищами на мину и трагически погиб. Это произошло на Украине, близ села Ново-Юльевка Софиевского района Днепропетровской об-

ласти,— было написано в письме.— Мы похоронили Баубека недалеко от этого села, поставили над могилой обелиск и написали на нем имя и фамилию героя. Все дневники и записи Баубека хранятся у меня»,— писал солдат. После того я не получил от Канагата ни единой весточки. Если бы он вернулся с войны живой и невредимым, то, прочтя этот номер «Казак адебиети», сообщил бы о себе.

Баубек ушел из нашей литературы в расцвете лет. И если мы дополним, улучшим и вновь издадим его первую книгу — выполним перед ним свой огромный товарищеский долг.

1976 г.

ГЕРОЙ СВОЕГО НАРОДА

(мнения, суждения)

ЮРИЙ ЖУКОВ, ВАЛЕНТИНА САКОВА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К ДВУМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИМ СТАТЬЯМ БАУБЕКА БУЛКИШЕВА, ОПУБЛИКОВАННЫМ В СБОРНИКЕ «ЖИЗНЬ СОЛДАТА»

(Москва, 1946)

...В 1943 году — попутно — Булкишев заскочил в редакцию.

О чем, вы скажете, мы ни говорили с ним!..

— С такими людьми, как наши, не победить невозможно,— сказал он тогда.— В бою я забываю сам себя, и случается, что отдаю команду по-казахски. Воины беспрекословно исполняют приказ. А когда бой заканчивается, они говорят мне: «Товарищ старший лейтенант, командуйте по-русски, мы вашего языка не знаем...» Вот — языка моего не знают, а мысли — знают... сердцем понимают. Поэтому что в мыслях и устремлениях наших мы — одно целое...

ГАБИТ МУСРЕПОВ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НЕМ...

Один из молодых писателей на фронте — Баубек Булкишев — явил себя общественности в Великую Отечественную войну. До войны он не был столь известен и перо его не отличалось такой остротой..

Пытливому уму необходимы всплески — Великая Отечественная война отточила его перо. Невозможно таланту молчать, когда в беде — народ...

Накануне войны стихи Баубека Булкишева печатались преимущественно в «Октябрь балалары» («Дети Октября»), и, естественно, внимания «старших» не привлекали... Ну, а в этот ответственный момент, когда все и вся прове-

¹ Вступительное слово к книге Б. Булкишева «Жизнь принадлежит нам», Алма-Ата, 1943 г.

ряется на прочность, «расписалось» перо молодого таланта. Его глубокие, вдохновенные слова дошли до сердца всего советского народа; они прозвучали как голос нерушимой дружбы всех народов нашей страны, вот уже двадцать пять лет живущих одной многонациональной семьей.

Баубек говорит, время принадлежит нам. Баубек говорит это от имени казахской молодежи на фронте. И в том и в другом случае следует проникнуться чувством огромной ответственности, чтобы позволить себе произнести такое. Молодой советский писатель, верящий в свои силы и возможности, не уклоняется от ответственности. Достаточно взять любую из публикуемых в этом сборнике статей, чтобы увидеть, какие животрепещущие, волнующие всех проблемы поднимает в них писатель. Человек, которому оказалось под силу поднять такие вопросы, имеет право объявлять время своим и говорить об этом от имени всей советской молодежи...

Две статьи Баубека я перевел на казахский язык, с удовольствием перевел. Умение доводить до сердца читателей мысли, достойные размышлений над ними, доводить красивым языком — особенное свойство писателя. Баубек обладает этим свойством. Не напыщенные у него слова — у него прекрасный язык, соответствующий прекрасным мыслям, выстраданным его молодым сердцем. Его статьи «Я хочу жить», «О жизни и о смерти» написаны мастерски. Они достойны пера лучших советских журналистов-писателей. В лице Баубека я вижу писателя, хорошо знакомого с мировой культурой и философией, с ее многочисленными течениями...

Баубек сейчас — солдат Родины, он — на фронте. В руке у него — винтовка, в кармане — перо. И винтовкой и пером он одинаково крушит немецких фашистов, посягнувших на честь нашей Родины, оскверняющих ее своим присутствием. Тема Отечественной войны стала для Баубека определяющей, он пишет художественные очерки.

Приближается день победы. Близки и дни, когда вернутся возмужавшие на фронте молодые писатели, полет которых будет высок и свободен. С таким пожеланием, с такой надеждой хочется мне представить вам еще одного хорошего, еще одного молодого писателя...

ЖИЗНЬ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ

В этом сборнике¹ Баубека Булкишева сосредоточены его двадцать два стихотворения и шесть сочинений в прозе (военные очерки, публицистические статьи).

Баубек не увидел своего сборника. Его мечтой было — жить, быть верным сыном родного края: он хотел трудиться, видеть результаты своего труда. Так — мечтая, героически обороняя нашу великую Родину, он погиб...

Он прожил совсем мало. А как он любил жить, как любил трудиться! Он восхищался временем, подарившим ему жизнь, и воспевал его. «Моя молодость была отдана людям», — говорил он. И действительно, каждый час, каждая минута его дней на фронте — это пример беззаветного служения народу.

Настоящий сборник — плод его великой любви к жизни.

Баубек пророчески предвидел свое будущее. Ему принадлежит следующая запись: «Недавно я стал очевидцем гибели в бою одного молодого поэта. Он сражался — героически и как герой умер. Перед смертью он вспомнил строки Байрона... Он оставил нам свой блокнот с просьбой передать его в издательство... Прощаясь с жизнью, он подумал о жизни своих стихов: ему хотелось жить после смерти. Жизнь для себя он увидел в стихах, которые будут читать люди...»

Настоящий сборник — продолжение жизни Баубека Булкишева.

Жизнь была святым понятием для Баубека. В рассказе «О жизни и о смерти» он писал так: «Как говорят у нас в восточных странах, человек — гость, пришедший в мир. Погостил немного — будь добр, не мешай, отправляйся обратно...» Но ведь человек не просто приходит в мир и не просто уходит: он оставляет после себя мысли, рожденные им, он оставляет наследие. Он приходит в мир Человеком и Человеком уходит...»

Баубек прожил совсем недолго, но и при этом его литературное наследие значительно. Он пришел в мир Человеком и Человеком ушел...

Большую часть своих произведений Баубек написал, находясь между жизнью и смертью — под пулями врага.

¹ Баубек Булкишев. Жизнь принадлежит нам. Казогиз. 1948 г.

Все состояния души человеческой пережил он, будучи на фронте...

Он писал: «Есть у меня и великая печаль. Хотелось бы, чтобы будущие исследователи понимали, как мы, живя в окопах, сражаясь с врагом, умели и горевать, и плакать, и радоваться, и смеяться, и ненавидеть...»

Печалью Баубека была его молодость. Печалью и болью... «Я свою молодость не променяю ни на какие другие блага в мире!» — говорил он. Он гордился замечательной молодостью, которой наделила его жизнь.

«Я — человек Востока, — писал он еще. — Солнце, которое всходит там, где мой край, весь долгий день обогревает меня. Оно всегда рядом...»

Солнце для Баубека — символ жизни, символ неувядающей молодости, согревающей его...

Еще не все стихи и рассказы Баубека Булкишева собраны. Много и писем, которые он писал товарищам, друзьям... Их следует собрать — все.

Он был пламенным поэтом и писателем, провозглашавшим любовь к жизни: «Время наше, друзья!» — говорил он. Это было лозунгом его жизни и его творчества...

Люди, подобные Булкишеву, достойны памяти...

*«Социалистик Казахстан»
17 июня, 1949 г.*

КУРМАНБАЙ ТОЛЫБАЕВ

ДОРОГОЕ НАСЛЕДИЕ

Эта небольшая книжка в белом переплете попала мне в руки двадцать восемь лет назад. Это было зимой 1948 года. Я работал в редакции журнала «Одак» («Союз»), он только-только начал выпускаться в городе Кульдже.

Специального журналистского образования у меня не было, и я — читал... читал... Читал, чтобы писать самому. Учился писать.

Книжка, которую я купил в ту зиму, называлась — «Жизнь принадлежит нам». Автор — Баубек Булкишев. Издана она была к 30-летию Ленинского комсомола. Для меня это было очередное «учебное» пособие...

¹ Это — первая рецензия на сочинения Б. Булкишева.

Книга увлекла меня сразу. Восхитил язык — ясный, сочный, колоритный. Поразили мысли — глубокие, цельные, искренние. Книга как бы говорила со мной... Я просидел за ней до рассвета...

Бабушка за утренним чаем спросила:

— И когда это твоя учеба кончится? Всю ночь за книжкой.

Дядя вступился за меня:

— Электричества, что ли, жалко?

— Да что там это...— Бабушка махнула рукой на электрическую лампочку.— Себя же изводит. А теперь вот на работу пойдет... Десять лет проучился — мало, что ли?..

Дядя не выдержал, рассмеялся.

— Учиться — колодец иголкой рыть. Не зря так говорят. Вот и он **ИГОЛКОЙ** колодец копает...

Я молчу. Дочитываю книгу. По ходу места подчеркиваю — особенно впечатляющие.

Редко такие книги попадаются...

Замечание дяди мне понравилось. Говорю:

— Скажите, пожалуйста, боитесь ли вы смерти?

— Да кто же не боится ее?— рассмеялся он снова.— Все боятся.

— А вот и не все... Послушайте, что здесь написано: «Мы родились на войне, на войне и умрем. В борьбе родились, в борьбе и умрем. И все это ради вас, молодые!» Видите, и смерти не боятся. И за что умрет — знает.

— Ради птенчика и воробушек на смерть пойдет. А ради Родины гибнет — батыр!..

— Не знаю, батыр он или нет, а вот такие слова...

— Такие слова батыра достойны. Он не только воин, он — герой. Он — сын своей Родины.

— Послушайте еще: «Пусть человек живет как человек, человеческий мир по сути своей должен быть человеческим. Мы за это воюем и за это не пожалеем своих жизней. В борьбе за жизнь мы не страшимся. Мы — презираем ее!..» Каково?

— Погоди-погоди...— дядя призадумался.— Действительно, слова, как бы тебе сказать... Ну-ка, почитай еще...

— «Смерть бывает разной: кто-то замерзает, кто-то — сражаясь из-за девушки, кто-то — из-за болезни... Услышишь про такую смерть и только посочувствуешь погибшему. Но есть погибель, перед которой и голову преклонить можно!.. Это — гибель героя на фронте...»

— Да, народ поклоняется батырам. Автор этих

строк — и сам батыр. У него сердце батыра... Это по словам видно...

Дядя замолчал. Я был доволен впечатлением, произведенным на него. Спросил:

— Объясните, пожалуйста, что такое жизнь?

— Жизнь?.. Это когда живешь... Человек хочет радостей, интереса в жизни, человек любить хочет — жену, мать, ребенка... Он и попечалиться может... Это все — жизнь. Умрешь — ничего не будет.

— Мало. Жизнь этим нельзя ограничивать. Послушайте еще: «Что такое жизнь? Человек только родившийся открывает дверь в мир и встает на первую ступень. Перед ним — полная поворотов долгая дорога — дорога жизни. Человек по ней то вверх поднимается, то спускается вниз, снова идет вверх. Он спешит, он стремится вперед. Он бодр, жизнерадостен. Он понимает, что когда-то, где-то эта дорога должна кончиться. Но он не боится этого. Ему дорога сама дорога — с ее бесчисленными поворотами. Вечная жизнь — в смене поколений, проходящих по этой дороге, в непрерывном обновлении...»

— Слова ученого... Мы что... мы видим что видим-простой народ...— Дядя отчего-то почувствовал себя виноватым.— Вот у кого вам учиться надо. Читай-читай...

С тех пор прошло много лет. С тех пор эта маленькая книжка всегда со мной. Я храню ее как самое дорогое для меня наследие. Товарищи и друзья не раз просили ее у меня, и все-таки она осталась у меня — не мог я с ней расстаться, поскольку она стала для меня своего рода проводником в жизни. Всем, что во мне есть хорошего и достойного, я обязан, пожалуй, Баубеку, ибо в его лице я увидел старшего брата — гражданина, примеру которого я мог следовать смело...

И сейчас я почитаю долгом заглядывать иной раз в эту книжку..

1976 г.

АНУАР АЛИМЖАНОВ

ВСЕГДА НЕОБХОДИМАЯ КНИГА

«Когда беда над головой, и в сапогах реку вброд перейдешь»,— говорят в народе. Это значит — народ не пожалеет себя для победы, какие бы трудности перед ним ни встали. Так было и в прошедшей войне. У фашистов, подмявших под себя Западную Европу, разгорелся аппетит, и

они обрушились неожиданно на страну Советов. Они уничтожили памятники многовековой культуры человечества, сожгли на кострах древнейшие манускрипты. Тем самым они зарекомендовали себя злейшими врагами общечеловеческой культуры. Они поставили себе задачей стереть с лица земли целые народы и страны. Нет счета людям, замученным фашистами в концлагерях. Сотни тысяч матерей и **МИЛЛИОНЫ** детей были отравлены в газовых камерах. Сколько среди этих погибших миллионов еще не успевших раскрыться Шопенов и Шаляпиных, Эйнштейнов и Королевых!..

Фашизм не победил, да он и не мог победить. Потому что он был чужд всему человеческому в человеке. Он стремился убить мечту. Он был врагом ума. Потому он стал палачом человечества. Потому в борьбе против фашизма взрывной волной выплеснулось наружу самое достойное в человеке — его желание жить, творить, ибо человек рожден созидать...

Баубек Булкишев, рожденный на земле Казахстана, был не только солдатом — он еще был поэтом, он еще был гражданином. Он любил жизнь...

С письмами Баубека Булкишева в «Комсомольской правде» я познакомился случайно, будучи еще студентом. Я был занят дипломной работой и долгими днями пропал в библиотеке им. А. С. Пушкина... Попалась мне в руки пожелтевшая подшивка «Комсомольской правды» военных лет, прочитал я в ней одно письмо Булкишева... Прочитал — стал искать второе... А потом стал собирать сведения о самом Баубеке...

Эти письма взволновали меня — они были как вечная песнь красоте, добру и любви...

Фронтная публицистика Баубека Булкишева сродни поэзии. Его письма — воистину талантливые вещи, исполненные высокой художественности. Это — публицистика, основанная на жизни, на любви, — не только поэзия, она еще и философия во всей своей глубине и содержательности.

В этих письмах — сам Баубек, мы точно видим его воочию. Как говорил английский поэт и художник Блейк, возможно через миг увидеть вечность, через песчинку — широту мира, через лепесток цветка — красоту неба... Мне кажется, эти слова могли бы стать посвящением к жизни Баубека...

Писатель-фронтовик Саурбек Бакбергенов вспоминает Булкишева так:

— «Комсомолку» со статьей Баубека мы всегда ожидали с нетерпением, искали ее. А как находили — читали, передавали из рук в руки. Потом вырезали ее из газеты и вешали на стенку землянки...

Талант Баубека Булкишева впервые дал о себе знать на фронте, в окопе...

«Комсомолка» — тоже с нетерпением — ожидала писем Баубека..

Одно письмо, второе, третье... Потом — писем не стало. Потому что начатое письмо осталось незаконченным. Песня — оборвалась. Поэт-гражданин, мечтавший жить, был убит фашистами.

Талант, только пробудившийся, не успел проявиться в полную силу..

Но он остался в памяти товарищей по оружию, в сердцах солдат, в душах многочисленных читателей — вечно молодой, вечно солдат, вечно поборник Добра и Справедливости.

...Прошло много лет с тех пор, как я впервые прочитал письма Баубека, как сам написал статью, посвященную Баубеку. Теперь в руках читателей — объемная книга. Книга самого Баубека, вновь собранная, дополненная... Книга о нем самом, о Баубеке...

Составитель этой книги — Сейлхан Аскарлов — достоин уважения за свой многотрудный подвиг, поскольку это, действительно, подвиг — одарить новые поколения читателей наследием человека, имя которого будет вечно в наших сердцах. По документам и воспоминаниям современников Сейлхан Аскарлов создал для нас бессмертные образы девушек-героинь Маншук Маметовой и Алии Молдагуловой. Мы благодарны ему за это. Теперь перед нами — облик пламенного Баубека. Мы обязаны признать в Аскарлове талант настоящего труженика, талант подлинного исследователя... Мы рады, что он — наш современник...

Сейчас, когда сердца людей полнятся тревогой, когда народы мира самоотверженно борются за мир, когда в разных уголках планеты — то на Ближнем Востоке, то в Южной Атлантике — погромыхивают пушечные залпы, когда над планетой нависла опасность ядерной войны, для нас, для всех людей на земле такие книги особенно необходимы. Такие книги необходимы и твоим, и моим детям. Потому что подвиги героев, подобных Алие, Маншук, Баубеку, — урок, который способна дать одна лишь жизнь...

1984 г.

ОТЗВУК ГРОЗОВЫХ ЛЕТ

1 мая 1942 года в газете «Комсомольская правда» под рубрикой «Записки молодого казаха-фронтовика» появилась взволнованная исповедь Баубека Булкишева «О жизни и смерти». Это было пламенное слово советской публицистики тех лет. Слово Баубека отныне становится популярным среди союзной молодежи. Его выступления в печати привлекают полнотой чувств. Он их выражает на общем для всех нас русском языке.

Говоря о развитии казахской советской литературы в годы Великой Отечественной войны, мы в первую очередь обращаемся к именам Касыма Аманжолова и Баубека Булкишева. Один — в стихах, второй — в прозе тонко чувствовали жизнь, вдохновенно воспевали ее. Как художники, они были едины по мысли, по идее, по духовному миру. Потому един и лейтмотив их сочинений — пламенных стихов Аманжолова и фронтовых очерков Баубека Булкишева.

В грозный для Родины час, когда решался вопрос о жизни или смерти, Баубек Булкишев сумел сказать на всю страну: «Я хочу жить!..» Сердце, умеющее любить, умеет и ненавидеть. Потому фронтовые чернила, которыми писал Баубек, стали кровью его сердца — огненные слова из-под его пера давали духовную силу людям.

Сочинения Баубека Булкишева глубоко патриотичны. Родина для него — объемное понятие, включающее в себя не только родную казахскую степь, но и заснеженные фронтовые дали, на которых он сражался. Источник патриотизма Баубек видит в нерушимой дружбе советских народов.

В одном из писем, которое Баубек пишет из окопа, он сообщает: «Недавно в газете я прочитал о том, как целовали украинскую землю казахи, освободившие ее. Это было где-то под Харьковом. Читали мы это с одним парнем, украинцем. Обнялись тут же, расцеловались, всплакнули даже. Мы — воины. Как бы ни глумился над нами враг, он не мог нас заставить плакать. Но тут мы заплакали...»

Для советских людей Родина — одна, это — Страна Советов. Потому Баубек пишет «Письмо сыну Востока», восклицает: «Слушай, Кавказ!..» Сжигаемые немецкими фашистами русские села, украинские хутора, аулы и де-

ревни Кавказа одинаково близки и дороги Баубеку, как родная ему Сарыарка.

Жизненность литературного наследия Булкишева — в его глубоких мыслях о будущем поколении, которому он предрекает счастливую жизнь. Он внес весомый вклад в дальнейшее развитие казахской литературы. В истории литературы, в великой фронтовой истории народа имя Баубека Булкишева — вечно.

1975 г.

КАМАЛ СМАИЛОВ

УРОКИ БАУБЕКА

У меня воспоминаний о Баубеке не так уж и много — больше раздумий о нем. Мне было всего лишь 3-4 года, когда Баубек из далекого Карсакпая отправлялся в Алматы...

Помню, приезжал он однажды летом к нам в аул и навез мне много игрушек...

Все остальные воспоминания, естественно, связаны с военными годами. Знаю, что на имя моего отца приходили фронтовые треугольники, неизменно начинавшиеся с обращения «ага», и письма-открытки с конечным примечанием ВЦ. Оказывается, я и ответы писал на эти письма. Узнал об этом позже из писем Баубека к Мукану Иманжанову. Так, в одном письме говорилось так: «Младший сын Сейтжана пишет мне, что твои статьи часто публикуются в «СК». Я этому очень рад». Что-то подобное было и в другом письме...

Я тогда учился во 2-3 классах. Стало быть, уже тогда я просматривал «Социалистик Казахстан» (я не очень хорошо это помню), ну а что газету «Октябрь балалары» выписывал постоянно и читал с интересом, это я хорошо помню!..

Еще в одном письме было такое (датировано 4 сентября 1941 года): «Получил письмо от Сейтжаи-ага. Говорит, ни о ком больше не думает, как о вас. Жалею, говорит, Вас...»

Этот Сейтжаи — мой отец, аульный учитель. Он учил и Баубека. Отец Баубека — Булкиш Байконыров (Байконыр и Смаил — родные братья) и мать — Батима были сведущие в грамоте люди.

Журналист Валерий Могильницкий в корреспонден-

ции под названием «Улица Баубека Булкишева», опубликованной в журнале «Жулдыз» (№ 3, 1983 г.), пишет так: «Юного Баубека опекал аульный учитель Сейтжан Смаилов. Это был щедрой души человек, добрый, открытый, отзывчивый. Не один Баубек, многие юные подростки аула обязаны Сейтжану Смаилову тем, что получили образование, нашли свое место в жизни, стали людьми...»

Слышать добрые слова о родном отце приятно для всякого...

В одном из своих рассказов в газете «Октябрь балалары» Баубек писал о своем ровеснике Отебае — писал шутя. Сейчас Отебай живет в том же ауле. Он — сын замечательного кузнеца Сахана Байбосынова, ковавшего некогда оружие для отряда Амангельды Иманова. Отебай и сам стал кузнецом, прожил хорошую трудовую жизнь...

Очень почитал также Баубек своего сверстника Мукаша, он был его другом. В войну они переписывались...

В настоящее время в Улытауско-Джезказганском районе из друзей Баубека, с которыми он учился в аульной школе, проживают Турсын Искаков, Карабай Турсынбаев. Они с любовью отмечают особенную даровитость юного Баубека, широту его интересов, доброту...

Большой радостью для нас было то, что и видный публицист Юрий Жуков не забыл нашего земляка, вспомнил про его пламенные статьи в «Комсомольской правде» военных лет...

До сих пор помню — в начале семидесятых годов известный журналист-исследователь Сейлхан Аскарлов принес на «Казахфильм» сценарий документального фильма о Баубеке. Режиссер Юрий Пискунов, который должен был снимать этот фильм, поехал на родину Баубека в Улытау (сейчас там — совхоз им. Амангельды Иманова, прежде — колхоз «Бирлик», аулы — Сарлык, Коргантас) и поговорил с людьми, знавшими его, в частности, с аксакалом Мукашем Бимагамбетовым, записал их воспоминания. После Улытау автор сценария и режиссер отправились в Москву, ту самую Москву, откуда пошла слава о Булкишеве как о пламенном публицисте.

Произошла встреча с Юрием Жуковым. В период, когда публиковались в «Комсомольской правде» выступления Баубека, Юрий Жуков заведовал фронтовым отделом газеты.

Это было удивительное интервью. Оно потом было полностью напечатано в газете «Ленинская смена».

Это — поистине чудесный взлет Баубека Булкишева,

за шесть лет выросшего из простого аульного парня, не знавшего русского языка, в яркого публициста, пишущего на русском языке удивительно проникновенные статьи о высоких категориях в человеке.

Голос Баубека Булкишева прозвучал на всю страну. Это был одновременно и голос народа, возрадившего его...

Он погиб, когда до Победы оставалось всего лишь полтора года...

Баубек Булкишев постоянно думал о будущем. «Человек не просто приходит в мир,— писал он,— и не просто уходит, он оставляет после себя мысли, наследие из идей. Он человеком приходит в мир, человеком и уходит». Это было жизненное кредо Булкишева, его лозунг. Он мечтал оставить после себя хотя бы крохотную книжку. Он оставил замечательные публицистические статьи, стихи и поэмы, рассказы и незаконченный роман. Ценное наследие оставил Баубек, духовное наследие...

Он мечтал стать поэтом, писателем, композитором. «Я молод, я хочу жить,— говорил он.— Самая интересная жизнь еще впереди...»

Он рассуждал с позиций диалектики. Он говорил с немецким фашизмом от имени всего человечества. Да, Баубек — сын казахского народа, сын Казахстана. В каждой своей статье он говорит об этом. Говорит с гордостью. Казахстан был для него великой опорой — в войну девять пуль из десяти, направленных на врага, отливались из казахстанского свинца (Чимкентский свинцовый завод, работавший на руде Ачисая и Текели; Балхашский медеплавильный завод, работавший на руде Джезказгана и Конырата). «Перед моими глазами,— писал в те годы Баубек,— образ казахской женщины-матери, простирающей ко мне руки и говорящей: «Сын мой дорогой, моя судьба в твоих руках... Сын мой, охраняй родной край...»

Баубек продолжал свою мысль так: «Мы не имеем права быть плохими солдатами. Мы прошли одновременно две школы геройства. С одной стороны, это школа батыров Востока — Кобланды и Таргына, с другой стороны — школа русских полководцев — Суворова и Кутузова, Мы — дети народа, у которого есть Исатай и Махамбет, Амангельды и Абай...»

В одном из писем Баубек признался в любви к Алматы, обещал написать про нее книгу. Он начал свой роман — «Алмаатинцы». Это — первый по тому времени (и

сейчас!) роман об Алма-Ате... Он остался незавершенным...

Булкишева не следует считать только казахским публицистом-писателем. Тысячи писем, которые он получал в ответ на свои статьи со всех концов страны,— факт всенародного признания его творчества. Поэтому он достоин упоминания в ряду лучших публицистов военного времени — Константина Симонова, Ильи Эренбурга, Бориса Полевого... Ведь его замечательные публицистические выступления — «О жизни и о смерти», «Я хочу жить!», «Жизнь принадлежит нам», «Письмо сыну Востока», «Слушай, Кавказ!», «Коварство и любовь», — написанные в 1942-1943 годах, в те же годы были опубликованы... Это были самые плодотворные годы для Баубека ..

Достойный внимания факт — публицистика Баубека Булкишева не голословна. Это не просто красивые фразы, общие лозунги, это — глубокие, цельные мысли-рассуждения, подкрепленные конкретными примерами, мысли, пробуждающие в человеке чувство.

Его статьи — средоточие мысли, идеи, чувства...

Еще один урок Баубека — его умение брать высоту. Чтобы его читали все, он должен был владеть языком — русским языком! Он им владел. Безукоризненно. Но чтобы подняться на высоту, нужна еще и мысль. Высокая мысль! Баубек умел мыслить. Он поднялся на высоту всеобщего признания. До него казахов знали лишь благодаря жырам Джамбула...

Народ познается миром через своих талантливых сынов. Баубек Булкишев — один из таких сынов.

Сегодняшние публицисты — Ануар Алимжанов, Абдиджамил Нурпеисов, Олжас Сулейменов — получили мировое признание.

Это то самое стремление к высоте, которое было у Баубека Булкишева...

Жизнь и творчество Баубека Булкишева — особая школа мастерства для начинающих журналистов, великолепный образец для подражания. Быть таким журналистом — вдохновенным, эрудированным, плодотворным — мечта всякого, кто хочет писать...

Очень хорошо, что по инициативе Союза журналистов Казахстана и ЦК ЛКСМ Казахстана утверждена в целях поощрения молодых журналистов специальная премия имени Баубека Булкишева. Хорошо, что на родине Баубека в Улытауской средней школе, где он учился, есть пионерская дружина имени Баубека Булкишева, а в ауле

Сарлык и городе Джезказгане — улицы его имени. Хорошо бы иметь такую улицу и в Алма-Ате, любимом городе Баубека... Ведь это он первым среди казахских писателей начал писать роман об этом городе...

Уместна и идея С. Аскарлова поставить памятник Булкишеву в Алма-Ате.

Баубеку было бы 29 лет, вернись он живым с фронта... Он с головой бы окунулся в литературную работу.

Многие, особенно молодежь, видят в его лице великого писателя, каковым он мог бы стать...

Да, он был компетентным во многих вопросах. Он много знал — не понаслышке, а потому, что читал сам. Он мог бы стать зрелым писателем... Освоить какой-то жанр, любимый... Он писал бы на обоих языках — на русском и на казахском... Подобно Олеся Гончару и Юрию Бондареву, Чингизу Айтматову, Василию Быкову, раскрыл бы философские, моральные, психологические аспекты войны как таковой...

Мог бы... В этом нет никакого сомнения.

Сожалеть о прошлом — непроизводительная затея.

То, что он был — такой — уже радость, уже утешение...

1985 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Известно, что опубликованные в 1942—1943 годах в «Комсомольской правде» публицистические выступления Баубека Булкишева обратили на себя внимание и Мухтара Омархановича Ауэзова. По этому поводу поэт Аскар Токмагамбетов рассказывал следующее. «В годы войны мы, писатели, жили в доме № 5 по улице Калинина. Моими соседями были Мухтар Ауэзов, Абдильда Тажибаев и др. О новостях на фронте мы зачастую узнавали друг от друга.

Как-то мне позвонил Ауэзов.

— Аскар, ты читал? — спросил он сразу. — В «Комсомольской правде» статья Баубека Булкишева — «Я хочу жить!» По-моему, очень хорошо. Очень талантливый джигит. Хорошо бы, живой пришел с войны — писатель из него будет. Талант! Какие слова, какие мысли... Какая глубина... Мне очень понравилось... Прослезился даже. Расчувствовался...»

Баубек Булкишев не вернулся с фронта. Он погиб 3 февраля 1944 года, освобождая от немецко-фашистских захватчиков землю Украины..

Почти все произведения и письма Баубека Булкишева в данном предлагаемом вниманию читателей сборнике снабжены необходимыми пояснениями, так что повторяться, я думаю, нет смысла. Скажу прежде о сборниках Булкишева, выходявших ранее.

Первый сборник — «Жизнь принадлежит нам» — вышел в феврале 1943 года с таким эпиграфом: «Смерть немецким оккупантам!» Библиотека красноармейца». Составитель и редактор этого сборника — Габит Мусрепов. В сборник вошли следующие произведения Булкишева: «О жизни и о смерти», «Я хочу жить!», «Жизнь принадлежит нам!», «Письмо сыну Востока», «Слушай, Кавказ!» (объем — 1,2 п. л., тираж — 10 тыс. экз.)

Одноименный второй сборник Булкишева увидел свет в 1948 году. Выпустило его Казахское объединенное государственное издательство в объеме 3 п. л., тираж — 10 тыс. экз. Составитель этого сборника — М. Иманжанов, переводчик прозы с русского языка на казахский — Г. Мусрепов, редактор — Г. Мусрепов. Эта книга состояла из двух частей. В первой были собраны написанные в разное время 22 стихотворения Баубека, во второй — наряду с перечисленными выше прозаическими произведениями новый публицистический очерк — «Коварство и любовь».

Третий сборник произведений Булкишева носит название — «Вечно неугасимая жизнь». Он вышел в 1965 году в издательстве «Жазушы». Составитель — Д. Абилов, редактор — М. Сундетов (объем — 5,91 п. л., тираж — 12 тыс. экз.). Публиковались лишь прозаические произведения автора. Дополнительно к названным выше статьям и очеркам печатался новый, оставшийся незавершенным роман «Алмаатинцы». Предисловие этому изданию написал Г. Мусрепов.

Четвертый сборник произведений Булкишева под названием «Письмо человечеству» появился в издательстве «Жалын» в 1977 году. Его составители — кандидаты филологических наук Р. Идрисов и Р. Рустембекова-Иманжанова, редактор — Д. Исабеков (объем — 11 п. л., тираж —

35 тыс. экз.). В этот сборник вошли стихи и прозаические произведения, включенные в сборник 1948 года, а также публиковавшиеся в разное время в газетах «Лениншил жас», «Октябрь балалары», «Социалистик Казахстан» одиннадцать новых стихов, пять статей-очерков, отрывок из поэмы «Айсулу».

Как видите, с каждым новым изданием сборники пополнялись новыми, ранее не видевшими света произведениями. Дело, разумеется, не в объеме и тираже сборников, а в их содержании. Преследовалась лишь одна цель — донести до молодого поколения творческое наследие Баубека. Весь тираж издания 1943 года целиком был отправлен на фронт, так что читатели в тылу, литераторы и журналисты практически остались без книги.

Первые рецензии в республиканской периодической печати на творчество молодого, безвременно ушедшего из жизни таланта появились лишь в 1949 году — после выхода в 1948 году второго сборника произведений Булкишева. Автор первой рецензии — известный литературный критик и журналист Сейдильда Толешев. Опубликована рецензия в газете «Социалистик Казахстан» 19 июля 1949 года.

4 марта 1959 года, накануне I съезда журналистов Казахстана, в газете «Казахстанская правда» вышла статья Ануара Алимжанова «Жизнь принадлежит нам!» с глубоким, обстоятельным анализом жизни и творчества Баубека Булкишева.

Были в республиканской периодике и другие рецензии, статьи, исследования. Все это в конечном счете способствовало популяризации творчества Булкишева — писались дипломные работы, кандидатские и докторские диссертации.

Получили возможность ознакомиться с творчеством Булкишева и казахи, проживающие за рубежом. Так, один из авторов данного сборника — Курманбай Толыбаев — приобрел очередную книжку Булкишева, будучи гражданином Китайской Народной Республики. В настоящее вре-

мя Толыбаев проживает в СССР, он — член Союза писателей Казахстана...

Настоящий сборник произведений Баубека Булкишева — первый на русском языке. И составитель, и издательство «Жалын», предлагая его на суд читателей, надеются услышать пожелания, предложения по поводу сборника.

Издание значительно дополнено и расширено.

*Сейлхан АСКАРОВ, лауреат премии
Союза журналистов СССР.*

СОДЕРЖАНИЕ

Письма из бессмертия	5
Пламенный публицист	10

Часть первая

Публицистические статьи, написанные за период 1942—1944 гг.	32
Жизнь принадлежит нам. Перевод <i>Г. Шангитба- евой</i>	32
О жизни и смерти	35
Слушай, Кавказ!	38
Письмо сапера-пехотинца при передаче дзота	40
Письмо сыну Востока	42
Я хочу жить	48
Я люблю украинку	53
Пояснения	55
Письма от Баубека. Переводы <i>У. Молдахметова, Г. Шангитбаевой, С. Андагуловой</i>	56
Наследие потомкам	56
Письма Баубеку	115
Алмаатинцы (роман). Перевод <i>Г. Максимова</i>	127
Предисловие	127
Часть первая	
Случай на улице	128
Прощай, алгебра	132
Дом № 139	134

Помыслы матери — в детях, детей — в свободе	137
Первый вечер	138
Печальное известие	143
Книги и мысли	146
Побежден	151
Неоконченная драма	157
Соседи	161
Ангел	163
Незабываемый случай	167
Что ищешь, то найдешь	179
Расплата за гордость	186
Кто в ответе	190
Часть вторая	
Первый день	198
Урок скромности	203
В памяти	206
Тетушка Жамал	214
Пояснения к роману «Алмаатинцы»	215

Часть вторая

Стихи 1940—1943 годов. Перевод <i>Р. Тамириной</i>	
Другу	218
На Балтике	218
Две судьбы	220
Смерть героя	221
Я иду	222
О батыры, батыры!	222
Письмо другу	224
Пояснения	228
Ранние стихи. Перевод <i>А. Соловьева</i>	
Сокол	232
Как меня пристыдил Пушкин	233
Майская песня	235
У могилы матери	235
Любимая	237
Моя мать — истина	238
Счастливый гость	239
Герой	243
Закончил учение	244
Когда стану взрослым	245
Овчарка-медалистка	245
Песня ученика	246
Великий поэт	247

Малыш	247
Пушкину	248
Золотой родник	248
Пионеры, вперед!	249
До свидания, два сокола	250
Джамбул	251
Сладкая песня	251

Поэмы

Священная ночь	252
Айсулу. Перевод <i>О. Жанайдарова</i>	255
Пояснения к поэме «Айсулу»	299

Воспоминания друзей... товарищей...
близких...

<i>М. Иманжанов.</i> Баубек Булкишев. Перевод <i>Л. Космухамедовой</i>	301
<i>М. Бимагамбетов.</i> Наш Баубек Перевод <i>С. Андагуловой</i>	305
<i>Г. Байгышканов.</i> Он был хваткий в учебе. Перевод <i>Л. Космухамедовой</i>	311
<i>А. Токтыбаев.</i> Он хотел учиться. Перевод <i>Л. Космухамедовой</i>	312
<i>Д. Азербаетов.</i> Нас воспитывал Ленинский комсомол. Перевод <i>Л. Космухамедовой</i>	313
<i>К. Азанова.</i> Баубек был добр. Перевод <i>Л. Космухамедовой</i>	314
<i>А. Сарсенбаев.</i> Он любил жизнь. Перевод <i>Л. Космухамедовой</i>	316
<i>Т. Онгарбаев.</i> Что я помню. Перевод <i>Л. Космухамедовой</i>	322
<i>Б. Сагындыков.</i> Каждый раз я встречаюсь с ним. Перевод <i>Л. Космухамедовой</i>	323
<i>Г. Абишев.</i> Баубек вечно в моей памяти. Перевод <i>Л. Космухамедовой</i>	325
<i>А. Токмагамбетов.</i> Если он вернется с войны. Перевод <i>С. Андагуловой</i>	327
<i>А. Елшибеков.</i> Пламенный патриот. Перевод <i>Л. Космухамедовой</i>	331
<i>М. Иманжанов.</i> Скорбь о друге. Перевод <i>В. Пацюка</i>	335
<i>М. Иманжанов.</i> Прощай, друг! Перевод <i>В. Пацюка</i>	340
<i>К. Сатыбалдин.</i> Дорогой друг. Перевод <i>С. Андагуловой</i>	344
Герой своего народа, мнения, суждения	

Ю. Жуков. Валентина Сакова. Вступительное слово к двум публицистическим статьям Баубека Булкишева, опубликованным в сборнике «Жизнь солдата»	347
Г. Мусрепов. Несколько слов о нем. Перевод Л. Космухамедовой	347
С. Толешев. Жизнь принадлежит нам. Перевод Л. Космухамедовой	349
К. Толыбаев. Дорогое наследие. Перевод Л. Космухамедовой	350
А. Алимжанов. Всегда необходимая книга	352
Т. Какишев. Отзвук грозных лет. Перевод Л. Космухамедовой	355
К. Смаилов. Уроки Баубека. Перевод Л. Космухамедовой	356
С. Аскарлов. Послесловие	361

Для детей старшего школьного возраста

БУЛКИШЕВ БАУБЕК

ЖИЗНЬ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ

Роман, письма, статьи, документы,
воспоминания

Перевод с казахского

Редактор Б. Муртазаев
Художник Н. Нурмухамбетов
Художественный редактор Н. Бубэ
Технический редактор Ж. Момынов
Корректоры Г. Шангитбаева, Г. Нуржацова

ИБ № 2982

Сдано в набор 26.02.85. Подписано в печать 12.06.85.
Бумага тип. № 2. Формат 84×108¹/₂. Гарн. обыкновенная по-
вая. Печать высокая. Усл. п. л. 19,3+0,42 вкл. Уч-изд. л.
19,88. Усл. кр.-отт. 19,8. Тираж 20 000 экз. Заказ № 2153.
Цена 1 р.

Издательство «Жалын» Государственного комитета
Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.
Фабрика книги производственного объединения поли-
графических предприятий «Кітап» Государственного
комитета Казахской ССР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата,
пр. Гагарина, 93.